

К. М. БАЙПАКОВ, И. В. ЕРОФЕЕВА
В. А. ИНОЧКИН, С. С. КРИВОБОКОВА
М. Н. СДЫКОВ

Уралъск:

ДРЕВНИЙ И
СОВРЕМЕННЫЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

**Байпаков
Карл
Молдахметович**

Академик Национальной Академии наук РК, доктор исторических наук, профессор. Специалист в области средневековой археологии Казахстана и Центральной Азии. Его полномасштабные исследования таких памятников, как Отрар, городище Куйрыктобе, некрополь Костобе, буддийский храм на городище Койлык и многие другие расширили и обогатили источниковую базу древней истории Казахстана.

Почетный директор Института археологии имени А. Х. Маргулана МОН РК. Научный консультант компании "Археологическая экспертиза". С 2011 года председатель общественного объединения "Казахстанское археологическое общество".

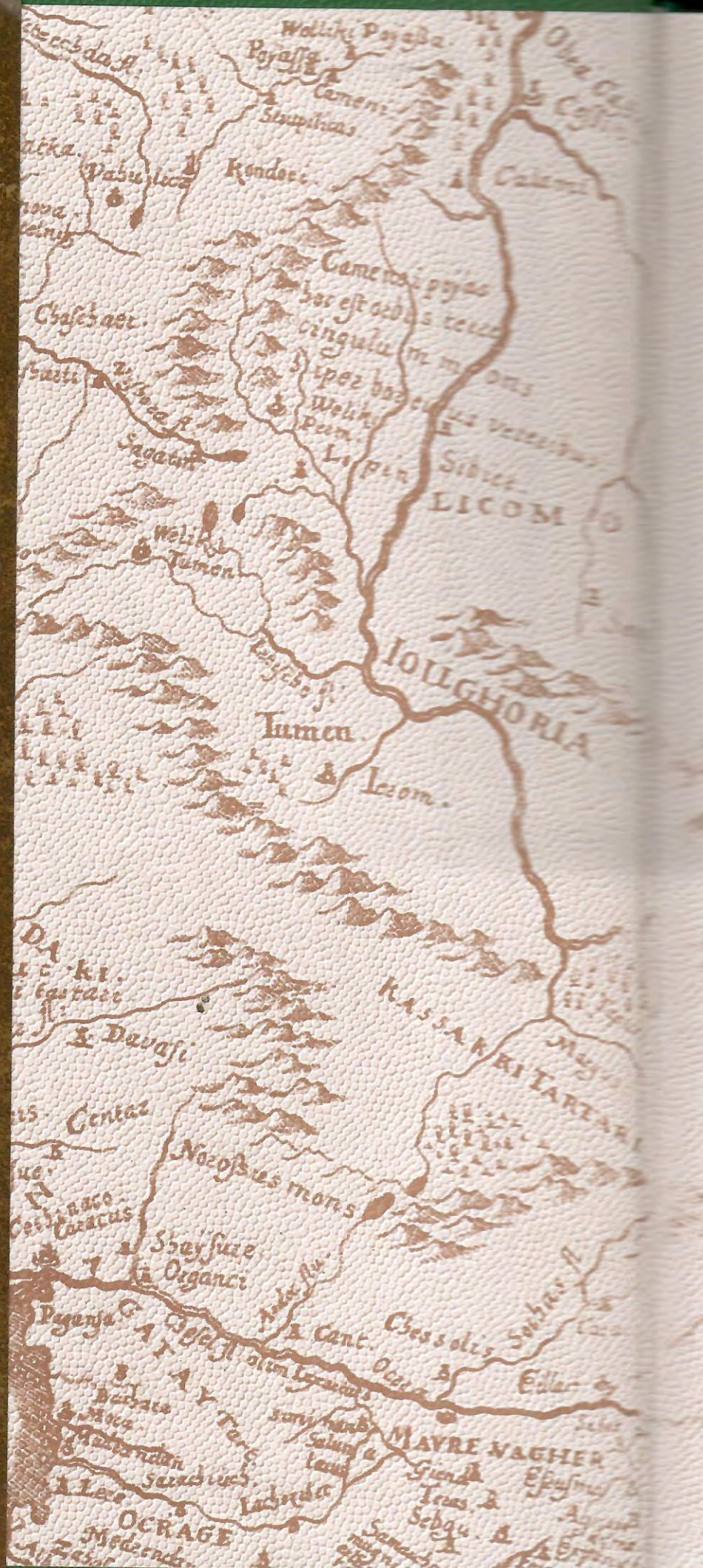
Автор свыше 30 монографий, 4 учебных пособий для археологии для вузов, 8 учебников для школ, 15 альбомов и свыше 550 научных статей в научных изданиях.

**Ерофеева
Ирина
Викторовна**

Кандидат исторических наук, доцент, научный сотрудник Национального центра археологии и источниковедения. Специалист по истории Казахстана позднего средневековья и современного времени.

Автор более 200 публикаций, в том числе 7 монографий.

COL Albat mons in
quo Regum Tartarorum
sepulchra sunt.

Sub Circo Arctico

Cavona

Annibi

Annibi
lacus

TANG
ex hoc regno
bazari in
peos desce

Camell

Indefecto Lop et B
homines in eis
et arabolico scri
Fuson. coadunduc

Desertum L

Care defectum per
quod in Chazarum
cunt ad edoune
Tartari.

KARARIT

est regna
baya.

SARAVAN

ENTLL

Tallo

L

T

**Иночкин
Вячеслав
Анатолевич**

Исследователь – краевед, начальник управления архивов и документации Западно-Казахстанской области.

Автор более 120 публикаций по истории Западного Казахстана XIX – XX веков, в том числе 7 крупных изданий. Специалист в области архивного дела.

**Кривобокова
Светлана
Семеновна**

Кандидат исторических наук, доцент.

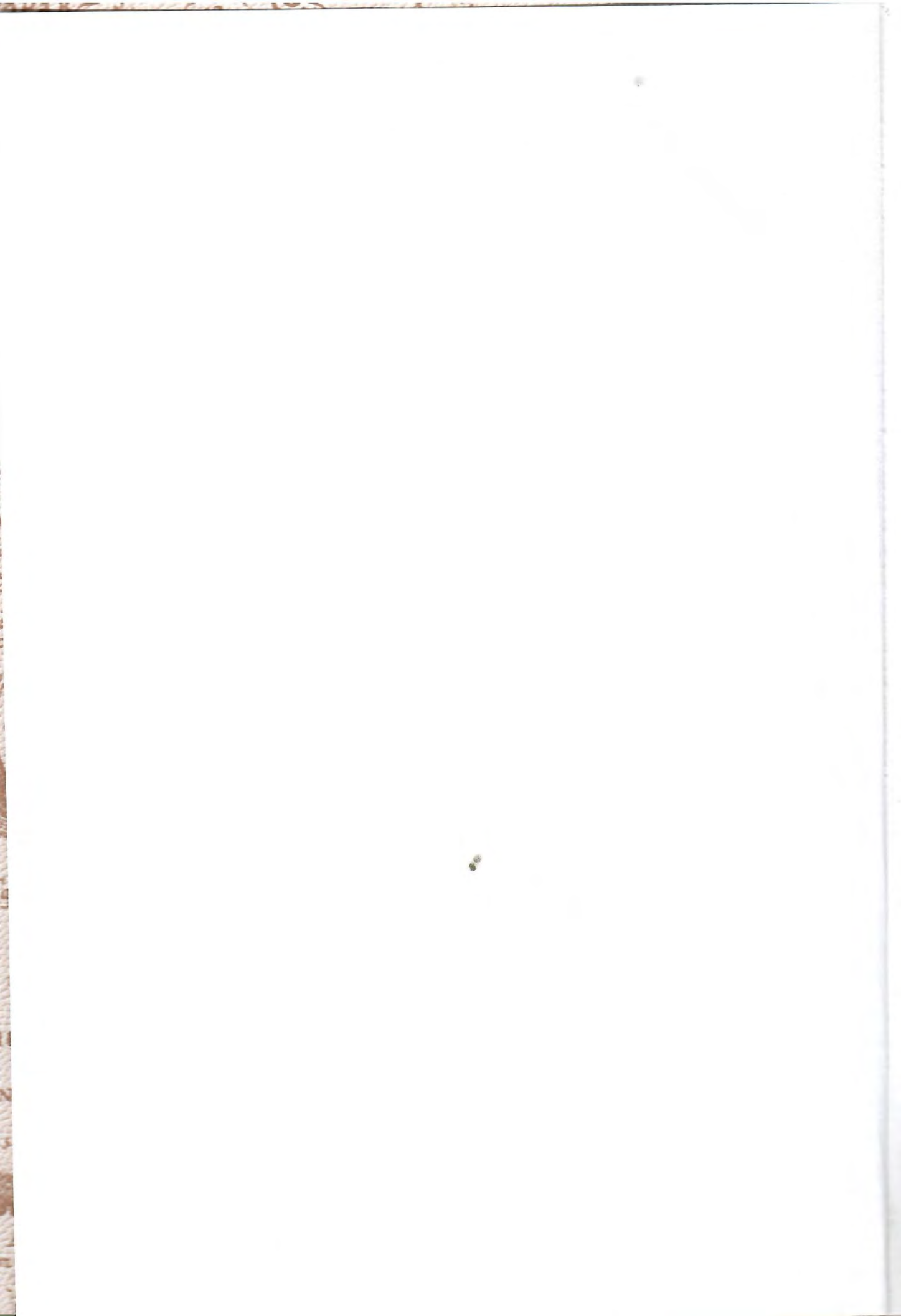
Автор более 80 работ, в том числе 3 монографий. Специалист по истории Казахстана XIX – первой половины XX веков.

**Сдыков
Мурат
Наурызгалиевич**

Доктор исторических наук, профессор. Директор Западно-Казахстанского центра истории и археологии. Специалист по отечественной истории, археологии и исторической демографии.

Автор более 300 научных работ, в том числе 11 монографий, 6 учебных пособий для вузов, главный редактор научного журнала «Вопросы истории и археологии Западного Казахстана».

Батыс Қазақстан облыстық тарих және археология орталығы
Западно – Казахстанский областной центр истории и археологии

К.М.БАЙПАКОВ
И.В.ЕРОФЕЕВА
В.А.ИНОЧКИН
С.С.КРИВОБОКОВА
М.Н.СДЫКОВ

УРАЛЬСК: ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

Уральск – 2012

УДК 902/904
ББК 63.4 (5 Қаз)
У68

*Рецензенты: доктор исторических наук, профессор Абусеитова М.К.,
доктор исторических наук Бекназаров Р.А.*

Под общей редакцией
доктора исторических наук,
профессора Сдыкова М.Н.

Авторский коллектив: Сдыков М.Н. - (введение; глава 1, глава 4 (2), заключение); академик НАН РК, доктор исторических наук, профессор Байпаков К.М. - (глава 2); кандидат исторических наук, доцент Ерофеева И.В. - (глава 3); кандидат исторических наук, доцент Кривобокова С.С. - (глава 4 (1)); Иночкин В.А. - (глава 5).

У68 Уральск: древний и современный: Очерки истории - Уральск, 2012. - 384 стр.

ISBN 978-601-7356-24-8

Данная монография - первый коллективный труд по истории Уральска. Книга состоит из серии исторических очерков, рассматривающих проблемы формирования и развития городской культуры в Западном Казахстане, начиная с первых свидетельств о существовании города и до современности. Дан анализ историографии и обзор источников по данной проблеме. Приведены материалы археологических исследований городища «Жайык», позволяющие утверждать о возникновении города на Урале уже в XIII - XV веках. Освещены наиболее узловые этапы развития Уральска в XVIII - XIX веках. Отдельно исследованы процессы этнодемографического развития населения. Показаны перемены в развитии города, произошедшие в XX столетии. При освещении истории Уральска использованы данные ряда смежных научных дисциплин.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, увлекающихся историей родного края, учителей школ и преподавателей вузов, учащуюся и студенческую молодежь, научных работников.

УДК 902/904
ББК 63.4 (5 Қаз)

ISBN 978-601-7356-24-8

© Батыс Қазақстан облыстық тарих және археология орталығы
Западно – Казахстанский областной центр истории и археологии

ПРЕДИСЛОВИЕ

История Уральска составляет неотъемлемую часть отечественной истории. Возникнув на стыке Европы и Азии, город пережил не одну смену исторических эпох. Он и сейчас является одним из крупных городов страны. Жители по праву гордятся своим городом, считая его одним из красивейших в Казахстане.

Уральск – город со сложной судьбой и с богатым прошлым, имеет свою историческую летопись. В дореволюционный и советский периоды исследователи по-разному и с различных позиций, исходя из уровня развития исторической науки, освещали историю города.

За последнее время Уральск значительно изменился, стал иным его архитектурный и культурный облик. Изменилось и наше понимание сущности и характера исторических процессов. К тому же, выросло не одно поколение новых уральцев, которые должны знать историю родного города в наиболее полном объеме. Поэтому в новейший период, когда происходит объективный процесс обращения к истокам и восстановления исторической памяти, необходимо обновление наших знаний о временах далеких и близких.

В казахстанской историографии проблема истории возникновения и развития городов стала рассматриваться с недавнего времени. Учеными: историками, экономистами, социологами и представителями ряда других наук - исследуются важнейшие вопросы формирования городской культуры, этапы и характер урбанизации, влияние городов на изменения социально-экономического облика общества.

Внимание уделяется истории городов, начиная с периода раннего средневековья и до современности. Археологами выявлены многие новые страницы в истории Казахстана, связанные с городами на караванных путях Великого шелкового пути и в период Золотой Орды.¹ Историками рассматриваются проблемы развития городов в новое и новейшее время. Больше внимания стало уделяться разработке теоретических аспектов формирования современной городской культуры в Казахстане.

В этой связи история Уральска - одного из старейших городов Казахстана - позволяет выявить в наиболее полном объеме исторический путь развития и становления как самого города, так и в целом городской культуры страны.

Данная монография впервые обращает внимание на многие новые исторические факты и события, преданные в прошлом забвению. К примеру, в данной книге археологи выдвигают новую версию образования города, обосновывая более древнее происхождение городской культуры на древнем Урале. Их точка зрения подтверждена находками последних лет - остатками городищ, многочисленными материальными памятниками старины, в особенности средневекового города, относящегося к эпохе Золотой Орды (XIII- XV вв.), расположенного непосредственно рядом с современным Уральском, всего в 12 км.

Ученые ссылаются на упоминания о древних городах, встречающиеся в сочинениях и картах европейских и восточных авторов X - XIV веков. На наш взгляд, в данном случае, важно не столько утверждение новой даты основания города, сколько формирование новых подходов в изучении исторического прошлого.

Уральск занимает в отечественной истории особое место и роль. С его становлением и развитием формировалась городская культура всего нашего региона, оказавшая свое воздействие на развитие городов в целом Казахстана. Напомним, что в дореволюционный период вплоть до 1917 года Уральск был самым многочисленным по населению городом страны.

История города не проста настолько, насколько сложна его судьба, поэтому много споров и дискуссий ведется по различным вопросам исторического пути развития Уральска. Они порождены или недостатком сведений, или укоренившейся традицией, или ошибками предшествующих исследований и сочинений. Свое влияние оказали различные конъюнктурные соображения, как в дореволюционное, так и в советское время. В результате политически актуализирован был вопрос о возник-

новении и образовании города.

Поэтому данная коллективная монография является первой попыткой рассмотреть историю города с позиций различных научных дисциплин, не замыкаясь в рамках одной истории, максимально используя возможности комплексного подхода.

Книга составлена из 5 глав, каждая из которых является отдельным самостоятельным исследованием. В них рассматриваются, на наш взгляд, наиболее актуальные вопросы истории Уральска. Многие из проблем, поднятые авторами, впервые стали предметом научного изучения.

В первой главе (Сдыков М.Н.) анализируется историография проблемы и рассмотрены основные группы источников. Анализ начинается с определения степени изученности истории городской культуры Западного Казахстана и Уральска. Подчеркивается, что именно сведения исследователей и путешественников тюркского и домонгольского периодов обусловили более широкий подход к освещению истории Уральска. Историографический обзор первых письменных упоминаний о городах на Урале показывает, насколько непроста данная проблема, так как впервые о наличии городов на данной территории говорится уже в X веке. В монгольский период, во время существования Золотой Орды, упоминания в книгах европейских путешественников и купцов, а также в арабских и персоязычных сочинениях и работах носят уже более конкретный характер. Позднее в XVIII – XIX веках первые русские исследователи - П. Рычков, П. Паллас, А. Левшин приводят многочисленные примеры наличия памятников, свидетельствующих о существовании в степи более древней городской культуры.

Кроме проблемы хронологизации городской культуры в западном регионе, в первой главе анализируется целый ряд важных вопросов. Среди них, такие как развитие народонаселения в регионе, в том числе городского; изменение оценок процесса формирования Уральска в исторической науке в дореволюционное и в советское время; определение вклада отдельных исследователей в освещение истории города; характеристика используемых источников и т.д.

В данной книге впервые при освещении истории Уральска используются данные археологической науки – этому посвящена отдельная глава (Байпаков К.М.). Обращение к археологии вызвано необходимостью объективного анализа полученного значительного исторического материала по существованию городской культуры в Западном Казахстане в XIII - XV веках. В центре главы - результаты раскопок на городище «Жайык». Вы-

воды ученых доказывают, во-первых, более раннее существование города на территории современного Уральска; во – вторых, наличие культурных связей его с городами Золотой Орды, что подтверждается особенностями архитектуры, строительных конструкций, нумизматическим материалом и т.д. Использование данных археологии, безусловно, кардинальным образом меняет наше представление о древней истории края.

В следующей, третьей, главе (*Ерофеева И.В.*) рассматривается интересный и сложный период в истории Уральска. Опираясь на различные письменные источники, обосновывается другая, более ранняя, дата образования собственно Яицкого городка, как казачьего поселения. При этом основным фактором формирования этого поселения определяется характер взаимодействия поселенцев со Степью. Историю Уральска автор тесно увязывает с такими историческими процессами как распад Золотой Орды и становление Ногайской Орды, усиление русского государства и формирование яицкого казачества. Сложные этнополитические и социокультурные перемены в истории города рассматриваются до середины XIX века.

В четвертой главе (*Кривобокова С.С., Сдыков М.Н.*) утверждается, что новую страницу в истории Уральска начинают реформы 1868-69 годов, когда город становится центром Уральской области в составе Российской империи. Именно с этого времени, Уральск приобретает черты города, меняется его архитектурный и культурный облик, начинает складываться городское население. В отличие от известных предшествующих работ, анализу процесса изменения характера и функций города уделено основное внимание. В главе освещены многие ключевые события истории Уральска периода середины XIX – начала XX веков. Отдельным параграфом – рассмотрены вопросы этнодемографического развития, произошедшие в Западном Казахстане и Уральске. Главным итогом социально – экономических перемен того времени стал резкий слом прежнего патриархального образа жизни, развитие рыночных отношений, что привело к началу процесса модернизации общества, одним из главных проявлений которого стало формирование многонационального населения.

В заключительной главе книги (*Иночкин В.А.*) рассматривается советский период в истории региона и города. Сложность анализа событий этого времени состоит в том, что по истории советского Уральска научных работ было выпущено единицы. И все они были несвободны от излишней идеологизации, которая привела в итоге к неполному и искаженному описанию реальной действительности. Отдельные периоды истории

города вообще исключались из зоны внимания советских исследователей. Вызвано это было объективными условиями – господством соответствующих методологических подходов в исторической науке и наличием запретов на конкретные темы исследований. В частности, в официальной истории СССР игнорировались целые периоды в истории Казахстана, отвергались дела и чаяния национально-демократического движения Алаш, замалчивались судьбы уральского казачества и т.д. Поэтому при подготовке данной главы ставилась задача привлечения как можно более широкого круга источников, в первую очередь – сведений многих новых архивных фондов.

Авторы ставили перед собой задачу: раскрыть историю Уральска на фоне сложных общественно-политических и социально-экономических процессов, которые проходили на протяжении длительного исторического времени – от средневековья до современности. Судьбы города, культура и жизнедеятельность его жителей определялись контактами с окружающим внешним миром и обществом. Место, роль и значение города вырастали с изменением его статуса. Характер и функции Уральска определялись потребностью государства, в состав которого он входил. Было ли это торгово-ремесленное городское поселение, или военно-казачий городок, или административный центр области, всегда город соответствовал определенной исторической потребности и необходимости, выполнял определенное предназначение и функции.

* * *

В подготовке книги участвовали ученые и специалисты Института истории и этнологии им. Ш.Валиханова и Института археологии им. А. Маргулана Министерства образования и науки РК, Западно-Казахстанского областного центра истории и археологии. Впервые использованы методы не только истории, но и археологии, этнографии, демографии и других научных дисциплин. Все это позволило расширить проблематику исследования, выйти за рамки ограниченного подхода изучения сведений и событий, которые связаны с городом.

Ученые изучали архивные фонды в таких городах Казахстана и России, как Алматы, Москва, Казань, Уфа, Санкт-Петербург, Оренбург, Астрахань, Саратов и Самара. Привлекались специалисты ряда казахстанских и российских архивов. Все это позволило создать коллективную монографию, представляемую вашему вниманию.

Особую признательность за поддержку в подготовке и написании

данной книги авторы выражают акиму Западно-Казахстанской области Нурлану Аскарловичу Ногаеву.

В подготовке книги большое значение имела помощь управления культуры Западно-Казахстанской области, в результате которой стало возможным издание данной монографии.

Авторы надеются на пожелания и отклики читателей, которые будут учтены в дальнейших научных исследованиях.

Сдыков М.Н.

доктор исторических наук, профессор

¹ Маргулан А. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. – Алма-Ата, 1950; Байпаков К., Ерзакович Л. Древние города Казахстана. – Алма-Ата, 1971; Бийпаков К.М. Средневековые города Казахстана на Великом шелковом пути. – Алматы, 1998.

ВВЕДЕНИЕ

История Уральска неразрывно связана с судьбой региона, с судьбами народов, составлявших в разные времена его население, с предшествовавшими историческими процессами. Облик города, его функциональные характеристики, определяющие его предназначение, обусловлены множеством факторов, среди которых природная среда, этнополитическое и социокультурное окружение, исторические условия и многие другие.

Город изначально образовался на стыке кочевой и земледельческой культур, он - своеобразный результат их взаимовлияния. Именно это взаимовлияние и взаимозависимость определяли во все времена сущность самого города. Богатство Степи обусловило возникновение, развитие и процветание города. В своей истории он знал и тяжелые периоды, когда подвергался уничтожению, разграблению и пожарам. Однако вновь и вновь, несмотря на временные перерывы, он возрождался.

* * *

Историческая наука только в XX веке стала изучать вопрос о происхождении города на Урале с научных позиций. В XVIII - XIX веках, когда появились первые работы по истории Яицкого городка и Уральска, использовался узкий круг письменных источников, в основном из архи-

вов военного и дипломатического ведомств России. В работах Рычкова П.И., Палласа П.С. широко использовалась также устная информация современников, которая не всегда проходила тщательную фильтрацию на предмет достоверности указываемых сведений. В то время практически не привлекались зарубежные документы. Это было связано с целым комплексом объективных обстоятельств – отсутствие специалистов, особенно по восточным языкам; затруднения с работой в восточных и европейских архивах из-за неналаженности соответствующих отношений; уровень развития истории как науки, находившейся в начальной стадии развития; отсутствие целого ряда научных дисциплин, которые возникнут гораздо позже – археология, нумизматика, этнография, лингвистика, топонимика и т.д.

То есть узость источниковой базы, predetermined объективными обстоятельствами в XVIII – XIX веках, объясняет в какой-то мере существование различных оценок и выводов российских ученых по истории Уральска.

В советское время обращение к данной проблеме произошло только в 60-е годы XX века, но, в сущности, круг источников в основных работах исследователей того периода Герасимовой Э.И. и Чеснокова Н.Г. остался тот же – документы российских архивов.¹

В научных исследованиях новой волны отмечается комплексный подход к изучению истории городов, возникших в XIII – XVII веках.² Примером может служить деятельность Федорова – Давыдова Г.А., теперь уже всемирно признанного авторитета по проблематике средневековых городов, в результате которой на основе результатов многолетних археологических исследований практически из небытия была восстановлена история городов Золотой Орды.

В современных исследованиях уделяют важное внимание не только письменным источникам. Анализ политической истории теперь базируется на этнографических материалах и рассматривает экономику, быт и культуру. А также широко используется археологический, топонимический, нумизматический и лингвистический материал, на основе которого исследуются страницы средневековой истории.

Используя достижения современников, в первую очередь российских ученых, обратимся к проблеме возникновения города на Урале. Долгое время считалось, что Уральск образован в 1613 году. Однако это утверждение приходит в противоречие со многими широко известными документами того времени. В большинстве из них к этому времени город уже фигурирует как сложившееся казачье поселение (*первое упоминание*

относятся к 1580 году). Более того, во всех работах говорится о том, что городок несколько раз менял расположение, и только потом занял современное место нахождения. В мировой истории для отсчета истории города, как правило, принималось во внимание первое, самое древнее упоминание о нем. Название, месторасположение могло меняться, однако это уже было не начало процесса образования города, а его развитие.

Из многих дат именно эта – 1613 год, наш взгляд, была выбрана произвольно, без соответствующего научного обоснования. Доказательством этому служит тот факт, что впервые официально дата образования города была закреплена совместным постановлением Центрального Комитета Компартии Казахстана и Совета Министров Казахской ССР от 30 апреля 1964 года № 284 «Об ознаменовании юбилея 350-летия города Уральска Западно-Казахстанской области». В этом документе говорится: «1. Принять предложение Западно-Казахстанского крайкома и крайисполкома о проведении юбилея в связи с 350-летием города Уральска».

Таким образом, 1613 год как дата образования Уральска была утверждена только этим документом, которое было принято в ответ на обращение местных властей.

Об отсутствии серьезного научного обоснования говорит следующее:

Во-первых, приложения к данному решению, в котором бы излагалась логика утверждения данной даты, мы не нашли, то есть доказательств своего выбора партийные и советские органы не предоставили.

Во-вторых, постановление было принято в 1964 году, то есть через год после, казалось бы, официальной даты образования города. Если бы в практике Уральска существовала сложившаяся устойчивая многолетняя традиция празднования 1613 года как года основания, такой казус был бы невозможен. Следовательно, данная дата не отражает сложившейся традиции.

В – третьих, не нашли мы подтверждения данной даты и в дореволюционной литературе. Казалось 300-летний юбилей города должен был широко отмечаться в дореволюционной России, однако в «Памятной книжке - календаре» за 1913 год, выпускаемой губернатором Уральской области, нет никакого упоминания не то что о юбилее, но и о рядовом праздновании юбилея основания города. Не определились с датой и дореволюционные авторы. Бородин Н. в книге «Уральское казачье войско» приводит различные данные основания Уральска - по Левшину, Жуковскому, Витевскому, но сам не называет определенный год, а пишет о начале XVII века.³

И в-четвертых, на основании последних археологических открытий

мы можем сделать вывод о том, что город на Урале возник гораздо раньше, а именно в XIII веке. Время образования первого городского поселения на Урале доказывается на основании результатов археологических раскопок. Именно археология сейчас стала единственным инструментом получения достоверной информации по средневековому периоду.

Обнаружение алматинскими и уральскими археологами в 2001 году городища в 12 км. от Уральска, датированного после раскопок золотоордынским периодом – XIII – XV веками, позволяет ученым говорить о более раннем происхождении нашего города на Урале. Многолетние исследования показали, что это был крупный военно – административный и торгово – ремесленный город, возникший во время усиления Золотой Орды в XIII веке и функционировавший как центр улусного владения в системе этого государства. Город этот археологами условно назван Жайык.

Использование данных археологии и топонимики позволяет сделать вывод о том, что и этот город также менял место расположения. К примеру, на территории современного Уральска есть местечко, которое сохранило древнее название – Баскачкин мост (*Баскак – в Золотой Орде собиратель дани с подвластных народов*). Устойчивое сохранение данного топонима в памяти народной неслучайно. С XIV века с окончательным обособлением Золотой Орды от Каракорума функция сбора дани была передана улусным правителям. Улусная система правления и разделения государства была характерной для всех послемонгольских государств, в том числе и Золотой Орды.

Территория вокруг современного Уральска входила в тот период в один из таких улусов. А центр его был именно здесь на месте сбора дани, на удобном месте переправы через Урал. Об этом и говорит название местечка. Дело в том, что с приведением к окончательной покорности покоренных народов изменился и порядок оплаты дани. Теперь дань не собиралась, а привозилась подчиненными правителями к улусному хану. Поэтому место сбора постепенно превращалось в крепкое оседлое поселение, в котором накапливались огромные материальные и денежные средства, на часть из которых строился средневековый город. Вероятнее всего на этом месте было городское поселение, которое со временем переместилось в сторону, на то место, где нами сейчас обнаружены развалины средневекового городища.

Следовательно, обнаруженный нами город, с его крупными мавзолеями, с баней, с жилыми усадьбами, с печами для изготовления кирпичей и изразцов, возник в период расцвета Золотой Орды и составлял центр

одного из улусов этого государства.

Улусная система составляла основу Золотой Орды. Улусы создавались строго по принципу соблюдения близости культур родов и племен. В улусное владение отдавались не столько земли, а сколько народы, близость и родство которых облегчало управление огромными территориями. С момента образования государства и до распада в XV веке Поволжье оставалось личным владением, так называемым «доменом», ханов Золотой Орды. Остальные земли передавались по степени родства в улусные владения другим чингизидам. Такие «важные области, как Сарай и Дешт –и Кипчак, отдавались в распоряжение беклярбека и везиря»⁴.

Учитывая, что водоразделы крупных рек являлись в кочевом мире границами между значительными улусами, то территориально эти владения находились к востоку от Волги. Это обстоятельство отметил Гильом де Рубрук, сообщая о месте пребывания хана Батыея на одной стороне Волги, а его сына Сартака – на другой.⁵ То есть улусы разделялись между собою реками Днепром, Доном, Волгой и Яиком. Такое разграничение соответствует меридиональному характеру перекочевков, когда баланс водных и кормовых ресурсов степи на протяжении всего года распределен между сезонными пастбищами. Для каждой реки складывался свой, особый тип ведения кочевого скотоводства. Поэтому бассейн реки Яик от нижнего до верхнего течения, составлявший единый природно-экологический механизм, был заселен близкими родами, связанными между собой более тесными экономическими и культурными отношениями. Именно это обстоятельство принималось во внимание при разделении на улусы, как в Золотой Орде, так и в Мангытском юрте (Ногайском ханстве).

Важной причиной образования городов на Яике стал раскол улуса Джучи на ряд государств. Они начинают чеканить собственные монеты. В Золотой Орде хан Мангу – Тимур первым стал чеканить монеты от своего имени в 1270 –е годы. Улусные ханы надзор за действиями местных князей стали осуществлять сами. В результате огромный поток денежных и материальных средств, пленных ремесленников и рабов теперь остаются в улусах.

С этого времени начинается интенсивный рост городов Золотой Орды. Они появляются большей частью на Волге и на Яике – Сарайшык и Шакашик. Города возникают почти на «пустом месте» в степях, где до золотоордынских ханов были слабы традиции оседлости, и имелось очень мало поселений. Плотного оседлого сельского и ремесленного населения до монголов здесь не было.

Сами ханы – правители улусов стали создавать ремесленные мастер-

ские, вступать в кампании крупнейших торговцев, организовывать свои торговые караваны. Они с поспешностью строят новые города, стоняют сюда тысячи ремесленников из Средней Азии, Руси, Кавказа, Крыма и Болгара, и те в быстрые сроки возводят замечательные города на Ахтубе, по берегам Волги и Урала.

Среднее течение Урала представляло собой благоприятное сочетание удобных для земледелия пойменных низин, заросших лесом берегов реки и обширных степей, где можно пасти огромные стада и вольно кочевать. К тому же, здесь проходили торговые пути, ведущие с севера по Уралу и далее по Каспию на Волгу, в Закавказье, Иран и Среднюю Азию, и соединявшие Золотую Орду, Ак Орду и Русь.⁶

Степи вдоль реки Урал издревле населяли кочевники, входившие до монгольского нашествия в кипчакскую конфедерацию. Возникновение в конце XIII – начале XIV вв. городов в степной зоне привело к тому, что стало формироваться население, являвшееся носителем как бы двух стихий – кочевой, степной, и городской, ремесленно-торговой.

Средневековые города возникали на местах кочевок ханской ставки. Они были построены, прежде всего, как административные и военные центры – форпосты ханской власти. Возникали в исторически быстрые сроки, так как использовался труд многих пленных рабов.

В отличие от городов средневековой Европы, Руси и Средней Азии они выросли не в результате длительного экономического их развития, а возникли сразу и на местах, где не было традиций длительной оседлости. Городища в степной зоне не имеют подстилающего культурного слоя.⁷ Таким образом, распад улуса Джучи на самостоятельные ханства, проведение ими самостоятельной политики привели к экономическому росту через развитие торговли, ремесел, использование труда тысяч пленных и рабов, и традиционных форм хозяйствования.

В состав одного из таких улусов и входил средневековый Жайык. По мнению Г.А.Федорова – Давыдова «кочевые аристократы, державшие уделы в степи, обычно опирались на поддержку какого – либо города.»⁸

Интенсивные раскопки 1960-1980 гг., прежде всего столиц государства на Нижней Волге, создали золотоордынскую археологию и позволили реконструировать цивилизацию Золотой Орды. Эта цивилизация понимается как материальная среда обитания, условия и образ жизни, условия труда, производство и уровень техники, быт и культуры повседневной жизни, рассматриваемые сквозь призму социальных отношений и политического развития общества.

Золотая Орда представляла собой симбиоз двух миров – городской

цивилизации и степной стихии кочевников, со своей особой культурой и особым строем общества.⁹

Этот вывод имеет важное значение применительно к истории средневековой городской культуры Западного Казахстана, и конкретно к истории города Уральска. Еще 10 лет назад даже постановка такой проблемы рядом ученых не допускалась, а общественностью воспринималась скептически. Теперь, после открытия на территории области и начала раскопок в 3 новых городищах эпохи Золотой Орды, сомнения отпали. Города на Урале были и возникли гораздо раньше известного всем Уральска. А раскопки городища Жайык, находящегося в 12 км. от Уральска, позволяют говорить о более древнем возрасте нашего областного центра.

В основе нашего подхода к данной проблеме лежит понимание кочевой цивилизации как мифа, которому не чужд город. Это позволяет объяснить феномен возникновения и развития городской культуры в волжско-уральском регионе в период Золотой Орды. О том, что города были на Волге историкам хорошо известно. О том есть ли города на Урале, или Яике, в XIII–XV века до последнего времени существовали только упоминания на картах того времени и отдельные сведения в письменных источниках европейских и восточных авторов. Но реального подтверждения эти данные долгое время не имели ни в исторических, ни в археологических изысканиях.

Даже в работах ученых недавнего времени нет никаких сведений о городах на Урале. Так, в книге Егорова – известного исследователя Золотой Орды, выпущенной в 1985 году, приведена карта, на которой мы видим только один город на Урале – город Сарайшык (или Сарайчик)¹⁰.

Поиск городов на Урале стал одним из основных направлений работы нашего центра. Мы исходили из того, что бассейн Урала с его богатыми водными ресурсами и природно-климатической средой был благоприятным местом для создания оседлых поселений. Люди здесь жили давно и вели в основном кочевой образ жизни, подтверждением чему являются многочисленные курганы и курганные комплексы, раскинувшиеся по всему Западному Казахстану. Но существовали торговые и караванные маршруты, зафиксированное в письменных источниках, здесь проходили участки Великого шелкового пути, которые не могли обходиться без постоянных мест торговли и товарообмена, с одной стороны, а с другой, именно степняки были основными потребителями всех благ, представляемых торговлей.

Кочевая цивилизация в развитой ее форме предполагает постоянный контакт степи с городской культурой. Поэтому ведение кочевого

скотоводческого хозяйства, как установлено, не отрицает, а предполагает наличие городов, как центров ремесла и торговли, как мест зимовок и баз - убежищ в стратегически важных местах.

Российские ученые Паллас П.С., Рычков П.И. и другие обращали внимание на многочисленные памятники прошлого, развалины кирпичных строений, остатки каналов и многое другое, справедливо отнеся их к материалам городской культуры. В частности, о наличии золотоордынского поселения в междуречье Большого и Малого Узеня написал П.С. Паллас. Это указание оказалось верным и в 2006 году нами здесь были обнаружены развалины мавзолеев и жилых усадеб, раскопана кирпичеобжиговая печь.

К сожалению, ни в дореволюционной российской, ни в советской исторической науке данные сведения не использовались. Поэтому в учебниках прямо писали о незаселенных «ничейных» территориях вдоль реки Урал, которые как магнит притягивали к себе беглых крепостных, а также разбойный люд.

Как показала археологическая практика, сведения средневековых авторов, а также заключения ученых XVIII –XIX веков, писавших о городах на реке Урал, оказались верными. За последние три года обнаружены городище «Жайык», расположенное в зоне г. Уральска, и еще два города – городище «Сарыузен» в Жангалинском районе и городище «Жалпактал» в Казталовском районе, датируемые XIII-XIV веками.

Городище «Жайык». С юга и юго – востока территорию городища ограничивают склон речной террасы, а с других сторон - естественные овраги. Площадь, на которой прослеживаются явные следы застройки, составляет около 8 га. В 2-х км западнее городища на вершине Свистун - горы располагалось городское кладбище- некрополь, на котором выявлены многочисленные захоронения, имеющие отношение к самому городищу. Обнаружены два крупных мавзолея, остатки башни и следы ряда других построек.

Представить облик средневекового города Жайык можно, проведя аналогию с соседним Сарайшыком. Оба этих города существовали в одно и то же историческое время и располагались на одной реке.

Самый известный и древнейший город на Яике – это город Сарайшык, расположенный в 45 км. от Атырау. Это был один из крупных городов Золотой Орды, основанный в XIII веке. В 1580 году он был разграблен и сожжен яицкими казаками.

Сарайшык теперь широко известен. Имя города вошло в учебники, здесь создан музей. И теперь историю Казахстана мы не можем пред-

ставить без этого города. В результате многолетних исследований археологов установлено, что это крупный административный, торговый и ремесленный центр того времени. Город вошел в историю как столица Ногайской Орды и центр Казахского ханства при Касым - хане. Сарайшык упоминается в восточных сочинениях, русских документах, он указан на многочисленных картах XIII - XVIII веков.

В средние века известно его название как Сарайджук. Первоначально это был пункт для управления огромной территорией, поэтому первыми здесь появились дворцы и административные здания для знати. Впоследствии вокруг них стали вырастать жилища ремесленников, купцов, вольных жителей, то есть тех, кто обеспечивал функционирование и существование самого города. Появление и поселение их активно проводилось ханами, так как торговля и ремесла приносили постоянный и значительный доход в казну. Город быстро рос - прибыль от караванной торговли, военная добыча, дань с покоренных народов и большое количество дешевой рабской рабочей силы способствовали этому. Археологические исследования показали, что город имел хорошо разработанную планировку с улицами и площадями. Он возник на наиболее благоприятном месте, где раньше уже существовало поселение и была удобная переправа, то есть выбор определялся географическим положением и опытом предшествующих поколений автохтонного населения. Об этом свидетельствуют многочисленные находки бронзового века в нижних слоях на территории Сарайшыка.

Данная характеристика вполне может быть применима и к городищу Жайык.

Городище Жалпактал занимает площадь в 68 га. В центральной части городища наблюдается несколько крупных холмов высотой до 2 м и диаметром до 50 м., на остальной части городища наблюдается несколько десятков всхолмлений меньшего размера. Обнаружены три мавзолея, жилые кварталы, мастерские и т.д.

Конец XIII в. - первая половина XIV в. исследователями истории Золотой Орды характеризуются как годы наибольшей стабильности и расцвета городской культуры. Возрождаются некоторые важнейшие торгово-экономические центры, пострадавшие в период завоевания, появляются десятки новых городов и крупных поселений. Этот период интенсивного роста приходится в основном на время правления ханов Узбека и Джанибека (1312-1357гг), которое характеризуется восстановлением "старых", ранее разрушенных городов и возникновением большого числа новых крупных поселений. Они образуют, как это обычно и бывает в процессе

оседания и урбанизации, своеобразные микрорегионы с соответствующей внутренней иерархией поселений. Надо полагать, что благоприятные условия способствовали появлению и росту поселений и городов золотоординского времени и на Волге и на Днестре, и на берегах Урала. Примером этому может служить исследуемое городище «Жайык», которое является исторической предтечей Яицкого городка - Уральска.

Во время раскопок на территории современного города нами неоднократно обнаруживались квадратные кирпичи, полностью совпадающие по своим характеристикам с теми кирпичами, которыми выстроены городище «Жайык» и мавзолеи на некрополе. Таким образом, более поздние поселенцы – казаки использовали для своего строительства кирпичи из «Жайыка», тем самым окончательно разрушив его. Поэтому раскопки городища позволили нам сделать вывод о прямой связи между средневековым городом и возникшим в конце XVI века казачьем поселении. А это уже совершенно новая, более ранняя история Уральска.

Сейчас пока трудно определенно ответить на вопрос: что явилось причиной разрушения и последующего запустения этих городов: внутри- или внешнеполитические причины. Не исключено так же, что упадок городов произошел под воздействием природно-географических факторов. Местность эта, на каком - то этапе перестала устраивать горожан, и они предпочли перенести город на более удобное место. На берегах Яика это обычное дело. Близкая и документированная история возникновения городов на Яике подтверждает это. Как известно, при своем зарождении такие города как Оренбург и Уральск, каждый трижды менял свое местоположение, пока окончательно не утвердились на одном месте, где они и стоят до сих пор. К тому же надо отметить, что речная терраса, на которой расположено городище «Жайык», во время сильных паводков затапливалась водой.

Однако главным фактором упадка городской культуры, на наш взгляд, стал распад Золотой Орды, который привел к резкому прекращению торговли и ремесленного производства. Свою роль сыграли разорение и грабежи в результате набегов вольных и разбойных людей, хлынувших в маргинальные зоны и впоследствии образовавших казачества по всему периметру приграничья между Русью и Степью.

Есть ли упоминания об этом городе в средневековых источниках? Среди документов того периода выделяются карты, в которых отображены города, расположенные на Яике (Урале). Обращает на себя внимание город Шакашик, месторасположение которого так и не обнаружено до сих пор.

В апреле 2012 года состоялась совместная казахстанско-российская экспедиция Института степи УрО РАН РФ и Западно-Казахстанского центра истории и археологии по поиску этого города на территории современной Оренбургской области. Основанием для определения этого места стали слова П.С.Палласа о нахождении города Шакашик: «Сказывают, что там, где речка Киндалы впала в Яик, видны остатки стоящего вала и рва знатного шанца, о котором услышал я уже выехав из сей страны, и так сам не мог оно видеть. Впрочем имею основательную причину верить словам яицких казаков, что там было жилище нагайских (по Палласу) татар: да и может быть означенный на Енкизоновой ландкарте город Шакашин на сем месте стоял».¹¹

В течении нескольких дней на лодках, машинах и пешком мы обошли берег Урала на расстоянии 40 км. Никаких следов Шакашика не обнаружили. Конечно, это только начало поиска на данном месте. Однако практически полное отсутствие каких-либо материальных следов, привело к первым выводам. Среди которых – вывод об ошибке со стороны П.С.Палласа, который указал на это место с чьих-то слов, сам лично не убедившись в их достоверности.

Вполне вероятно, что обнаруженный нами вблизи Уральска город XIII - XV веков, имеет более определенное отношение к Шакашику. Доказательства носят пока косвенный характер и среди них главными являются характер и масштабы основных построек Жайыка. Среди них выделяются два мавзолея, расположенные на некрополе. Как установили специалисты, самый крупный из них имеет размеры 9x12 м., при высоте - до 10 м. Строительство такого большого культового здания говорит о богатстве и знатности погребенных, которое не могло быть построено в рядовых поселениях. К тому же мавзолей является семейным склепом, в котором в разные времена было захоронено 11 человек. Это, на наш взгляд, говорит о богатстве и о длительности существования Жайыка, единственного средневекового города в данной зоне Урала.

На картах того времени Шакашик существовал в период как Золотой Орды – в XIII –XIV веках, так и во время Ногайского ханства, то есть в XV, и вероятно в XVI веках. Указывался он и на картах XVII века. Судьба его, вероятно, схожа с судьбой всех золотоордынских городов, в период смуты и междоусобной войны он был разграблен, а потом до основания разрушен казаками.

Если предположить, что обнаруженное нами городище Жайык имеет прямое отношение к известному по документам средневековому городу Шакашику, тогда история города на Урале приобретает иное, более бо-

гатое содержание. В пользу Шакашика говорят результаты целого ряда экспедиций по Уралу, в ходе которых других городищ на берегах этой реки не было обнаружено.

Ясно одно, что история города на Урале – это отражение сложных исторических процессов, происходивших на территории Западного Казахстана на протяжении длительного времени. Эту историю уже пытались изложить «просто и ясно». Но нельзя отбрасывать исторические факты. Доказано существование средневекового города в непосредственной зоне Уральска, известна история Яицкого городка, а впоследствии Уральска, ставшего областным центром Казахстана.

Поиск истины ставит перед исследователями все более сложные задачи. То, что было неизвестно вчера, уже сегодня, после открытий, изменяет наше представление об историческом прошлом. А некоторые новые результаты приводят к необходимости пересмотра сложившихся представлений, и, казалось бы, незыблемых взглядов. И впереди еще много открытий, так как с каждым годом обогащается методика научных исследований, появляются новые научные направления. Поэтому изучение данной проблемы, несомненно, получит свое дальнейшее развитие.

Литература и источники

¹ Герасимова Э.И. *Уральск: исторический очерк (1813 - 1917 гг.)* – Алма-Ата, 1969 ; Чесноков Н.Г. *Уральску – 350 лет.* – Алма-Ата, 1963.

² Кушаев Г.А. *Этюды древней истории степного Приуралья.* – Уральск, 1993; Г.А.Федоров – Давыдов. *Золотоордынские города Поволжья.* – изд-во МГУ, Москва, 1994; Он же. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов* – М., 1966

³ Бородин Н.А. *Уральское казачье войско.* – Т.1. Уральск, 2008, С.2

⁴ Егоров В.Л. *Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV веках* – М., 2010, С.167

⁵ *Путешествия в восточные страны* Плано Карпини и Рубрука. – М., 1957, С.185

⁶ Федоров – Давыдов Г.А. *Город и область Саксин в XII- XIV вв.// Древности Восточной Европы* – М., 1969

⁷ Крамаровский М.Г. *Салхат – Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII – XIV веках// Итоги археологической экспедиции Гос. Эрмитажа.* – Л. 1989

⁸ Федоров – Давыдов Г.А. *Общественный строй Золотой Орды.* – М., 1973, С.145

⁹ Федоров – Давыдов Г.А. *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов.* – М., 1966, С. 249

¹⁰ Егоров В.Л. *Историческая ...* – См. приложение. карта 1

¹¹ Паллас П.С. *Путешествие по разным местам Российского государства.* – СПб, 1773, Книга 1, часть 1. С.406

Глава 1.

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ УРАЛЬСКА И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА

По истории Уральска написано очень мало работ. И это объясняет повышенное внимание ко всему новому, что появляется по данной теме. Тем более, что исходя из современного уровня развития исторической науки и других, связанных с нею, научных дисциплин сформировались новые требования к объективному освещению сложного процесса образования и развития городов. Для серьезного ответа на многие вопросы по истории Уральска нужны не только исторические источники, но и широкий круг материалов, представленных археологией, этнографией, демографией, нумизматикой и т.д.

В советский период единственными специальными монографиями по Уральску были работы Герасимовой Э.И. и Чеснокова Н.Г. написанные в 60-е годы прошлого века. Основаны они были на небольшом круге источников, ограниченном русскими дореволюционными изданиями. К сожалению, это характерно для всех работ того времени, учитывая время и условия, в которых работали данные исследователи. Поэтому серьезные недостатки, а именно – узкая источниковая база и использование ограниченного круга научных работ, обусловили односторонний подход в освещении истории города. Вместе с тем, эти работы имеют важное значение как первые обобщающие исследования по Уральску.

Более аргументировано данную проблему решал в своих исследованиях Кушаев Г.А., который рассматривал арабские, европейские и русские исторические работы, начиная с X века, а также ввел в научный оборот значительный объем археологических данных. При этом он рассматривал только один аспект истории Уральска, а именно – вопрос времени и места возникновения города.¹

Как видим даже этот ограниченный круг исторической литературы доказывает, что изучение историографии – назревшая и необходимая потребность. Без вовлечения в исследовательский процесс всей суммы тех открытий и знаний, которые достигнуты учеными и исследователями в течение длительного исторического времени, научное понимание и освещение истории городской культуры в Западном Казахстане и, в частности, истории Уральска невозможно. Данный подход позволит нам не только объективно подойти к изучению рассматриваемой проблемы, но и использовать новые факты, документы, материалы, раскрытые и исследованные как предшественниками, так и современниками. Поэтому нами выделены исследования, которые позволяют проследить тенденции в эволюции взглядов на историю города, а также имеют наибольшее содержательное значение и приносят существенные дополнения в изучение проблемы.

Особое место среди исследований составляют работы, представляющие нам первые и самые ранние сведения о существовании городской культуры в Западном Казахстане.

Долгое время одним из крупных недостатков всей историографии истории Уральска являлось слабое обращение исследователей к таким мощным пластам исторических знаний как древнерусские источники, китайские, арабские и восточные сочинения, а также европейская литература периода X - XVII веков. Использовался ограниченный круг известных работ, основная масса архивного и рукописного фондов, в особенности зарубежных хранилищ, были недоступны советским исследователям. Тогда как результаты последних находок ученых показали, что в них содержатся ценные доказательства более раннего возникновения и существования городского поселения на месте современного Уральска.

Такое отношение к истории раннего средневековья в советской исторической науке основывалось на господствовавшем в русской дореволюционной историографии определении эпохи Золотой Орды как времени лихолетья, темного и невежественного, отбросившего покоренные народы в своем развитии далеко назад. Отношение к Степи как к ан-

тагонисту Города утвердилось надолго. Поэтому научные дискуссии о городской культуре у кочевников и о городах на Урале в средние века долгое время не проводились, так как без всяких серьезных на то оснований отметалась сама идея возможности существования здесь оседлых поселений и городов. Эта оценка утвердилась в учебниках, во многих научных работах, став для многих историков и краеведов краеугольным камнем в написании своих сочинений.

Именно археологам, в особенности Федорову-Давыдову Г.А., принадлежит заслуга восстановления объективной картины исторических процессов в золотоордынское время на примере городов на Волге XIII–XV веков. В Западном Казахстане изучение средневековой городской культурой связано с именами Маргулан А., Ерзаковича Л.Б., Байпакова К.М., Самашева З.С. и других.

Непосредственно поиску города на Урале значительное время отводил Кушаев Г.А. В своей работе «Этюды древней истории степного Приуралья» он поставил впервые вопрос о существовании на месте современного Уральска более раннего города.

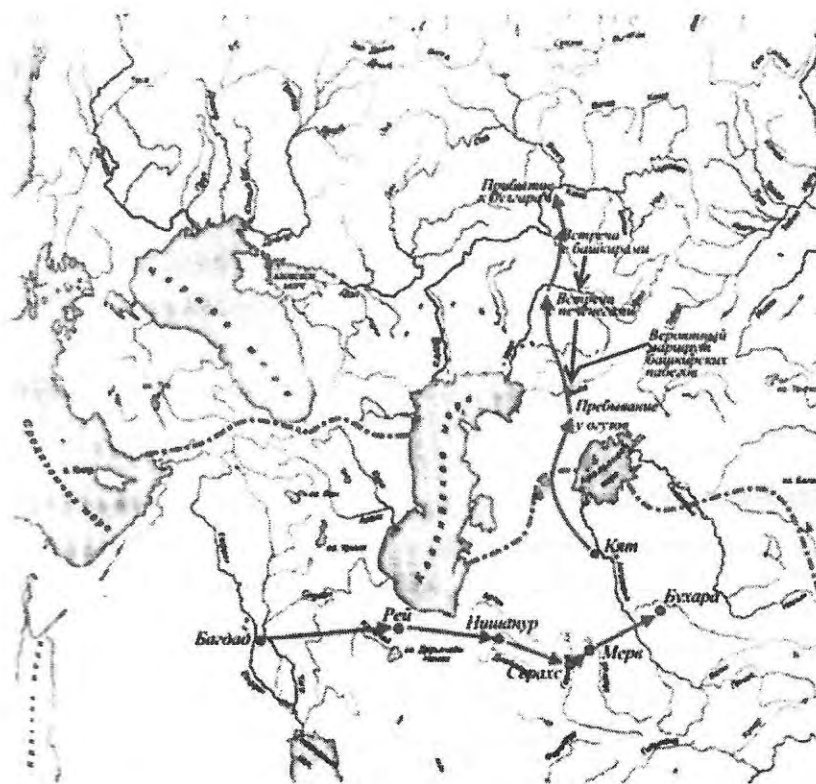
В частности, при анализе русских летописей, таких как Лаврентьевская, Ипатьевская, Троицкая и Никоновская, Московский лицевой свод 1560-1580 годов, он рассматривает исторические события на Руси в IX–XIV веках. В частности, в Лаврентьевской летописи содержатся сведения о городе Саксин, расположенном на реке Урал. В Летописи говорится: «Саксини и половцы взбегоша из низу к Болгарам, перед татарь и сторожеве Болгарские прибегоша бьени от татар близ Реки сижа има Гайкъ». Анализируя это сообщение, со ссылкой на другие источники, Кушаев Г.А. считает, что под саксинами надо понимать жителей одноименного города. Сравнивая сведения разных исследователей и сопоставляя их с археологическими находками, он выдвигает гипотезу о том, что местоположению древнего города Саксин соответствуют два городища правобережья реки Урал. А именно: городище на месте куреней, расположенных в старой части Уральска и являющихся предшественником Яицкого городка, либо городище у села Дарьинское.² Свою гипотезу Кушаев Г.А. обосновывал археологическими находками в указанных районах. Его мнение принимается неоднозначно современными исследователями, но расхождения касаются в основном имени города. По вопросу существования городских поселений мнение археологов практически совпадает с мнением Кушаева Г.А. Это смелое утверждение ученый не смог доказать находкой реального средневекового города, однако он обозначил район

его возможного расположения. И обнаружение в 2002 году в 12 км. от современного Уральска средневекового городища, стало подтверждением гипотезы Кушаева Г.А.

Другой важной группой источников, помимо древнерусских, являются сочинения арабских и персидских историков, в которых есть прямые ссылки на наличие городов вдоль Урала в домонгольскую и монгольскую эпоху. Сочинение Ахмеда ибн-Фадлана «Путешествия в Волжскую Булгарию», написанное в X веке, и труд Абу-Хамида ал-Гарнати «Путешествие в Восточную и Центральную Европу», написанный в первой четверти XII века, содержат сведения о городах, торговых и караванных маршрутах, проходивших через Западный Казахстан.

Арабский путешественник и писатель Ибн Фадлан в 921-922 году побывал с посольством Халифа в Волжской Булгарии и путь его пролегал вдоль реки Урал. Советский исследователь-востоковед Ковалевский А.П., известный переводом книги ибн - Фадлана, приводит карту маршрута посольства.

Карта маршрута багдатского посольства

Он указывает место переправы с левого берега на правый, то есть из Азии в Европу, ибн-Фадланом у слияния рек Чаган и Урал, в том месте где находится современная старая часть Уральска. В X веке по утверждению ибн-Фадлана на этом месте находилось оседлое поселение.³

Соединим сведения арабского путешественника с реальными историческими событиями того времени. В X - XI веках Западный Казахстан являлся составной частью территории Огузского каганата. Это было сильное и воинственное государство. Торговля в этот период заметно расширилась, караванные маршруты проходили через Урал и соединяли Хорезм с Поволжьем и Русью. В 965 и 985 годах в союзе с Киевской Русью огузы разбили последовательно Хазарию и Волжскую Булгарию, тем самым заметно усилив свое влияние в этом регионе. Урал и Волга были западными границами каганата. Таким образом, время путешествия ибн - Фадлана пришлось на период расцвета огузского государства. Являясь соседом государств с развитыми ремеслами и крупными городами, каганат использовал выгодное географическое расположение посредника между Средней Азией и Европой для развития торговли и поощрял образование оседлых городских поселений. Именно этот процесс отражен в сочинении арабского путешественника. (В XII веке огузы будут разгромлены кипчаками, владения которых будут простирались до Кавказа и Крыма. Междоусобная война расколется это государство на западную и восточную части. Западные кипчаки войдут в историю под этнонимом - половцы.)

В начале второго тысячелетия связи между арабскими странами и народами междуречья Урала и Волги стали постоянными. Географы Востока были неплохо осведомлены об этом далеком крае. В 1154 году арабский географ ал-Идриси описал реку Руза, скорее всего тождественную Жаику – Уралу, хотя есть и другие мнения об отождествлении Рузы, тогда как с Уралом сопоставляется с р. Даранда⁴.

Более отрывочные сведения о существовании городов даны в сочинениях Рашид-ад-Дина, ибн - Сайда, Абул - Фида и других арабо-персоязычных авторов. О расселении и занятиях народов в XI веке писал Махмуд Кашгарский в своем труде «Дивану лугат-ат -тюрк». В 1333 году реку Урал пересек известный арабский путешественник из Марокко, странствующий купец Ибн Баттута⁵.

Восточные рукописи и сочинения дают многообразную информацию о том времени, которая подтверждает наличие развитой торговли и городов на Урале как в предмонгольский период, так и в эпоху Золотой Орды. Обнаруженные в последнее время китайские документы значительно расширяют наше представление о том времени.

Важное значение для изучения ранней городской культуры в Западном Казахстане имеют свидетельства европейских исследователей

и путешественников. В их работах и картах содержатся доказательства наличия городов на Урале в XIII-XIV веках. Реку Жаик неоднократно пересекали и отмечали в своих путевых записках средневековые западноевропейские купцы, миссионеры, послы. Среди них выделяем посла папы римского Иннокентия IV Джовани Плато Карпини (1249), а также посла французского короля Людовика IX Гильома де Рубрука (1253)⁶.

О дороге, которая вела из Крыма через Жаик и далее на восток, пишет в своем сочинении "Практика торговли", Франческо Бальдучи Пегалотти, отмечая при этом особенности дороги из Таны в Сарайчик, описывая ходовые товары и деньги, которыми удобнее всего расплачиваться с местными жителями⁷.

В XIV веке, в эпоху расцвета Золотой Орды, территорию Западного Казахстана посещают ряд посольств, направленных сюда и в Монголию для проведения миссионерской деятельности и налаживания торговых связей. Это посольства во главе с Джовани Мариньолли (1338-1353 гг.), священником Пасхалия (1335 - 1339 гг.), купцами братьями Франциско и Диминико Пицигини (1367 г.). По их свидетельствам на реке Урал находились два города. Так, испанский священник Пасхалия в 1336 году указывает на город Сарайчик и еще севернее на второй, безымянный город. Почти через 30 лет об этих же городах пишут братья купцы, указывая на два этих города, при этом второй безымянный расположенный выше и севернее Сарайчика вверх по реке Урал⁸.

Таким образом, письменные свидетельства европейских путешественников, географов, купцов и миссионеров также показывают на наличие городов на реке Жаик, как тогда назывался Урал.

Еще одной группой важных источников по истории городов на Урале стали многочисленные карты XV-XVIII веков. Среди них более известны карты, составленные европейскими специалистами и путешественниками. Особую группу составляют карты того времени, на которых изображен наш регион.

Среди них знаменитая карта, составленная в 1562 году, «Отчетная карта России. Новое описание северных регионов, а именно Московии, и Русских, Тартаров, а равно и орд, соседствующих с ними, из путевых заметок Антония Дженкинсона и Сигизмунда, благородного барона Герберштейна». Здесь в нижней части течения реки Урал на западном, правом берегу указан город Сарайчик, а севернее него на этом же берегу помещен город Шакашик, или Шакафни. Академик Рыбаков Б.А., исследовав карту и текст описания путешествия англичанина, пришел к выво-

ду, что карта Дженкинсона представляет собой один из вариантов более старой карты 1497 года, а оба города, Сарайчик и второй безымянный, отмечены на карте одинаковыми условными знаками - «мечети татарские каменные»⁹. Следовательно, время существования северного города можно с уверенностью датировать XIV веком. При этом Шакашик обозначен двумя мечетями, тогда как более известный Сарайчик - одной. Помимо этих городов Дженкинсон указывает на реке Жайык городские поселения Кофмай и Раворе. Все они расположены в центре проживания тюркских племен и народов. Здесь и Ногайская Орда, и башкирды, и туркмены и др.

Другая, более поздняя карта, - «Россия, или Московия» составлена в 1601 году в Антверпене Яном Кербергиусом. Это - часть карманного Атласа Абрахама Ортелия «Эпитомы (выдержки). Обзор театра земли». Примечательно, что здесь указан только один город - Шакашик.

Через некоторое время была выпущена - «Карта Тартарии». Она составлена в 1606 году Йодокусом Хондиусом из Амстердама, указывает на наличие на реке Гжайик Аи как минимум 4 городов - Кофмай, Раворе, Шакашик и Рифан. Последний впервые упоминается на картах того времени. Картографический издательский дом Йодокуса Хондиуса, или Йоссе де Хондта, один из крупнейших в Европе, который стал известен выпуском многих карт. Здесь издавали различные карты, глобусы, в 1608 году выпустили большую карту мира в Меркаторовской проекции. И тем не менее карта имеет определенные неточности. Так, Сарайшик был расположен в дельте реки названной им Едил вел Волха (Волга).

В другой карте - «Тартария, империя Великого Хама (Хана)», которая была издана в Амстердаме в 1635 году, река именуется Яик олим и на ней расположены города Кофмай, Рифан, Раворе и Шакашик. При этом города обозначены одинаковым значком - каменным зданием, возможно мечетью, или мавзолеем.

В 1700 году на карте «Тартария, или империя Великого Хама (Хана)», выпущенной также в Амстердаме Г.Делилем, указывается только два города - Сарайшык и Шакашик¹⁰.

Таким образом, во всех исследованиях и сочинениях путешественников, купцов и миссионеров X - XVII веков, на картах того времени указывается на наличие целой сети городов как в междуречье Волги и Урала, так и вдоль реки Урал. Установлено, что в XIV веке, помимо известного Сарайшыка, на Урале выше и севернее него находился еще один город - Шакашик, имевший каменные здания и располагавшийся в районе со-

временного Уральска.

Одна из самых первых русских карт, известная под названием «Большой Чертеж» была составлена в конце XVI века и изображала территорию всего государства. Со временем эта карта пришла в негодность и было решено составить по нему новый чертеж в том же масштабе и дать подробное объяснение. Так была подготовлена известная «Книга Большому Чертежу». Сама карта не дошла до нас, но объяснение сохранилось в нескольких списках и представляет собой единственное географическое сочинение о России допетровских времен. В ней дано описание среднего и нижнего течения Урала и сказано, что «с левой стороны ниже Вора (т.е. Ори) реки 420 верст пали в Яик три речки без прозвания, а меж ими по Яику берегом 90 верст. А ниже тех речек 50 верст пала в Яик с левой стороны Яика Илезь река (т.е. Илек – *ред.*). А на устье тое реки остров Кош - Яик. А промеж тех протоков и реки Яик на острове Казакий городок»¹¹.

И карта и ее описание были неполными и имели большие погрешности. К тому же с нее в разные времена снимались ряд копий, каждая из которых вносила новые неточности. Так северный и восточный берега Каспийского моря относились к числу неизвестных. На одних картах Урал изображался как большая река с многочисленными притоками, на других - как незначительная речка. На нескольких картах изображался неизвестный ныне город Ризань, а севернее его - Шакашик. Был также отображен город Сарайчик, к этому времени уже разрушенный¹².

В одной из поздних копий карты, подготовленной Аврилем и изданной в 1692 году, на месте нынешнего Уральска указано селение с неизвестным ныне названием Метжет, а севернее его, при слиянии Илека с Уралом другое селение - Солянское. В описании сказано, что «по правой стороне Яика живут Ногаи и Золотая Орда, а по левой - Калмыки», о казаках же совершенно не упомянуто. А между тем эта карта снята с оригинала, хранящегося в Московской канцелярии. То же изображено и на карте французского астронома Делиля, изданной в 1701 году¹³. Таким образом, несмотря на несовершенство «Книги Большого Чертежу», характерным для данного источника является отображение значительного количества городов и поселений в Западном Казахстане.

Достоверность сведений данной группы источников требует дополнительного исследования. Многие еще остаются на уровне предположений и догадок. Однако последние археологические находки и открытия, начиная с 90-х годов прошлого века, убедительно свидетельствуют о пра-

воте приведенных фактов.

Начавшаяся только в последнее время активная работа казахстанских ученых в архивах Китая, Индии, Египта, арабских стран, привела к обнаружению целого ряда новых карт. Только незначительная часть из них введена в научный оборот, но нет сомнения, что публикация всех находок позволит подтвердить уже сделанные выводы о количестве городов Казахстана в средневековый период, в особенности в регионе бассейна реки Урал.

О том, что земля Западного Казахстана изобилует памятниками городской культуры прошлого свидетельствуют исследования русских ученых XVIII - XIX веков. Существует достаточно большой круг работ, представляющих различные направления российской науки.

Одной из первых научных работ по истории края, подготовленных русскими учеными, стало крупное исследование П.И.Рычкова «Топография Оренбургской губернии». Свое знаменитое сочинение он пишет в 1748 году, после посещения Яицкого городка, и приводит многочисленные факты и примеры существования городов на Урале.

Монография была опубликована в 1762 году. Во второй части своей книги он пишет о целой сети городов: « 1. В киргиз-кайсацкой меньшей орде, от Илецкой защиты, где ломают илецкую соль, с день верховую ездой, на той стороне реки Илека видно немалое строение кирпичное. 2. От того строения в одном дне по речке, называемой Большая Кобда, при урочище Байтаке, есть признаки старинного города, где поныне еще видны рытые каналы, хлебопахотные и огородные места. Тут же одно старинное здание со сводами, в котором вместо железных связей положены большие брусья сосновые, хотя ныне и знака нет, чтоб в тех местах или в близости оных сосновый лес находился; от оногo ж здания в виду еще два каменные строения, у коих верхи уже развалились. 3. От тех мест в расстоянии одного дня по реке Ати - Уилу, на урочище, кое киргизы называют святого Мавлюм - Берды, признак старинного ж города, где доныне кирпичных зданий от 30 до 40 видно, тут же поднесь каналы, хлебопахотные и огородные места значатся. 4. Оттоль с день езды по речке Сагызу видны многие ж старинные строения, тако ж в урочище, именуемом Бакчи, от речки Сагыза дня с два, от Бакчи вверх до вершин реки Зины, коя выпала из устья реки Мугалджара, и на оном устье старинных городков, рытых каналов и рвов, тако ж и насыпных бугров весьма много, из коих бугров часто вырывают людские кости отменной величины, а также золото, серебро и разные орудия. 5. По Хивинской дороге на

высокой горе, которая именуется Ирняк,.. при урочище Гурук видны могилы весьма длинные,... там же сделаны два покоя больших и не низко, а наверху оных положены столь великие каменья, что один камень десять или пятнадцати человеках едва можно поднять. 6. На той же горе, при урочище Билюли - Атай, поныне имеется двор, у которого портал или ворота большие, в нем мечеть и несколько небольших покоев. Все оное строение из кирпича. Подле ворот глубокий колодезь, в коем воды от 30 до 40 сажен.

О сем месте сказуется,... будто бы в прежние времена из Астрахани езживали на кораблях по Каспийскому морю к тому месту и выгружаясь тут, переезжали сухим путем чрез сие место на Аральское море, где паки грузили суда и ездили в Хиву и в другие тамошние места для торгу.»¹⁴

Ценность данных сведений несомненна. Рычков П.И. упоминает о целой сети городов, к тому же достаточно развитых. Они построены из кирпича, обладают ирригационной системой, расположены у рек, а наличие и характер культовых строений говорит об их принадлежности к восточному типу городов. Можно сделать вывод о том, что города выполняли функции торгово-ремесленных центров и очагов оседлой культуры. Они расположены поблизости друг от друга, как пишет автор, в одном или двух днях пути (по мнению специалистов, расстояние в день пути - это 25-30 современных километров). Количество и расположенность городов свидетельствуют о наличии связей между ними, что позволяет предположить их существование в рамках какого-то единого государства. Таким государством, в недалеком прошлом, учитывая сохранность и архитектурные особенности зданий данных городов, могла быть Золотая Орда.

Рычков П.И. указывает источник информации, это - переводчик канцелярии Оренбургского губернатора Яков Гуляев, «в обеих киргизкайсацких ордах и далее оных многократно бывший».¹⁵ Достоверность этих данных достаточно высока, зная научную щепетильность Рычкова П.И. к отображению фактов, и указание им конкретного очевидца. К тому же последующими открытиями уральских и алматинских археологов приведенные сведения подтверждаются.

Во второй своей крупной работе «История Оренбургская. /1730 - 1750 гг./» Рычков П.И. более подробно останавливается на вопросах этногенеза казахов, их взаимоотношениях с Россией, освещает устройство жизни и быта казачества, основные исторические события. Автор приводит сведения о взаимосвязи степи и Яицкого городка, об отношениях казахов с

казаками. Кроме того, им написаны такие научные сочинения как «Опыт Казанской истории древних и средних веков» и «Введение в Астраханскую топографию», имеющие важное значение для исследователей. И в этих работах автор указывает на многочисленные остатки городов и поселений, расположенных в междуречье Волги и Урала. Источником служили для него официальные данные, находящиеся в Оренбургской губернской канцелярии, сведения от людей бывалых, купцов и приезжих, много видел и наблюдал сам Рычков П.И. Его исследования сохранили актуальную научную значимость и по сей день, являясь во многом единственным свидетельством наличия памятников старинных городов на Урале, а также представляют ценную информацию об Уральске XVIII века.

Уровень развития науки того времени делает важным обращение исследователей к трудам представителей разных научных направлений. Среди них, в первую очередь исследования в области естественных наук. Много информации дают материалы различных экспедиций Российской Академии наук, которые в то время изучали восточные регионы огромной страны.

Среди них одним из самых исследуемых стал Западный Казахстан. Сюда Российской академией наук было снаряжено 5 экспедиций. Из них три в Оренбург и Западный Казахстан под начальством Палласа, Лепехина и Фалька. А две экспедиции были направлены в астраханские земли, руководили ими Гмелин и Гюldenштедт. Все экспедиции начали свою деятельность в 1768 году и были рассчитаны на 2 года исследований. Однако в реальности работа продолжалась почти шесть лет. Результаты были достигнуты значительные, в том числе и в расширении исторических знаний о нашем крае. Однако достигнуты они были большой ценой: Фальк покончил жизнь самоубийством в Казани, Ловиц был схвачен и повешен Пугачевым, Гмелин попал в плен к лезгинам и там пропал в неволе, Паллас потерял здоровье и чуть не лишился зрения. Самоотверженность, готовность служить истине и их вклад в науку имеет неоценимое значение.

Наиболее успешной и плодотворной оказалась экспедиция Петра Симона Палласа. Среди ученых, посетивших западную территорию Казахстана в XVIII веке, необходимо выделить именно этого исследователя. Он трижды побывал здесь, объездив весь Урал от Гурьева до Уральска, исследовал северную часть региона, изучал Букеевскую орду. Собранный материал Паллас П.С. включил в свой обширный труд - «Путешествие

по разным провинциям Российской империи”, в котором дал достаточно полное описание территории края, его этнографии и истории.¹⁶ Для историков важное значение имеет описание Палласом П.С. природно - климатической среды обитания населения, характеристика флоры и фауны, раскрывающие наличный естественный потенциал региона.

Наиболее плодотворной была первая экспедиция, когда П.С. Паллас, выехав из Москвы, через Владимир, Симбирск и Самару прибыл в 1769 году в Оренбург и далее в Уральск. Его наблюдения применительно к предмету нашего исследования можно разделить на две группы. Это сведения, относящиеся к древней городской культуре в целом, и описание Уральска, его жителей, характера занятий, быта и образа жизни.

В своем сочинении Паллас П.С. описывает обнаруженные им два городища. В первом случае это остатки древнего укрепления на Урале, обозначенные им следующим образом: «близ устья реки Киндели в 12 верстах от Кинделинского форпоста. Укрепление состоит из двойного в виде греческого П к южной стороне берега, вала и рвов; внешняя часть оного имеет в окружении более полверсты, но едва с локоть вышины; напротив того внутренняя сторона, которая почти 20 сажен в окружности, имеет по крайней мере 2,5 локтя в высоту, и обнесена рвом в сажень глубиной. От жилища внутри сего укрепления ни малейшего следа бывшего строения не видно, но пространство совершенно равно».

Второе городище расположено между Большим и Малым Узенем в самом узком месте их слияния. Здесь Паллас нашел следы множества арыков, в несколько футов глубиной, и довольно много курганов и остатков жилища, из чего сделал вывод о том, что места эти были некогда населены народом. Одна из развалин состояла из 5 жилищ, сложенных из квадратного кирпича.

Сведения ученого полностью подтвердилась. Эта местность исследована учеными Западно-Казахстанского центра истории и археологии и в 2006 году здесь обнаружено городище, общая площадь которого составляет более 60 га. Обнаруженные монеты, остатки строений, мавзолеев, керамика и т.д. позволяют отнести данный город ко времени Золотой орды. Нами город назван «Жалпактал».

Кроме этого, П.С. Паллас обращает внимание на большое количество остатков памятников более древней истории. «Между Кушумом и Большим Узенем также встречались большие курганы и камни, с высеченными на них человеческими лицами, но они принадлежали, кажется, другому народу» - писал автор в своих «Путешествиях».¹⁷

Ценные сведения Паллас сообщает о городе Уральске. Город переживал тогда тяжелые испытания, народ был недоволен и выступал против царской политики. Это было время перед пугачевским восстанием: «прежняя вольность и республиканское состояние их канцелярии не было больше, но занимающий место коменданта полковник Симонов имел начальство. Внутри и частью вне города расположены были две легкие команды с некоторым количеством иррегулярного войска. Многие жители скитались по степи, питаясь звероловством и тем, что тайно приносили им их родственники» (в 1772 году после январских событий здесь еще продолжались жестокие казни казаков отрядом под командованием генерал-майора Фреймана).¹⁸

Таким образом, Паллас П.С., как и все исследователи до него, обратил внимание на многочисленные памятники прошлого, отнеся их к материалам городской культуры. Это тем более важно, что история не являлась предметом исследований его экспедиций.

Традиции изучения исторических явлений и событий были продолжены другими русскими учеными того времени, посетившими Западный Казахстан и представлявшими разные отрасли науки - биологию, химию, ботанику, географию и т.п. Среди них выделяются исследования Фалька, Георги, Шмелина, Таушера, Эверсмана и ряда других. Большая часть трудов этих ученых не рассматривает вопросы исторического развития, но исследования природы, климата, почв значительно обогатили наше представление о среде обитания, а также отразились на уровне последующих исследований в российской науке о новых восточных землях, позволив с более научных позиций обосновывать характер и формы жизнедеятельности и быта населения края.

Эверсман Э.А. в 1820 году по ходатайству Оренбургского военного губернатора Эссена был включен в качестве врача в состав русского посольства в Бухару. И тогда впервые ознакомился с природой Казахстана. Первое посещение Уральска относится к 1827 году, спутником его был Карелин Г.С. Эверсман написал об Уральске, что «хотя он и не представляет прежнего богатства, в особенности в низшем классе населения, тем не менее, существующая ступень благосостояния редко где встречается в других подобных местах».

Ему же принадлежит наблюдение за экономическим состоянием войска. Основными источниками существования казаков и поступления средств в казну он называет лов и продажу рыбы и икры, а также меновую торговлю с казахами. Второе посещение Уральска произошло в 1829

году, но тогда Эверсман практически мало оставил сведений о городе. В основном, его материалы касались жизни и быта горожан.¹⁹

В XIX веке в российской исторической науке появляются крупные работы, посвященные истории Казахстана, в частности его западного региона. Их авторы - Левшин А.И., Вельяминов - Зернов В.В., Добросмыслов А.И., Кеппен П.И. и другие.²⁰

В 1820-1821 годах Уральск посетил Левшин А.И. - крупный ученый, с чьим именем связано начало серьезных исследований исторического прошлого Казахстана. Особое место занимает монография А.И. Левшина «Описание киргиз-кайсацких орд и степей», где широко представлена история края и народов, его населяющих.²¹ Результатом многолетней исследовательской работы Левшина стало фактически первое научное описание истории Казахстана и казахского народа. Исследование состоит из трех томов, в которых последовательно были отражены географические, исторические и этнографические вопросы. Здесь приводятся многие исторические факты и события, которые автор объединил в едином изложении и на основе этого попытался дать последовательное освещение истории народа и общества. Ценность работы заключается кроме всего еще и в том, что многие сведения применены Левшиным с использованием источников ныне окончательно утерянных. Это ставит исследование в разряд уникальных трудов в исторической науке. Вместе с тем, при описании структуры казахов, особенностей кочевого способа производства, автор исходил из некоторых неверных представлений. Но это не умаляет достоинств и научной значимости работы Левшина.

Заслугой Левшина является обращение к древней истории казахов. Он первым обратил внимание европейского читателя на богатство исторического прошлого степи, рассказал о многих памятниках старины. В том числе, отметил наличие древних городов на территории Западного Казахстана. Сам посетил знаменитый Сарайчик, по поводу которого написал: «Остатки древнего Сарайчика заключаются ныне в земляных возвышениях или следах маленького укрепления, ...главный въезд в оное защищен двумя треугольными бастионами. Укрепление сие составляет род цитадели и было сверх того ограждено другим наружным валом, идущего от протока, называемого Сорочинкой, к берегу Урала, от оно-го с противоположной стороны примыкающим к тому же протоку. На всем пространстве, таким образом укрепленном, ничего нельзя теперь явственно различить, кроме нескольких ям и рытвин, которые, вероятно, составляли некогда бассейны и водопроводы; впрочем видны только раз-

ной величины земляные бугры, несколько раз перерытые и перекопанные с места на место жителями нынешней Сарайчиковской крепости и соседнего с нею города Гурьева. Квадратные, вершков в 6,7 и 8 кирпичи, из сих развалин ими взятые, составляют основание почти всех домов их, а у иных и целые дома. Как ни много оных вывезено, однако некоторые казаки и поныне, при новых постройках, достают их, находя не в дальнем расстоянии от поверхности земли еще не разрушенные круглые выходы и своды, внутри которых обыкновенно открывают кости человеческие, иногда оружие, монеты, ожерелья, кольца и проч... Соседние киргизы и татары очень уважают развалины Сарайчика: одно из возвышений, составляющего часть древнего укрепления, почитают они могилой какого-то угодника магометанского; они приезжают на оное молиться и приносить жертвы». Левшин отмечает факты вандализма по отношению к данному городу, указывая на постоянный непрекращающийся грабеж и растаскивание кирпичей из Сарайчика местными казаками для хозяйственных и строительных нужд.

Во время пребывания в Уральске Левшин обратил внимание на многие стороны жизни города. В частности, ему же принадлежит описание экономики и нравов Уральска образца 20-х годов XIX века: «Состояние сельского хозяйства, исключая рыболовство, самое первобытное; фабрик и заводов нет никаких, исключая 3 или 4 салотопни. Жители здешние почти не занимаются ни какими изделиями (т.е. ремеслами). Во всей войске нет ни одного лекаря, исключая медицинского чиновника, находящегося при Уральском гарнизонном батальоне и ни одной аптеки. В Уральске есть училище, но в нем человек 10-15 учеников, и те очень редко ходят в классы. Урадьцы чрезвычайно суеверны. Всякая важная перемена, хотя бы очевидно полезная, для них несносна. Они думают будто обвесить или обсчитать киргиза, как не христианина, ни грешно, ни стыдно. Они довольно пьют вина. Женщины кажутся, с первого взгляда неприступны».

Он же написал первое крупное специальное исследование о казаках «Историческое и статистическое обозрение уральских казаков», в которой попытался найти ответ на вопрос об этническом происхождении яицкого казачества, путях его проникновения на Урал.

Представляет интерес анализ источников по истории казачества, проведенный Левшиным. Он пишет, что лучшими и почти единственными источниками по истории уральских казаков являются работы Рычкова П.И. и документы, хранящиеся в архивах Уральской войсковой

канцелярии и Оренбургской пограничной комиссии. Сочинения же иностранцев, по его мнению, основаны на догадках, ни чем не доказанных и противоречащих истине. Здесь же Левшин упоминает «Абулгази Баядур-хана, сочинителя примечаний на родословную историю татар», который «утверждает, что казаки уральские произошли от древних кипчаков...». Левшин называет мнение Абулгази «нелепостями, которые не заслуживают опровержения для русских, однако ж приняты в прочих частях Европы за справедливые». ²² Однако сам Левшин в своей работе не дал должного анализа выводам Абулгази, не привел даже названия его сочинения, что не делает его опровержение убедительным и научно обоснованным. Ссылка на Рычкова П.И. также не аргументирована, так как в работе «Топография Оренбургской губернии» Рычков И.И. даже не рассматривает вопрос об уральских казаках. К тому же Левшин не подвергает анализу используемые архивные материалы, принимая их полностью, без установления их достоверности.

Поэтому его выводы о начальном этапе образования города основаны только на одной группе источников, а именно донесениях и записках атаманов Рукавишникова, Акутина и других, которые не могут быть признаны полностью достоверными без сопоставления и сравнения с другими документами. Такой подход значительно снижает научную ценность работы Левшина из-за узости и односторонности источниковой базы. Столь пристальное внимание к данной работе связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, по нашему мнению, Левшиным была «заложена традиция» одностороннего подхода к иностранным источникам. Во-вторых, именно Левшиным в русской историографии была установлена своеобразная точка отсчета обозначения времени образования Уральска - конец XVI - начало XVII веков, которая впоследствии была принята без сомнения многими российскими и советскими исследователями.

В изучении не только отечественной истории, но и истории ее западного региона Левшин А.И. сыграл исключительно важную роль. Он во многом оказался пионером, создав первый обобщающий труд по истории Казахстана и обратив внимание русского и европейского читателя к казахскому народу. Его мнение по истории городской культуры Казахстана, в частности Уральска, долгое время было определяющим в отечественной историографии.

С середины XIX века появляются статистические описания различных частей Казахстана, в том числе западного региона. Выпускаемые по инициативе Военного министерства России «Военно-статистические

обозрения губерний» содержали сведения по географии, этнографии, истории и статистике. По этой программе были выпущены в свет обозрения Оренбургской губернии, подготовленное Герном и Васильевым, и Букеевской орды, составленное Бларамбергом. В них давалась численность населения по основным категориям, динамика их роста. Однако, многие из приведенных данных, касающиеся в первую очередь казахского населения, в недостаточной степени аргументированы и не отражают реального положения. Более точные сведения указаны в статье Мейера Л.Л., рассматривавшего земли Области оренбургских казахов. Используемые авторами источники не позволили с высокой степенью достоверности осветить вопросы развития населения, в особенности казахского, но такие аспекты как размещение и численность, национальный состав, опирались на имеющиеся данные текущего учета населения, поэтому значение этих работ несомненно.²³

Важное значение для научного освещения истории, этнографии и демографии Западного Казахстана имеют труды А.Харузина, одного из самых известных этнологов-антропологов России того периода.²⁴ Им было раскопано 36 курганов и 9 могильников, в результате чего был собран богатый археологический материал. Кроме того, А. Харузин впервые широко использовал метод фотографирования, засняв более 300 фотографий, которые сразу же обрели уникальный характер для исследования казахского населения. В первом томе своей обширной работы «Киргизы Букеевской орды» на базе широкого круга источников А. Харузин приводит ценные исторические сведения по этническому составу, анализирует антропологический тип казахов, сравнивая его с прошлым, пытается осветить вопросы происхождения казахов. Заслугой А. Харузина также является разработка первой в российской историографии библиографии литературы по казахам, изданной в России. Значение всего сделанного им в изучении Казахстана трудно оценить в полной мере, так как, в последующие годы и сейчас, многими учеными используются итоги его исследований, накопленные документы и материалы. Из всех публикаций по данной теме именно монография А. Харузина поражает научной аргументированностью, критическим подходом к используемым источникам, что позволило создать наиболее крупную работу по истории казахов Букеевской орды. В 90-е годы, одним из его последователей А. Алекторовым, был подготовлен новый, более обширный список библиографии по казахам, при этом был дан анализ содержания каждой из работ, приведены биографические сведения об авторах.

Данные работы объединяет исследовательский характер, основанный на конкретном изучении путем проведения специальных мероприятий по учету состояния населения. При этом впервые нарабатывалась методика статистического исчисления кочевого населения, которой до этого фактически не было.

В XIX веке основной круг литературы по рассматриваемой проблеме составляют исследования, посвященные истории города и уральских казаков. Особое внимание уделялось проблемам формирования казачества, его этническим истокам, военной истории. Бородин Н.П., Рябинин А.Д., Витевский В. и другие авторы на основе архивного материала, частично утерянного в последующие годы, уточнили численность казаков, динамику их развития, а также основные изменения в структуре этого сословия.²⁵ При этом, авторы стремились обосновать земельные владения казачьего войска его историческими правами, хотя сами же подчеркивают разбойный характер выступлений и захватов казаков, особенно на начальном этапе. В центре внимания данных авторов было описание истории формирования войска, особенностей жизни и быта, характеристика основных занятий.

Наиболее крупные работы появляются со второй половины XIX века. Одним из первых стало исследование А.Рябинина "Уральское казачье войско", написанное на основе экономического анализа казачьего хозяйства, проведенного им в 1863-1864 годах. Автор рассматривает такие вопросы, как появление казаков на территории Западного Казахстана, дальнейшее формирование и расширение рядов за счет беглого люда, описывает многие исторические события. А.Рябинин большое внимание уделил динамике численности казачества, а также такой категории, как иногородние. Коренное население отражено А.Рябининым в меньшей степени.

Заметный вклад в изучение истории края и казачества внес В. Витевский. В конце XIX века им были опубликованы статьи по Оренбургскому краю, по Уральскому казачеству, церковному расколу в войске и т.д. Самая известная работа - "Неплюев и Оренбургский край", в которой рассматриваются многие важные события середины XVIII века.

Однако среди исследователей того периода необходимо выделить Н.Бородина. По происхождению уральский казак, он больше известен как ученый - ихтиолог, имеющий солидные труды в этой области. Но вместе с тем, он много внимания уделил вопросам истории казаков. Ему принадлежит первая и единственная крупная работа по библиографии

казачества "Обзор литературы об Уральском казачьем войске", которая была напечатана в Уральских войсковых ведомостях в 1883 году. Библиография включала все известные работы - всего 372 названия книг, статей в журналах и газетах с анализом наиболее существенных из них. В 1891 году Бородин выпускает книгу "Уральское казачье войско" - свой главный труд по истории казачества. Ценность работы состоит в том, что автор использовал все известные публикации, рукописные материалы, многие из которых не дошли до наших дней. Кроме того, Бородин провел своеобразную перепись казаков зимой 1885-86 годов. Все это позволило ему получить необходимые сведения для анализа развития казачества. Ряд материалов были включены Бородиным в известное издание "Россия. Полное описание нашего отечества" под редакцией Семенова-Тяньшанского. Так, в XVIII^{ом} томе, специально посвященном Казахстану, помещены две его главы, написанные совместно с Сидельниковым: "Растительный и животный мир" и "Промыслы и занятия населения."

Важное значение имели работы краеведов, среди которых были крупные ученые. Выделим исследование Г.Карелина «Разбор статьи А. Рябинина» /имеется в виду книга Рябинина «Уральское казачье войско» - авт./, в которой автор полемизирует по некоторым положениям и выводам, высказанным в книге. Среди спорных вопросов - происхождение и этнический состав казачества, время появления на Урале. Теме казачества посвятил всю свою жизнь И.Железнов, самой известной работой которого является 2-х томное исследование «Уральцы». Здесь автор рассматривает вопросы истории, этнографии, культуры и быта уральских казаков.

Из других краеведов, затрагивавших в той или иной степени вопросы развития города, можно выделить Акутина, Савичева, Курилина, Мякушина, Хорошхина, Мартынова, Костенко, Корина, Шапошникова, Карпова и др.

Внимание к вопросам истории и развития населения усиливалось по мере включения всего Казахстана в состав Российской империи. В этой связи особое значение имеют работы, посвященные переселенческому движению второй половины XIX - начала XX веков. Исследование этого вопроса важно, так как именно переселение русско-украинского крестьянства в указанный период привело к формированию нового этнического облика Уральска, коренным образом изменив прежний замкнутый характер развития города.²⁶

По данной проблеме опубликовано достаточно большое количество исследований, но мы выделим работы Огановского Н., Кранихфельда

В., Сидельникова Т., так как они исследовали влияние переселения непосредственно на регион Западного Казахстана. В статьях Огановского «Историко-статистический обзор Уральской области» и «Переселенческое дело в Уральской области» на основе материалов текущего учета, а также итогов Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года прослеживаются изменения численности населения области и ее центра. Впервые Огановским Н. дан анализ естественного движения населения с учетом данных по рождаемости и смертности по всем категориям населения. Здесь автором сделан вывод о том, что с конца XIX века в этнодемографических процессах наблюдаются следующие тенденции: резкое снижение численности казахского населения, устойчивое и стабильное естественное развитие казачества и формирование новых национальных групп. Одной из причин этого Н.Огановский называет массовый приток переселенцев из России и Украины, особенно усилившийся в начале века, а также увеличение численности татар, немцев, евреев.

В конце XIX - начале XX веков одной из центральных тем стало переселение русско-украинского крестьянства на казахские земли. Образованный на территории Западного Казахстана единый Уральско-Тургайский переселенческий район был подробно исследован историками и статистиками. Данные о количестве переселенцев, их хозяйстве, о взаимоотношениях с коренным населением представляют определенный интерес для понимания характера проходивших этнодемографических процессов. В дореволюционной литературе существовали различные оценки переселения. Наиболее прогрессивные представители научной мысли выявляли колониальный характер данного процесса, который проводился за счет ущемления интересов местного населения.

Исследователь - экономист Огановский Н.П. предупреждал о возможных отрицательных последствиях переселения для коренного населения. Он писал, что рост казахов «находится в прямой зависимости от наплыва русских переселенцев на северную половину казахской степи». По его мнению «очень быстро беспорядочное переселение отразится плачевным образом на казахском населении».

Условия существования казахов в годы резкого увеличения переселения и потери исконных земель рассмотрел в своей работе Т.Сидельников. Он также пришел к заключению о кризисе казахского общества на рубеже веков, который неизбежно, по его мнению, должен был вызвать негативные последствия. Являясь депутатом 1 Государственной Думы,

Сидельников Т., родом уральский казак, рассматривал переселение как колонизацию и считал, что первоначально надо «землеустроить» самих казахов, а затем уже организовывать переселенческие участки. Он сделал доклад о тяжелом положении казахов на заседании Государственной думы, основные положения которого раскрыл в работе «Борьба за землю в киргизской степи». Большинство исследователей понималось негативное влияние усиленной миграции извне на демографические процессы среди коренного населения.

Анализу изменений в развитии различных групп казахского населения в результате произошедших социально-экономических изменений посвящена работа В.Кранихфельда «Степное киргизское хозяйство в Уральской области». Автор тесно увязывает такие крупные перемены в экономике, как распространение земледелия среди казачества, оседание казахов, снижение значения кочевого скотоводства, с изменениями в динамике численности населения.

В дореволюционной научной литературе наиболее полно и точно, в обобщенном виде мнение российских историков по проблемам истории Казахстана, в частности ее городов, изложено в коллективном исследовании «Россия. Полное географическое описание нашего отечества». Большая часть работы посвящена изучению таких вопросов как историческое развитие края, распределение населения, этнический состав, быт и культура, города, а также развитие промыслов и занятий. В XVIII томе, в котором рассматривается историческое, естественно-географическое и социально-экономическое развитие Казахстана, дана достаточно полная характеристика этих процессов. При этом значительное внимание уделено западному региону.²⁷

Значительное место отведено истории казахского народа. В статье А. Сидельникова, А.Букейханова, С.Чадова, помещенной в этом издании, говорится: «В этот период / V - VII вв./ после сильной и успешной в завоеваниях гуннской волны, с востока, и в частности с Алтая, происходило почти непрерывное движение различных тюркских племен. В это время вышли на южные степи печенеги, но вскоре были оттеснены торками в современную Уральскую область и далее до Волги, и в IX в. были уже хорошо известны русским князьям, как дикий степной /кочевой/ народ и беспокойный сосед. В XI в. появилось по этому же пути другое тюркское племя - половцы, они потеснили печенегов и торков и также двигались на запад. Жили они, как и первые, кочевым хозяйством, а дойдя до русских пределов, также занялись набегами на ближайшие русские

города и села. Приблизительно в это же время на историческую сцену выступили новые тюркские племена, известные под общим названием киргиз-казаков /кайсаков/»²⁸. Данная точка зрения несколько упрощенно рассматривает процесс этнического развития, но позволяет сделать вполне определенные выводы. Первое - в российской исторической науке появление казахов отнесено к XI-XII векам; второе - происхождение казахов есть результат длительного этнического взаимовлияния различных кочевых народов, близких по культуре, языку, традициям, образу жизни и хозяйствования; и третье - очерчен ареал проживания и расселения казахов в западной части степи - до Волги, и четвертое - конкретно определены тюркские корни происхождения казахов. То есть, в дореволюционной России вопросы о прошлом западных земель и характере их заселения рассматривался в единстве с процессом развития коренного этноса.

Это заключение имеет важное значение, так как в историографию было введено более раннее время появления казахов как этнической общности - XI - XII века, а следовательно более активное их влияние на все исторические процессы, в том числе на развитие городской культуры. Конечно, данная точка зрения историков начала XX века не бесспорна, но в тот период она рассматривалась как общепринятая в российской исторической науке. Отсюда можем установить, что распространенная впоследствии гипотеза о более позднем формировании казахского этноса утвердилась позже, а именно в советской историографии. Оценка этнической истории казахов, данная российскими учеными еще в конце XIX - начале XX веков, приобретает современное актуальное звучание и применительно к истории Уральска.

В целом, анализ историографии XIX века, представленной работами российских ученых, позволяет сделать следующие выводы. Появление пришлых людей на Урале оценивается однозначно - как колонизация. При этом выделяют два момента - 1) появление здесь вольных людей и 2) движение по их следам правительственных дружин. Вольная колонизация, по мнению авторов, брала свое начало со второй половины XVI века, и характеризовалась «появлением крестьян, преступников, сектантов и разного сброда, бежавших сюда от тяжелых условий тогдашней жизни или ради легкого способа наживы от беззащитного инородца. В этом отношении особенно излюбленным местом явились южный Урал и северо-восток нашего края. Здесь скоплялись в XVI, XVII и XVIII веках тысячи таких безымянных людей».²⁹

Выделяя и характеризуя две основные крупные категории населения Западного Казахстана - казахов и казаков, историки определяют место каждой из них в этническом, демографическом и культурно-хозяйственном развитии края. Вместе с тем, особо подчеркивается ведущая роль казахского народа как «главного народа». Этот народ, как по количеству, так и по обширности занятой территории, «занимает первое место среди всех тюркских народов». ³⁰

Таким образом, в дореволюционной историографии вопросы истории Западного Казахстана, происхождения и роли городов рассматривались достаточно объективно и в целом соответствовали достигнутому уровню развития исторической науки. Положительной стороной исследований является обращение ученых к изучению разных категорий и групп населения, существование различных точек зрения и концепций на проблемы социального, политического и этнического развития региона, формирования городской культуры и городов. Достижением российской историографии XIX века необходимо считать поиск и отработку методики научного изучения данных проблем, определение практических методов и способов исследования.

Историческая наука в Казахстане после революции и установления Советской власти прошла сложный и противоречивый путь развития. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что именно на эти годы приходится непосредственное становление истории как науки, создаются собственные школы и направления, формируются национальные кадры историков. Конечно, советская историческая наука уделяла вопросам развития городов недостаточно внимания. И это объективно объяснимо, имея в виду, что перед историками в начальный период становления советской науки стояли другие более крупные проблемы.

Поэтому истории городов уделялось внимание только в связи изучением более общих вопросов. Стоит назвать работы А. Чулошникова, А. Донича, М. Тынышпаева, С. Д. Асфендиярова и других³¹. Особое место среди этих работ занимает монография М. Тынышпаева, который придерживался позиции, во многом совпадающей со взглядами дореволюционных историков, о том, что начальный этап становления казахского этноса по времени был гораздо ранее возникновения первых казахских ханств. Он писал: «Все авторы о казахах с этого времени, с половины XV века, и начинают историю киргиз-кайсаков /Тынышпаев имел в виду работу А. Чулошникова - авт./, при этом происходит нечто странное: едва появившиеся в середине XV века казахи уже через одно поколение вы-

растают до миллиона»³².

Главный вывод, сделанный М. Тынышпаевым, состоит в том, что к середине XV века казахский народ уже был давно сложившимся этносом и имел многовековую историю, которая привела к закономерному результату - развитию собственной государственности и образованию Казахского ханства. В качестве еще одного доказательства такого вывода он приводит факт чрезвычайно быстрого, в течении жизни одного поколения, роста численности казахов и определения этнической территории и границ, которые поставили Казахское ханство в один ряд с самыми крупными государствами того времени. По его мнению, это могло произойти только в одном случае - когда казахский народ уже существовал и занимал подобающую своему составу территорию. Автор писал, что западные границы ханства в XV веке проходили по междуречью Волги и Урала, и устанавливались в жестокой войне с ногайцами.

Асфендияров С.Д. в своем исследовании «История Казахстана с древнейших времен до наших дней» также подчеркивал, что отношения между казаками и ногайцами сыграли определяющую роль в обозначении территории и западных рубежей Казахского ханства.

В последующие годы количество работ на эту тему стало резко сокращаться и до 60-х годов серьезных исследований в Казахстане не проводилось. Объяснялось это не только политической обстановкой сталинского периода, когда исторические исследования подвергались жесточайшей цензуре, но и кризисом самой исторической науки, все более и более переходившей с научных позиций на идеологические. Подтверждением этому является «судьба» первого тома «Истории Казахской ССР с древнейших времен до наших дней», выпущенной под редакцией Панкратовой А.М и Абдыкалыкова О. в 1943 году, впоследствии запрещенной и полностью изъятой из научного оборота.

В 60-70 годы в Казахстане наблюдается подъем исторической науки. Расширяется научная основа изучения проблем городской культуры за счет развития многих новых направлений в отечественной историографии. Исследователи поднимают вопросы развития населения, активно проводят археологические исследования, результаты которых начинают использовать при освещении истории городов. В это же время впервые начинается изучение проблем городов как отдельного предмета исследования, в том числе по истории Уральска.

Историческая литература по проблемам истории Уральска существенно дополняется специальными исследованиями историко - крае-

ведческого характера. Это - монографии Герасимовой Э.И. и Чеснокова Н.Г, а также работы Москалева Г.Е, Белого А.И. и Фокина Н.И.³³

В исследовании Герасимовой Э.И. «Уральск: исторический очерк (1613 – 1917 годы)» впервые в отечественной советской историографии рассматривалась история города за столь длительный исторический период. Автор не подвергает сомнению дату образования города, даже не вступает в полемику по этому вопросу, безоговорочно соглашаясь с этим установлением. В книге приведен большой фактический материал, обилие цифр и различных данных, много ссылок на архивные материалы и сочинения дореволюционных историков. Все это выгодно отличает данную работу как серьезное научное исследование. Однако, написанная в период господства концепции классовой сущности исторических процессов, работа не затрагивала многие актуальные вопросы истории города. Использовался один и тот же круг источников и литературы. Автор не могла выйти из «заданного круга» проблематики своего исследования. Тем не менее, значение данного исследования для процесса изучения истории Уральска и в целом городской культуры Казахстана – несомненно. Герасимова Э.И. первой в советской историографии попыталась выстроить концепцию истории Уральска, которая для своего времени была достаточно удачной.

Монография Чеснокова Н.Г. «Уральску – 350 лет» носит историко – краеведческий характер. В хронологической последовательности автору удалось рассмотреть основные этапы развития города, дать характеристику историческим личностям, определить вклад Уральска в становление Советской власти в Казахстане и т.д. Книга основана на архивных материалах и документальных источниках советского периода, поэтому она не всегда свободна от идеологических штампов. Как вспоминает сам автор, он не мог включить в свою работу многие документы и материалы, свои мысли по многим вопросам истории города и казачества. Данное исследование занимает особое место в историографии Уральска и заслугой Чеснокова Н.Г. является обращение внимания общественности к родной истории, пробуждение интереса к недавнему историческому прошлому.

Фокиным Н.И. опубликованы два солидных исследования – «Финал трагедии. Уральские казаки в XX веке» и «Уральск православный». Проблемы возникновения и развития города автор рассматривает только в связи с историей казачества. Страницам истории Уральска посвящена вторая работа, в которой тщательно освещены вопросы религиозной

жизни, строительства храмов и церквей, которые и сейчас составляют одну из главных достопримечательностей города.

Значительно расширилась научная база исследований по городу Уральску в связи с развитием исторической демографии и этнографии, которые дали возможность более широкого изучения. Рассматривая население как объект исследования, историки впервые изучили целый пласт вопросов, имеющих важное значение для целого круга научных проблем. Это - происхождение этносов, динамика развития разных категорий населения в течение длительного исторического времени, влияние миграционных процессов на формирование населения Уральского и т.д.³⁴

В центре внимания историков находилось определение тенденций в процессе формирования населения. Однако до середины 1980-х гг. основные работы были посвящены изучению населения дореволюционного периода, в которых затрагивались различные вопросы истории западного региона и Уральского. Особое место здесь занимают монографии Бекмахановой Н.Е. и Алексеенко Н.В.

Исследования Бекмахановой Н.Е. охватывают период с середины XVIII века - до 1917 года. Привлечен широкий круг новых источников, использованы материалы переписей и текущего учета населения, работы многих авторов, большая часть из которых впервые вводилась в научный оборот. Все это позволило автору с достаточной полнотой осветить узловые проблемы исторического процесса развития населения. В монографии "Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии" специальная глава посвящена динамике численности и национальному составу населения Западного Казахстана. Этнодемографический анализ Бекмаханова Н.Е. провела на конкретном изучении населения в границах существовавшего в тот период административно - территориального деления региона: Букеевская орда, Область оренбургских казахов и войсковая территория уральского казачества. Такой подход позволил установить численность населения в целом по западной части Казахстана в середине XIX века, что явилось важным вкладом в освещении проблемы. Во второй работе, охватывающей время с середины XIX века до 1917 года, Бекмаханова Н.Е. выделила основные факторы, повлиявшие на характер этнодемографического развития. Это - завершение колонизации Казахстана, приведшее к значительным внутримиграционным процессам, и переселение русско-украинского крестьянства, изменившее национальный состав населения Казахстана.

Автором сделан вывод о том, что результатом этих изменений стало снижение естественного прироста в ряде областей, в том числе в Уральской, среди коренного населения и падение удельного веса казахов в общей численности населения.

Анализ изменений в структуре населения Западного Казахстана автор проследила на примере Уральской и Тургайской областей, несколько меньше внимания было уделено казахским землям, входившим тогда в состав соседних российских губерний. Исследования Бекмахановой Н.Е. носят фундаментальный характер, раскрывая основные тенденции в развитии населения, поэтому служат надежной базой для более детального изучения этнодемографических процессов по отдельным регионам Казахстана. Автор избрала метод исследования и анализа произошедших изменений на базе существовавшего административно - территориального деления, что позволило ей выделить динамику развития населения по регионам. Автор значительное внимание уделила вопросам демографического развития населения Уральской области, в том числе казачества. Вместе с тем, в исследованиях Н.Е. Бекмахановой не выделялись особенности и специфические аспекты этих процессов в зависимости от региональной принадлежности, тогда как сама автор неоднократно говорила о существовании определенных различий. Значение ее исследований состоит в том, что впервые в советской историографии была создана последовательная и логически выверенная, охватывающая весь Казахстан значительный период времени, концепция формирования и развития населения.

В монографии Алексеенко Н.В. «Население дореволюционного Казахстана» исследуется важный переломный этап в истории Казахстана. Он, по мнению автора, определил последующее развитие населения. Не случайно, поэтому много внимания уделено характеристике источниковой базы, полноте и достоверности привлеченных сведений и данных. При этом анализируется постановка статистического учета населения по регионам Казахстана, что позволило Алексеенко Н.В. сделать вывод о разной степени квалификационного уровня работы статорганов дореволюционной России. Высоко оценивая деятельность Уральского областного статистического комитета в налаживании учета населения, автор указывает и на имевшиеся недочеты, в особенности в определении численности коренного населения.

Население Западного Казахстана Алексеенко Н.В. рассматривает на основе анализа трех основных групп: казахского населения, казачества и

иногородних, к которым причисляет переселенцев. При этом подробно освещает различные вопросы переселенческого процесса, который привел к началу крупных изменений в национальной структуре населения Уралья.

Значение исследований Бекмахановой Н.Е. и Алексеенко Н.В. состоит в том, что ими была установлена близкая к достоверности численность населения Казахстана, выявлены основные этапы его формирования и развития. Кроме того, эти работы стали практически первыми исследованиями, подробно анализирующими историографию вопроса, как в дореволюционной печати, так и в советской научной литературе. Впервые за долгие годы в советской историографии было обращено внимание на казачество. Можно сделать вывод о том, что история формирования и развития населения Казахстана в досоветский период, благодаря этим ученым, получила достаточно полное освещение и в целом общие проблемы изменений национального состава были раскрыты.

Проблемам формирования этнического состава населения Казахстана в дореволюционный период посвящена статья Базановой Ф.Н., в которой на основе материалов статистики и ряда работ российских авторов прошлого столетия прослежены изменения в структуре и динамике численности.

Начавшиеся с конца 80-х гг. перемены в развитии общественно-политических наук, коренным образом изменили подходы ученых к изучению истории Казахстана. Узловой проблемой, заставившей многих историков по-новому взглянуть на характер исторических процессов, стала проблема этнодемографического развития населения. В исследованиях казахстанских ученых впервые стало анализироваться влияние политических факторов на судьбы народов. Была сказана правда о трагических страницах в жизни народов Казахстана.

В этот же период выходят коллективные исследования, посвященные проблемам народонаселения в 50-70 годы.³⁵ В них рассматривались различные аспекты демографических процессов: воспроизводство населения, роль миграций в развитии трудовых ресурсов, рост городов и изменения уровня урбанизации. В статье Москвиной Г.Д. и Мельдхановой М.К. «Территориальная подвижность населения и процессы урбанизации в Казахстане» определен характер миграционных потоков в регионе: «Высокий уровень интенсивной миграции казахов обеспечивался в основном по направлению «село-город». Примечателен в этом отношении Западный Казахстан. Здесь сальдо миграции почти на 85% формируется за

счет местного населения, а оно в основном казахское». В результате, по мнению авторов, возможно накопление трудоизбыточного населения, использование которого требует должной социально-демографической политики. В статье Барабтарло Е.М., Квона Л.А. установлены тенденции развития городов Казахстана в послевоенный период. Анализ ситуации позволил авторам сделать вывод об изменении причин роста численности населения. Если в 50-е годы рост обеспечивался за счет высокого уровня естественного движения и механического прироста, то «в 60-70 годы произошло значительное понижение рождаемости и естественного прироста.»³⁶

Таким образом, историко-демографические работы предоставляют возможность комплексного подхода к процессу урбанизации населения Западного Казахстана. И анализ исследований показал, что освещены многие вопросы этногенеза и формирования современного городского населения Уральска.

Особое место в ряду работ по истории городов, особенно по древней и средневековой истории городской культуры в Западном Казахстане, занимают археологические исследования. Археология, как никакая другая наука, дает возможность наполнить реальным содержанием те или иные гипотезы и концепции, или выдвигает и доказывает свои предположения. Во многих случаях открытия археологов остаются единственными доказательствами. К истории Уральска это предположение имеет прямое отношение.

Наиболее ранние сообщения о памятниках материальной культуры по области содержатся в сочинениях П.И.Рычкова и П.С. Палласа, которые уже упоминались выше. Начало научных исследований по археологии края приходится на XIX век. С древней историей Западного Казахстана знакомят научную общественность России А. Харузин, И.Кастанье, С. Бабаджанов.

В конце 80-х гг. XIX века в Оренбурге была основана Ученая архивная комиссия, которая и возглавила до 1917 года всю краеведческую работу на территории региона. В 1889 году этнограф А.Харузин организовал и провел раскопки 22 курганов, относившихся к средневековью, а чиновник особых поручений И.А.Кастанье в конце XIX века начал собирать сведения о памятниках края и к 1910 году подготовил реестр памятников «Древности киргизской степи и Оренбургского края».³⁷

Археологическое изучение Приуралья в первые десятилетия Советской власти носило эпизодический характер. Оно проводилось в сере-

дине 20-х и начале 50-х годов XX столетия. Впервые в литературе появились публикации полевых научных исследований.

Так, в 1925—27 годах “Общество изучения Казахстана” совместно с краеведческим институтом Южно-Волжской области при Саратовском университете и Саратовским областным музеем организовало археологическую экспедицию под руководством профессора П. С. Рыкова. Одним из главных выводов его исследований являются положения о том, что междуречье Волги и Урала — район расположения памятников бронзового века, а также савромато-сарматской культуры (VII в. до н. э. — IV в н. э.). Самые поздние памятники, по мнению П.С.Рыкова, относятся к периоду поздних кочевников, то есть к X—XV в. н.э.³⁸

Большое значение для изучения древней истории Западного Казахстана имели работы комплексной экспедиции Академии наук СССР и, в частности, антропологического отряда Казахстанской экспедиции, организованной Особой комиссией по обследованию союзных и автономных республик под руководством М. П. Грязнова и М. В. Комаровой. М.П. Грязнов высказал мысль о наличии на левобережье реки Урал памятников андроновской культуры³⁹.

В конце 40-х — начале 50-х годов после длительного перерыва были организованы разведка и раскопки курганов археологической экспедиции Саратовского государственного университета и областного краеведческого музея под руководством профессора И. В. Синицына. За три сезона (1948—50 гг.) экспедиция изучила 28 курганов с 55 погребениями, представлявших собой памятники бронзового и железного веков и средневековья.⁴⁰

В 1953 году в связи с проектированием и организацией изыскательских работ по строительству Урало-Кушунской оросительной системы была организована археологическая экспедиция Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР под руководством Т. Н. Сениговой.⁴¹ Экспедиция провела раскопки 16 курганов в могильниках, на которых уже ранее велись раскопки: Курпе-бай, Кара-Оба.

Раскопки в восточной части Уральской области были начаты в 1966 году экспедицией Уральского педагогического института под руководством Г. И. Багрикова. Именно ей удалось получить уникальные материалы по эпохе сарматов и средневековых кочевников в курганном комплексе Лебедевка, публикация которых вызвала широкий резонанс в археологических кругах.⁴²

Новый качественный этап археологических исследований на терри-

тории Уральской области начался в 1968 году, когда экспедиции Уральского педагогического института возглавил Г.А.Кушаев.⁴³ Его работы продолжались до начала 90-х гг. прошлого века и дали многочисленные материалы по древней и средневековой археологии и истории региона.

С 1976 года в составе экспедиции начинает работы археологический отряд, руководимый М.Г.Мошковой, Б.Ф.Железчиковым, В.А.Кригером⁴⁴. В 1976-80 годы отряд провел раскопки курганных комплексов у сел Новопавловка, Алебастрово II, Белая гора. Наряду с традиционными исследованиями памятников древности Б.Ф.Железчиков и В.А.Кригер впервые в Западном Казахстане обратились к широкому изучению могильников эпохи средневековья, когда в Евразии складывались государства печенегов, огузов, кыпчаков. Исследования Б.Ф.Железчикова и В.А.Кригера и других, нашли свое отражение в книге "Курганы кыпчакского времени на Южном Урале"⁴⁵. В ней анализировались погребальные памятники XII-XIV вв., систематизировался инвентарь, рассматривался похоронный обряд; велась хронология развития "кыпчакской культуры" по трем периодам – домонгольского, монгольского и мусульманского.

Впоследствии, начиная с середины 90-х годов эта тематика получила развитие в работах А.А. Бисембаева. Его статьи и кандидатская диссертация были посвящены публикации и систематизации погребальных памятников всего средневекового периода в хронологическом диапазоне VIII-XVIII вв.⁴⁶ Можно констатировать, что эта работа явилась первой в археологии Казахстана, охватившей развитие материальной и духовной культуры средневековых кочевников Западного Казахстана на протяжении более чем тысячелетия.

Результаты исследований в регионе и материалы раскопок вышли в ряд обобщающих исследований и сыграли свою роль в сложении общей исторической картины древней и средневековой Евразии⁴⁷.

В 2001 году после долгого перерыва были вновь возобновлены археологические работы в рамках Западно-Казахстанской археологической комплексной экспедиции. Вначале она включала в себя силы Института археологии и областного историко-краеведческого музея, а затем созданного в 2002 году Западно-Казахстанского центра археологии и истории. Впоследствии к ним присоединились ученые-археологи из других научных учреждений и вузов Казахстана (Актюбинск, Шымкент, Туркестан) и специализированных научных организаций из России: Институт почвоведения РАН РФ (Москва), Институт степи Уральского отделения РАН (Оренбург), научный центр Уральского отделения РАН РФ

(Челябинск), Научно-исследовательский институт археологии Нижнего Поволжья (Волгоград), а также из вузов Самары, Оренбурга, Орска, Кемерово. Отряды в рамках единой экспедиции занимались поисками и исследованиями памятников от палеолита до позднего средневековья.

Впервые специальное внимание было уделено городской средневековой археологии. В результате в 2001 году было обнаружено городище «Жайык» в 12 км южнее города Уральска. На городище и некрополе проводятся раскопки уже давшие интересные материалы по средневековому периоду Казахстана, по истории Шелкового пути, а главное по более древней, чем принято было считать, истории Уральска.

Пока остается малоизученным направление связанное с памятниками истории тюрок, формирования кыпчакско-половецкого культурного комплекса на степных просторах Западного Казахстана. Безусловно, актуально изучение трасс Великого Шелкового пути; диалога различных культур и народов; поиски и изучение оседлой и городской культуры, распространенной здесь в эпоху средневековья, вплоть до времени Ногайского и Казахского ханства.

Одной из важных проблем является изучение взаимосвязи скотоводства и земледелия, города и степи, взаимодействий этносов, в которых находятся истоки многих достижений в развитии государственности, экономики и культуры⁴⁸.

В связи с открытием городища «Жайык» необходимо вновь обратиться к исследованиям Кушаева Г.А., который много времени отдал изучению проблемы возникновения городской культуры в Западном Казахстане и непосредственно города Уральска. На основе анализа исторической литературы и материалов собственных раскопок Кушаев Г.А. сделал в свое время вывод об образовании города в районе, включающем территорию современного Уральска, уже в XI веке, а в период Золотой Орды и ногайского государства – нескольких городов. Он писал : «Все выявленные в долине реки Урал, у его излучины... городище Сундук, расположенное в дельте реки Барбастау; Дарьинское городище, расположенное на правом берегу реки Урал; предшественник Уральска Яицкий городок; городище, на котором сооружен Уральский инкубатор, поселение городского типа в дельте правобережья реки Чаган, известные под названием Теке; остатки средневекового памятника у села Круглоозерное ... составляют своеобразный оазис городов. Таким образом, излучина реки Урал на севере, а Меловые горки на юге являлись границами «оазиса городов»,

возникшего как закономерный результат общего экономического и культурного подъема в XI – XIII веках.⁴⁹ То есть, существующие в исторической литературе даты образования Уральска такие как 1580, 1591 и 1613 годы, по его мнению, значительно снижают возраст города. Приведенные автором факты – очевидны, многочисленные находки безусловно являются достаточным доказательством о сложном пути истории развития городов. Обнаружение городища «Жайык», существование которого предполагал Кушаев Г.А., также подтверждает это заключение.

Таким образом, археология имеет особое значение для изучения истории Уральска. Археологические исследования привели к ряду открытий, в том числе обнаружение городища XIII - XV веков, названного археологами «Жайык». Этот древний город убедительно доказывает существование городской культуры в Западном Казахстане и подтверждают сообщения средневековых путешественников и выводы ученых о наличии более ранних городов в районе современного Уральска. Это открытие имеет важное значение для переосмысления истории и региона, и города.

Ценную и новую информацию по истории города Уральска дают результаты исследований нумизматического материала. До недавнего времени Западный Казахстан оставался слабоизученным регионом в этом отношении, поэтому тем больший интерес вызывают здесь находки монет эпохи Золотой Орды⁵⁰.

Они были обнаружены впервые в начале 70-х годов Г.Кушаевым в окрестностях пос. Дарьинский и при раскопках мавзолея на территории комплекса Барбастау I в уроч. Узунколь в 1972-1973 гг.⁵¹ Это была небольшая серия джучидских монет времен хана Абдаллаха. Позднее при исследованиях были найдены еще 3 монеты (1 серебряная, 2 медные), которые ученые датировали 1321 г.

Джучидские монеты в Западно-Казахстаной области были найдены при исследованиях кургана в уроч. Кара-Оба (пул XIV в.), в кургане у пос. Новая Казанка (серебряная монета XIV в.)⁵². Интересно отметить, что у с. Новая Казанка в 1980 г. был также найден монетно-вещевой клад XIV в. Большая часть клада разошлась по рукам. Сохранившиеся представлены следующими монетными дворами: Азак – 1, Гюлистан – 25, Мохши – 1, Сарай – 8, Сарай ал-Джедид – 36, Хорезм – 9.⁵³ Клад относится ко времени внутренних войн в Улусе Джучи, к периоду т.н. «великой замятни». В кладе, как и в большинстве монет из погребений, встреченных на территории Западного Казахстана, преобладают монеты ниж-

неволжских монетных дворов (Сарай, Сарай ал-Джедид, Гюлистан), но есть и монеты из других регионов. На втором месте по количеству монет в кладе находится область Хорезма, эмиссии которой также встречаются в погребениях на территории Западного Казахстана.

В 2008 году при раскопках курганов комплекса Мокринский I в 5 погребениях было найдено 20 экз. серебряных джучидских монет. Находки представляют собой 5 микрокладов, которые, однако, отличаются по целям сокрытия от большинства кладов с золотоордынскими монетами. Клады с монетами Золотой Орды главным образом – связаны с чрезвычайными обстоятельствами, тогда, как монеты в погребениях были оставлены сознательно без цели последующего использования этих денег. Примечательно, что, если большинство кладов с монетами Золотой Орды относится ко времени междоусобиц и военных столкновений (2 половина XIV и XV в.), то большинство кладов монет в погребениях датируется временем правлением ханов Узбека и Джанибека (периодом экономической и политической стабильности). Ко времени правления этих ханов относятся и монеты, оставленные в погребениях комплекса Мокринский I.

Ранее при исследованиях памятника Мокринский I джучидские монеты уже встречались. Так при раскопках 1974-1975 гг., по данным Г.А. Кушаева и Е.М. Пигарева, в различных погребениях были найдены 4 джучидские монеты: 1323 г. – 1 (медь), 1340 г. – 1 (серебро), 1342 г. – 1 (серебро), 1380 г. – 1 (серебро)⁵⁴. Вызывает интерес находка медной монеты и монеты 1380 г., т.к при последующих исследованиях могильника ни медные монеты, ни монеты времени правления хана Токтамыша не встречались. Данные этих исследований позволяют считать, что в могильнике присутствуют погребения, относящиеся как минимум к концу XIV в.

Очевидно, что население, жившее в золотоордынское время на территории современной Западно-Казахстанской области, было тесно связано с Нижним Поволжьем. При раскопках крупнейшего золотоордынского города Сарайчик на Урале также было отмечено преобладание монет нижневолжской чеканки⁵⁵. На русских картах XIX в. низовья Волги связаны с Уралом дорогами, которые вероятнее всего возникли еще в золотоордынское время. Одна из этих дорог вела от с. Селитренного в Астраханской области (место расположения столицы Золотой Орды, города Сарая) на северо-восток, к Узеням и в Уральск. Развалины, вероятнее всего, золотоордынского времени упоминали к востоку от Волги и путешественники XVIII в. В.И. Татищев, интересовавшийся древностями

ми Астраханского края, упоминал в письме к И.Д. Шумахеру (от 1741 г.) развалины в степи (“на речке текущей из степи, именуемой Ханская”)⁵⁶. Местонахождение этих памятников в настоящее время неизвестно, т.к. не локализована и сама река Ханская, а в письме В.И. Татищева точных координат нет. Заметим также, что и С.Г. Гмелин (1770-е гг.) сообщает: “на Яицкой степи”, от Ахтубинских развалин, “до самой реки Яика, еще много ... (татарских развалин) находится”⁵⁷. Ни один из этих пунктов до настоящего времени не был обследован археологически. В.И. Татищев упоминает также и “старые великие дороги”, расположенные, где-то в степи⁵⁸.

До завоевания Средней Азии русскими только в золотоордынский период бассейны рек Урала, Волги и низовья Аму-Дарьи были объединены в рамках одного государства. В.В. Бартольд отмечал, что «в первой половине XIV в. Хорезм был даже теснее связан с бассейном Волги, чем с местностью по Сыр-Дарье»⁵⁹. Находки джучидских монет Хорезма в комплексе Мокринский I подтверждают связи Западного Казахстана с этой областью.

Все монеты, встреченные в ходе исследований, относятся к XIV в. и большинство из них датируются временем правления ханов Узбека и Джанибека. Распространение монет стало результатом активной караванной торговли и денежного обращения, которые были особенно сильно развиты в период правления именно этих ханов Золотой Орды. В джучидской нумизматике продолжается фиксация новых типов и вариантов монет, исследователи открывают новые имена ханов и монетных дворов. Не приходится сомневаться, что список правителей и монетных центров Золотой Орды будет дополняться и уточняться. Новые находки монет на территории Западного Казахстана позволяют в будущем дополнить наши представления, как о монетном деле Золотой Орды, так и о монетном обращении данного региона в эпоху средневековья.

Если изобразить на карте места находений монет, то мы обратим внимание на тот факт, что они практически сгруппированы на двух компактных территориях. Первая территория включает в себя современные поселки Дарьинское и Барбастау, а также само городище Жайык; а вторая территория - комплекс курганов у поселка Айдархан (Мокринский), что в 10 км от второго средневекового городища Жалпактал. Не трудно заметить, что именно вокруг средневековых городов расположены наиболее значительные находки монет XIII – XIV веков. Монеты являются одним из основных доказательств при датировке, поэтому их находке-

ние как в самих городищах, так и в окружающих их районах, подтверждает вывод о принадлежности Жайыка к периоду Золотой Орды.

Нумизматический материал позволяет с большой точностью установить датировку городища «Жайык». При раскопке большой жилой усадьбы были обнаружены две монеты. Одна из них очень плохой сохранности, обе стороны совершенно стёрты. Зато вторая монета хорошо «прочитана» специалистами и дала богатую информацию.

Она принадлежит к джучидским монетам, к пореформенному чекану хана Узбека. Цифрами дана дата чеканки монеты - 737 год хиджры, или 1336-1337 г.г.

Таким образом, в результате анализа нумизматического материала нами получены новые сведения, которые ранее были неизвестны ученым. Поэтому включение их в научный оборот подтверждает вывод о том, что средневековый город Жайык был основан в период Золотой Орды, являлся одним из центров обширной империи, вероятнее всего одного из улусов, имел развитые караванные связи с Нижним Поволжьем и Средней Азией.

Ценные сведения по истории Уральска мы получаем при обработке статистической информации. Круг источников по проблемам истории Уральска достаточно обширен. Это - документы и материалы как дореволюционного, так и советского времени. Среди них отчеты губернских и войсковых органов власти, документы различных архивов, материалы статистического учета, итоги первичных обследований, проводимых местными органами, результаты Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, местные газеты и т.д. Как правило, за исключением результатов переписи 1897 года, большая часть источников носит неполный, приблизительный характер, зачастую содержит погрешности и неточности. Необходимо также учитывать, что в XVIII - XIX веках архивное дело и статистика переживала время становления и развития.

Все это имеет важное научное значение при изучении документов того времени. Отметим высказывание В.З. Дробижева, который охарактеризовал традиционные источники и показал возможность расширения источниковой базы исторических исследований за счет использования вторичных (т.е. уже собранных и первично обработанных) и косвенных материалов, имеющих опосредованное отношение к проблеме, но содержащих информацию по рассматриваемому вопросу⁶⁰. В этой связи возрастает роль огромного массива документов, собранных

в местных статистических органах, архивах и краеведческих работах. Тем более, что утрата архива Уральской войсковой канцелярии в годы гражданской войны, оставила исследователям возможность обращения к материалам по истории казачества только через известные работы, содержащие ссылки на тот или иной документ.

Следует сразу оговориться, что ни один из имеющихся документов XV- XVII веков не может восприниматься без серьезного сравнительного анализа. Сложность выявления достоверных данных в этот период заключается в том, что крайне незначителен круг письменных источников, что сужает поле исследовательской деятельности для историка. Кроме того большинство исследований опиралось на письменные источники, представляемые российскими органами. Написанные в период колониального захвата и завоевания Казахстана многие из них носят тенденциозный характер, что необходимо учитывать при определении достоверности источников.

Архивные материалы представляют собой документы различного характера: официальные записки и обзоры, отчеты и докладные, и т.д. По Западному Казахстану архивные документы, в первую очередь, включают в себя сообщения государственных органов и официальных лиц о состоянии в новых восточных землях, где одним из важных пунктов являлась информация о составе и численности населения, его размещении, количестве горожан и их занятиях. К источникам этого типа относятся отчеты оренбургских властей: Кириллова - начальника Оренбургской экспедиции, губернаторов Неплюева, Давыдова, Волконского и других. Наиболее примечательны отчеты Волконского, бывшего губернатором Оренбургской губернии в начале XIX века. Много ценной информации в рапортах Игельстрема, возглавлявшего губернию в годы восстания Срыма Датова. Многие из этих документов отражены в разных сборниках материалов, опубликованных в 50-70 годы двадцатого столетия, приведены в монографиях отдельных исследователей более позднего периода⁶¹.

Важное место занимают документы, содержащие сведения о городском населении. С конца XVIII века эпизодически, а с первой четверти XIX века постоянно, стали проводиться ежегодные учеты населения. Основным видом источников по истории города служат статистические данные. Для исследуемого периода выделим четыре основные группы:

1. статматериалы, опубликованные Центральным статистическим комитетом;
2. общероссийские и местные справочные издания;

3. материалы Переселенческого управления;

4. статистические приложения к губернским отчетам.

На мой взгляд, по Западному Казахстану, учитывая достаточно высокий уровень изученности региона, можно добавить еще одну группу статистических документов - это самостоятельные статистические разработки, проводимые отдельными исследователями или местными органами. Наличие такой группы источников объясняется более высоким уровнем постановки статистического учета в Западном Казахстане.

Все статистические материалы можно разделить на две категории по характеру собранной информации. Это - текущая статистика, в которой даются сведения относительно экономики города, количества населения, его движения и т.д. Сильной стороной этих данных является однотипность собираемых сведений, представляемых к тому же одними и теми же органами по одним и тем же таблицам. Все это облегчает возможность сравнительного анализа за определенный отрезок времени. Другой вид статистических данных, это - специальные исследования по отдельным сторонам истории города. Они отличаются большей точностью, чем текущая статистика, но вместе с тем, служат только дополнением к основной.

Статистика казачьего населения основана на данных станичных атаманов и волостных управителей. Население войсковой территории подвергалось пересчетам, начиная с XVIII века. В 1723 году полковником Захаровым была проведена первая перепись, что почти совпало по времени с проведением первой ревизии податного населения в России / 1724 г./ . Затем производились пересчеты в 1746 и 1763 годах и наконец - в 1803 году была проведена перепись Медером. С 1835 года вплоть до нашего времени в войсковой канцелярии и затем в хозяйственном управлении составлялись всеподданнейшие отчеты наказного атамана. Итоговыми сведениями за XIX век стали результаты Первой переписи населения 1897 года.

Население степи до этой переписи было установлено приблизительно, на основании, как уже выше говорилось, покибиточных списков. Со времени образования области, с 1869 года, казахи платили государственный налог - от 3 до 4 с половиной рублей с каждой кибитки. До переписи такие подсчеты велись каждые три года, но только с 1878 года появляются более полные списки по всей казахской территории. Со времени переписи учет казахского населения велся другим образом - ежегодно статистический комитет рассылал по аулам личные карточки браков,

рождений и смертей, которые заполнялись на местах аульными писарями и затем возвращались обратно. По истечении года карточки подсчитывались и по каждой волости определялся естественный прирост, который прибавлялся к цифрам населения, установленным переписью.

Аналогичная карточная система будет впоследствии введена и для других категорий населения. До этого учет, в частности казаков, велся статистическим столом хозяйственного управления войсковой канцелярии по очень сложным ведомостям. С 1901 года статстол хозуправления был передан в областной статистический комитет и с этого времени единая карточная система учета стала вестись на всей территории области. В итоге один из исследователей истории населения Н.Огановский, оценивая уровень учета населения, сделал вывод, что в Уральской области «две трети материалов без всякой натяжки можно признать настолько правильными, чтобы на основании их судить об истории как самого населения, так и некоторых экономических, культурных и моральных сторон жизни этого населения», имея в виду конец XIX - начало XX веков⁶².

Важным источником по развитию городов Западного Казахстана, в особенности Уральска, явились различного рода справочные издания. Ежегодно с 1867 года публиковались данные о состоянии экономики и хозяйства города, количестве предприятий, школ, мастерских, а также об общей численности населения с учетом таких признаков, как национальность, вероисповедание, сословная принадлежность. Существенным дополнением явились списки городов, которые помещались во «Всеобщем календаре». Сведения для этого справочника поставляли областные статистические комитеты, поэтому эти данные совпадают с материалами губернских отчетов.

К местным справочным изданиям относятся «Памятные книжки», издававшиеся статистическими комитетами. Такие книжки выходили по Уральской области в 1897 - 1915 годах. Здесь также публиковались извлечения из приложений к губернским отчетам. Сюда же можно отнести «Обзоры областей», которые выходили по Уральской области в 1883-1915 годах.

«Памятные книжки» и «Обзоры развития областей» многими исследователями характеризуются как справочники, содержащие приблизительные данные. Но вместе с тем, они подчеркивают, что в них содержатся наиболее систематизированные сведения по развитию Уральска и области, позволяют проследить изменения в социально – экономическом и этнодемографическом развитии города. Анализ этого круга ис-

точников позволяет сделать следующие выводы:

- по многим вопросам истории города в справочниках содержатся порой единственные сведения, не встречающиеся более ни в каких других изданиях;

- помимо статистических данных, здесь часто публикуются крупные исследования по проблемам экономики, истории и культуры Уральска, которые содержат не только конкретные сведения, но и представляют собой законченные и цельные изложения состояния дел по области, уезду, или по определенному периоду времени;

- много конкретного материала по различным отраслям экономики, культуры, здравоохранения и т.д., которые позволяют осветить такие стороны процесса развития областного центра как уровень жизни и благосостояния людей, условия труда, санитарно-эпидемиологические условия, занятия населения и профессиональный состав, социальную структуру и т.д. Поэтому при оценке данного источника надо учитывать все стороны представленного материала, который во многом является единственным по большинству вопросов.

Большой массив сведений представляют статистические документы, которые имеют два несомненных достоинства, придающих им высокую научную ценность. Во-первых, статистические материалы зачастую единственные по многим вопросам истории города, а, во – вторых, они дают возможность сопоставления полученных результатов в развитии и выявления определенных закономерностей в изменении тех или иных сторон развития города.

Центральный статистический комитет России провел большую работу по систематизации имеющейся базы данных. С этой целью были выпущены специальные издания, содержащие сведения по волостям и населенным пунктам, в том числе четыре выпуска были посвящены областям Казахстана.

В приложениях к этим выпускам отмечалось: «Списки населенных мест губерний и областей Азиатской России издаются отдельными выпусками под заглавием «Волости и населенные места 1893 года». Они состоят из общего описания губернии, области, затем излагаются сведения о населении в целом, с указанием источников благосостояния. Во второй части выпусков даны списки более мелких административных единиц: волостей, поселков, хуторов, аулов, где указываются цифровые данные за 1892 год по числу крестьянских и некрестьянских дворов и наличного населения обоих полов каждого селения и города, о количестве земли и

т.п.» Эти данные, вышедшие в свет непосредственно перед первой переписью населения, подвели итог многолетним статистическим подсчетам населения и позволили уточнить численность и состав по основным национальным группам.

Большую часть материалов для центральных и местных справочных изданий собрали, обобщили и подготовили местные статистические органы. Основными задачами губернских, областных и уездных статистических комитетов являлись: « исправное содержание местной административной статистики..., в установлении правильнейших способов собирания ...точных статистических сведений о количестве и качестве земель, народонаселении и производительных силах губернии или области, и в проверке и обработке этих сведений.» Помимо этого, статистическим комитетам вменялось в обязанность «заботиться о составлении подробных описаний губерний и областей, равно как и частей оных, также городов и особенно почему-либо замечательных ... местностей в отношении топографическом, историческом, промышленном, торговом, сельскохозяйственном и проч. «⁶³

Областной статистический комитет был создан в Уральской области в 1896 году. Уральский областной комитет разработал программу улучшения текущей статистики, в которую было включено изучение при помощи архивных и литературных источников, а также личных исследований на местах, этнографических и хозяйственных особенностей населения. Одним из самых крупных дел комитета было введение карточной системы регистрации горожан, а затем и всего оставшегося населения области.

Наиболее точные и полные сведения о численности, национальном и сословном составе населения, половозрастной структуре, а также занятиях людей и уровне грамотности представляет Первая всеобщая перепись населения Российской империи, прошедшая в 1897 году. Характеристику материалов переписи, их достоверности автор дает в специальном параграфе, посвященном итогам 1897 года по региону в целом и по областям и уездам по отдельности. Поэтому анализ этих данных будет приведен ниже.

Ценным источником по истории населения являются материалы переселенческих органов. В частности, в начале века были проведены статистико-экономические исследования казахского хозяйства в Уральском и Лбищенском уездах под руководством П.Хворостанского, опубликованные им в 1912 году. Несколько ранее, в 1911 году, иссле-

дователем Ф.Поповым были обнародованы итоги обследования 75 переселенческих хозяйств Уральско-Тургайского переселенческого района. Сюда же можно отнести различные экономические обследования, связанные со строительством железных дорог - Самаро-Каспийской, Каспийско-Аральской, Уральско-Царицинской и т.д., в которых рассматривались отдельные вопросы численности населения. Данные материалы отражают процесс промышленного развития города, позволяют проследить характер изменения социально-экономического облика Уралья: формирование кадров рабочих, увеличение численности батрачества и т.д.⁶⁴

Значительную информацию по проблемам исторической демографии содержат материалы печати. Первой газетой в крае была газета «Оренбургские губернские ведомости», издававшаяся с 1838 года и состоявшая из официальной и неофициальной частей. Здесь печатались многие первые материалы как по истории казачьего войска, так и по территории и населению Западного Казахстана. С 1898 года газета разделилась на два органа и дополнительно стала выходить в свет «Оренбургская газета.» Именно здесь печатались в основном все статьи научного характера. Помимо этих изданий стоит упомянуть две другие оренбургские газеты: «Оренбургский листок», выходящий с 1876 года, и «Оренбургский край», выпуск которого начался с 1892 года.

Непосредственно в регионе газеты стали выходить несколько позже, чем в Оренбургской губернии. Так, в Уральской области с 1867 года стала издаваться газета «Уральские войсковые ведомости», учредителем и издателем которой являлось войсковое хозяйственное управление. Здесь были напечатаны многие интересные работы ученых-краеведов - Карелина, Савичева, Гуляева, Бородина, Карпова и других, которые освещали в основном вопросы истории казаков. С 1891 года в Уральске начинает выходить другая газета - «Уральский листок», а с 1897 года - «Уралец». Обе газеты были частными изданиями либерального направления. В 1906 году «Уралец» начинает выходить под другим названием - «Уральский дневник» и с перерывами печатался до 1917 года. С 1903 года выходит в свет орган областного правления - «Уральские областные ведомости».

Периодическая печать являлась одним из основных источников по истории Уралья. На своих страницах они помещали материалы по истории края, персоналии, интересные факты и события. С начала XX века получают преобладание аналитические статьи. Так были опубликованы статьи ряда историков, экономистов, статистиков, которые рас-

смаатривали разные стороны жизни города.

Весь круг названных источников позволяет исследовать развитие Уральска в XVIII – начале XX веков. Правда, в меньшей степени в восемнадцатом столетии, так как количество источников значительно уступает последующему времени, что нашло свое отражение в исследовании. Расширение источниковой базы в XIX веке объясняется не только увеличением документов и материалов, проведением переписей и различных форм учета, но и становлением самой исторической науки, которая стала уделять больше внимания истории национальных окраин России.

Однако сохранился главный недостаток источников данного периода – их безальтернативность, т.е. отсутствие других видов информации для сопоставления и выявления достоверности предлагаемых сведений. Это в большей степени относится к источникам, датируемым временем до середины XIX века. Поэтому при изучении истории Уральска и городской культуры Западного Казахстана в целом, обоснованным является дополнительное обращение к методам исследования и достижениям других наук.

Самая многочисленная группа источников представляет собой документы и материалы советского периода. Это – данные социально-экономического развития, отчеты соответствующих отраслевых управлений, материалы органов власти города, статистические и другие формы учета и т.д. Круг источников данной группы настолько широк, что охватывает, в отличие от первой группы, все стороны жизни и истории города. Вместе с тем, в советский период многие источники открытого характера уже были вовлечены в научный оборот и поэтому использованы в научных исследованиях, в которых им уже был дан анализ. Другое дело – документы и материалы, которые длительное время были недоступны для исследователя.

В условиях Советской власти проведение переписей, обследований и других статистических операций проходили параллельно со становлением советской статистики – развитием сети учреждений, подготовкой кадров и выработкой методик исчисления населения. В довоенный период было переведено пять переписей: в 1920, 1923, 1926, 1937 и 1939 годах. Из них три последние проводились как всеохватывающие Всесоюзные переписи, но итоги переписи 1937 года, не «удовлетворившие» руководство страны, были признаны «дефектными» и изъяты из оборота.

Все переписи имели разный характер и направленность, исследова-

ли многие стороны жизни и деятельности населения, давали достаточно полное представление о городе и его проблемах. Сложнее с определением демографических процессов, так как резко выделяются переписи 30-х годов, которым был придан характер политических компаний, когда на первый план вышли конъюнктурные соображения, далекие от поисков истинного положения и в результате итоги переписи вполне обоснованно подвергаются учеными сомнению. Вышедшие в последнее время статистические сборники по итогам переписей 1937 и 1939 годов проливают во многом свет на ситуацию тех лет. Но, даже используя новые публикации, очень трудно установить истинную картину по регионам.

Это тем более важно, что именно в 20-30 годы радикально изменился состав населения и его профессиональная структура.

Поэтому важное значение приобретают архивные документы, зафиксировавшие итоги развития города и области. Среди них выделяются различные исследования местных специалистов по определению состояния различных отраслей экономики и т.д.

Другой важной группой источников стала обширная литература справочно-статистического характера, выпускавшаяся областными управлениями народно-хозяйственного учета. Среди них сборники «Урало-Каспийский край», регулярно выходившие все двадцатые годы вплоть до 1930 г. В них содержался значительный материал текущего характера по естественному приросту и миграциям, национальному и социальному составу. Сюда же относятся многообразные историко-краеведческие работы, статистико-экономические обзоры и опубликованные отчеты различных государственных органов⁶⁵.

Сложность в изучении этого периода состоит в необходимости критической оценки многих документов, так как допускались не только исправления и изъятия, но и умышленные искажения и приписки⁶⁶.

При исследовании послевоенного времени также были определенные трудности, связанные с тем, что длительный период, охватывающий непосредственно послевоенные годы, а именно 40 – 50 годы, не имеет обобщающих сведений. Анализ документов того времени показывает, что было затруднено составление каких-либо сводных данных по региону и областям. Рассматривались лишь количественные показатели. Однако и здесь сопоставление различных источников выявляет расхождения между итоговыми цифрами разных ведомств. Данное несоответствие может быть частично объяснено неполнотой сбора данных и закрытостью многих материалов.

Возможности исследования источников значительно расширяются с середины 50-х годов. Именно тогда, в период «хрущевской оттепели» начинается поиск новых материалов и документов, складываются новые методологические подходы, расширяется круг используемых методов исследования. Увеличивается число печатных изданий не только областного, но и республиканского значения.

Вместе с тем, усиление идеологического влияния на процесс познания в 70-80 годы оказало свое воздействие на характер исследований и систему отбора источников. Поэтому на первом месте перед исследователем стоит задача определения достоверности обнаруженных данных. Для этого необходимо творчески использовать уже имеющийся опыт, наработанный поколениями историков. Проверка данных и перепроверка с использованием косвенных и первичных документов позволят избежать скоропалительных или ошибочных выводов. Для изучения вопросов регионального характера, на наш взгляд, должно большее внимание уделяться анализу фондов местных архивов, что значительно обогатит исследования и расширит представление о путях исторического развития населения Казахстана.

В современный период применение статистических материалов требует использования современных методов обработки и анализа данных.

Таким образом, круг источников по истории Уральска многообразен и широк. Включение в исследовательскую практику достижений смежных научных дисциплин расширяет источниковую базу и дает возможность глубокого анализа путем сопоставления различных по уровню и характеру результатов, применительно к изучаемой теме.

Многое сделано исследователями за последнее время. И тем не менее основной вывод таков - история городской культуры не стала еще в этих условиях предметом специального исследования, в том числе и по истории Уральска. Появившиеся работы носят историко – краеведческую направленность и не могут претендовать на всестороннее осмысление исторического пути развития города⁶⁷.

В дореволюционной и советской историографии не исследовались этапы древней истории Уральска, не использовались достижения советских и российских ученых по исследованию Золотой Орды, искусственно отрывался процесс образования Яицкого городка от предшествующей истории всего региона. Исследователи некритично оценивали период XV – XVII веков, делая выводы на основе узкого круга письменных документов, достоверность которых никогда не определялась.

Одной из слабых сторон в историографии истории Уральска является отсутствие восточных источников в исследованиях историков. Многолетнее искусственное забвение в советский период многих достижений восточной – арабской и китайской – исторической науки привело к одностороннему освещению исторического процесса, в том числе рассматриваемого периода. Предварительное ознакомление казахстанских историков с широким кругом исследований восточных авторов уже позволяет сделать вывод о наличии серьезных и достоверных материалов по многим проблемам отечественной истории. Среди них значительное место занимают вопросы древней и раннесредневековой истории Западного Казахстана, которые позволяют по иному рассматривать вопросы истории Уральска.

Крупным недостатком предшествующих работ является отсутствие обращения к результатам других наук, таких как археология, нумизматика, лингвистика, картография и др. Все это привело к значительному обеднению истории формирования городской культуры на Урале, к тесной привязке времени образования города к процессу формирования уральского казачества. Если для ранних работ XVIII - XIX веков это объяснимо в связи с не изученностью наукой данных вопросов из-за начального уровня развития, как самой исторической науки, так и смежных научных дисциплин, то в XX веке это объясняется только «господством» соответствующих идеологических установок, которые привели к ослаблению самой исторической науки.

На наш взгляд основу существования и даже в некоторых случаях преобладания односторонних оценок исторического прошлого составляет современное состояние исторической науки, которое сохранило многие «достижения» прошлого. В структуру методологических принципов советской исторической школы, основанной на приоритете классовых, или социальных, интересов, не вошло все социокультурное и этнополитическое многообразие исторических процессов, как в развитии народов, так и отдельных этапов в истории государств. И это «состояние» прослеживается во многих работах российских и казахстанских историков. Так, долгое «умолчание» или искаженное освещение Золотой Орды сформировало представление об этом времени как времени упадка и развала основ государственности, культуры и т.д., в результате которых не могли происходить позитивные процессы в развитии народов.

Применительно к нашей теме, это выразилось в преобладании в русской дореволюционной, а потом и в советской исторической науке сле-

дующих неверных утверждений:

- о регрессивном значении кочевой цивилизации, об отсутствии у номадов соответствующей культуры, в том числе городской;
- о необжитости и незаселенности огромных территорий бассейна реки Урал после распада Золотой Орды;
- об отсутствии здесь населения, а значит и поселений, что привело к свободному расселению пришлых людей во времена Ногайской Орды.

Тогда как все эти утверждения рассыпаются при верной оценке сущности кочевой цивилизации, которая дана в последних работах современных ученых.

Свою негативную роль сыграл субъективный подход к освещению истории Казахстана: в царской России он основывался на недооценке истории колониальных народов, в советское время наиболее опасным считалось любое проявление национального самосознания.

На наш взгляд, предположения археологов о более раннем возникновении города на Урале на месте современного Уральска, и даже о возможном его родстве с Шакашиком, имеют более доказательные основания, чем сложившиеся сейчас неточные представления об образовании города в начале XVII века.

Литература и источники:

¹ Герасимова Э.И. *Уральск: исторический очерк (1813 - 1917 гг.)* – Алма-Ата, 1969 ; Чесноков Н.Г. *Уральску – 350 лет. – Алма-Ата, 1963; Кушаев Г.А. Этюды древней истории степного Приуралья. - Уральск. 1993.*

² Кушаев Г.А. *Этюды древней истории степного Приуралья. - Уральск. 1993 - С. 128*

³ Ковалевский А.П. *Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921 - 922 гг. Статьи, переводы и комментарии. - Харьков. 1956 - С. 130. - Комментарии № 192.*

⁴ Агаджанов С.Г. *Очерки истории огузов и туркмен Срденей Азии IX-XIII вв.– Ашхабад. 1969.- С.65-66, 62.*

⁵ Ибрагимов Н. *Ибн Баттута и его путешествия по Передней Азии. - М., 1988. - С.72.*

⁶ *Путешествие в Восточные страны. Плано Карпини и Гильома Рубрука.- Алматы. 1993.- С.61-62, 107-108; Юрченко А.Г. Французская миссия 1247 во владения Бату-хана. Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. - М., 2002. - С.116.*

⁷ Бадян В.В., Чиперис А.М. *Торговля Каффы в XIII-XV вв. Феодалная Таврика.- Киев. 1974.- С.183-184.*

⁸ Егоров В.Л. *Историческая география Золотой Орды. - М.1985. - С. 133.*

⁹ Рыбаков Б.А. *Русские карты Московии. - М. 1974. - С.38.*

¹⁰ *Туран на старинных картах. Образ пространства - пространство образов. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. - 464 с.*

¹¹ *Уральские войсковые ведомости - 1874 - 10 июня. -№ 39 - .2*

¹² Там же

¹³ Туран на старинных картах. Образ пространства - пространство образов. М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. - 464 с.

¹⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. - Уфа. 1999. - С. 193 - 194

¹⁵ Там же. С. 193

¹⁶ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. - СПб. 1794. - Т.3.-С.65-112

¹⁷ Уральские войсковые ведомости. - 1874 - 10/24 - № 42. - С.3

¹⁸ Уральские войсковые ведомости. - 1874 - 10/24 - № 42. - С.3

¹⁹ Уральские войсковые ведомости. - 1875 - 01/19 - №3. - С 3 - 4.

²⁰ Левшин А.И. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз - казачьих орд и степей. - СПб. - 1832; Он же. - Алматы. 1996; Вельяминов - Зернов В.В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и отношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайр-хана (1748-1785). - Оренбург.1855; Добросмыслов А.И. Тургайская область//Оренбургский край. - Оренбург.1893. - №17-18; Кеппен П.И. Ведомости о народонаселении России, составленной при статистическом отделении Совета МВД. - СПб.1850.

²¹ Уральские войсковые ведомости. - 1875. - 02/12 - № 20 - С. 3

²² Левшин А.И. Историческое обозрение уральских казаков. - СПб.- С.2-3.

²³ Герн, Васильев. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Оренбургская губерния. СПб.1848. - Т.14. - Ч.2; Бларамберг И. Земли киргиз-кайсаков Оренбургского ведомства. - СПб. 1848; Мейер Л.Л. Киргизская степь Оренбургского ведомства //Материалы для географии и статистики Российской империи. - СПб.1865.- Т.10.

²⁴ Харузин А. Киргизы Букеевской орды. Вып.1. П.1. - М, 1870; Алекторов А.Е. История Оренбургской губернии. - Оренбург. 1883.

²⁵ Бородин Н. Уральское казачье войско. Т.1 - 2. - Уральск.1891; Рябинин А. Уральское казачье войско. СПб.1866.- Т.1,2; Витевский В. Неплюев и Оренбургская губерния. СПб.; Он же. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. 1879. - Кн. 4; Карпов А.Б. Уральцы: исторический очерк. - Ч.1. - Уральск. 1911; Железнов И. Уральцы. - Т.3.- СПб. 1888. и т.д.

²⁶ Огановский Н. Историко-статистический обзор Уральской области // Памятная книжка и адрес - календарь Уральской области на 1904 год. Уральск.1903; Кранихфельд В. Степное киргизское хозяйство.// Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1898 год. - Саратов. 1898; Сидельников Т. Борьба за землю в киргизской степи. - Алматы, 1991.

²⁷ Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Под редакцией Семенова-Тяньшанского В.П. - СПб. Т. ХУІІІ. 1903.

²⁸ Сидельников А., Букейханов А., Чадов С. Исторические судьбы Киргизского края и культурные его успехи. //Россия. Полное описание нашего отечества... - С. 141.

²⁹ Там же. - С.147- 148

³⁰ Там же. - С.199

³¹ Чулошников А. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч.1.- Оренбург.1924; Донич А. Население Казахской АССР по переписи 1926 года. - Кзыл-Орда.1926; Тынышпаев М. История казахского народа. - Алма-Ата. 1993; Асфендияров С.Д. История Казахстана с древнейших времен до наших дней. - Алматы. 1995.

³² Тынышпаев М. Происхождение киргиз-казаков и история образования казахского ханства. // История казахского народа.. - С.115.

³³ Москалев Г.Е. Хозяйственный облик дореволюционного Яицка - Уральска. - Уральск. 1956; Герасимова Э.И. Уральск: исторический очерк (1813 - 1917 гг.) - Алма-Ата. 1969; Чесноков Н.Г. Уральску - 350 лет. - Алма-Ата, 1963; На Яике - городок, на Урале - город.// Сб. статей. - Уральск. 1988; Белый А.И. Историческая хроника. (ХУІ - ХХ вв.) - Уральск.1993; Он же. Старый Собор в Уральске. - Уральск,1994; Фокин Н.И. Финал трагедии. Уральские казаки в ХХ века. - Москва. 1999; Фокин Н.И. Уральск православный. - Ульяновск.2002.

³⁴ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии.

М., 1980.; Она же. Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма.- М., 1986; Асылбеков М.Х., Галиев А. Социально-демографические процессы в Казахстане. – Алма-Ата. 1989; Асылбеков М.Х., Козина В.В. Население Центрального Казахстана. – Алматы. 1999; Алексеенко Н.В. Население дореволюционного Казахстана.- Алма-Ата. 1981; Базанова Ф.Н. Формирование и развитие структуры населения Казахской ССР. – Алма-Ата. 1987; Она же. Формирование этнического состава населения дореволюционного Казахстана // Вестник Академии наук Казахской ССР. – 1977.- №7; Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920-1990 гг. – Алматы, 1993; Сдыков М.Н. Население западного Казахстана (1897 – 1989 гг.) – Алматы, 1995; Он же. Формирование населения Западного Казахстана вXVIII – XIX веках. – Алматы, 1996; Трепавлов В.В. История Ногайской Орды.- Москва, 2001.

³⁵ Население Казахстана в 1959-1970 гг. (Структурные сдвиги и их оценки)- Алма-Ата, 1975; Население и трудовые ресурсы Казахстана (тенденции и прогнозы). – Алма-Ата, 1979.

³⁶ Барабтарло Е.М., Квон Л.А. Воспроизводство населения и основные направления демографической политики. // Население и трудовые ресурсы Казахстана.- Алма-Ата. 1979. – С.28-54.

³⁷ Бабаджанов С. Этнографический сборник.- Вып. IV. – Спб. 1864. – Т.IV. – С. 8-11

Харузин А.Н. Киргизы Букеевской Орды. (Антрополого-этнографический очерк).- Вып. 1. – Ч.1.- Известия общества любителей естествознания антропологии и этнографии при Московском университете. – М., Т. II 1891. – С. 19; Кастанье Л.А. Древности Киргизской степи и Оренбургского края. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. – Оренбург. 1910. – Вып.22

³⁸ Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. Известия краеведческого Института по изучению Южно-Волжской области при Саратовском университете. – Саратов. 1926. – Т. I – С.134

³⁹ Грязнов М.П. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Казаки. Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. -Вып. 2.- Л. 1927.- С.172-215

⁴⁰ Синицын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане. Труды института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР - Т.I Археология. - Алма-Ата 1956. - С.87-139; Он же археологические исследования в Нижнем Поволжье и Западном Казахстане. Краткие сообщения Института материальной культуры. Вып. 37. - 1951. - С.97-105.

⁴¹ Сенигова Т.Н. Отчет о работах Западно-Казахстанской археологической экспедиции 1953 г. Труды института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. - Т. I. Археология. - Алма-Ата. 1956.- С. 140-156.

⁴² Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане. Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. - № 2 – 1968 - С.71-89

⁴³ Суюншалиев Х.Ж. Воспоминания о друге. Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып.1.- Уральск. 2002. - С.6-7.

⁴⁴ Джубанов А.А. Воспоминания о коллеге, друге и соратнике. Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып.1. – Уральск. 2002. - С. 8-11.

⁴⁵ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы Кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIVвв.). – М., 1988.

⁴⁶ Бисембаев А.А. Погребальный обряд кочевников средневековья Западного Казахстана (VIII-XVIII вв.). Автореферат кандидатской диссертации. – Алматы. 2000.

⁴⁷ Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Археология СССР.- М., 1992; Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - Археология СССР. -М., 1989; Степи Евразии в эпоху средневековья. - Археология СССР. - М., 1981; Древняя история Южного Зауралья. - Т. I. Челябинск .2000.

⁴⁸ Сдыков М.Н. Гуцалов С.Ю., Бисембаев А.А. Сокровища скифов Западного Казахстана. – Уральск. 2003; Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып.№1. – Уральск. 2002; Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып.№2 – Уральск, 2003.

⁴⁹ Кушаев Г.А. Этюды ... - С.142

⁵⁰ Пачкалов А.В. К вопросу о памятниках золотоордынского времени в Волго-Уральском междуречье // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. № 1. Уральск, 2007

- ⁵¹ Кушаев Г.А. *Этюды ...*, 1993; Пачкалов А.В. *Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2002*
- ⁵² Пигарев Е.М. *Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. I. Донецк, 2000; Сеницын И.В. Археологические исследования в Западном Казахстане // Труды Института истории, археологии и этнографии. Т. I. Алма-Ата, 1956*
- ⁵³ Настич В.Н. *Монетные находки из Казахстана и Киргизии // Вторая всесоюзная нумизматическая конференция. Тезисы докладов. М., 1987; Настич В.Н. Улджайтимур – неизвестный золотоордынский хан // Краткие тезисы докладов и сообщений научной конференции «Новое в советской нумизматике и нумизматическом музееведении (К 200-летию Отдела нумизматики Эрмитажа)». Л., 1987; Пачкалов А.В. *Новые клады монет Золотой Орды // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизматический сборник. Т. 3. Нижний Новгород, 2002**
- ⁵⁴ Кушаев Г.А. *Этюды ...*, 1993; Пигарев Е.М. *Монеты в погребениях Золотой Орды // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. I. Донецк, 2000*
- ⁵⁵ Салашев З., Бурнашева Р., Базылхан Н., Плахов В. *Монеты Сарайчика. Алматы, 2006*
- ⁵⁶ Егоров В.Л., Юхт А.И. В.И.Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // *Советская археология. № 1. М., 1986*
- ⁵⁷ Алексеев В. *Извлечения из мемуаров и записок иностранных и русских путешественников по Волге в XV-XVIII вв. Сталинград, 1936*
- ⁵⁸ Егоров В.Л., Юхт А.И. В.И.Татищев о городах Золотой Орды в Нижнем Поволжье // *Советская археология. № 1. М., 1986*
- ⁵⁹ Бартольд В.В. *Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Бартольд В.В. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. М., 2002*
- ⁶⁰ Дробижев В.З. *Некоторые вопросы источниковедения историко-демографических исследований советского общества // Проблемы исторической демографии СССР. – Таллин, 1977. – С 23 – 35.*
- 61 *Казахско – русские отношения в XVI-XVII веках. Алма-Ата, 1961; Материалы по истории политического строя Казахстана. – Алма-Ата, 1980*
- 62 *Огановский Н.П. Историко – статистический обзор ... – С. 121*
- 63 *Свод законов Российской империи. – Т.2. – СПб. 1882. – С.119*
- 64 *Хворостанский П. Эволюция киргизского хозяйства // Вопросы колонизации. – 1912. – № 11; Огановский Н.П. Переселенческое дело в Уральской области. // Памятная книжка. – Уральск. 1900; Он же. Обновление земледельческой России и аграрная политика. Население. Переселенческий вопрос. – Москва. 1914. – Вып.1.*
- 65 *Данилевский К.В., Рудницкий Е.В. Урало – Каспийский край. – Уральск. 1927.*
- 66 *Центральный государственный архив Республики Казахстан – Ф.698. – Оп.14. – д. 99. – Л.99,129 – 160*
- 67 *От Гугни до Толстова / сост. А.Г.Трегубов – Уральск. 2003; Лицо старого Уральска /сост. Мухин Г.Л. –Уральск, 2003.*

Глава 2.

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД НА УРАЛЕ

2.1. Историческая география Западного Казахстана

С предгорий Южного Урала через горы, степи и пустыни течет в Каспий река Урал. По ее берегам, то обрывистым, то пологим, растут тополивые леса, дубняки и вязовники. Между ними раскинулись солнечные луговые поляны с черемуховыми кустами. Низины, овраги и протоки заросли кустарниковыми чащами. В долине реки немало озер, богатых рыбой.

Пойма Урала - прекрасное место, где нашли себе приют лоси, косули, кабаны, привольно здесь бобрам, норкам и выхухолям. Гнездятся цапли, лебеди, гуси, утки, пеликаны, бакланы и кулики. Реку "патрулируют" орланы, коршуны, луни. Путь Урала по южно-уральским и прикаспийским степям и пустыням начинается от Ириклы. Вначале, прорезая цепи хребтов, Урал имеет вид горной реки. У города Новотроицка река протекает по узкому ущелью, называемому Орскими воротами. Ниже устья Илека Урал служит границей между Казахстаном и Россией. После впадения Илека, Урал полностью протекает по территории Казахстана. У города Уральска река крутой дугой поворачивает на юг к Каспию. На всем пути - от Уральска до Каспия - Урал течет по совершенно плоской равнине. По своей длине (2428 км) Урал - третья река Европы, уступаю-

щая только Волге и Дунаю.

Климат Западного Казахстана - резко континентальный, характеризующийся большой засушливостью и перепадами температур: лето жаркое и сухое, а зима суровая с частыми метелями. Средняя температура января в Уральске -14°C . Зимой морозы нередко достигают $35-40^{\circ}\text{C}$. Весна обычно короткая, с быстрым нарастанием температур с частыми дождями, летом много солнечного света и тепла, достаточных для возделывания овощей, ягод, яблок, слив и винограда. Однако осадков в этом районе выпадает очень мало, а пресных вод для орошения крайне недостаточно. Только в северной части области выпадает около 300 мм осадков в год, что дает возможность заниматься бесполовным земледелием.

Осень сухая и относительно теплая. Первые заморозки наступают в сентябре, снижение температуры происходит довольно интенсивно. Зимой осадков выпадает мало. Только на севере - в районе Уральска - снежный покров достигает 30 сантиметров, а на остальной территории он не превышает 15-20 см, благоприятствует зимнему пастбищному содержанию скота.

Речная сеть Западного Казахстана развита слабо, по территории распределена неравномерно, все реки стекают в бассейн Каспийского моря. Урал принимает Орь, Илек, Утву (Чингирлау), Барбастау, Солянку и Чаган. Менее значительные реки региона - Эмба, Сагиз, Уил, Иргиз, Большой и Малый Узени, Чижи. Река Урал служит крупным источником водоснабжения, в отдельных местах используется для орошения полей, между городами Уральск и Атырау судоходна. Речные долины, особенно Узенские, Чижинские и Дюринские разливы, богаты лугами с густым травостоем, которые служат хорошими сенокосами и пастбищами. В Западном Казахстане насчитывается более тысячи больших и малых озер, которые, как и реки, имеют большое значение как источники водоснабжения для населения и животноводства, а также для орошения.

В регионе с севера на юг сменяется несколько природно-климатических зон. Сравнительно небольшую территорию на севере занимает степная зона. Через северные районы (охватывая и присыртовые возвышенности) широкой полосой в 50-120 километров тянется подзона сухих ковыльно-типчачковых степей на темно-каштановых почвах. Южная граница степей проходит через город Уральск, огибает с севера Мугоджары и далее на востоке включает северную часть Тургайской низменности. Зона южных черноземов и темно-каштановых почв - наиболее распаханная часть

региона. Осадков здесь выпадает достаточно для культивации бесполового земледелия. Нераспаханные степи используются как пастбища для летнего и круглогодичного выпаса лошадей, молодняка крупного рогатого скота и отчасти овец и коз.

К югу от сухих степей тянутся полупустыни с однообразной полынно-злаковой растительностью. Эта зона занимает промежуточное положение между степями Заволжья, Общего Сырта и пустынями Прикаспия¹.

Наиболее древние сведения о землях Западного Казахстана можно найти у отца истории Геродота. В его "Истории", написанной в конце V в. до н.э., содержатся сведения о Каспийском море, за которым, по его словам, раскинулась "равнина на необозримом пространстве", а еще далее идет "земля каменистая и неровная", за ней "стоят высокие, непроходимые горы"². В этом описании легко просматриваются прикаспийские равнины, сменяющиеся "каменистым и неровным" Общим Сыртом и Предуральем, за которым стоят "высокие" Уральские горы.

Интересные записи оставлены известными арабскими путешественниками Ибн – Фадланом,³ Идриси⁴, Ибн Баттута⁵. О реке Джаик писали средневековые западноевропейские купцы, миссионеры, послы - Франческо Пегалотти⁶, ПIANO Карпини (1249), Гильом де Рубрук (1253)⁷.

Название реки Яик (Жаик) - имеет общетюркскую основу со значением "широкое русло реки" или "широко разливающаяся". С таким названием река просуществовала до второй половины XVIII века. В 1775 году императрица Екатерина II, желая стереть память о крестьянской войне под предводительством Емельяна Пугачева, приказала: "Для совершенного забвения несчастного происшествия сего на Яике реку Яик переименовать в Урал, а город Яицк - в Уральск". О семантике названия Урал существуют различные мнения. По-видимому, слово "Урал" надо увязывать со старым названием Южного Урала - Аралтова (Оралтова) гора. Термин "арал" восходит к общетюркскому топониму в двух значениях: "остров" и "междуречье"⁸. Важно отметить, что по Уральским горам и реке Урал проходила граница Европы и Азии. Новая граница была проложена учеными по подножию Уральского хребта, Мугоджарам и реке Эмбе - именно по этой линии стыкуются две материковые платформы Европы и Азии, образуя единый Евразийский материк.

Современные археологические исследования по поискам следов городской культуры в Западном Казахстане берут свое начало с 2001 года. Первоначально была организована совместная Уральская архео-

логическая экспедиция. Вначале она включала в себя сотрудников Института археологии им. Маргулана МОиН РК и областного историко-краеведческого музея. С 2002 года вся археологическая работа была сосредоточена в Западно-Казахстанском областном центре истории и археологии, главным партнером которого стал Институт археологии.

Экспедиция занималась поисками и исследованиями памятников от палеолита до позднего средневековья. Впервые были открыты стоянки эпохи верхнего палеолита, мезолита и неолита, среди которых выделяются стоянки на озере Челкар и в районе горы Большая Ичка. Проводились исследования на поселении эпохи бронзы Бауржан-Аяк, на курганных комплексах эпохи савроматов и сарматов Лебедевка, Тунгуш и Кырык-Оба.

В 2001 г было найдено средневековое городище Жаик в 10 км южнее г.Уральска. На городище и некрополе проводятся раскопки уже давшие интересные материалы по средневековому периоду Казахстана, по истории Шелкового пути. Одновременно начата большая работа по сбору данных о памятниках региона для свода памятников истории и культуры.

Исследования продолжаются, и в качестве основных направлений можно назвать изучение памятников эпохи камня, поскольку палеолит Западного Казахстана является связующим звеном культур Азии и Европы. Традиционным для региона остается изучение поселений и некрополей эпохи бронзы, относящихся к андроновской и срубной культурам.

2.2. Степное Приуралье в древности

Территория Западного Казахстана стала заселяться людьми в эпоху палеолита - древнекаменного века, о чем свидетельствуют находки стоянок и каменных орудий найденных в районе озера Челкар, которые датируются 40-20 тыс. лет до нашей эры. В эпоху мезолита и неолита (новокаменного века) в регионе обитали племена охотников и рыболовов, начинается развитие земледелия и скотоводства. Стоянки людей этого периода обнаружены вдоль Урала и его притоков, на берегах рек.

Самое значительное открытие в области палеолитоведения – находка крупной стоянки-мастерской на горе Большая Ичка (Ешкитау). Эта гора - вторая по высоте точка Западно-Казахстанской области – 254 м над уровнем моря. Она находится в 83 км к западу от г. Уральска.

На восточном склоне горы в небольшой лощине имеется родник с хорошей питьевой водой, впадающий в небольшой пруд. Выше родника сохранилась реликтовая осиновая роща, покрывающая среднюю часть склона горы на уровне 90-100 м над окружающими степями.

Артефакты, изготовленные из местных песчаников преимущественно светло-серых, были найдены практически на всей поверхности горы, но наиболее многочисленны они на восточном склоне в непосредственной близости от родника.

Разведочный раскоп показал высокую концентрацию каменных орудий. На площади 1 кв.м и при глубине 35 см, было получено свыше 1 тыс.экз. каменных изделий, представленных преимущественно нуклеусами, отходами их изготовления и раскалывания. По предварительным результатам, артефакты, полученные из раскопа, относятся к позднему палеолиту. В то же время, и в раскопе, и в сборах с поверхности встречаются изделия и более древние.

Уже ясно, что это – стоянка-мастерская, существовавшая длительное время. Здесь были прекрасные условия для добычи сырья и производства нуклеусов и орудий, а также для жизни и деятельности древних людей. Здесь расположен родник с живительной водой, который функционирует в течении многих тысячелетий.

Мастерская для изготовления орудий располагалась в верхней части склона. Стоянка находилась, очевидно, на более выровненной поверхности и сейчас перекрыта рыхлыми отложениями.

Стоянка-мастерская Ешкитау имеет важное значение не только для изучения древнего прошлого Западно-Казахстанской области и Казахстана, но вообще Евразии. В аридных регионах Евразии палеолитические памятники с погребенными культурными слоями крайне редки, поэтому трудно переоценить возможность получения информации о палеоэкологических условиях обитания древних людей.⁹

В эпоху бронзы в крае распространялась андроновская культура.

Жители андроновских поселений, расположенных в поймах рек, занимались придомным скотоводством и земледелием. Они разводили крупный и мелкий рогатый скот, лошадей, выращивали просо, плавил медь.

Установлено, что 4-3 тысячи лет назад племена Южного Приуралья снабжали металлическим сырьем соседние регионы, сообщение с которыми осуществлялось по степным путям, которые впоследствии вошли в систему Великого Шелкового пути.

Наряду с андроновской культурой в регионе была распространена родственная ей срубная культура.

Одним из интереснейших памятников срубной культуры, на котором начаты раскопки, является поселение Бауржан-Аяк. Это пока самый крупный из поселенческих комплексов эпохи бронзы в Западно-Казахстанской области.

Поселение Бауржан-Аяк находится в 5 км к юго-западу от с. Калмык-Шабын и в 2 км к северо-востоку от с. Аяк. Поселение расположено к юго-западу от пологих увалов Общего Сырта, где ровный рельеф местности постепенно понижается к югу и плавно переходит в Прикаспийскую низменность. В природно-ландшафтном отношении этот район находится в пределах степной зоны недалеко от ее границы с полупустыней.

Площадка, занятая поселением, расположена на первой надпойменной террасе правого берега р. Чижа 1, на невысоком мысу, образованном излучиной поймы. Территория поселения составляет чуть менее 2 га, на ней находились 29 жилищных западин округлой или овальной формы (лишь одна из западин имеет прямоугольные очертания) диаметром от 5 до 16 м и глубиной 0,2 - 0,4 м. Они хорошо заметны на плоском рельефе местности, благодаря четким очертаниям и более густой травяной растительности. Между некоторыми из них отчетливо просматриваются переходы (тамбуры) протяженностью до 2-3 м. Участок поселения вытянут с юго-запада на северо-восток. Его северо-восточная часть подмывается рекой и в обрывистом борту просматриваются размывтые контуры нескольких жилищных западин.

Напротив одной из таких западин был заложен раскоп, состоящий из двух частей - стратиграфического разреза (зачищенного участка борта террасы) длиной 20 м и раскопа, заложенного между краем террасы и жилищной западиной.

Жилище на поверхности представляет собой округлой формы западину диаметром 6 м и глубиной 0,3 м. По своим размерам оно уступает большинству других жилищ.

Среди находок, обнаруженных в культурном слое, обращает на себя внимание полное отсутствие изделий из металла и камня. Причем, всего в 50-60 м от раскопа на краю мыса в осыпи подмытого берега реки обнаружено скопление кварцитовых и кремневых отщепов, среди которых можно выделить несколько концевых скребков и ножевидную пластину.

Из остеологических находок можно выделить кости мелкого и крупного рогатого скота, лошади, водоплавающей птицы, а также голову собаки. Встречаются костяные орудия труда (в основном не целые, а в обломках) - тупики для обработки шкур и проколки.

Наиболее значимой среди прочих категорий находок выглядит керамическая коллекция. В культурном слое поселения были обнаружены обломки крупных корчаг, баночных, горшковидных и остросереберных сосудов. Венчики сосудов прямые или отогнутые наружу, иногда украшены косыми насечками по срезу. Элементы орнамента: прочерченные и гребенчатые линии, горизонтальные, вертикальные и косые расчески на внешней и внутренней стороне тулова, каплевидные, ногтевые и кольцевидные оттиски. Сюжеты орнамента: горизонтальные опоясывающие ряды, зигзаги, беспорядочные скопления элементов, опоясывающие ряды и зигзаги композиционно сочетаются.

Из прочих керамических изделий, обнаруженных на поселении, следует назвать пряслице¹⁰.

Предварительная датировка поселения Бауржан-Аяк – XV-XIV вв. до н.э. Следует добавить, что это период наивысшего расцвета срубной культуры, когда ее племена захватили практически всю степную и лесостепную части Восточной Европы¹¹.

Памятники железного века, по данным археологов, представлены двумя этапами: савроматским, датируемом VI-V вв. до н.э. и сарматским с IV в. до н.э. до IV в. н.э. Именно в эти времена регион западного Казахстана заселяют савроматы, а затем сарматы.

По мнению исследователей, прямые предки скифских и савроматских племен вышли из массива населения, оставившего памятники андроновской и срубной культур¹².

Вот что писал о них Геродот. Согласно легенде, савроматы произошли от брака скифских юношей с амазонками, которые после сражения при Фермодонте были пленены эллинами и на трех кораблях переправлялись через Черное море. Во время плавания амазонки перебили всех мужчин и, не умея обращаться с парусами и веслами, долго плыли по волнам. Наконец, пристали к Кремнам, которые находились в землях свободных скифов близ озера Меотида. После войны с приплывшими воительницами скифские юноши вступили с ними в брак и с частью своего имущества перешли в стан амазонок. Но амазонки попросили своих мужей переселиться из скифской страны за реку Танаис, объяснив эту просьбу тем, что лишили юношей их отцов, причинив великое зло

стране, а потому их страшит мысль об обитании в этих местах. Юноши согласились на это. Переправившись через Танаис, они три дня шли на восток от реки и три дня на север от Меотиды. Прибыв, они поселились в этих краях. Археологические находки подтверждают это. Установлено, что в степях междуречья Дона - Волги, Заволжья и Урала существовала единая археологическая культура, отождествляемая исследователями с савроматами.

В этой легенде содержится немало любопытных сведений о савроматах и в первую очередь об особом положении женщин, которые ездят верхом, стреляют из лука, бросают дротики, вместе с мужьями выезжают на охоту, выступают в походы и носят одинаковую с мужчинами одежду. Женским работам они не обучены. Ни одна девушка не выходила замуж, пока не убьет врага. Такой образ жизни савроматские женщины вели исстари. Надо думать, что в легенде отразилась существовавшая реальность, отличавшая общественное положение савроматских женщин, что и подчеркивалось Геродотом.

На рубеже V-IV вв. до н.э. мирные отношения между скифами и савроматами были нарушены. Набеги, а возможно, и мирное проникновение савроматов в скифские земли становятся все более продолжительными и интенсивными, а часть савроматов поселяется в Европе. Судя по античным источникам, с IV в. до н.э. низовья Дона, а возможно, и часть северного берега Черного моря принадлежали сарматам.

События, изменившие политическую ситуацию на пограничных рубежах скифских и савроматских владений, явились, по-видимому, отзвуком очень далеких перемещений восточных кочевников южного Приуралья, северо-восточного Прикаспия и Заволжья. Последние, в свою очередь, могли быть связаны с походами Александра Македонского, усилившими торгово-экономические отношения между кочевниками и соседним с ними оседлым населением. Именно восточные кочевники привели в движение, а возможно, и частично влились в кочевую среду населения междуречья Дона - Волги, что и нашло отражение в произведениях греческих авторов IV-II вв. до н.э., когда на страницах появляются новые этнонимы - "сирматы" и "сарматы", которые в некоторых контекстах противопоставляются савроматам. У авторов IV - начала III в. до н.э. почти одновременно появляются наименования "сирматы", "сарматы" и "Сарматия".

С момента массового переселения кочевников южного Приуралья в Заволжье и далее на запад, происшедшего не позднее конца IV в. до н.э.,

сарматы начинают тревожить скифов, проникая небольшими отрядами в глубь территории междуречья Дона - Днепра. Очень красочно события подобного рода описываются в одном из произведений Лукиана Самосатского, жившего во II в. н.э. Он подчеркивает неожиданность и непредвиденность нападения савроматов, которые обратили скифов в бегство, многих храбрецов убили, других увезли живыми, угнали и разграбили добычу. Свидетельством происходивших событий могут служить единичные воинские захоронения конца IV-III и III-II вв. до н.э., известные по археологическим раскопкам на левобережье Днепра. Скифия, вступившая с III в. до н.э. в полосу затяжного экономического кризиса, не могла противостоять натиску сарматов. Постоянные набеги и спорадические перемещения отдельных сарматских племен из района низовьев Дона и северо-восточных берегов Меотиды закончились мощной массовой миграцией скифов, после которой степи Северного Причерноморья между Доном и Днепром стали контролироваться сарматами¹³.

В IV в. н.э. по территории степного Приуралья проходят гунны - "подвижный и неукротимый народ", как пишет о них Аммиан Марцеллин. Продвигаясь вперед, гунны завоевали аланов. В составе гуннской орды часть сарматов дошла до берегов Гибралтара, часть влилась в образовавшиеся в Северном Причерноморье и Подонье новые этнические объединения раннего средневековья. С нашествием гуннов история самостоятельных объединений ираноязычных кочевников закончилась¹⁴.

Итак, районы Западного Казахстана, начиная с VII в. до н.э. были заселены савроматскими и сарматскими племенами, которые оставили большое количество курганных погребений.

Ярким памятником савромато-сарматского периода является курган Кырык-Оба, расположенный в степи в 80 километрах восточнее Уральска, который является самым крупным в комплексе, насчитывающем десятки курганов разной величины. Курган возвышается над степью и виден издалека. Его диаметр составляет свыше 160 метров, высота достигает 22 метров. В древности курган был ограблен, о чем свидетельствует воронка на его вершине.

Рядом с курганом расположены два вытянутых "курганы-сопки", составляющие с ним единый культовый комплекс, скорее всего погребальный храм, где проводились церемонии и обряды. Огромные курганы свидетельствуют о важной роли племенных вождей, которые постепенно превращались в своеобразных царей степных государств.

О богатстве царских захоронений можно судить по найденным на-

ходкам - золотым поделкам, украшениям, в том числе привезенным из-далека.

Вблизи села Долинное в 45 километрах восточнее Уральска были случайно обнаружены серебряный ритон с золотыми накладками, золотой перстень, серебряная гривна (нашейное украшение) и золотые пластины, явно происходящие из курганных захоронений. Особенно интересен ритон, привезенный, скорее всего, из Ахеменидского Ирана в V в. до н.э., который имеет вид короткого рога с широким устьем, нижний узкий конец его заканчивается протомой животного, на груди которого находится слив в форме головы бычка. От протомы животного сохранилась лишь нижняя часть, вся верхняя, где находилась голова животного, вместе с передней частью рога утрачены. В верхней части рога ритона располагается фриз, на гладких участках которого сохранились отдельные рисунки.

Наиболее четко просматривается рельефное изображение нижней части ноги (голень и чуть выше колена) грифона с когтистой шестипалой лапой. Возможно, не всю ногу, а лишь его часть покрывала золотая обкладка. Чуть правее на узком гладком участке фриза нанесено еще одно изображение в нечетком рельефе, напоминающее козла "на цыпочках". Эта поза достаточно характерна как для ирано-ахеменидских ювелирных изделий, так и для сако-сибирского звериного стиля. Возможно, конец ноги, изображенный в виде треугольника с двумя скругленными углами, находился в пасти какого-то животного, голова которого частично просматривается на гладкой поверхности рога, примыкающей к фризу.

Общая композиция уральского ритона, а также исполнение его отдельных деталей служит надежным основанием для отнесения этого сосуда к кругу иранских изделий ахеменидского времени¹⁵.

Золотой перстень представляет собой кольцо с овальным щитком, украшенным изображением грифо-барана, круглый глаз которого украшен бирюзовой вставкой. Мощный рог закручен вокруг головы и заканчивается под ухом в виде рельефного овала с углубленной ячейкой внутри. Передняя часть головы барана заменена коротким горбатым клювом грифона. Изображение горного барана является характерным мотивом для звериного стиля Алтая, Сибири и Семиречья.

Уральский перстень датируется V в. и является, скорее всего, привозным изделием. Серебряная гривна (нашейное украшение) сделана из массивного литого прута, обложенного сверху золотым листом с серебряной основой, происхождение его датируется также V в. до н.э.¹⁶

Интересные материалы получены Уральской археологической экспедицией при раскопках “царского кургана” Тунгуш. Памятник находится в 18 км к северу от г. Аксай. Комплекс Тунгуша состоял из большого кургана и малого кургана удлиненной формы.

Под насыпью кургана было выявлено погребение в катакомбе, находившейся на глубине 4,5 м. Она имела длину 3,3 м и ширину 2 м. Высоту катакомбы определить не удалось, ее потолок обрушился еще в древности. Погребение оказалось грабленным неоднократно. Фрагменты скелета были разбросаны по полу всей катакомбы, также как и оставшиеся находки.

Большинство предметов, обнаруженных в ходе раскопок, представлены золотыми изделиями, украшавшими одежду погребенного. Это различные по форме, орнаменту, размерам нашивные бляшки. Встречены бляшки прямоугольные с зернью и сканью; бляшки круглые, с зернью; бляшки листовидные (со сканью); бляшки прямоугольные штампованные; бляшки нашивные в виде растительного орнамента; бляшки нашивные в виде двенадцатиугольных звездочек, золотая крученая (спиралевидная) проволока.

Изделия из кости представлены накладками, орнаментированными линией в виде зигзага, а также солярными знаками.

Изделия из металла представлены фрагментами сильно корродированных металлических пластин разного размера с небольшими отверстиями, с остатками дерева. Видимо, это фрагменты панциря. Обнаружены также корродированные металлические скобы с остатками дерева, фрагменты металлических заклепок. Из предметов вооружения найден хорошо сохранившийся бронзовый наконечник стрелы с узкой треугольной головкой с пирамидальным острием и короткой втулкой.

Обнаружены также фрагменты деревянных поделок, соединяющиеся между собой с помощью бронзовых плоских стержней, фрагменты деревянных изделий, обшитые бронзовой фольгой с помощью маленьких гвоздиков. Датируется курган VI-V вв. до н.э.

В 2002 г. проводились раскопки курганов у с. Лебедевка в Чингирлауском районе. Раскопкам подверглось 12 курганов. Большинство курганов были ограблены еще в древности. Интерес представляет курган № 6, нетронутый грабителями. Могильная яма подквадратной формы с длиной сторон до 5 м, была перекрыта деревянным накатом, рухнувшим в могилу. На дне ямы на глубине более 4 м от уровня древней поверхности лежал вытянуто на спине, головой на запад, скелет женщины. Вокруг

располагался инвентарь. Это – бронзовое зеркало с рукояткой, выполненной в зверином стиле, в виде волка; остатки головного убора, обшитого золотыми бляшками в виде головы оленя; золотые серьги, ожерелье из золотых бусин; фрагменты стеклянного сосуда; железный нож.

Особый интерес представляет костяное изделие (навершие штандарта), выполненное в виде кабана.

К раннесарматскому периоду относятся погребения из комплексов Джангала, Челкар и Рыбный Сакрыл. Основными типами погребальных сооружений в этих раскопках были прямоугольные могилы с заплечиками и могилы с подбоем в западной либо восточной стене. Погребения ориентированы на юг, юго-запад или юго-восток. К наиболее характерным предметам погребального инвентаря относятся мечи и кинжалы с серповидным навершием и прямым перекрестием, мечи с кольцевидным навершием, железные трехгранные черешковые и бронзовые трехгранные наконечники стрел, бронзовые зеркала с боковым конусовидным выступом для насадки на деревянную рукоятку, бусы, глиняные кувшины, глиняные курильницы.

К этому же времени относятся раскопанные курганы комплекса Кырык-Оба 2. Он расположен вдоль автомобильной трассы Уральск-Аксай по 82 км. дороги, в 5-ти километрах к югу от с. Даниляколь.

Насыпи земляные, диаметр различный от 15 до 100 метров, высота от 0,25 м., до 7 м. Курган № 11, самый большой в группе, имеет диаметр около 120 м. и высоту 7 м.

Диаметр кургана № 2 составлял 34 метра с севера на юг и 38 метров с запада на восток, высота насыпи 1,95 м.. После снятия земляной насыпи выявилась конструкция кургана. В центре находилась большая прямоугольная могильная яма, ориентированная длинной осью с севера на юг размерами 3 x 5,6 м. С северо-восточной стороны могильной ямы прослеживаются следы деревянной рамы, обрамлявшей погребение. В самой яме обнаружены остатки рухнувшего бревенчатого перекрытия. Площадь вокруг ямы и перекрытие были застланы толстым слоем коры и веток, толщиной 10-25 см. Курган был окружен кольцевым глиняным валиком. Валик был насыпан на уровне древней дневной поверхности, после захоронения могильная яма и валик были накрыты ветками и корой и засыпаны землей.

Само погребение было неоднократно ограблено, остатки деревянной конструкции найдены только в северо-восточном углу.

В сопровождающий инвентарь входили: керамический сосуд, разби-

тый при ограблении; три фрагмента обкладок из золотой фольги, прибиваемых к основанию мелкими золотыми гвоздиками. В заполнении могильной ямы в большом количестве найдены железные нашивные бляшки прямоугольной формы, со скругленным нижним краем, относящиеся к чешуйчатому доспеху.

При сносе насыпи, у западной полы обнаружены три бронзовые бляхи, крепившиеся на подпружных ремнях конской седельной сбруи, изображающие свернувшегося в кольцо волка в традиционном савроматском зверином стиле. Сильное, неестественно вытянутое тело хищника плавно изогнуто по овалу. Нос соприкасается с длинным хвостом, огибающим круп животного, конец спирально загнут. Центр композиции образуют лапы. Одна передняя и одна задняя ноги поджаты и заканчиваются тремя длинными изогнутыми когтями. Когти передней ноги касаются коленного сгиба задней, а лапа задней коленным сгибом с передней. Округлым рельефом выделены лопатка и грудная клетка, бедро. Шея животного мощная, широкая относительно узкого туловища. Голова довольно крупная, с большой мордой. Зрачок миндалевидной формы с выделенной слезницей, образованной углубленной линией. Зрачок оконтурен валиком с плавным рельефом. Листовидное ухо прижато к голове. Хищный оскал пасти подчеркнут изображением трех острых клыков и двух коренных зубов. Между задней ногой и брюхом животного включено изображение орлиного грифона, развернутого головой в сторону, противоположную направлению головы волка¹⁷.

К позднесарматскому периоду относятся два кургана у села Лебедевка в Чингирлауском районе. Здесь в погребениях обнаружено большое количество инвентаря - украшений, бронзовой и серебряной посуды, керамики, предметов вооружения, как изготовленных местными ремесленниками, так и привезенных из Причерноморья, Прикубанья, Кавказа и Средней Азии. Эти погребения датируются II-IV вв. н.э.

Курган 1 Лебедевского комплекса имел земляную насыпь диаметром 27 метров и высотой около 2 метров. В центре под насыпью находилась прямоугольная могильная яма, имевшая сверху перекрытие, опиравшееся на 12 столбов, вкопанных по периметру и посередине. Погребенный находился в западной части могильной ямы, лежал на спине, головой на север. В изголовье была поставлена греческая узкогорлая амфора с ребристыми ручками. У левого плеча лежали железный черпак и железный втульчатый наконечник копья с остатками древка. Справа у ног находился двулезвийный меч в деревянных ножнах. Рукоять меча заверша-

лась круглым агатовым навершием. Одежда погребенного была обшита золотыми полусферическими бляхами.

В восточной части могилы найдены копье с железным втульчатым наконечником, конская сбруя с двумя парами кольчатых железных и серебряных удил, пряжки и накладки узды. Обнаружены медный котел, медная чаша с цилиндрическим поддоном, медный узкогорлый кувшин с изогнутой ручкой, нижняя часть которой имеет форму головы Диониса, а верхняя часть, выступающая над венчиком, изображает голову кобры в окружении длинноклювых птиц.

В южной части ямы обнаружены два железных ножа, один из которых с прямым, другой с изогнутым лезвием, небольшой кусочек янтаря, серебряный цедильник - чаша и глиняные сосуды - светильник, две чашечки и кружка.

Земляная насыпь кургана 2 в диаметре составляла 21-22 метра, в высоту составляла 1,5 метра. Под насыпью в центре кургана расчищена могильная яма, стены которой побелены известью и обставлены березовыми столбами. Сверху яма перекрыта березовыми бревнами. На глубине 1,8 метра на помосте из деревянных плах лежала погребенная женщина, судя по окружающим ее предметам, знатного происхождения. Она была положена на спину в вытянутом положении, головой на север. Здесь же найдены золотые лунообразные серьги с вставками из цветных камней, массивный перстень, украшенный зернью и вставкой из сердолика, и три ожерелья: первое из овальных янтарных бус, второе - из округлых бус, сделанных из горного хрусталя и третье собрано из сердоликовых бусин. Обнаружен ромбовидный медальон с дисками на концах, в центре которого в технике перегородчатой эмали выполнен геометрический узор из квадратиков белой, голубой эмали и яшмы. Одежда женщины богато расшита золотыми полусферическими бляшками и пластинами, украшенными ложной зернью.

Особый интерес представляет ручка от медного кувшина, заканчивающаяся сверху рельефно выполненной головой Диониса и серебряная ложка с изящной ручкой в виде изогнутой ноги лани. Обнаружены также серебряный светильник шарообразной формы с отверстием в центре и пустотелым цилиндром с крышкой, серебряный цедильник с остатками высохших стеблей трав, два бронзовых котла с кольцевыми выступающими ручками. В изголовье стоял бронзовый котелок, лежало бронзовое зеркальце в кожаном футляре, вложенном в лакированную шкатулку.

Из керамических изделий в раскопе найдены крынкообразные сосуды, горшок, небольшой яйцевидный сосудик. Интересны два кувшина с петлеобразными ручками, имитирующими животных. Из дерева изготовлена чаша с загнутыми краями и деревянный бокал. Погребенная была снабжена и оружием: железным топором-кельтом с округлой втулкой и удлиненным прямоугольной формы лезвием и топором с железным крючком для подвешивания к поясу. Вооружение как бы иллюстрирует рассказы о древних сарматских амазонках.

Разнообразный погребальный инвентарь из этих и других курганов дает яркое представление о богатстве, сосредоточенном в руках сарматской племенной знати¹⁸.

2.3. Западный Казахстан в средние века (VI-XV вв.) Взаимодействие кочевой и оседлой культуры.

Для Казахстана и его отдельных регионов всегда было характерно взаимодействие скотоводов и земледельцев, степи и города.

Эти взаимодействия были многообразны: политические, экономические, культурные, этнические. Взгляды исследователей на характер этих контактов были неоднозначны. Так, в начале XX в. писали о кочевниках, находившихся в состоянии постоянной борьбы с оседлыми земледельцами, народах, которые “сметали все на своем пути и обращали цветущие оазисы в мертвые пустыни¹⁹. Кочевники Востока, в том числе Казахстана и Средней Азии, зачастую рассматриваются как носители закоснелой культуры, а их влияние на развитие цивилизации — губительное. Считают, например, что история Средней Азии - это история постепенного завоевания и разрушения оседлой цивилизации кочевниками²⁰.

Однако, сейчас преобладает мнение о тесной, органичной связи между кочевниками и земледельцами. Принято говорить об единой экономической системе, охватывающей как оседлую, так и кочевую часть населения вообще, системе, в которой оба направления хозяйственной жизни не могли нормально функционировать без постоянного взаимообмена. Нарушение этого экономического единства приводило к тяжелейшим последствиям для кочевников и для жителей оседлых оазисов²¹.

Важное значение для понимания взаимоотношений кочевников и земледельцев имеет установленный факт о том, что “чистые кочевники” являлись редким исключением и что элементы оседлости и земледелия

всегда сопровождают кочевое хозяйство; в рамках единой этнической общности. Наряду с кочевыми существовали полукочевые и полuosедлые группы скотоводов. Поэтому “непреходимой границы” между земледельцами и скотоводами не было и в массе последних всегда имелись потенциальные группы населения, которые при определенных условиях и стечении обстоятельств переходили на оседлый образ жизни. Были и обратные процессы, но в целом, при всех локальных и хронологических изменениях, тенденция к расширению зоны оседлости, земледелия и урбанизации всегда имели место.

При решении проблемы города и степи в эпоху средневековья важное значение имеют разработки по выявлению исторических закономерностей в развитии города и кочевников. Такого рода исследования ведутся. Появились обобщающие сочинения по городам Средней Азии и Казахстана, кочевникам средневековья²².

Интенсивное археологическое изучение городской культуры, проводившееся в последние два десятилетия, позволило выявить новый материал, систематизировать его и рассмотреть целый ряд вопросов, в том числе и аспект развития городской культуры во взаимодействии с кочевниками на протяжении средневековья вплоть до периода, освещенного этнографическими сведениями.

В политическом отношении территория средневекового Казахстана подчинялась тюркским династиям и входила последовательно в состав Древнетюркского, Западнотюркского, Тюркешского, Огузского, Кыпчакского каганатов. В указанный период происходит разграничение территории кочевания, стабилизируются маршруты кочевий, закрепляются постоянные зимовки и летовки, появляется земледелие, выделяется прослойка оседлых бедняков и происходит переход к оседлости отдельных родовых подразделений. Складывается государственный бюрократический аппарат, формируется общий язык и письменность, развиваются торговые и дипломатические связи. В этих условиях происходит формирование городов, как административных ставок, так и центров ремесла, торговли, культуры.

Взаимодействие оседлого и городского населения с населением кочевым и полукочевым имело различные аспекты. Однако, следует отметить, что зачастую кочевники, земледельцы и горожане оказывались интегрированными в рамках единой социально-экономической структуры. Под влиянием оседлых земледельцев и горожан бывшие кочевники быстрее переходили к оседлости, к городской жизни. Влияние оседло-

земледельческого уклада ускорило развитие и кочевников.

Культурологический аспект взаимодействия характеризуется такими явлениями, как заимствование, подражание, диффузия, интеграция. Так, к примеру, оседлое население заимствовало у кочевого типа вооружения, украшений, посуды из драгоценных металлов. Однако, оседлое население не шло по пути слепого копирования, а привносило в эти изделия свои специфические элементы.

Но “передав” престижные предметы, связанные с воинской аристократической средой средневекового общества, кочевники могли полностью удовлетворить свои запросы в этих изделиях только при наличии развитого городского ремесла²³. Таким образом, спрос кочевников, скотоводов стимулировал развитие городского ремесла, а тюркские каганы были заинтересованы в строительстве городов. В то же время, переходящее к оседлой жизни скотоводческое население перенимало у оседлого населения традиции строительного дела, а тюркская знать, видимо, приглашала для возведения дворцовых комплексов и их украшения строителей из числа оседлого населения²⁴.

Касаясь взаимодействий в сфере материальной культуры, невозможно обойти вопрос об этнических процессах. Взаимодействия в этническом плане характеризовались двумя видами миграций: перемещением больших групп населения — “Великое переселение народов”, согдийская колонизация и тюркские завоевания, и микромиграциями, когда переселялись небольшие группы населения-проповедники, торговцы.

Эти переселения сопровождались интенсивными этногенетическими процессами, которые одновременно носили объединительный характер.

Эпоха великого переселения народов (II — V вв.) в значительной мере изменила состав населения и его расселение на территории Казахстана, Средней Азии и Восточной Европы. В V в. многочисленные тюркоязычные племена расселились в степной полосе от Северной Монголии до Восточной Европы, а на юге границы их кочевий достигали верховьев Амударьи.

В 552 г. предводитель тюрков Бумын выступил против аваров (жуаньжуаней) и нанес им сокрушительный удар. На развалинах их государства тюрки создали Тюркский каганат. Родоначальником этого этнополитического объединения стал Бумын-каган. В годы правления его преемника Мукан-кагана (553 — 572 гг.) Тюркский каганат достиг политического господства в Центральной Азии.

В VI в. земли Казахстана находились под властью этой могущественной державы. Были покорены северокитайское государство, кидани в Маньчжурии, кыргызы на Енисее.

Стремясь овладеть богатствами оседлых племен, тюрки двинулись в Среднюю Азию. Здесь они встретились с эфталитами, владения которых простирались от Каспийского моря до Северной Индии и Восточного Туркестана. Тюрки заключили с Ираном союз против эфталитов, и в 564 г. шах Ирана Хосров Ануширван отнял у последних важную стратегическую область — Тохаристан. Основные силы эфталитов были разбиты тюрками в 587 г. под Бухарой.

После завоевания Средней Азии тюрки стали хозяевами торгового Шелкового пути в страны Средиземноморья.

В 568 г. согдийский купец Маниах возглавил посольство Тюркского каганата в Константинополь, где были заключены торговое соглашение с Византийской империей и военный договор против Ирана.

Междоусобная война, продолжавшаяся при правлении Истемикагана и его сына Тюрксанфа, и социальные противоречия ослабили каганат. В 603 г. из Тюркского каганата выделился Западно-Тюркский каганат, занявший территорию от оазисов Восточного Туркестана до Амударьи, Поволжья, вплоть до северокавказских степей.

Ядром нового каганата стали “десять племен” (он ок будун), занимавшие древние усуньские земли от гор Каратау до Джунгарии. Столицей стал город Суяб (около современного города Токмак в Кыргызстане). Первым лицом в каганате был каган — верховный владыка, правитель военачальник, он владел и всеми землями. Высшие титулы в каганате — ябгу, шад и эльтебер носили только те, кто принадлежал к каганскому роду. Судебные функции выполняли буюруки и тарханы. Основное население каганата состояло из свободных мелких общинников-скотоводов (карабудун). Племена делились на аристократические и вассальные.

Военно-политические силы Западно-Тюркского каганата оказались недостаточными для удержания народов и племен в повиновении. В каганате происходили непрерывные междоусобицы, частая смена правителей, сопровождавшаяся неизбежным нарастанием центробежных сил.

В 704 г. в Семиречье пришли к власти тюргеши, родоначальником которых был Уч-элик-каган (699—706 гг.).

Но междоусобицы подорвали Тюркешское государство, и оно пало в 756 г. под натиском тюркоязычных племен карлуков.

В середине VIII в. в результате борьбы с карлуками за тюркешское наследие значительная часть огузов покинула Семиречье и ушла в предгорья Каратау и долину реки Чу. В начале IX в. огузы в союзе с карлуками и кимаками разгромили кангаро-печенежское объединение и захватили низовья р. Сырдарьи и степи Приаралья. В конце IX в. в союзе с хазарами они нанесли поражение печенегам и овладели междуречьем Урала и Волги.

Длительная борьба с печенегами способствовала политической консолидации в IX — X вв. огузского союза племен. В его состав вошли жители долины Сырдарьи и арало-каспийских степей, с древних времен населявшие эти земли. Формирование огузской этнической общности было сложным и длительным. Ядро ее сложилось в Семиречье, а в процессе движения огузов на запад в него вошло кочевое и полуседлое население территории Южного и Западного Казахстана.

В конце IX — начале XI вв. огузские племена занимали обширную территорию от среднего течения Сырдарьи до низовьев Волги. Кочевья огузов были разбросаны по рекам Иргиз, Урал, Эмба, Уил, в предгорьях Сырдарьинского Каратау. Наиболее компактно они жили в среднем и нижнем течениях Сырдарьи, в Приаралье, Восточном Прикаспии. Границы огузских становищ достигали Южного Урала и Нижнего Поволжья, граничили с Хорезмом, Мавераннахром и Хорасаном, где население было оседло-земледельческим.

В X в. степи, тянувшиеся на запад до Хазарии, а также степи Северного Прикаспия, Центральные, Заунгузские, Юго-Восточные Каракумы и Приаральские Кзылкумы назывались Огузской степью. В X в. столицей огузского государства стал город Янгикент на Сырдарье, лежавший на стыке важных караванных путей, ведущих в Среднюю и Центральную Азию, Восточную Европу. Главой огузского государства был верховный правитель, носивший титул джабгу.

Государство огузов играло важную роль в политической и военной истории Евразии. В 965 г. в союзе с Киевской Русью они разгромили Хазарский каганат, а через 20 лет нанесли крупное поражение Волжской Булгарии. Все это способствовало росту политической мощи огузской державы.

В VII в. начинается формирование и усиление кимацкого государства. Ранний этап истории кимаков связан с северо-западной Монголией. К середине VII в. они откочевали в районы, расположенные севернее Алтайских гор, и в Прииртышье.

Во второй половине VIII — начале IX вв. кимакские племена двигаются в трех направлениях: на северо-запад — к Южному Уралу, на юго-запад — в Семиречье и на юг — к бассейну реки Сырдарьи в Южном Казахстане.

Складывается кимакская федерация в составе семи племен: эймур, имак, кипчак, татар, байандур, ланиказ и аджлар. Глава кимакских племен стал носить титул байгу (ябгу), который имела правящая верхушка тюркоязычных народов. Самым крупным и сильным племенем, находившимся под влиянием кимакского каганата, были кыпчаки. В период с VIII до начала XI вв. они расселились на обширной территории от Алтая и Иртыша на востоке до южноуральских гор и Итиля (Волги) — на западе.

В конце IX — начале X вв. в предгорьях Южного Урала и к югу от него расселялись родственные кимакам куманские племена. Основная область их кочевий находилась в Мугоджарских горах, там же была их столица. К югу от них находились огузы и кимаки, на западе — печенеги, на северо-западе — болгары, на северо-востоке — кыпчаки.

После падения Кимакского каганата в начале XI в. военно-политическая гегемония на территории Казахстана перешла в руки кыпчакских ханов. Племенная знать кыпчаков вытеснила огузских джабгу из нижнего и среднего течения Сырдарьи, Приаральских и Прикаспийских степей.

В начале второй четверти XI в. появилось название Дешт-и-Кыпчак (Степь кыпчаков) вместо бытовавшего до этого в письменных источниках Мафазат аль-гузз (Степь огузов). В середине XI в. кыпчаки стали продвигаться на запад от р. Итиль (Волги), вступая в контакты с народами Руси, Византии, Венгрии. Историко-географическая область Дешт-и-Кыпчак занимала территорию от р. Иртыш до р. Днестр. Ее условно можно разделить границей по Волге на два крупных этно-территориальных объединения: Западнокыпчакское и Восточнокыпчакское.

Кыпчакская территория вобрала в себя кыпчакские, а также тюркоязычные кимакские, куманские, древнебашкирские и огузские племена. В нее вошли и многочисленные племена канглы, занимавшие в XII в. пределы Приаральских степей, а также карлуки и чигили.

Одинаковые формы хозяйствования, система общественных отношений и общность языка способствовали стиранию границ между этими этническими группами, которые, сознавая свою принадлежность к единому этносу, принимали этноним «кыпчак».

Расселение кыпчакских племен к середине XI в. происходило на об-

ширной территории от Алтая и р. Иртыш на востоке до р. Итиль (Волги) и Южного Урала на западе, от оз. Балхаш на юге до лесостепной полосы юго-западной Сибири на севере.

Во второй половине XI в. кыпчаки расселялись на Мангышлаке и Устюрте, где совместно с ними кочевали группы огузских племен.

Кыпчакские ханы расширили на юге пределы своего государства, достигнув окрестностей г. Тараза, где возвели укрепление Канджек Сенгир. Озеро Балхаш служило естественной границей между кыпчаками и Караханидами. На востоке, на Алтае и в верховьях р. Иртыш кыпчакские земли граничили с владениями канглы, найманов и керейтов. Северные границы Кыпчакского ханства проходили по лесостепной зоне, отделяющей нынешнюю казахскую степь от Сибири. На западе соседями кыпчаков были народы Поволжья и Приуралья: болгары и башкиры.

На территории Казахстана кочевья кыпчаков находились по рекам Ишим, Тобол, Нура, Илек и Сарысу. С зимовок на Мангышлаке и Устюрте группировки кыпчаков на лето уходили в долины рек Эмбы, Сагыз, Уила, Кобды, Жайка (Урала).

В начале XIII в. в состав государства Хорезмшаха Мухаммада (1200-1220 гг.) вошла «кыпчакская область» Сыгнака, однако несмотря на потерю Сыгнакского владения, кыпчакские ханы продолжали вести упорную борьбу с Хорезмом. Из Дженда Мухаммад совершил военные походы на север против Дешт-и-Кыпчака. В 1216 г. во время одного из таких походов против Кадыр-хана он дошел до р. Иргиз, где в Торгайских степях случайно столкнулся с войском Чингис-хана, преследовавшего меркитов, бежавших в страну кыпчаков. Это было первое появление монголов на территории Казахстана. Наступила эпоха монгольских завоеваний.

Все вышеназванные государства тюрков находились на одном социально-политическом и культурном уровне развития. Сходной была также и их хозяйственная деятельность.

Главным занятием было скотоводство. Кочевники совершали длительные переходы между сезонными пастбищами. Пути кочевок, выработавшиеся веками, пролегали по известным бродам рек, удобным перевалам гор, пастбищам с обильным кормом и хорошими водопоями.

Полуоседлые и оседлые группы кыпчаков, огузов и кимаков занимались земледелием. Сеяли они, главным образом, просо, пшеницу, ячмень.

Таким образом, у всех названных древнетюркских племен существовало несколько различных хозяйственно-культурных типов, связанных с

преобладанием кочевого или полукочевого скотоводства, наличием земледельческого хозяйства при полуоседлом скотоводстве или промысловой охоте и рыболовстве.

В результате нашествия монголов в 1219 — 1224 гг. Казахстан вошел в состав империи Чингис-хана. Местная знать (кыпчакская и огузская) поступила на службу к монголам. Рядовые кочевники были использованы для формирования новых «сотен», «тысяч», «туменов», раздававшихся в феодалные держания Чингизидам. Кыпчаки и другие тюркские племена составили значительную часть монгольской армии, двинувшейся во главе с Бату (Батыем) в 1237 г. на покорение Восточной Европы.

Территория Казахстана вошла в состав трех монгольских улусов: большая (степная) часть — в состав Улуса Джучи, Южный и Юго-Восточный Казахстан — в Улус Чагатая, северо-восточная часть Семиречья — в Улус Угэдэя. Улус Джучи занимал обширные земли к западу от Иртыша и охватывал северную часть Семиречья и весь Восточный Дешт-и-Кыпчак до Нижнего Поволжья включительно. Улус Чагатая, помимо названных земель, включал в себя Восточный Туркестан и Мавераннахр. Угэдэй владел Западной Монголией, районами Верхнего Иртыша и Тарбагатая. Чингизиды стремились превратить свои улусы в независимые владения. После смерти Чингисхана (в 1227 г.) эта тенденция стала нарастать, и империя распалась на несколько независимых государств.

Преемником Джучи, умершего в том же, 1227 г., стал его сын Бату. Он предпринял завоевательные походы на территорию Западного Дешт-и-Кыпчака, в земли волжских булгар и далее — на запад. Были разгромлены крупнейшие русские княжества, опустошены Польша, Венгрия, Чехия и другие страны. В итоге семилетнего похода (1236—1242 гг.) под властью Батыя оказались земли к западу от Волги до низовьев Дуная, включая Крым, Северный Кавказ, западно-кыпчакские (половецкие) степи. Батый основал в низовьях Волги новое монгольское государство — Золотая Орда. В него вошли территории Улуса Джучи: Восточный Дешт-и-Кыпчак, часть территории Хорезма и Западной Сибири, а также вновь завоеванные земли на западе.

Основанное Батыем государство называлось в восточных источниках Улусом Джучи, а также по именам ханов-джучидов (Улус Бату, Улус Берке и Золотая Орда). Столицей был город Сарай-Бату (вблизи Астрахани), позднее — город Сарай-Берке.

Золотая Орда была многоэтническим государством. Она включала в себя множество племен и народностей, различавшихся между собой

по уровню общественно-экономического развития и обладавших своеобразной культурой и обычаями. Основную массу кочевников составляли тюркские племена, главным образом, кыпчаки, а также канглы, карлуки, найманы и многие другие. В оседлых областях жили болгары, мордва, русские, греки, черкесы, хорезмийцы. Монголы составляли в Орде меньшинство, а в конце XIII и в XIV вв. монголы фактически тюркизовались²⁵.

Археологические исследования курганов и погребений средневековых кочевников в Западном Казахстане установили, что памятники VIII-XI вв. немногочисленны.

Курганные насыпи земляные, очень редко сооружались с применением камня. Основная часть насыпей от 8 до 15 м. Преобладающей формой могильной ямы для первого периода является обычная яма с уступами, подбой.

Важной чертой погребального обряда является наличие костей лошади. Части скелета в виде разложенных в анатомическом порядке костей ног и черепа обнаружены в половине всех раскопанных погребений. Кости лошади выявлены на уступах могил рядом с человеком в яме, на перекрытии ямы.

Остатки деревянных конструкций в виде перекрытия зафиксированы в виде гробовищ, закладов из деревянных плах с камнями, закрывавших вход в подбой.

Наличие костей животных, за исключением копыт, черепа, или целого скелета лошади, в насыпи кургана или на дне ямы можно условно обозначить как следы тризны или остатки заупокойной пищи.

Археологические памятники первой группы практически не образуют крупных могильников. Небольшой в количественном плане материал разбросан по обширной территории Западного Казахстана. Подобная картина наблюдается и в соседних регионах.

Погребальные комплексы первой группы объединяются в три основных типа: погребения с конем, погребения без коня и кенотафы - поминальники.

Предметы вооружения встречаются практически только в мужских погребениях. К преобладающим в женских, относятся предметы туалета: гребни, зеркала, отдельные виды украшений. Встречающимися и в тех и в других являются предметы быта и конской сбруи.

Из западной группы происходят элитные погребения воинов с полным комплектом вооружения – наконечниками стрел, защитными пла-

стинчатými доспехами (Шалкар III, Карасу I). Мужские захоронения без костей лошади содержат наборные пояса и уздечные наборы. К этой группе памятников относятся случайные находки комплекта бронзовых литых предметов: серег и различных подвесок.

В значительной мере обрядовые действия в погребальной практике этого времени связаны с культом коня. На рубеже VIII-IX вв. распространенным типом являлось погребение с костями коня на уступе или в могильной яме на одном уровне с человеком. Немаловажное значение при этом имеет способ отчленения ног лошади по первый или второй (пястный) суставы. С момента огузской экспансии распространяется обычай помещения "чучела" на перекрытии могильной ямы, либо на крышке гробовищ, над скелетом человека. Распространение этого типа погребений приходится на вторую половину IX в. Одновременно наблюдается измененная форма этого обряда, заключающаяся в погребении одного или двух копыт лошади в бедной по инвентарю могиле. Изменения коснулись обычая сооружения кенотафов, исчезнувшего с уходом печенегов²⁶.

Материальная культура XII-XIV вв. представляет собой новый этап в развитии культуры кочевого общества степей Евразии. Прежде всего обращает на себя внимание ее большая однородность по сравнению с предшествующим, огузо-печенежским временем.

Размеры насыпи курганов варьируют в пределах от 4 до 18 м. Простая земляная насыпь встречается у большинства памятников. Такие конструктивные особенности, как земляная насыпь, сооруженная с применением камней и построения сырцового ограждения на уровне древнего горизонта под насыпью, встречается реже.

Преобладающей формой могильных ям является простая прямоугольная. В ряде случаев стенки незначительно сужаются или расширяются ко дну. Встречены могильные ямы, имеющие уступ или уступы вдоль стен и подбойные могилы.

Ориентировка скелетов различная, доминирующей является южная, затем идет западная, северо-восточная, северо-западная, восточная, северная, юго-западная. случаев юго-восточной ориентировки не встречено.

Перекрытия встречаются как в простых по форме ямах, так и в могилах с заплечиками. Зфиксированы остатки дощатых гробов. Есть случаи помещения покойного в выдолбленную из ствола дерева колоду.

Характерная черта этого периода заключается в сосредоточении по-

гребений с общими чертами на одном могильнике. По наиболее ярким чертам в погребальном обряде памятники делятся на три группы: погребения в простых ямах без костей лошади; погребения в ямах усложненного типа (с уступами, подбоями) с костями коня или без них и погребения в сырцовых оградках и выкладкам из кирпича в насыпях могильных ям.

В погребениях представлены следующие категории вещей: принадлежности конской сбруи (стремена, удила, остатки седел); вооружение (наконечники стрел, сабли, колчаны и их украшения, кинжалы, копья, доспехи); украшения (серьги, перстни, бусы, зеркала, "бокка"); бытовые предметы (кресала, ножи, ножницы, шилья, гребни, сосуды); такие предметы, как пряжки, косметические щипчики, остатки кожаных сумок, бронзовые бубенчики²⁷.

Богатством инвентаря отмечаются погребения знати. Так в Лебедевском комплексе раскопан курган средневекового периода. В могильной яме, на глубине 2 м находился скелет погребенного, обращенный головой на запад. На дне могильной ямы находились доски, на которых лежал усопший. По всему периметру могильной ямы на высоте выбраны пазы, в которые вставлены доски перекрытия.

На скелете сохранились пластинки от доспехов, нашитых на основу - рубашку. Рукава и края рубашки обшиты узкими продолговатыми пластинками. Справа, на уровне головы, стоял железный шлем. К нижней кромке шлема прикреплено железное кольцо, к которому подвешивались узкие, продолговатые пластинки в два ряда по всей окружности. Между шлемом и головой воина было найдено золотое кольцо.

У кисти правой руки лежал колчан. Внутри колчана помещались железные подтреугольной формы черешковые стрелы. Недалеко от панциря лежали две серебряные позолоченные миндалевидной формы сферические пластинки, на одной из которых изображены головы двух рогатых козлов и голова тигра с разинутой пастью, удерживающей зубами солнечный диск. Две другие округлые бляхи имели узор в виде веревочки.

Между ног воина, на уровне коленных суставов, стоял небольшой серебряный сосуд колоколообразной формы. У задней стенки ямы, недалеко от ступней ног, лежали железные удила и пряжа от конской уздечки. Ступни ног воина были покрыты хорошо сохранившимся предметом, по-видимому, щитом.

Около левой руки лежала длинная, несколько изогнутая железная

сабля (длина 95 см. ширина лезвия 4 см) и клинок. У ног — кольчатые удила и пряжка.

В кургане 3, диаметр которого 16 м, высота 1,1 м в могильной яме был захоронен мужчина. По сравнению с описанным захоронением воина-аристократа здесь не было помоста, могила отличалась строгостью инвентаря и свидетельствовала о скромном положении, занимаемом в обществе рядовым кочевником, Его сопровождали различные по форме стремена; одно с петлей, отделенное от дужки перехватом. Из одежды на нем сохранились остатки кожаного пояса, квадратной формы пряжка с подвижным язычком, серебряные квадратные накладки и 2 колечка, служившие украшением поясного набора²⁸.

Опираясь на имеющиеся материалы, можно представить, как выглядел знатный кыпчакский воин.

Обряд погребения предполагал вместе с покойником в могилу класть куски ритуальной пищи — части туши барана или лошади (обычно лопатка), крестец, ребра. Характерная деталь кыпчакских погребений — серьги в виде вопросительного знака. Это особый признак, таких серег другие племена не имели. Типично присутствие в кыпчакских захоронениях монет — ими снабжались покойники.

Одежда его состояла из овчинных штанов, заправленных в кожаные сапоги, расшитых узором из цветных ниток и шелковой рубашки. Сверху надевался халат из шелковой ткани ярких золотистых или красноватых тонов, с широким кожаным поясом, с железной пряжкой, украшенный железными бляхами и привесками. На поясе висели железная сабля, кинжал (нож). Слева на боку витязь носил прикрепленный к поясу большой берестяной колчан, обтянутый кожей и украшенный инкрустацией из разноцветных кусочков бересты. Бортик и швы колчана украшал кант в виде цветного шнура. Колчан был заполнен стрелами длиной 0,7—0,8 м с наконечниками разных типов: ромбовидными, треугольными, конусовидными, плосколопастными. К ремню прикреплялась сумочка, на пряжке которой типичный кыпчакский орнамент — завитки бараньих рогов.

По остаткам конской сбруи, положенной в могилу, можно представить, как смотрелся взнузданный кыпчакский конь. Седло, сделанное из деревянных частей, скрепленных железными скобами, сверху было обтянуто кожей. Железные стремена — с широкой нижней частью, плоской прорезной подложкой и с петлей наверху для ремня.

Раскопки кыпчакских курганов показывают, что ислам еще не рас-

пространился в это время в казахстанских степях и по-прежнему похоронный обряд совершался на основе древних языческих культов.

В первой трети XIII в истории кочевников степной полосы Евразии произошли коренные изменения, связанные с монгольским завоеванием.

В это время резко увеличивается число погребений с северной ориентировкой. В составе инвентаря появляются головные уборы – “бокка” и вырезанные из листа металла фигурки человечков – онгоны. “Бокка” – предмет весьма характерный для женских погребений XIII-XIV вв.

Золотоординский период отмечен изменениями в обряде, которые прослеживаются в смене восточной ориентировки на западную и северную, упрощении формы могильных ям. Исчезает обычай помещения в могилы костей лошади – вместо этого наблюдается его “символизация”, выраженная в сопровождении покойника предметами конской сбруи.

Начиная с середины XIV века в погребальной обрядности отчетливо проступают результаты исламизации кочевого общества. Часть населения, проживавшая около городских центров, начинает хоронить своих покойников, соблюдая мусульманские каноны: сооружая кирпичные склепы, помещая тела в могилы, обернутыми в саван, лицом к Кыбле, без сопровождающего инвентаря. Другая часть населения, наиболее подверженная кочевым традициям, длительное время продолжает хоронить соплеменников, формально соблюдая ритуалы ислама, ориентируя покойников по прежним направлениям и продолжая помещать в могилы инвентарь²⁹.

2.4. Городище «Жайык» – средневековый Уральск

Историческая наука, как выше отмечалось, давно отошла от понимания «кочевой культуры», как феномена, которому в корне не свойственны «оседлые» признаки. Ведение кочевого скотоводческого хозяйства, как установлено, не отрицает, а предполагает наличие городов, как центров ремесла и торговли, относительно стационарных поселений как мест зимовок и баз - убежищ в стратегически важных местах. Итоги археологических исследований евразийских степных культур со всей наглядностью показали условность понятия “кочевая культура.”³⁰

Поиски средневековых поселений и городищ в Западном Казахстане, привели к конкретным результатам – открытию городища «Жайык». Оно расположено в 12 км южнее г. Уральска. Некрополь расположен на

естественном возвышении - на Свистун – горе, само городище на берегу старицы р. Урал. (старый берег реки, от которого Урал отошел в этом месте на полкилометра).

С юга и юго – востока территорию городища ограничивает склон речной террасы, а с других сторон – естественные овраги. Следов каких либо искусственных ограждений по периметру не обнаружено. Площадь, на которой прослеживаются явные следы застройки, составляет около 8 га.

На поверхности прослеживаются отдельно стоящие холмики высотой от 0,3 до 0,6 м. различной планировки и размеров. В 2-х км западнее городища на вершине Свистун - горы располагалась кладбище. Раскопки проводились на нескольких объектах.

Малая жилая усадьба. В ходе раскопок выявлена планировка усадьбы, названная “малой”. Ее жилая часть состоит из 6 помещений, сложенных из сырцового кирпича следующих размеров: 25x28x8 см, 35x38x7 см, 20x22x6 см, 28x25x8 см, 26x20x6 см, 38x24x7-8 см. Стены были обмазаны глиняным раствором, как внутри помещений, так и снаружи. Толщина стен составляет 70 см. Усадьба состоит из двух симметричных жилых секций. Первую образуют помещения № 3,2,1, вторую помещения № 6,5,4.

Помещение № 3 размером 3,20x2,40 м. являлось прихожей с хозяйственными функциями. В северо-западном углу помещения была выявлена суфа в виде буквы «Г», сложенная из сырцового кирпича. При очистке помещения были обнаружены фрагменты керамики, фрагменты металла, изделий из кусков железной стамески.

В юго-восточном углу помещения располагалась яма, выложенная жженым кирпичом, это “ташну” - санитарно-гигиеническое устройство для слива грязной воды. Через дверной проем, устроенный у западной стены этого жилого отсека, попадаем в центральное жилое помещение (№2). Его размеры 3,20x3,70м.

Большую часть помещения занимает «П-образная» суфа, расположенная вдоль южной, восточной и северной стен. В южном отрезке суфы размещалась отопительная система «типа кана». На краю суфы устроена топочная камера и от неё вдоль южной стены двухканальный дымоход, выложенный сырцовым кирпичом. Каналы дымохода перекрыты тем же сырцом и сверху обмазаны. Западнее печи, у несущей стены, разделяющей все сооружение на две части, рядом друг с другом находятся две хозяйственные ямы.

Через проход расположенный вдоль западной средней стены, попадаем в помещение №1 (1,60x3,20 м.). В проходе имелся порожек. Это по-

мещение было кладовой. В юго-западном углу его имеется хозяйственная яма.

Следующий жилой отсек состоит из помещений № 6,5,4.

Помещение № 6 размерами 3,15x2,40 м. располагалось в северо-западном углу всей постройки. Также, как и помещение № 3, это была прихожая с хозяйственными функциями. В юго-западном углу помещения расположены три ямы. В проходе, который соединяет помещения № 6 и 5, сложен порожек из сырцового кирпича.

Помещение № 5 размером 3,70x3,20 м. являлось центральной жилой комнатой второго отсека. Всю западную часть помещения, вдоль южной, северной и западной стен занимает суфа. Участок суфы у южной стены занят каном с топкой в виде небольшого тандыра и печкой. Печь была сложена из жженого кирпича, рядом с подом находилась яма, куда выгребали золу, накопившуюся в печи. Суфа подогревалась дымоходом, идущим в два ряда от тандыра.

Из жилого помещения проход вел в небольшое помещение-кладовую (№4). В юго-восточном углу помещения расположена площадка ташнау, выложенная жженым кирпичом в виде квадрата. В кирпиче, лежащим по центру, имеется специально сделанное отверстие для отвода воды.

Результаты расчистки жилища «малой усадьбы» можно интерпретировать следующим образом. Жилая часть усадьбы представляет собой отдельно стоящее строение, состоящее из двух симметричных по планировке жилых комплексов (отсеков) разделенных стеной. Входы со двора в жилища были устроены в северной стене. Войдя в жилище, попадали в «прихожую». В помещении №3 в северо-западном углу - суфа, выложенная из обломков обожженного кирпича. Далее, через двери устроенные вдоль центральной стены, попадаем в жилые помещения с отапливаемыми суфами (пом. № 2 и 5). Замыкали анфиладу помещений небольшие комнаты явно хозяйственного назначения. Они, очевидно, служили кладовыми.

Усадьба, очевидно, имела обширный двор с надворными постройками, однако двор еще не раскопан.

В ходе проведенных археологических работ были обнаружены следующие предметы: фрагменты металлических изделий (среди них часть зубила, фрагмент чугунного котла); множество фрагментов керамики; фрагменты глазурованных плиток и глазурованных кирпичей; сохранившиеся кусочки кожи; бусинки, изготовленные из разноцветного стекла; кольцо с узором в виде восьмиконечной звезды и вписанным в нее кру-

гом, из серебра; нижняя часть формы из белого известняка для отливки колец, а так же кости животных, кости рыб и рыба чешуя.

“*Большая жилая усадьба*” состояла из комплекса жилых и хозяйственных помещений и обширного двора. Пока расчищено четыре помещения. Центральным жилым являлось помещение № 1. Вход шириной 1,4 м. вел со двора. Большую часть помещения занимала «П-образная» суфа. Часть суфы, вдоль западной стены помещения занимала отопительная система типа кан. Топкой служил тандыр, устроенный в северном конце суфы. Он имеет боковое топочное отверстие. Рядом, к востоку, находится массивная платформа, сложенная из сырца. Внутри зафиксирован тонкий слой прокала и золы. Сверху расчищен один ряд кладки квадратным жженым кирпичом формата 26 x 26 x 6 см. в виде буквы «П», обращенной открытой стороной к участку пола, вымощенному квадратным жженым кирпичом. Перед самой платформой прямоугольный участок размером 0,5 x 1,2 м., заполненный золой. Очевидно, это остатки сильно разрушенной печи. Перед ее топкой участок пола, куда выгребалась зола. Вымостка пола жженым кирпичом зафиксирована также и вдоль восточного отрезка суфы. На северном участке суфы шириной 2,7 м. расчищены в двух местах выкладки жженым кирпичом в виде ограждений размером 35 x 35 см. со следами золы и углей внутри. Вполне вероятно, что это остатки разновременных обогревательных устройств типа “санда”. За восточной стеной пом. № 1 устроено небольшое узкое помещение (№4). В нем расчищены развалы жженого кирпича двух, видимо, разновременных очагов. Это помещение, очевидно, служило летней кухней.

Толщина наружных стен помещения № 1- 0,8 м. Сложены они из сырцового кирпича размерами 25 x 25 x 8 см. в три ряда. Внутренние стены сложены из кирпича размером 30x27x8 см., их толщина - 0,7м. Стены снаружи и внутри покрыты многослойной штукатуркой. Сохранившаяся максимальная высота стен 70-80 см. В северной стене пом. № 1 находился вход в пом. №2. Оно, видимо, имело и жилое и хозяйственное назначение. Восточную часть ее занимает суфа шириной 2,4 м. В полу западной половины расчищены три хозяйственных ямы. Возможно, это ямы- хранилища. Далее к северу расположено помещение № 3. Вход в него со двора.

За границами раскопа остались конструкции капитальных строений и большая часть двора, на которой можно предполагать наличие каких-то хозяйственных построек. С территорией двора “*Большой усадьбы*”

связаны находки фрагментов штампованной керамики и глазурованных облицовочных плиток.

В раскопе № IV в восточной части городища на месте заметного в топографии городища всхолмления вскрыт комплекс из нескольких усадеб. Уже в ходе снятия первого слоя выявились остатки конструкций (пятно прокаленной глины, вероятно тандыр), а также сырцовые конструкции. В юго-западной части раскопа (помещение № 2) обнаружена медная монета хорошей сохранности с растительным орнаментом.

В юго-восточной части раскопа, располагалось помещение № 4. Оно сообщалось через проход шириной 1 м. с помещением №3, которое является самым большим по площади на территории усадьбы.

При возведении стен использовался кирпич двух размеров: квадратный - 25х25х7 см и прямоугольный - 25х45х7 см. При укладке применялось чередование этих двух видов кирпичей - один слой из одного вида кирпича, второй - из другого. Стены снаружи и внутри обмазаны слоем глиняной обмазки. Полы также обмазаны.

В помещениях, расположенных в северо-западной и западной частях раскопа выявлены остатки тандыра и печи (помещение № 1). Причем от тандыра отходит дымоход в виде двух параллельных каналов, с помощью которого подогревалась суфа. Непосредственно перед тандыром, на уровне пола обнаружен железный сильно коррозированный нож длиной около 17 см, рукоять отломана. Перед суфой, но с другой стороны располагалась печь. В проходе, который вел из помещения №1 в помещение №2 располагался порожек, выложенный из сырцового кирпича (кладка в два ряда). Судя по наличию в помещении №2 трех хозяйственных ям, фрагментов обожженной керамики и скопления костей, это помещение имело хозяйственное назначение. Здесь же обнаружена вторая медная монета с изображением бегущей лошади на одной стороне и арабской надписью на другой. Следует отметить, что помещения №1 и 2 были изолированы и не сообщались с другими помещениями, скорее – это часть комплекса другой усадьбы

В юго-восточной части раскопа обнаружены фрагменты глазурованной чаши. Роспись черным по зеленому фону в виде растительного орнамента под прозрачной глазурью, белым и коричневым по синему фону с орнаментом в виде стилизованных арабских букв под прозрачной глазурью. Кроме этого, выявлены два фрагмента, так называемой люстровой посуды, расписанной золотом по внутренней стороне и имеющие арабский текст по венчику на внешней стороне.

Вскрыты еще два помещения № 5 и 6. Выяснилось, что проход между этими двумя помещениями был забутован глиняным раствором с фрагментами сырцового кирпича.

Результаты раскопок части площади «усадыбы» предварительно можно интерпретировать следующим образом. Это комплекс из нескольких усадеб, составляющих массив городской застройки.

В ходе проведения археологических исследований на объекте были обнаружены следующие предметы: фрагменты металлических изделий; фрагменты керамики; фрагменты глазурованной облицовочной плитки; стеклянная бусина; кости животных и как выше отмечалось, две медные монеты. У одной из монет прослеживаются следы надписи в квадратной рамке, разделенной пополам на две равные части. На оборотной стороне - изображение льва с раскрытой пастью, поднятым хвостом, шагающего вправо. Над спиной животного - изображение взошедшего солнца. Этот тип монет хорошо известен среди джучидских монет. Он принадлежит к постреформенному чекану хана Узбека. На лицевой стороне хорошо сохранившихся монет этого типа надпись «Высочайшее постановление» внутри квадратного картуша. По краю картуша надпись «Чекан Сарая 737». Цифрами дана дата чеканки монет - 737 год хиджры (т.е. 1336-1337 гг.)³¹. Возможно, что и вторая монета относится к этому же типу, но с уверенностью говорить об этом не возможно, поскольку обе стороны монеты совершенно стёрты. Диаметр монетного кружка-16 мм.

Баня. Среди общественных построек города была «восточная баня – «хаммам», располагавшаяся почти в центре городища. Баня сильно разрушена.

Здание ее было традиционно полуподземным сооружением, цокольная часть которого на глубину не менее 1,2-1,3 м. была утоплена в материк. Для этого был предварительно вырыт котлован и в нем выложено основание бани, представляющее собой подпольную отопительную систему в виде жаропроводящих каналов. При этом пол опирался на кирпичные столбики, расположенные в шахматном порядке. Наружные стены ставились вплотную к стенкам котлована, они имели толщину 1 м.

Южная наружная стена бани была разобрана полностью. Сохранился лишь небольшой фрагмент кладки у основания шириной в 2 ряда кирпичей. Западная стена разобрана до основания. На полу прослеживаются лишь ее следы. Северная наружная стена, в которой был, видимо вход, как и вся северо-восточная часть комплекса, осталась пока за границами

раскопа.

Баня имеет крестовидную планировку. Центральное помещение ее имело восьмиугольный план, вписанный в квадрат со стороной не менее 4 м.

Площадь центрального зала увеличивали беньюары - ниши с обогреваемыми суфами (массажные). Из него вели проходы в помещения, предназначенные для мытья. Они имели разную температуру нагрева – “прохладные” и “горячие”. Моечные были снабжены тазами и котлами, вмазанными алебастровым раствором в суфы. Холодная вода в помещения подавалась по трубопроводу. В завале обнаружено множество обломков керамических труб - кубуров с характерными «манжетами» на одном конце. Они служили для стыковки труб между собой. Место соединения обмазывалось алебастровым раствором. Конец трубы, выходящий в помещение, закрывался специальной керамической «заглушкой» с небольшим отверстием в центре. «Заглушка» также закреплялась на конце трубы алебастровым раствором. Через нее регулировалась подача холодной (и горячей?) воды в моечные помещения. Обнаружены три такие «заглушки».

Появление бань, к типу которых относится Жаикская, не определяется однозначно. Так, В.Л.Воронина считает, что крестообразная по планировке баня из жженого кирпича со строго последовательным изменением температурного режима возникла в Средней Азии в XIV в.³²

Однако, в Отраре была известна баня с крестообразной планировкой уже с конца XI-XII вв.³³

Следует отметить, что этот тип бань почти без изменения доживает на Востоке до сегодняшних дней.

Кирпичеобжигательная печь. Восточная периферийная часть городища была занята мастерскими по производству жженого кирпича. В результате раскопок расчищена сохранившаяся топочная (огневая) камера одной из кирпичеобжигательных печей прямоугольной формы. Ее внутренние размеры: длина 490 см, ширина 325 см, высота 180 см.

Для постройки печи был выбран гребень надпойменной террасы на восточном краю городища, в которой был вырыт котлован до уровня слоистой красно-коричневой глины, послуживший и уровнем первого основного пола топочной камеры. В южной торцовой стене устроен вход в топку печи. Стенки выложены из сырцового кирпича размерами 30 x 30 x 8 см.. От входа вниз вела дорожка с уклоном в 30 см. Дорожка была обмазана глиной, смешанной с дробленным жженым кирпичом толщи-

ной 5 см.

Ширина входного проема 140 см, высота до внутренней части первой арки 85 см. Таким образом, топочная камера представляет собой котлован в материке облицованный обожженным кирпичом и перекрытый восьмью арками. Над арками был выложен под обжиговой камеры, в котором между арками оставлены сквозные отверстия- продухи. Кирпичи в продухах положены в вертикальном положении, высота кладки колеблется от 4 до 6 кирпичей. Размеры кирпичей 30x30x8-10см., 32x20x10 см.

Из восьми арок полностью сохранилась лишь первая арка перед входом, она немного деформирована, но по ней можно реконструировать все остальные обрушившиеся. Высота арки от уровня основного пола 165 см, ширина пролета 325 см с увеличением у основания на 10 см. Замком арки служит отесанный клинообразный кирпич. Пространство между изогнутой частью арки и стеной котлована заполнено кирпичом, выложенным горизонтально от замка почти до основания. Арка с внутренней стороны покрыта толстым слоем обмазки.

Обследование топки печи показало, что печь подвергалась многократному ремонту, это видно по многослойной обмазке.

Исследованная кирпичеобжигательная печь городища «Жайык» является типичным производственным сооружением подобного рода. Хронологически и территориально близкая печь была исследована на городище Сарайчик.

Она также прямоугольной формы, ориентирована длинной осью по линии север-юг и сооружена из кирпича размерами 36-37x36-37x7-8см. Внутренние размеры топочной камеры 2,5м. в поперечнике, а длинная сторона была не менее чем 4,4м. Перекрытие топочной камеры покоилось на не менее чем семи арках, которые являлись основанием для обжиговой камеры. Печь датируется XIII-XIV вв³⁴.

Вероятно, что подобная конструкция кирпичеобжигательных печей в золотоордынские города Поволжья и Урала была занесена из Средней Азии и Южного Казахстана.

В золотоордынское время аналогичные по конструкции печи известны в Хорезме³⁵, в пригороде древнего Отрара и на городище Куйруктобе³⁶.

Некрополь городища «Жайык». Рядом с городищем «Жайык» находится древний некрополь. Он расположен на Свистун - горе, которая имеет вид плато. Здесь были зафиксированы курганообразные холмы,

на которых были найдены обломки обожженного кирпича. Всего таких холмов 5. Они являются, как установили раскопки, остатками мусульманских мавзолеев.

Мавзолей 1. Сохранившаяся высота бугра составляла около 0,8 м. Курган имел округлую форму, диаметром 32-36 м.

Раскопки показали, что под ним скрываются остатки двухкамерного мавзолея, возведенного из обожженного квадратного кирпича и облицованного глазурованными плитками.

Мавзолей прямоугольный в плане, длина его по внешнему обводу стен 13,5 м, ширина - 9 м. Стены сложены из квадратного жженого кирпича. Первое помещение имело две суфы, высотой 0,40 м, устроенной вдоль южной и северной стен. Здесь прослеживаются следы прокала, обнаружены в большом количестве кости домашних животных. Скорее всего, первое помещение носило поминально-ритуальный характер. Вход, ориентирован на юго-запад, ширина его около метра при толщине до 0,90 м. При зачистке внутри и снаружи мавзолея в большом количестве были обнаружены квадратные и прямоугольные жженные кирпичи и плитки различных размеров, имеющие поливу на лицевой стороне.

Сохранившиеся в большом количестве, но большей частью в обломках, плитки различных размеров применялись при оформлении портовой части мавзолея. В интерьере использовались также плитки с поливой и надписями золотом.

В юго-западном углу мавзолея, в нижней части, между пятым и шестым рядами кирпичей, находится горизонтально положенная деревянная плаха (длина около 2 м). Аналогичные деревянные брусья фрагментами встречаются и в северо-западной стене, ближе к северо-восточному углу.

Раскопки показали, что конструкции постройки, стены и частично полы были разобраны. Где-то кирпич выбран до материка, на некоторых участках сохранились 2-3 ряда, а кое-где и 5-7 рядов кладки. Вымостка полов сохранилась лишь на половине площади каждого помещения. Очевидно, что, как и остальные постройки из обожженного кирпича, мавзолеи стали своеобразным карьером для добычи строительных материалов. При этом расхитители вывезли и облицовочные глазурованные плитки, которые удалось, не сломав, снять со стен.

Постройка сооружена без фундамента. Роль его выполняют два слоя кладки жженым кирпичом, положенные на выровненную древнюю поверхность. Кладка кирпича в стенах осуществлена на растворе «чёрной»

болотистой глины. Размеры кирпича в кладке стен 25-26x25-26x5см., использовались кирпичи в половину этого формата.

Снаружи мавзолей выглядел как прямоугольное строение размерами 9х12 м., увенчанное куполом. Скорее всего, а это типично для мавзолеев XIII-XIV вв., он был коническим. В середине порталной стены частично сохранились потёртые кирпичи входа. Стена портала имеет толщину 2,25м., в то время как остальные стены постройки - 1,75м.

Через вход в центре порталной ниши попадали в помещение №1, являвшееся зиаратханой. Оно прямоугольной формы, размеры его 5,5х3,5м. Слева и справа от входа в это помещение, вдоль восточной и западной стены располагались суфы. Суфы по краю выложены квадратным кирпичом, а внутреннее пространство забито черной материковой землёй. Пол помещения площадью 2,75х3,5м. выложен квадратным жженным кирпичом на известковом растворе. Кирпич уложен на подсыпку из желтоватой глины, которой выровнена поверхность материка.

Далее через проход в центре северной стены (следы его не прослеживаются) попадали в помещение №2, которое было гурханой-усыпальницей. Оно квадратное в плане, площадью 5,5х5,5м. Возможно, его объём также увеличивался за счёт ниш в стенах.

Средняя часть пола помещения вымощена шестиугольным обожженным кирпичом. Эта вымостка как бы взята в рамку из квадратных кирпичей. Вдоль южной, западной и восточной стен уложен один ряд квадратных кирпичей, а вдоль северной - четыре.

Единственное погребение в гурхане расположено почти в центре его, перед суфой у северной стены. Могильная яма глубиной 1,6м., длиной 2,5 м., шириной 1 м. ориентирована длинной осью по линии северо-запад юго-восток. Над ней кирпичной вымостки пола не было. По периметру дна могильной ямы сооружен склеп из обожженных кирпичей размером 25х25х5см. В кладке присутствуют и кирпичики половинного формата.

Погребение полностью разграблено. Вынесена даже большая часть кирпичей из кладки могильного склепа. Также отсутствует большая часть костей скелета погребённого. Обнаружены лишь череп, длинные кости конечностей, часть тазовых костей. Череп и несколько костей лежали в северо-западном углу могильной ямы. В завале ямы обнаружены обломки обожженных кирпичей, куски истлевшего дерева. В слое над полом склепа обнаружены железное кресало, гвозди, бронзовые бубенчики, небольшой железный нож, конусовидная железная поделка, воз-

можно, колокольчик.

На гвоздях сохранились “прилипшие” куски деревянных досок. Очевидно, что этими «гвоздями» были скреплены доски гроба.

Всего на территории Урало-Казахстанских степей насчитывается до 20 порталных мавзолеев из жженого кирпича, как правило с шатровым перекрытием, датируемых от XIII- до XVII вв. Архитектура мавзолеев, где хоронились знатные люди, сложилась под влиянием мусульманских центров Средней Азии и Казахстана, главным образом Хорезма и Приаралья во второй половине XIII-XIV вв. Именно этим же временем, как и городище «Жайык», датируется городская некрополь и мавзолей на нем³⁷.

Для золотоордынского мемориального зодчества были более характерными однокамерные и двухкамерные мавзолей³⁸. Обряд погребения - трупоположение головой на северо-запад, в одежде с личными вещами, в деревянном гробу на дне могильной ямы в кирпичном склепе - соответствует погребальной обрядности кочевников принявших ислам.

Мавзолей 2. Под завалом из битого обожженного кирпича сохранились остатки мавзолея, “родовая” усыпальница.

Двухкамерный мавзолей, размерами 12,80x19,40 м был построен из квадратного обожженного кирпича и имел декоративное оформление полихромными глазурованными плитками. Акцент в художественном убранстве был традиционно сделан на оформлении портала – пештака. Ширина портала составляла 16,5м. В центре его прослеживается широкая (около 4м.) входная ниша (айван; глубину ниши определить уже не возможно), через которую попадали в первое помещение

О том, что юго-западная стена была оформлена в виде портала, говорит её толщина» в два раза превышающая толщину западной стены.

Так как постройка возведена практически без фундамента, со временем углы портала под давлением массива башен дали осадку, и он стал деформироваться, грозя обрушением. Чтобы этого избежать и предотвратить деформацию, под левую и правую стороны портала были подведены мощные деревянные брусья. Такие же брусья были вмонтированы и в основание западной стены. Но предпринятые меры оказались недостаточными, и к лицевой стороне портала через некоторое время были симметрично пристроены два мощных сырцовых контрфорста длиной по 5,5м. и шириной в 2,5 м.

Судя по сохранившимся мавзолеям такого типа, возводимых в XIII-XV вв., в центре портала располагалась глубокая входная ниша - айван,

вероятно, перекрытая высокой стрельчатой аркой. Её, видимо, обрамляла "П-образная" рама из нескольких лент, выложенных глазурованными плитками. Перед порталом располагался обширный двор, вымощенный квадратным обожженным кирпичом и огражденный сырцово-красной стеной, толщиной до 2 м.

Первое помещение квадратной формы, размерами 4,60х4,45 м. Вдоль его восточной и западной стен располагались суфы, размерами 4,45 м х 2,28 м, сохранившаяся высота суфы на три слоя кладки обожженного кирпича. Здесь обнаружены фрагмент сильно корродированного железного ножа, кости мелкого рогатого скота. Суфа вдоль западной стены не сохранилась, ее можно восстановить по фрагментарным остаткам кладок кирпичей с сохранившейся высотой кладки на 48-50 см.

В центре помещения №1 расположена сохранившаяся, квадратной формы 2,10х2,80 м суфообразная вымостка. Пол вдоль северной и восточной стен суфообразной вымостки выложен шестиугольными кирпичами с бирюзовой поливой.

В середине северной стены помещения №1 находился проход в помещение №2 - усыпальницу, размерами 8,70 м х 8,70 м. Пол помещения судя по остаткам, был выложен шестиугольными обожженными кирпичами на алебастровом растворе и взят в рамку из квадратных кирпичей с бирюзовой поливой.

В гурхане расчищено одиннадцать погребений, из них пять детских. Основными типами погребений являются погребения в грунтовых ямах, в склепе, в гробу. Склеп имел сводчатое перекрытие из кирпичей. К сожалению, большинство захоронений ограблены еще в древности. Сохранившиеся детали погребального инвентаря - склеп из обожженного кирпича, остатки и железные крепления от гроба, кожа от обуви. В одном из погребений, в женском, обнаружены золотые серьги.

Судя по толщине стен (до 2 м), мавзолей имел купольное перекрытие.

Здание, как отмечалось, было богато декорировано, особенно портал, полихромной глазурованной облицовочной плиткой. Общий колорит декора был выдержан в сине-бело-голубых тонах. Основной категорией находок при расчистке мавзолея являются как целые, так и обломки глазурованных облицовочных плиток различных форм. Облицовочные плитки разнообразны: есть плитки, у которых с одного края шла белая полоса с узлами на синем фоне, в середине имелись белые полосы, а на краях - голубые полосы, отделенные от синей, белой полоской. Есть гла-

зурованные синим (кобальт) плитки с эпитафической росписью золотом, с геометрическим и растительным орнаментами.

Как известно, подобный тип мавзолеев - портално-купольный продольно-осевой двухкамерный - в центральной Азии сложился ко второй половине XIV вв. И уже к концу XIV в. творческий поиск архитекторов в этом направлении зодчества был завершен³⁹.

Обряд погребения - труположение головой на северо-запад, в одежде с личными вещами, в деревянном гробу на дне могильной ямы в кирпичном склепе - соответствует погребальной обрядности кочевников, недавно принявших ислам⁴⁰.

2.5. Городище «Жайык» в свете археологических и исторических источников

Полученные материалы и наблюдения по домостроительству городища «Жайык» могут быть обобщены следующим образом. Жилые постройки города возводились из сырцового кирпича прямоугольного и квадратного формата. Жилые помещения отапливались канами, топкой которых обычно являются тандыры. Дополнительно к ним в «большой усадьбе» и одном из жилищ «малой усадьбы» имеются печки прямоугольной формы, сложенные из жженого кирпича. Жилые помещения имеют обычно «П-образные» суфы, в хозяйственных - ямы-хранилища, мусорные ямы, ташнау. Основные стены построек имеют толщину 70-80 см., кирпич уложен вперевязку. Малая сохранившаяся высота стен не позволяет окончательно ответить на вопрос - на всю ли высоту стены возводились методом сырцовой кладки. При исследовании жилищ поволжских городов золотоордынского времени были выявлены домостроения «монгольского типа»⁴¹. Для этих домов характерен квадратный план, сырцовая кладка цокольной части стен на высоту 50-70 см., на которые устанавливался деревянный каркас стен. Но, скорее всего, ввиду отсутствия древесного тлена и кусков дерева стены домов городища «Жайык» возводились только из сырцового кирпича.

Сопоставление планов, технических приемов домостроительства поволжских городов и городища «Жайык» показывает, что на строительную культуру бассейна р. Урал «оказали преобладающее влияние традиции домостроения Хорезма и Сырдарьинских оазисов. Планы жилищ, исследованных на городище «Жайык», совпадают с планами жилищ Ургенча, Отрара, Туркестана XIII-XIV вв. Разница наблюдается в расположении

некоторых деталей интерьера, суф, системы отопления, строительной технике и материалах.

Об участии хорезмийских и южно-казахстанских мастеров в формировании синкретичной золотоордынской городской культуры неоднократно писали исследователи⁴².

Возможно, в дальнейшем изучении городища «Жайык» можно будет выделить и детально охарактеризовать «сырдарьинскую струю» влияния. Пока же стоит обратить внимание на чрезвычайную близость планировок городского жилища Отрара XIV-XV вв. и жилищ городища «Жайык». Тот же анфиладный принцип компоновки трех помещений, "П"-образные суфы в жилых помещениях, каны, тандыры, ташнау в интерьерах помещений.

Но есть и отличия достаточно существенные. Отопление жилищ городища «Жайык» осуществлялось специальными двухканальными каналами, устроенными вдоль одной стороны суфы. «Каны» послемонгольских жилищ Южного Казахстана⁴³ в большинстве своём таковыми могут называться лишь с большой натяжкой.

В свое время, обобщая результаты раскопок домов на Царевском городище (Новый Сарай), исследователи предложили классификацию жилищ, исходя из принципов планировки и строительного материала. Они выделили следующие типы жилищ Нового Сарая: квадратные в плане строения с деревянными стенами; прямоугольные, вытянутые в плане строения; землянки; юрты. Преобладают жилища первого типа. В этой группе выявлены четыре варианта по признаку устройства основания дома. Наиболее распространены «квадратные дома с деревянными стенами, стоящими на сырцовом цоколе». При этом сырцовый цоколь представлял собой кладку кирпичом в 1-3 ряда, сохранившаяся высота обычно 30-40см. Менее исследованным из жилищ Нового Сарая является тип 2 «прямоугольные, вытянутые в плане строения»⁴⁴.

Жилища Царевского городища, существенно отличаются по планировке и приемам строительства от усадеб городища «Жайык». По характеру внешние стены усадьбы «Жайык», очевидно, аналогичны, строению стен «двойного» дома на Водянском городище (Бельджамен)⁴⁵. Стены их на всю высоту выложены в три ряда квадратного кирпича. Однако внутреннее устройство и планировка жилищ городища «Жайык» имеет принципиальные отличия от усадеб золотоордынских городов Поволжья. Там в основе планировки лежит квадрат или прямоугольник, обведенный капитальными внешними стенами, а внутри разбивка на

отдельные, обычно два, помещения осуществляется с помощью каркасно-плетневых перегородок.

В поволжских городищах дома в целом состоят из одной комнаты, которая с помощью внутренних легких перегородок членится на хозяйственные зоны. Наличие суфы, занимающей порой большую часть жилой половины, образует два уровня по вертикали - пол и уровень суфы. Суфа располагается обычно по трем стенам, в одной из ее сторон проложены каналы отопительной системы. Происхождение такого устройства дома принято связывать с монгольским населением городов, а планировку возводить к мобильному жилищу кочевников – юрте⁴⁶. На городище «Жайык» домостроений этого типа пока не обнаружено. Здесь перед нами анфиладная планировка жилища, состоящего из нескольких комнат, разделенных капитальными сырцовыми стенами. Подобные планировочные принципы были традиционными для домостроения Сырдарьинского региона⁴⁷.

Усадьбы, по всей видимости, имели дворы с надворными постройками, которые строились из облегченных конструкций (деревянно-каркасные, плетневые). Пока дворы не раскапывались.

Среди общественных построек, обнаруженных и исследованных на городище «Жайык», уже называли баню – хаммам.

Баня занимала в восточном городе видное место в ряду общественных построек. После мечети она была самым посещаемым местом. "...Баня ..., как и на всем Востоке – предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного богача, устроившего баню для себя и для своих друзей. Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и дружеской беседы с приятелями, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматы или нарды"⁴⁸.

Строить и содержать бани было не только прибыльным делом, но и повышало социальный статус частного лица, предпринявшего такое строительство. Этим делом не гнушались даже представители феодальной элиты, правители городов и государств. Известно, что Улугбек в Самарканде неподалеку от Регистана построил «хорошую баню»⁴⁹.

Ближайшим по хронологии, по планировке аналогами бани являются бани Отрара и Каялыка⁵⁰. В золотоордынских городах бани раскапывались в Булгаре и Бельджамене (Водянское городище)⁵¹. Всего известно более 20 бань золотоордынского времени⁵².

Изученность бань золотоордынского времени такова, что можно, опираясь на аналогии с определенной долей уверенности реконструировать ее облик. В XIII-XIV вв. общественные бани на огромной территории Азии приобрели законченную планировочную структуру и строились как бы по одному (с небольшими вариациями) "типовому проекту". В нем кристаллизировались наиболее рациональные принципы планировки и строительства. Бани с таким типом планировки принято называть арабским термином "хаммам" или "восточной баней".

Центральный зал бани имел четырехугольную восьмиугольную планировку. С востока и запада к нему примыкали малые помещения для мытья. Обогревалась баня подпольной отопительной системой. Жаропроводящие каналы были устроены под полами и суфами всех внутренних помещений. Цокольная часть всей постройки была заглублена в землю. Вода в мочные помещения подавалась посредством разветвленной системы керамических трубопроводов, либо из колодцев. Горячая вода подогревалась в железном котле, вкопанного над топкой, а оттуда подавалась в мочные. В банях имелись помещения для мытья с различными температурными режимами. Сточные воды выводились системой соединенных труб-кубуров в ямы, находящиеся за пределами внешних стен бань. Помещения бань перекрывались куполами.

В «Жайыке», как и во всех городских центрах, развивались ремесла: гончарное, стекольное, ювелирное, железоделательное, кирпичеобжигательное.

Керамика городища «Жайык»

Основным материалом из раскопок является керамика. Это неполированная и глазурованная посуда; бытовые и хозяйственные изделия; облицовочные изразцы.

Неполированная керамика делится в свою очередь на две группы – красноглиняную и сероглиняную. На городище «Жайык» красноглиняная керамика составляет примерно 80-90% всей керамики.

Столовые кувшины можно разделить на несколько типов: кувшины с высоким, достаточно узким горлом, венчик слегка отогнут наружу, края его закруглены. Верхняя часть горла орнаментирована рядом широких врезных линий. Ручка крепилась к середине горла и плечикам сосуда. К кувшинам подобного типа могут быть отнесены сосуды с оформлением венчика с противоположной стороны от ручки в виде слива. Горловины

таких кувшинов украшались линейными или волнистыми линиями.

Другой тип кувшинов представляет собой сосуды средних размеров с невысоким широким горлом, венчиком, слегка отогнутым наружу, округлым в сечении, ручка овальная, одним концом прикреплена или к краю венчика или к середине горла, другим - к тулову на уровне его наибольшего диаметра. Дно кувшинов шире диаметра горловины.

Кувшины орнаментировались прочерчено-процарапанным орнаментом в виде горизонтальных концентрических и волнообразных линий, поясками, состоящими из косых линий, нанесенных гребенчатым штампом.

Еще один тип кувшинообразных сосудов представлен невысокими сосудами с широкой невысокой горловиной раструбом, украшенной рифлением.

Кухонная посуда представлена фрагментами и почти целым горшкообразным сосудом небольшого размера с неширокой горловиной. Венчик отогнут наружу и с внутренней стороны вокруг венчика сделан выступ для крышки. Небольшие по высоте вертикальные петлеобразные ручки верхними концами прикреплены к венчику, нижние концы их крепятся - к плечикам. Тулово раздуто в верхней части. Орнамент в виде концентрических процарапанных линий украшает тулово, располагаясь ярусами от венчика до придонной части. Есть в коллекции фрагменты одноручных сосудов с плавно отогнутым, округлым или треугольным в сечении венчиком.

Тарная керамика представлена хумами, которые имеют яйцевидное удлиненное тулово, слегка раздутое в верхней части. Венчики уплощенные, в сечении заостренные и скошенные наружу. По наружному краю венчиков некоторых сосудов располагался орнамент в виде косых насечек или насечек, нанесенных гребенчатым штампом.

Есть хумчи с ручками, с округлым вверху и усеченно-коническим внизу туловом, с двумя петлевидными вертикально расположенными ручками овальными в сечении, крепящимися в верхней части тулова, с низким широким горлом с прямым или полочкообразным венчиком. Хумчи украшались линейным и линейно-волнистым орнаментом.

Среди керамики хозяйственно-бытового назначения выделяются светильники-чираги - низкие чашечки с плоским дном. Некоторые светильники имеют на краю чашечки слив-носик, предназначенный для фитилька.

Из глины изготавливали водопроводные трубы-кубуры и заглушки

к ним, чигири-сосуды для системы подъема воды с помощью колеса-дигиря.

Штампованная сероглиняная керамика встречается только в обломках и в незначительном количестве. Это фрагменты сероглиняных сосудов с растительным и геометрическим орнаментом.

Аналогии неполивной керамики с городища Жаик хорошо прослеживаются в материалах золотоордынских городов Поволжья, Сарайчика, золотоордынских поселений Пруто-Днестровского междуречья, Причерноморья⁵³.

Поливная керамика. Находки поливной керамики с городища «Жайык» пока не многочисленны, но уже предварительно их можно разделить на два больших класса по характеру керамического теста - класс красноглиняной и класс кашинной керамики.

Красноглиняная поливная керамика по качеству глазури разделяется на два отдела по составу глазури - свинцовая и бессвинцовая.

Керамика со свинцовой бесцветной поливой представлена фрагментом чаши, внутренняя поверхность которой была покрыта прозрачной свинцовой поливой по белой ангобной обмазке. Орнамент в виде закрученной в несколько оборотов спиральки, нанесенной тонкой гравировальной линией и подкрашенной в зеленый и коричневый цвета..

Керамика с бирюзовой бессвинцовой поливой представлена фрагментами кувшина, изготовленного из карбонатной глины, покрытого с внутренней и наружной сторон поливой. В коллекции имеются фрагменты сосудов, покрытые бирюзовой поливой только снаружи.

Кашинная керамика. Кашин - это особое светлое керамическое тесто силикатного происхождения, основными компонентами которого были песок, каолин и полевоы шпат⁵⁴.

Среди кашинной керамики с прозрачной бесцветной поливой по способу и характеру орнаментации можно выделить несколько типов.

Керамика с бесцветной поливой подглазурной полихромной росписью и подглазурным рельефом. При полихромной расцветке применялись окислы меди, дающие зеленый цвет всех оттенков, и кобальт, дающий цвет от темно-синего до бледно-голубого. Полихромная кашинная керамика, как правило, состоит из трех цветов: зеленого всех оттенков, синего и белого, являющегося фоном для двух других и образуемого кашинном под прозрачной глазурью⁵⁵. Поверхность сосудов имеет рельеф, оконтуренный серо-зелеными линиями и расцвеченный синими пятнами. Фон такого орнамента состоит из коричнево-серых, серо-зеленых то-

чек⁵⁶.

На внешней поверхности сосудов располагается арочный орнамент, выделенный серо-зелеными линиями и расцвеченный темно-синими точками.

Кашинная керамика данного типа представлена фрагментами поливной чаши полусферической формы с венчиком утонченным и слегка загнутым вовнутрь. На внешней поверхности арочный орнамент, рельефные белые линии расцвечены расплывшимися синими точками, внутри арочек радиальные, штриховые линии серовато-зеленого цвета. Край венчика украшен синими точками. Орнамент на внутренней поверхности располагается по ярусам. Верхний широкий пояс украшен крупной выделенной рельефом куфической стилизованной надписью, состоящей из повторяющегося слова «йкбаль». Рельеф раскрашен синими точками и обведен серой тонкой линией. Следующий ярус - многократно повторяющимися «павлиньими глазками» с одной синей точкой внутри.

Донная часть другой чаши видимо была украшена растительным орнаментом - сохранились остатки белых рельефных четырехлепестковых цветов, а выше шел пояс, украшенный также «павлиньими глазками» с одной синей точкой внутри.

Кроме того, в коллекции поливной керамики с городища Жаик имеются фрагменты чаш, украшенных рельефным растительным орнаментом в виде побегов с трехлепестковыми цветами, раскрашенными синими расплывшимися точками, контур рисунка обведен тонкими зелеными линиями.

Так же к этой группе сосудов относятся фрагменты горшковидного сосуда с прямой, низкой шейкой, покатыми плечиками. Внешняя и внутренняя поверхность покрыты поливой. По краю венчика располагался ряд синих расплывшихся точек. Внутренняя поверхность венчика не орнаментирована. Внешняя - украшена концентрической полосой бирюзового цвета оконтуренной тонкими темно-синими или черными полосками. Ниже идет изображение побегов с трилистниками.

Керамика с прозрачной бирюзовой поливой и черной подглазурной росписью представлена фрагментами чаши полусферической формы. Бирюзовой поливой покрыта наружная и внутренняя поверхность чаши. По венчику как снаружи, так и внутри проходит полоса черного цвета. На внешней поверхности располагался арочный орнамент. Внутренняя поверхность чаши была украшена растительным орнаментом в виде стилизованных листьев ромбовидной формы, расположенных упо-

рядоченно, в несколько рядов.

Керамика с надглазурной росписью по бирюзовой поливе представлена фрагментом тонкостенной чаши с венчиком, слегка загнутым внутрь. Фрагмент плохой сохранности по стилю соответствует сосудам с ультрамариновой поливой с надглазурной росписью белыми, красными и золотыми красками.

Венчик с наружной и внутренней сторон украшен полосой черного цвета. С наружной стороны по венчику, видимо, располагалась стилизованная арабская надпись, выполненная белым цветом по черной полосе. Затем, ниже - арочный орнамент, выполненный белой краской. С внутренней стороны венчик украшен медальонами в виде стилизованных листьев, нарисованными тонкой белой линией, внутри их располагаются несколько точек белого цвета. Полоса медальонов прерывается изображением медальона округлой формы с золотым ромбиком в центре, обрисованного красным цветом. Следующий пояс украшен растительным орнаментом в виде стилизованных закрученных стеблей, побегов и листьев.

Керамика с надглазурной росписью по ультрамариновой поливе, цвет которой достигался путем введения в ее состав кобальта⁵⁷. Орнамент растительный. Роспись золотистыми, белыми и красными красками. Венчик с наружной и внутренней сторон украшен полосой черного цвета. С внутренней стороны венчик украшен «луковицеобразными» медальонами, нарисованными тонкой белой линией, внутри их располагаются несколько точек белого цвета. Полоса медальонов прерывается изображением медальона округлой формы с золотым ромбиком в центре, обведенного красным цветом.

Ниже располагается арочный орнамент, выполненный белой краской. Пояски разделены между собой концентрическими линиями красного, белого и черного цветов. К данной группе керамики относится и фрагмент донной части чаши, внутри покрытой ультрамариновой поливой и надглазурированной росписью растительным орнаментом.

Глазурованные облицовочные плитки. Декор мавзолеев отличается богатством цветовой гаммы. Плитки покрыты синей, голубой, фиолетовой и почти черной поливой. При раскопках первого мавзолея найдены керамические поливные плитки шестигранной формы и прямоугольные, имеющие на поверхности рельефный покрытый бирюзовой поливой растительный орнамент. Найдены прямоугольные, покрытые синей глазурью, плитки с росписью золотом. Сохранились остатки надписей.

Разнообразны по форме глазурованные плитки второго мавзолея.

При классификации их можно выделить несколько групп.

Это фрагменты плиток на глиняной основе толщиной 2,5 - 2,8 см., покрытые голубой матовой поливой. Часть плиток имела удлинённо - трапецевидную форму; плитки квадратной и прямоугольной формы, толщиной 1,8 - 1,9 см.

Есть плитки, покрытые ярко-голубой глазурью на мелкопористой керамической основе. Толщина плиток 2,4-3,2 см. Рисунок выполнен белым цветом на голубом и синем фоне. Полива прозрачная, покрывает основу толстым стекловидным слоем. Белые линии узора нанесены толстым слоем белого ангоба, так что под глазурью эти линии выделяются рельефом. Фон - ярко синий кобальт. Края плиток окрашены голубым цветом. Разделительные линии цветовых зон подчеркнуты темно зелеными линиями.

Встречены плитки с росписью растительным орнаментом. Интересны также кирпичи и плитки нестандартных форм со округлениями, использовавшиеся в кладке стен и свода.

Кирпичеобжигательное производство в городах, как дымное и загрязнявшее воздух, обычно располагалась в пригородах или на окраинах шахристана⁵⁸.

Так было и на городище «Жайык» - окраина города, склон речной террасы, близость воды. Нужно отметить, что рядом с раскопанной печью, вдоль склона террасы хорошо читаются еще, по крайней мере, три холма, под которыми также можно ожидать наличие остатков кирпичеобжигательных печей. (В 2012 году в результате раскопок сотрудниками центра истории и археологии обнаружена вторая печь – ред.) Обожженный кирпич шёл на стройки общественных и мемориальных сооружений городища «Жайык» и мавзолеев некрополя.

Анализ топографии городища, изучение жилищ, количество и характер находок свидетельствуют о том, что город был оставлен в спокойной обстановке.

Предварительный анализ керамического материала, находки монет дают основание датировать время существования города пока концом XIII- XV в. Топографические признаки и раскопанные объекты говорят о том, что на этом месте находился довольно значительный город. Существование города здесь обосновывается и стратегическими условиями. В районе Меловых гор, что расположены в 3 км. к северо-востоку от городища, на р. Урал находились два переката, которые служили местом

переправы через реку вброд - Нижнемеловой и Верхнемеловой. Столь важное в стратегическом отношении место на значительном водном рубеже не могло быть не отмечено наличием крупного поселения или города, входившего в систему Великого Шелкового пути.

Свидетельства существования города на месте обнаруженного городища «Жайык» сохранились в картографических материалах XIV-XV вв. Как известно, наиболее подробной картой Золотой Орды является карта 1367 г., составленная итальянскими купцами братьями Франциско и Доменико Пицигани⁵⁹. На ней, в частности, обозначен Лайети, город на побережье Каспия, в низовьях р.Урал. Этот город отождествляется с городищем Актобе, расположенном восточнее г.Атырау⁶⁰. На некотором отдалении от морского берега изображен безымянный город. Выше его (к северу) нанесено изображение второго безымянного города. Первый безымянный город на р. Яик довольно надежно может быть идентифицирован как городище Сарайчик, расположенного в 50 км. выше г. Атырау⁶¹. Второй же безымянный город к северу от Сарайчика на правом берегу Яика вполне может быть сопоставлен с городищем «Жайык»⁶².

Можно предположить, что его название отражено на известной карте капитана Антония Дженкинсона, составленной в 1562г. Исследовавший эту карту Б.А.Рыбаков показал, что в основу ее положена более ранняя карта 1497г., - «первая русская карта всей московской державы». На ней выше Сарайчика, но более мелким значком отмечен на правом берегу р. Яик город под названием Шакафни. (или *Шакашик – ред.*)⁶³ Открытие и исследование городища «Жайык» позволяет высказать мнение, что это и был Шакафни.

Таким образом, раскопочные работы показали, что городище «Жайык» является остатками развитого города золотоордынской эпохи.

Сейчас пока трудно определенно ответить на вопрос: что явилось причиной его запустения - природные или внешнеполитические причины. Предположительно, можно связать это событие с походом эмира Тимура в 1391г., разрушившим города Золотой Орды.

Не исключено так же, что гибель города произошла под воздействием природно-географических факторов. Местность эта, на каком - то этапе перестала устраивать горожан, и они предпочли перенести город на более удобное место. На берегах Яика это обычное дело. Близкая и документированная история возникновения городов на Яике подтверждает это.⁶⁴

Конец XIII в. - первая половина XIV в. исследователями истории Зо-

лотой Орды характеризуются как годы наибольшей стабильности и расцвета городской культуры. Возрождаются некоторые важнейшие торгово-экономические центры, пострадавшие в период завоевания, появляются десятки новых городов и крупных поселений. Этот период интенсивного роста приходится в основном на время правления ханов Узбека и Джанибека (1312-1357гг). Время характеризуется ростом территорий "старых" городов и возникновением большого числа новых крупных поселений. Зачастую в старых урбанизированных оазисах на ведущее место в экономическом и политическом отношении выдвигаются прежде незначительные поселения, которые переживают период бурного роста. Старые же столицы регионов теряют свое значение. Так произошло на бывшей территории Волжской Булгарии, где в первой половине XIV в. город Болгар, не игравший в домонгольский период особой роли, пережил период блестящего расцвета, а старые центры Биляр и Сувар захирели⁶⁵.

Центральный Поволжский регион почти сплошь застраивается новыми оседлыми поселениями и городами. Они образуют, как это обычно и бывает в процессе оседания и урбанизации, своеобразные микрорегионы с соответствующей внутренней иерархией поселений. Надо полагать, что благоприятные условия способствовали появлению и росту поселений и городов золотоординского времени и на Волге и на Днестре, и на берегах р. Жайык. Примером этому может служить исследуемое городище «Жайык», которое является историческим предшественником Яицкого городка - Уральска.

Литература и источники:

¹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Киргизский край. - Т. XVIII. - СПб., 1903 - С.1-7, 72-81, 83-84; Казахстан. Природные условия и ресурсы СССР. - М., 1969 - С. 396-399; Казахстан - М., 1970 - С.256-279

² Геродот. История. - М., 1999 - С.89-94,705

³ А.П.Ковалевский. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана и его путешествии на Волгу в 921-922 гг. - Харьков, 1956 - С.130-131

⁴ Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад, 1969 - С. 62, 65-66.

⁵ Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Передней Азии. - М., 1988 - С.72.

⁶ Путешествие в Восточные страны. Плано Карпини и Гильома Рубрука. - Алматы, 1993 - С.61-62, 107-108; Юрченко А.Г. Французская миссия 1247 года во владения Бату-хана.// Тюркологический сборник 2001. Золотая Орда и ее наследие. - М., 2002 - С.116.

⁷ Бадян В.В., Чиперис А.М. Торговля Каффы в XIII-XV вв. Феодальная Таврида. - Киев, 1974 - С.183-

184.

⁸Вопросы истории и археологии Западного Казахстана./ Под ред.Сдыкова М.Н. - Вып. 1. - Уральск, 2002 г.

⁹ Артюхова О.А., Бексеитов Г.Т. Древнейшие памятники Западно-Казахстанской области (палеолит)// Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. / Под ред. Сдыкова М.Н.- Вып.1. - Уральск, 2002 - С.17-42

¹⁰ Берденов С.А., Дрожневский Н. Марыксин Д., Тулегенова Н.. Первые результаты работ на поселении Бауржан-Аяк.// Вопросы истории и археологии Западного Казахстана./ Под ред. Сдыкова М.Н. -Вып.1.- Уральск, 2002 - С. 43-47

¹¹Степи европейской части СССР в скифо-сарматскую эпоху.// Археология СССР. - М., 1989 - С.153.

¹²Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. - М., 1984 - С.12-13.

¹³ Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - С. 154-155

¹⁴ Археология СССР.Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. - С.158

¹⁵ Мошкова М.Г. Комплекс находок с ритоном из Уральской области. //Советская археология. - № 4, М., 1981 - С.171-180

¹⁶Мошкова М.Г. Комплекс находок с ритоном из Уральской области - С. 181-182.

¹⁷Курманкулов Ж.К., Ишангали С., Раймкулов Б.Т. Исследование курганенного отряда УКАЭ в 2001 г. на могильнике Кырк-Оба 2.// Вопросы истории и археологии Западного Казахстана/ Под ред. Сдыкова М.Н. - Вып.1 - Уральск, 2002 - С.87-92.

¹⁸Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. Открытые гробницы в Западном Казахстане. //Известия Академии наук КазССР, серия общественная. - № 2, Алма-Ата, 1968 - С.71-86.

¹⁹ Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Т. XIX. Туркестанский край. - СПб, 1913- С.18-19

²⁰ Pipes K. Muslims of Soviet Central Asia trend and prospect. The Midde East Journal. Washington. Vol 9 IV 2,3. 1955

²¹ Руденко С.П. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства у кочевников.// Материалы по отделению этнографии. Ч.1. Географическое общество СССР. - Л., 1961 - С.5-12.; Толстов С.П. Древний Хорезм. - М., 1948 - С.245; Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. - Алма-Ата, 1950 - С.4-8; Жданко Т.А. Номадизм в Средней Азии. - М., 1968 - С 247-248; Байпаков К.М. Степная цивилизация Казахстана: взаимодействие оседлых и кочевых культур.// Казахская цивилизация № 2-3 - Алматы, 2002 - С.42-51

²²Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. - Л.,1973; Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья в VI-начале XIII вв. - Алма-Ата, 1986; Плетнева С.А. Кочевники средневековья. - М.,1982.

²³Распопова В.И. Согдийский город и кочевая степь в VII-VIII вв.//Краткие сообщения Института археологии. вып. 12. - М., 1970 - С.86-91

²⁴Распопова В.И. Строительное дело Согда и Тохаристана в раннем средневековье. Бактрия и Тохаристан на древнем и средневековом Востоке. // Тезисы докладов. - Душанбе, 1983 - С.73-74.

²⁵Кляшторный С.Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. - М., 1964; Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX-XIII вв. - Ашхабад,1969; Кумекоев Б.Е. Государство кимаков IX-XIII вв. по арабским источникам. - Алма-Ата, 1972; Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. - Алма-Ата, 1989. История Казахстана. Т.1 - Алматы, 1996 - С. 296-346, 419-435, 440-448; История Казахстана. Т. II. - Алматы, 1998 - С.74-96.

²⁶ Бисембаев А.А. Погребальный обряд кочевников эпохи средневековья. - Автореф. Канд.диссертации. Алматы, 2000 - С. 12-15.

²⁷Бисембаев А.А. Погребальный обряд кочевников средневековья Западного Казахстана. - С.15-19.; Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIVвв.). - М., 1988.

- ²⁸Багрик Г.И., Сенигова Т.Н. Открытие гробниц в Западном Казахстане. // Известия Академии наук КазССР. Серия общественная № 2 - Алма-Ата, 1968 - С.86-89.
- ²⁹Бисембаев А.А. Погребальный обряд кочевников средневековья Западного Казахстана. - Алматы, 2000 - С.18-19.
- ³⁰Байпаков К.М. Степная цивилизация Казахстана: взаимодействие скотоводческих и оседлых культур. // Казахская цивилизация. № 2-3 - Алматы, 2002 - С.46-51.
- ³¹Янина С. Джучидские монеты из раскопок и сборов Куйбышевской археологической экспедиции в Булгарах в 1946-1952 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР № 42. - М., 1953 - С. 436; Мухаммадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. - М., 1983 - С. 78-79.
- ³²Воронина В.Л. Бани-хаммам у народов Советского Союза и зарубежного Востока. Архитектурное наследие. - М., 1983 - С.145
- ³³Байпаков К.М. Средневековая городская культура Южного Казахстана и Семиречья. - Алматы, 1986 - С. 141-144.
- ³⁴Пацевич Г.И., Печь для обжига кирпича в древнем городе Сарайчике. //Краткие сообщения Института истории материальной культуры вып. №69. - М., 1957 - С. 111-114
- ³⁵Вишневская О.А. Раскопки караван-сарая Ак-Яйла и Талайхон-Ата. Археологические и этнографические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1949-1953. // Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. - Т. II. - М, 1958 - С.462.
- ³⁶Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. -Алма-Ата, 1987 - С.178-186.
- ³⁷Маньковская Л.Ю.Хазира-комплексы Средней Азии. Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. // Древность и средневековье. - М., 1990 - С. 115;
- ³⁸Древняя история Южного Зауралья. - Т. II. Челябинск, 2000 - С.409-422; Ртвеладзе Э.В. Два мавзолея золотоордынского времени в районе Пятигорска. //Советская археология. - № 4, 1996 - С.262-265
- ³⁹Маньковская Л.Ю. О типологии мемориального зодчества Средней Азии. Мавзолеи Фудины и Касби. // Культура и искусство народов Средней Азии в древности и средневековье. - М., 1979 - С.102.
- ⁴⁰Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище. // Средневековые памятники Поволжья. - М., 1976 - С. 139-158.
- ⁴¹Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая (по материалам исследований 1959-1965 гг.) Поволжье в средние века. - М., 1970 - С.172, 175, 185.
- ⁴²Греков Б., Якубовский А. Золотая Орда. - Л., 1937 - С.127; Булатов Н.М. Классификация кашинной керамики золотоордынских городищ. //Советская археология. - № 4, 1968 - С. 100-102.; Ерзакович Л.Б. О южноказахстанском компоненте в материальной культуре Золотой Орды. По следам древних культур Казахстана. - Алма-Ата, 1979 - С.60-68.
- ⁴³Ахинжанов С.М. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. // Известия Академии наук Казахской ССР. Серия общественная. - № 2, 1972 - С. 64-69.
- ⁴⁴Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая. (по материалам исследований 1959-1965 гг)... - С.175.
- ⁴⁵Мухаммадиев А.Г. Раскопки двойного дома на Водянском городище в 1970 г. Города Поволжья в средние века. - М., 1974 - С.80-83
- ⁴⁶Егоров В.Л. Жилища Нового Сарая по материалам исследований 1959-1965 гг. - С.185
- ⁴⁷Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв - Алма-Ата, 1987 - С.15-100; Они же. Жилища позднесредневекового Отрара XVI-XVIII вв. Жилища народов Средней Азии. - М., 1982 - С.121-136; Ерзакович Л.Б. Жилища Отрара и некоторые этнокультурные процессы на юге Казахстана в XIII-XVIII вв. Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии. - Алма-Ата, 1983 - С.81; Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П., Итенов А.. Очерки истории культуры средневекового Туркестана. - Алматы, 1999 - С.166-175.
- ⁴⁸Орбели И.А. Баня и скоморох XII в. Памятники эпохи Руставели. - Л., 1938 - С. 159.
- ⁴⁹Бабур-наме. - Ташкент, 1958 - С.61.
- ⁵⁰Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. - Алма-Ата, 1987 - С.112-124; Байпаков К.М., Воякин Д.А. Хаммами в средневековом Каялыке. //Известия МОН РК-НАН РК Серия общественная. - № 1. 2002 - С.120-146.

⁵¹Смирнов А.П. Волжские Булгары. - М., 1951 - С.210-223 - Табл. XIII; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. - М., 1985 - С.110.

⁵²Заливинская Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья. Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. - М., 1989 - С.249-251.

⁵³Кузнецова О.В. Керамика городища Жаик. //Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. Вып. 1./ под ред. Сдыкова М.Н. - Уральск 2002 - С. 219-220; Михальченко С.Е. Систематизация массовой поливной керамики золотоордынских городов Поволжья.// Советская археология - № 3, 1973 - С.118-132; Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Б.Н. Керамическая мастерская Селитренного городища. Сокровища сарматских вождей и древних городов Поволжья. - М., 1968 - С.195-212; Якобсон А.Л. Средневековый Херсонес. //Материалы и исследования по археологии СССР - № 17, М.-Л., 1950; Тасмагамбетов И.Н., Самашев З.С. Сарайшык. - Алматы, 2001 - С.104-247.

⁵⁴Сайко Э.В. Глазури керамики Средней Азии VIII-XII вв. - Душанбе, 1963 - С.21.

⁵⁵Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов. //Советская археология . - № 4, 1968 - С. 95-109.

⁵⁶Булатов Н.М. К вопросу о становлении ремесла в золотоордынских городах Поволжья. //Вестник Московского Государственного Университета. - № 2. М., 1969 - С.47-59.

⁵⁷ Булатов Н.М. Классификация кашинной поливной керамики золотоордынских городов.// Советская археология - № 4, 1968 - С.105.

⁵⁸Ахраров И. Кирпичеобжигательная печь XI в. на старом городище Кува. //Известия материальной культуры Узбекистана. Вып.3. - Ташкент, 1962.

⁵⁹Брун Ф.К. Перипл Каспийского моря по картам XIV столетия. - Одесса, 1872 - С. 32-33.

⁶⁰Афанасьев В.К. К истории северо-восточного Прикаспия. Реестр археологических памятников.- Атырау, 1996 - С.51-66.

⁶¹Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. - М., 1985 - С.134.

⁶²Трепавлов В.В. Сарайчук: переправа, некрополь, столица, развалины. //Тюркологический сборник 2001 г. - М., 2002 - С.231.

⁶³Рыбаков Б.А. Русские карты Московии. Большая Карта Москвы Антония Дженкинсона 1582. - М.,1974 - С.23-24.

⁶⁴ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Оренбургские степи в трудах П.И.Рычкова, Э.А.Эверсмана, С.С.Неустроева. - М., 1949 - С. 113, 129-131.

⁶⁵Смирнов А.П. Волжские Булгары. - М., 1951 - С.54.

Глава 3.

ГОРОДОК НА ЯИКЕ

3.1. На границе леса и степи

В начальный период распада Золотой орды на отдельные части (вторая половина XIV в.) район нижнего и среднего течения Яика стал основным центром притяжения для большой группы тюркоязычных мигрантов из Мавераннахра, покинувших в середине XIV в. ослабевший и распадавшийся Чагатайский улус. Массовый приток кочевников на территорию улуса Джучи поставил местную чингизидскую аристократию перед необходимостью подыскать им место для проживания и направить предприимчивую энергию буйной стихии на внешние предприятия за пределы Кок-Орды. В результате этого часть кипчакских племен, откочевавших из Мавераннахра, двинулась в 1360-х годах через Казахстан к Волге и оттуда – в Крымский вилайет, а два десятилетия спустя после дальних странствий кипчаки-мангыты переселились из Крыма в Западный Казахстан в бассейн Яика и Эмбы. Перейдя в западноказахстанские степи, они расселились на землях, которые находились под властью правителей-джучидов, принадлежавших потомкам сыновей Джучи Орда-Эджена (1227-1246/51) и Шибана. Закрепление прикочевавших мангытов во главе с предводителем Эдиге на обоих берегах Яика положило начало долговременному существованию нового потестарно-политического образования тюркоязычных кочевников Восточного Дешт-и Кипчака – Ногайской орды. В

этнической структуре нового образования присутствовали практически все тюркские рода и племена, проживавшие на территории Западного Казахстана, поэтому под ногами надо понимать не столько ногайцев, сколько тюркоязычное население всего региона.

Переселение больших групп кочевников из Мавераннахра в приицкие степи и возникновение Норгайской орды были тесно связаны с личностью предводителя мангытов Эдиге (ум. 1419), находившегося до 1376 г. при дворе хана Кок-Орды Уруса (1368-1377). После серьезного конфликта между ними, Эдиге на рубеже 1370-х – 1380-х гг. переметнулся к ордынскому хану Тохтамышу, обретавшемуся тогда у эмира Тимура в Бухаре, и явился к нему в Мавераннахр. Тохтамыш проникся доверием и симпатией к новому вассалу. Тот получил от хана высокий пост беклербека – верховного военачальника и предводителя эмиров подведомственной ему части орды. За короткий период Эдиге сумел добиться большой власти над местными кочевыми племенами и стал чрезвычайно влиятельной фигурой при Тохтамыше, фактически возглавив кочевую аристократию правого крыла улуса Джучи¹.

Однако во время пребывания в Мавераннахре у честолюбивого беклербека возникла смелая идея посадить на джучидский престол внука Урус-хана молодого оглана Тимура-Кутлуга, который в те годы также находился при дворе Тимура в Бухаре. Под влиянием этих побуждений Эдиге решил в очередной раз сменить патрона и в 1389 г. выступил в Мавераннахре уже на стороне Тимура в качестве противника Тохтамыша. В 1391 г. он сопровождал своего нового покровителя в походе через Центральный и Западный Казахстан в Поволжье, где хан Тохтамыш потерпел серьезное поражение от гурагана (ханского зятя – один из титулов Тимура).

Но в ходе военных действий у Эдиге созрела новая политическая идея. Теперь он вознамерился повысить свой статус в пределах Золотой орды не за счет еще одной смены патрона, а посредством откочевки с подвластными ему людьми из владений Тимура в отдаленные края, являвшиеся труднодоступными для грозного правителя Мавераннахра. Когда Тимур возвращался из победоносного похода, Эдиге послал гонцов к своим родственникам и подвластным ему племенам с приказанием оставить родину и переселиться в такие места, «добраться до которых тяжело и опасно». Кочевники подчинились и откочевали вглубь степи на северо-запад Восточного Дешт-и Кипчака. Вслед за ними скрылся в степной глуши и сам Эдиге, удалившийся под благовидным предлогом

из ставки Тимура².

В 90-х гг. XIV в. племена мангытов – будущих ногаев расселились в западноказахстанских землях между Яиком и Эмбой. Оказавшись среди соплеменников, вне пределов досягаемости правителя Мавераннахра Эдиге смог объединить под своей властью прикочевавших в эти края кипчакских мигрантов и положил начало автономному существованию нового потестарно-политического образования тюркоязычных кочевников – Мангытского йурта («Заяицкой орды») на территории улуса Джучи. Не случайно еще в XVIII в. в преданиях яицких казаков, среди которых в прошлом было немало выходцев из «ногаев», заселение «татарами» и «донцами» берегов Яика связывается с нашествием «Темир-Аксака» на Золотую орду³.

Согласно мнению ряда специалистов, на начальном этапе существования Мангытского йурта яицко-эмбинский ареал обитания восточных кипчаков, в том числе мангытов, являлся автономным потестарно-политическим образованием в составе Золотой орды, а его основатель Эдиге был тогда вовсе не суверенным правителем местных кочевых племен, а лишь родоначальником мангытского правящего дома. Тем не менее, именно Эдиге стал, по народным преданиям, первым самопровозглашенным бием над ногаями, и начал практиковать возведение марионеточных ханов на джучидский престол, постоянно занимая при них пост беклербека⁴. В первые же годы его правления границы Мангытского йурта продвинулись от Яика на запад до Волги. В 1560 г. потомок Эдиге бий Исмаил писал русскому царю Ивану Грозному по этому поводу: «А отца (т.е. предка – авт.) моего юрт был по трем рекам: по Волге да по Яику, да по Емь (т.е. Эмбе – авт.) реке»⁵. С этого времени юрт постоянно занимал земельное пространство между Эмбой и Волгой, которая многие десятилетия считалась его западной границей. Правители мангытов кочевали в течение двух веков по рекам Ори, Эмбе, Илеку, иногда отходя вглубь степей к рубежам владений Тимуридов «под Чегадаи»⁶. Вместе с тем, вплоть до конца XV в. территория Мангытского йурта считалась составной частью Кок-Орды (левого крыла Золотой орды), и степные правители-джучиды беспрепятственно включали ее в сферу своих сезонных перемещений.

В новых местах проживания Эдиге сумел за короткий период не только укрепить свою власть среди мангытов, но и расширить сферу влияния своего дома в западной части Золотой орды. Воспользовавшись ослаблением Тохтамышца после нанесенного ему Тимуром в 1395 г. со-

крушительного удара, он продиктовал ордынскому хану условия раздела сфер влияния: получение под свой единоличный политико-правовой контроль всей левобережной стороны Волги и дарование ему налогового иммунитета на этой территории. Узнав, что в междуречье Яика и Волги не нужно платить налогов, изнуренные войной кочевники потянулись с запада во владения беклербека, в результате чего численность населения Мангытского йурта быстро возросла.

Вследствие этих благоприятных обстоятельств Эдиге удалось добиться от хана исключительных льгот, благодаря чему его власть распространилась на все восточные территории улуса Джучи, и возникла необходимость урегулирования взаимоотношений с Мавераннахром. В 1408-1410 гг. кок-ордынский правитель Пулад-хан (1409-1411), Эдиге и его брат Иса направили совместное посольство к сыну и преемнику Тимура Шахруху в Герат, а через год в столицу Хорасана прибыл уже сам Эдиге⁷. Эти дипломатические миссии позволили правителю мангытов нормализовать политическое положение своих владений на юго-восточных рубежах, обезопасив их в известной степени от вероятной перспективы скорых вооруженных вторжений воинственных соседей.

В последующие годы обширность занятой кипчаками-мангытами территории и многочисленность населения йурта способствовали росту личного влияния Эдиге среди джучидской аристократии Золотой орды. Одним из убедительных признаков приобретенного им могущества в улусе Джучи стали брачные союзы семей правителей-чингизидов с представителями мангытского дома. Эдиге женился на дочери Тохтамыш-ша Джанике, от которой родился его сын и будущий ближайший соратник Нур ад-Дин, возглавивший йурт после смерти отца, и позднее выдал одну из своих дочерей за будущего хана Кок-Орды Тимура, сына Кутлуг-хана. Сестра Эдиге вышла замуж за хана левого крыла Мелика, сына Урус-хана, следовательно, хан Тимур доводился племянником беклербеку⁸. Однако сама по себе родственная близость к правящей династии чингизидов еще не гарантировала Эдиге и его ближайшим потомкам желанный суверенный статус в пределах распадавшейся Золотой орды, т.к. знатность рода и, собственно, легитимное право на самостоятельное владение йуртом, определялось в то время чингизидским происхождением претендента на политическую власть, клан же Эдиге не имел к ней никакого отношения. Потому властолюбивый беклербек, столкнувшись с проблемой легитимации своих притязаний на официальное лидерство в Волго-Яицком междуречье, был вынужден искать необходимые дово-

ды для обоснования генеалогического преимущества над правителями-чингизидами не в династийном родстве с «потрясателем Вселенной», а в происхождении своих предков от одного из ближайших сподвижников пророка Мухаммада первого «праведного» халифа Абу Бакра ас-Сиддыка,, жившего почти тысячу лет назад.

С этой целью он стал проводить активную политику мусульманизации кипчакского населения на подвластных землях между Волгой и Яиком. В русле развернутой идеологической кампании сам Эдиге и его ближайшие потомки целенаправленно распространяли в Степи идею о происхождении своего рода от известного суфийского святого проповедника Баба-Туклеса (XII в.), который считался потомком халифа Абу Бакра. Впоследствии в Ногайской орде эта генеалогическая версия стала официальной, и мирзы, как правило, возводили свои родословные к эпохе Мухаммада и первых халифов (VI в.)⁹. По верному заключению российского историка В.В.Трепавлова, «происхождение рода от святого проповедника Ходжа-Ахмеда Баба-Туклеса послужило обоснованием власти мангыто-ногайских биев» над кочевым населением западноказахстанских земель¹⁰. Генеалогический миф об основоположнике Ногайской орды со временем стал одним из главных источников мифологизации и эпизации его образа в общественном сознании тюркоязычных кочевников Восточного Дешт-и Кипчака. В частности, среди казахов, сохранивших множество исторических и эпических преданий об Эдиге, потомки последнего причислялись к «ак суйек» – «белой кости». Основой для создания возвышенного ореола Эдиге послужило широко распространенное в их среде представление о том, что предок первого беклербека из Ногайской орды Баба Туклес был рожден женщиной, которая забеременела оттого, что попробовала порошок, приготовленный из волшебного черепа¹¹.

При преемниках Эдиге – его сыне Нур ад-Дине (ум. 1440) и внуке Ваккасе Нур ад-Дине (ум. в конце 1440-х гг.) Мангытский йурт по-прежнему номинально состоял под юрисдикцией кок-ордынских правителей джучидов, при каждом из которых находился мангытский бий. Но, вместе с тем, со второй половины 20-х гг. XV в. йурт стал превращаться в значительную силу, хотя и сохранял формальную зависимость от сарайских ханов. Отсюда владения потомков Эдиге обладали как бы двойным сюзеренитетом – чингизидским и мангытским.

Город Сарайчук к тому времени превратился в политический центр Мангытского йурта. Здесь располагалась резиденция мангытских биев,

но с конца 1460-х гг. этот город считался также достоянием первых казахских ханов Джанибека и Гирея, основавших к тому времени новое потестарно-политическое объединение – Казахское ханство на развалинах так называемого «Государства кочевых узбеков» во главе с Абулхайр-ханом (1428-1468) из династии кок-ордынских ханов-Шибанидов.

На рубеже 1460-х – 1470-х гг. младший соправитель старшего хана казахов Гирея Джанибек-хан (ум. 1473/74), пользовавшийся репутацией заклятого врага ненавистного мангытам Абулхайр-хана, распространил свою формальную компетенцию на кочевое население Мангытского йурта и г. Сарайчук стал одной из резиденций правителя казахов. Этот исторический эпизод запечатлелся в народных преданиях каракалпаков, в которых Джанибек упоминается как общий хан казахов, ногайцев и каракалпаков¹².

Но в дальнейшем предводители Мангытского йурта, опасаясь усиления своей зависимости от новой династии джучидов, не выказали покорности преемнику Джанибека хану Бурундуку Гирею (ок. 1473/74-1511), и хотя последующие ханы казахов – Касым (1511-1521), Хаккназар (1559/60-1580) – вплоть до середины XVI в. продолжали претендовать на политическое лидерство в Волго-Яицком регионе и считать Сарайчук достоянием казахского престола, их притязания на Мангытский йурт могли реализоваться только военным путем в условиях значительного перевеса сил над войсками мангытов¹³. Со второй четверти XVI в. казахские правители втянулись в затяжные войны со среднеазиатскими ханами Шейбанидами за господство над городами и караванными путями на Средней Сырдарье и в результате этого ослабили внимание к западной периферии Восточного Дешт-и Кипчака.

Отделение Мангытского йурта от владений правителей-джучидов связывается в исторических источниках с отказом сыновей Ваккаса подчиниться хану Абулхайру после смерти своего отца. При этом непосредственным создателем независимого Мангытского йурта средневековые авторы однозначно называют бия Мусу (ум. 1502), состоявшего в начале правления беклербеком при формальном сюзерене джучидском правителе Ядгар-хане (1457/58 – после 1468). Именно при нем произошли отделение йурта от ханства Абулхайра, окончательная концентрация мангытов в районе нижнего течения Яика и расширения их владений в заволжских землях до Казанского ханства, образование собственной управленческой элиты и собственного войска, установление равноправных дипломатических отношений с Московским государством и сосед-

ними ханствами¹⁴. После смерти бий Муса оставил своим младшим братьям и сыновьям вместо небольшого, формально зависимого от потомков ордынских ханов, владения абсолютно независимую могущественную державу, которая в XVI в. стала играть важную роль в международных отношениях внутренней части континента. Именно поэтому к концу XV в. большинство исследователей относят окончательное оформление Ногайской орды и появление в письменных документах того времени понятия «ногаи», выступавшего в значении политонима (территории) по отношению к стране степных кочевников в междуречье Яика и Волги. Им стали называть потестарно-политическое объединение «всех подчинявшихся Мангытскому бию» кочевников, безотносительно к их племенному происхождению: и мангытов, и найманов, и кереев, и десятки казахских родов и прочих племён¹⁵. Во главе многих из них стояли свои бии, держать которых в единстве и согласии можно было лишь обладая большим политическим тактом и умом. Такими качествами обладал в то время вышеупомянутый бий Муса. Поэтому вполне закономерно, что именно ему принадлежит заслуга основания Ногайской орды – новой сильной степной державы. В период XV – первой половины XVI вв. она достигла наибольшего могущества и оказывала большое влияние на политическую жизнь соседних степных ханств и сопредельных с ними регионов.

Позднее в процессе постепенного ослабления Ногайской орды, разрастания на ее территории с середины XVI в. внутренних междоусобных смут среди ногайских мирз и тесно связанных с ним социальных катаклизмов, многие группы ногайцев мигрировали далеко за пределы своей первоначальной среды обитания на берегах Яика и Эмбы и вступали в тесное взаимодействие с соседними народами. В результате двух больших волн переселений в XVI в. ногайский элемент инфильтрировался в состав почти всех сопредельных народов: башкир, поволжских и крымских татар, яицких (уральских) казаков и каракалпаков. В этнической структуре казахского населения Западного Казахстана поколения байулы и другие родоплеменные подразделения Младшего жуза, входившие ранее в состав населения Ногайской Орды, сохранили родовые территории, язык и культуру. Собственно ногаи, более известные сейчас как ногайцы, бывшие в составе Ногайской Орды этническим меньшинством, в значительной своей массе перебрались на Северный Кавказ, где и проживают сейчас.

С середины XVI в. немаловажную роль в истории разных стран и народов внутриконтинентальной Евразии начало играть казачество. Начало его формирования историки обычно относят к концу XV в., хотя при этом учитывают, что появление первых вольных общин, прообразов будущих казаков, в евразийских степях фиксируется в источниках более раннего периода¹⁶. В настоящее время установлено, что после монгольского нашествия в степных пространствах, явившихся буферными, маргинальными, зонами между несколькими самостоятельными политическими образованиями, стали находить убежище прежде всего тюркоязычные выходцы из этих стран, а институт казачества существовал практически у всех кочевых народов тюрко-монгольского мира.

Термин «казак» – тюркоязычного происхождения. По мнению большинства исследователей, в позднесредневековый период им, как правило, обозначался вольный, свободный человек, порвавший со своей традиционной социально-культурной средой, изгой, удалец, независимо промышлявший военным делом. В словаре В.В.Радлова, изданном в конце XIX в., основная этимология слова «казак» определена как «человек вольный, независимый, искатель приключений, бродяга»¹⁷.

С XVI в. среди различных казачьих общин на Дону, Тереке, Кубани, Волге, Яике, в Сибири и проч. стала быстро возрастать численность представителей русскоязычного населения, выходцев большей частью из великорусских земель. В XVII в. славяне и русифицированные (крещенные) представители других народов стали доминировать в казачьей среде¹⁸, при этом тюркско-татарский компонент составлял в ней значительный удельный вес вплоть до середины XVIII в.

Основным типом казачьих поселений в XVI в. повсеместно были так называемые «городки», которые обычно огораживались плетнями и являлись небольшими по размерам. В них проживало в среднем не более 30-50 человек. Но, судя по известным историческим документам и казачьим преданиям, многие казаки находились в «городках» только в зимний период года, а в остальное время вели по существу кочевой образ жизни¹⁹.

В середине XVI в. казачьи общины уже представляли на территории Восточной Европы активную, энергичную и организованную силу. В качестве таковой на юго-западной периферии Ногайской орды в то время особенно заметно проявили себя волжские казаки. Первое упоминание

о них встречается в донесении русского посла П.Тургенева за 1551 г., где говорится, что казаки у ногаев «Волги оба берега отняли и волю... отняли, и ... улусы воюют»²⁰. После завоевания Иваном Грозным Казанского (1552 г.) и Астраханского (1556 г.) ханств двухстороннее обсуждение разбоев казачьих ватаг на Волге становится постоянной темой ногайско-русских дипломатических отношений.

В 1560-1570-х гг. набеги волжских казаков на окрестные народы становились с каждым годом все более дерзкими и интенсивными. По словам А.И.Левшина, они «до того возросли, что не только почти пресекали пространную торговлю русских, азиатцев и англичан, пред тем только открывших путь в Азии через Каспийское море, но даже препятствовали дипломатическим сношениям России с Персиею, и грабили послов так же, как и купцов»²¹. В сложившейся напряженной геополитической обстановке Иван Грозный был вынужден предпринять решительные меры против волжских казаков и в 1577 г. выслал на Волгу против «разбойников» боевой отряд – конницу и стрельцов на судах под командованием стольника Ивана Мурашкина. В результате совершенного им жестокого погрома волжского казачества многие казачьи общины в спешном порядке покинули берега Волги и рассеялись по разным регионам. Часть волжских казаков отправилась по рекам Каме и Чусовой в Сибирь, другая группа переселилась на Терек, где позднее на ее основе сформировались общины гребенских и терских казаков; а третья группировка устремилась от устья Волги по ее притокам Иргизу и Самаре и побережью Каспийского моря на восток во владения Ногайской орды. Здесь казаки достигли берегов Яика, положив начало формированию яицкого казачества²². В пользу именно такого поворота событий убедительно свидетельствует содержание наказа русскому послу, снаряжавшемуся царским правительством в Ногайскую орду в 1586 г. В нем говорилось: «Беглые казаки, которые жили на Волге и наших людей судовых били и грабили, и мы их велели переймать и переказнить. И они, збежав от нашей рати на Яик, да Урусовы улусы погромили»²³.

Материалы русско-ногайской переписки 1586-1590-х гг. четко фиксируют появление в это время «многих городков» пришлых казаков на берегах Яика и Эмбы в пределах расселения кочевых тюркоязычных племен. Среди первых казачьих поселений в приицких степях в одних исторических преданиях уральцев фигурирует урочище Орешное, расположенное в устье одного из притоков Яика со знаменательным названием реки – «Рубежная», в других – местность Кош-Яик («Голубой

городок») на острове при впадении Илека в Яик. В третьих – урочище Коловоротное, находящееся в шестидесяти верстах ниже будущего Яицкого городка (Уральска), а также поселения: Илинское (в устье Яика), Богатое, Солёный и Белый городки (в среднем течении реки), на Медвежьем острове (у Индерских гор) и другие. В конце XVI – начале XVII вв. казачьи «городки» располагались почти по всему Яику от прибрежных морских островов до района современного г. Соль-Илецка²⁴. В каждом из них насчитывалось в среднем не более нескольких десятков человек. Все эти поселения имели временный характер: казаки большей частью отсиживались в них только зимой, а с наступлением тепла были вынуждены всякий раз покидать занятые места²⁵, т.к. их беспокойное соседство с ногайцами вызывало большое недовольство бия и мирз, которые предпринимали с 1580-х гг. отчаянные попытки силой выдворить новоселов из своих наследственных земельных владений. Согласно данным, приведенным в грамоте ногайского бия Уруса царю Федору Ивановичу в 1586 г., к тому времени на Яике появились 600-700 волжских казаков. Эта же цифра фигурирует в казачьем предании, сообщенном яицкими казаками Федором Михайловым, Трофимом Филипповым и Макаром Андреевым в Коллегии иностранных дел в 1720 г.²⁶

Образ жизни и социальное устройство казаков в кочевьях Ногайской орды почти не отличались от их жизненно-бытового уклада на Волге. Основным занятием казачества оставались набеги на ближних и дальних соседей, включая Хиву, торговые караваны и посольства²⁷. В мирные периоды времени они занимались охотой и рыболовством. Новым видом военного промысла стали «морские походы вдоль северного берега Каспия, а базой морских рейдов – остров Сара»²⁸.

В социальном отношении яицкие казачьи ватаги были представлены группами холостых взрослых мужчин, где, по преданиям, первое время даже практиковался обычай убивать взятых в жены разноязычных пленниц во избежание потенциальной опасности их побегов к своим сородичам и уведомления последних об убежищах казаков; а также детей, рожденных от этих женщин²⁹, «дабы через них не быть открытыми и не иметь также ни в чем затруднительной помехи»³⁰.

Экстремальные условия существования в окружении враждебных кочевников заставляли первых казачьих поселенцев вести истинно спартанский образ жизни и жестко реагировать на всевозможные вызовы со стороны чуждой и опасной им внешней среды. Такая ситуация во многом предопределила милитаризованный тип социальной организации

яицких казачьих общин, в чем проявилось определенное влияние на них окрестных кочевых народов³¹.

В конце XVI - XVII вв. общины яицких казаков были неоднородными по этническому составу. Среди казачества самую многочисленную группу вольных поселенцев составляли беглые вотчинные и помещичьи крестьяне, стрельцы, посадские и «работные люди» из разных русских земель. Наряду со славянами предположительно около половины, казаков являлись по происхождению тюркоязычными выходцами из Ногайской орды, поволжских ханств (Казанского и Астраханского), Кавказа и Крымского ханства, которые упоминаются в источниках того периода под общим собирательным термином «татары». Об этом, в частности, убедительно свидетельствуют многие данные письменных материалов XVI- XVIII вв., в том числе: исторический факт одновременного основания так называемой «Старой Татарской слободы» с укреплениями и жилыми домами казаков в черте будущего Уральска³²; «сказки» жителей Яицкого городка о своих фамильных корнях 1723-1724-х гг., где неоднократно встречаются сведения о «татарской» (т.е. тюркоязычной) принадлежности их отцов и/или дедов³³; прозрачная семантика большинства исторических сюжетов в преданиях яицких казаков, записанных П.И.Рычковым и некоторыми другими собирателями казачьего фольклора еще в середине XVIII – первой половине XIX вв.

Так, например, в «Топографии Оренбургской» упоминается при изложении автором рассказа казачьего атамана Г.М.Меркурьева со слов его престарелой бабки «татарской природы» Гугнихи об обстоятельствах появления в районе Яика первых групп казачьих беглецов. В основу положены действительные исторические события на территории Ногайской орды конца 1580-х–1600-х гг. – относительное потепление отношений между казаками и ногаями, вынужденными из-за недостатка сил смириться с нежелательным соседством новых поселенцев из заволжских земель, и разразившаяся вскоре после него третья крупная междоусобная смута в орде (на рубеже XVI-XVII вв.), когда ногайцы рассеялись и разошлись в разные стороны³⁴. В результате «великого смятения» в ордынских кочевьях, - говорится в предании, - некоторые «татары» (т.е. ногайцы), узнав о пребывании вблизи своих «улусов» казачьих ватаг, «вступили с ними в союз, и в ту ж компанию от времени до времени приставать начали»³⁵. В другом предании, записанном П.И.Рычковым, отмечается знаменательный факт отправления в 1613 г. яицкими казаками к царю Михаилу Федоровичу с прошением о подданстве выбранных ими

для этой цели «двух человек, одного русского, а другого – татарина»³⁶. Присутствующая здесь знаковая дифференциация двух казачьих посланников к московскому царю на «русского» и «татарина» и подчеркнутый смысловой акцент на бикультурном (т.е. славяно-тюркском и/или христианско-мусульманском) характере этого добровольно избранного народного представительства, в свою очередь косвенно указывает на близкое к паритетному соотношение численности русскоязычных и тюркоязычных поселенцев в составе тогдашнего казачьего населения на Яике. В пользу данного предположения говорит также упоминание в грамоте воеводы Григория Засекина из Самары русскому царю в ноябре 1786 г. среди имен 11 первых атаманов яицких казаков неясного этноконфессионального происхождения одного явного тюрка-мусульманина Янбулата Ченбулатова³⁷, избрание которого на атаманскую должность вряд ли в ту эпоху могло произойти при наличии в казачьей общине малочисленной группы родственных ему по культуре, религии и языку выходцев из степных потестарно-политических образований Евразии. Кроме того, в «сказках» яицкого казачества собранных в 1723-1724-х гг. в Яицке – будущем Уральске полковником И.Захаровым и ныне хранящихся в пяти объемных и увесистых папках в Военно-историческом Архиве Российской Федерации (объемом от 800 до 1000 л. каждая), можно встретить немало таких этноинформативных автобиографических показаний «русских» казаков, как: «его дед, отец и он сам родиною города Темникова, были мурзы (т.е. мирзы – И.Е.) и крестились в том городе; и пришел он из того города на Яик ... 20 лет от роду и служил в казаках семьдесят шесть лет»³⁸ и т.п.

В 80-х гг. XVI в. проблема решительного обуздания буйной казачьей вольницы на берегах Яика приобрела особую остроту в дипломатических контактах ногайских мирз с русским царем в связи с дерзкими набегами казаков в 1573 г. и весной 1581 гг. на столицу ногаев Сарайчук, который ими был дважды разграблен. Особенно жестоким и разорительным для ногаев стал второй казачий набег, в ходе которого казаки сожгли разграбленный город. В привезенной в 1581 г. в Москву грамоте ногайского бия Уруса по этому поводу говорилось, что казаки «ныне сего лета пришед, Сарачик сожгли и разорили»³⁹. Ногаи в обоих случаях посчитали нападавших за «государевых людей» и стали настойчиво требовать от Ивана Грозного покарать и «свести с Яика казаков»⁴⁰.

Царское правительство в тот период не имело реальной возможности и достаточных сил, чтобы заставить опасных «гулящих» беглецов под-

чиниться государевой воле, ввиду большой удаленности берегов Яика от границ Российской державы, но при этом стало умело использовать чрезвычайно актуальный для ногаев казачий вопрос в собственных политических интересах и целях. По верному определению Р.Г.Скрынникова, казаки оказались «разменной монетой в дипломатической игре» России с Ногайской ордой⁴¹: когда ногаи склонялись к союзу с русским царем, антиногайские акции казаков объявлялись преступными, и российские власти давали обещания правителям кочевников непременно покарать разбойников; если же бий и мирзы проводили политику, не устраивавшую Москву, то царь угрожал им, что «на Яик многих стрельцов и казаков пришлем, большую свою рать с огненным боем»⁴².

Однако к концу 1580-х гг. ногаи поняли, что на заверения русского царя им полагаться не стоит, а своих собственных сил для того, чтобы «свести с Яика» лихих казаков, кочевникам явно не хватало. Поэтому они постарались наладить более или менее мирное сосуществование с беспокорными соседями, чему способствовали различия в хозяйственных укладах тех и других, создававшие почву для взаимовыгодного обмена и исключавшие конкурентную борьбу за пастбищные угодья между ними⁴³. Эти изменения во взаимоотношениях ногаев и казаков запечатлелись в старинной уральской казачьей песне: «На острове Камынине братцы-старики живут..., ... Золотой ордой старики-братцы во ладу живут»⁴⁴.

К концу XVI в. на берегах Яика установилось относительное затишье, вследствие чего царское правительство приняло решение учредить там воеводство и построить мощную крепость. Практическое претворение этого плана в жизнь привело к появлению на историко-географической карте Волго-Яицкого междуречья при впадении р. Чаган в Яик нового «городка» яицких казаков – будущего Уральска.

Конкретные обстоятельства возведения первого стационарного поселения казаков на Яике долгое время оставались неизвестными в исторической науке, хотя в некоторых преданиях уральцев, записанных в 1748 г. оренбургским губернатором И.И.Неплюевым и коллежским советником П.И.Рычковым, уже тогда утверждалось, что «от построения того городка по тот 1748 г. было лет с полтора ста», и, следовательно, «казаки еще около 1598 года ... перенесли свое селение ... на то место, где теперь стоит Уральск»⁴⁵. В последние годы известному историку-востоковеду В.В.Трепавлову удалось в ходе детального обследования исторических документов фондов «Ногайские книги и столбцы» и «Крымские книги» в

Российском Государственном Архиве Древних Актов не только подтвердить и уточнить дату основания Яицкого городка, но и обстоятельно выяснить, в каких условиях происходило его возведение на историческом месте. Согласно изложению упомянутого автора, события на Яике тогда развивались следующим образом:

«Поздней осенью 1594 или 1595 г. воевода Ж.Владимиров и стрелецкий голова С.Образцов повели морем из Астрахани караван судов со строительным материалом и стрельцами. Время было выбрано неудачно. Надвигалась зима, в устье Яика суда вмерзли в лед. Тогдашний бий Больших Ногаев (название Ногайской орды тех лет – И.Е.), Ураз-Мухаммед, задумал расправиться с беспомощными русскими. ... Большинство мангытских аристократов его поддержало, но против выступил влиятельный мирза Канай б. Динбай. Он не только отговорил съезд знати от нападения на караван, но и взялся помочь русским. В течение трех месяцев, «тысячью верблюдов своих впрягши в телеги», он перевозил людей, имущество, бревна для крепостных стен на берег. С приходом весны воевода взялся за дело, Яицкий городок (будущий Уральск) поднялся в бывшей ногайской степи». Уже в мае 1596 г. недовольный бий Ураз-Мухаммед сообщил крымскому хану, что на Яике русскими построен новый город и с досадой сетовал на то, что ему жить стало «немочно» от московского царя. «Поставил ... на Яике город и кладбище ... наши у нас отнял»⁴⁷. В 1614 г. в архивных документах упоминается казачий «острог» на ранее упомянутом ногайским бием месте возведения этого города⁴⁸.

Тем не менее, судя по казачьим преданиям, яицкие казаки в начале XVII в. по-прежнему вели в основном кочевой образ жизни. В это время они продолжали совершать набеги на соседних кочевников, морские суда на Каспийском море и торговые караваны, а в 1602 г. вновь совершили военный поход в Хиву, где большинство из них сложили свои головы в неравном бою, и лишь трем или четверем казакам удалось спастись и возвратиться на Яик⁴⁹. На грабительские набеги яицких казаков ногаи были вынуждены отвечать энергичными нападениями на их поселения и ватаги. Осознав полную бесперспективность сохранения абсолютной независимости в условиях враждебного окружения, к концу первого десятилетия XVII в. казаки приняли решение установить политические контакты с царским правительством.

В 1613 г. «собрав совет», они постановили отправить в Москву двух своих представителей – «русского» и «татарина», чтобы просить царя Михаила Федоровича принять их под свое покровительство⁵⁰. Москов-

скому правительству было выгодно подданство разместившихся на дальних рубежах страны смелых и решительных поселян-воинов, чтобы использовать их против дальних и ближних недругов Российского государства в нужный для него момент времени. Поэтому царь решил удовлетворить просьбу яицких казаков, и как писал более ста лет спустя в представлении Петру I станичный атаман Федор Рукавишников, «по тому-де их прошению дана им была на реку Яик с сущими при ней реки и протоки и со всякими угодыя от вершин той реки до устья, Е.и.в. жалованная грамота, чтоб им на той реке жить и владеть, и ему, великому государю, служить казачью службу»⁵¹. Долгое время считалось, что царская грамота сгорела во время одного из многочисленных пожаров в Яицком городке в XVII – первой половине XVIII вв., но не исключена вероятность того, что такого документа вообще не существовало. Единственным сохранившимся в XVIII в. юридическим актом, в котором довольно четко обозначен исторический факт существования в начале предшествующего столетия крупной общины и стационарного поселения яицких казаков при впадении р. Чанаг в Яик, является грамота царей Петра и Ивана Алексеевичей от 1684 г., обнаруженная И.И.Неплюевым в Яицкой войсковой избе, где упоминалось о службах местного казачества многим государям, начиная с Михаила Федоровича⁵².

Однако, несмотря на формально принятое подданство, яицкие казаки не желали подчиняться Москве и предпочитали действовать самостоятельно. Летом 1614 г. они приютили у себя в Яицком городке бежавшего из Астрахани И.Заруцкого с ногайскими атаманами и отказались по требованию русских властей выдать бунтовщиков. В итоге на Яик были направлены отряды стрельцов, которые погромили казаков «и городок их взяли, и до основания разорили, и знамена, и зелье, и селитру поймали»⁵³. С того момента казаки уже не решались вступать в открытую конфронтацию с Москвой, так как стремились закрепить за собой занятые земли по правому берегу Яика. При этом пастбища в устье его притоков – Чагана, Сакмары и Илека постепенно оказались в совместном пользовании казаков, казахов, башкир, мигрировавших в 20-30-х гг. XVII в. в Волго-Яицкое междуречье калмыков⁵⁴.

В первые десятилетия существования Яицкого городка его население было немногочисленным и, судя по казачьим преданиям, письменно зафиксированным в 20-х гг. XVIII в., не превышало 600 человек. Так, 10 января 1720 г. яицкие казаки Федор Михайлов, Трофим Филиппов и Макар Андреев в Коллегии иностранных дел «в допросе показали»:

«Жилище их началось, как они от старинных людей слышали, тому ныне назад со 100 лет. Предки их, казаки, перешли из донских казачьих разных городков, сначала их было только 600 человек»⁵⁵. Однако узнав о существовании нового вольного городка в низовьях Яика, неподвластного как кочевникам-ногаям, так и царскому самодержавию, в него стали быстро стекаться беглые крестьяне из ближайших великорусских земель, тюркоязычные выходцы из распадавшейся Ногайской орды, Среднего Поволжья, Крыма, Башкирии и Кавказа, а также волжские калмыки, раскольники-старообрядцы и другие. Притягательность свободной жизни на живописном берегу большой реки, с плодородными лугами и полноводными притоками вдали от «неусыпного ока государева», степных ханов, ногайских биев и мирз и помещиков-крепостников играла немаловажную роль в устремлении потоков беглых людей в эту «казачью вольницу». В результате церковной реформы патриарха Никона со второй половины XVII в. резко усилился приток раскольников в Яицкий городок. И в дальнейшем старообрядцы составляли значительную часть яицких казаков. Согласно спискам казаков, составленным в 1632 г. полковником Богданом Змиевым, в то время на Яике проживало 950 человек⁵⁶, из них 93 имели только прозвища или фамилии, другие – имена и отчества без фамилии, а 487 называли лишь имена, к которым прибавляли название своего прежнего места жительства. Фактическая бесфамильность большинства этих поселенцев косвенным образом указывает на то, что многие из них до переселения на Яик являлись лично зависимыми людьми и либо еще совсем не имели фамилий, либо же сознательно пытались скрыть их, чтобы не быть обнаруженными и избежать возврата к прежним патронам или владельцам⁵⁷.

К концу первой четверти XVIII в. за более чем столетний период со дня основания Яицкого городка численность его жителей возросла почти в 10 раз, что было связано как с довольно интенсивными миграциями на Яик разных категорий беглых людей, так и с преимущественной концентрацией их на новом месте проживания до 1730-х гг. в черте именно этого поселения (Гурьевская крепость была мало населена). Данные о численности населения Яицкого городка содержатся в переписи Яицкого казачьего войска 1723-1724 гг., проведенной полковником и лейб-гвардии капитаном Семеновского полка Иваном Захаровым «с товарищи» по поручению Петра I⁵⁸. В ходе ее проведения выяснилось, что здесь проживали тогда войсковой атаман Г.М.Меркурьев (1665-1741) и «казаков в службу годных» – 3195, отставных – 219, «казачьих детей и бра-

тьев, племянников и шурьев за малыми леты в службу негодных» – 2357, «пришлых, которые живут своими дворами у казаков, батраков и работников» – 324, «у них детей – 26, пасынок – 1, внучат – 2», «всего вышеписанных 6124 человека, да сверх вышеписанного числа после поданного от атамана списка беглых – 112, умерших – 54»⁵⁹.

По месту выхода яицких казаков или их ближайших предков в городке численно преобладали потомки бывших переселенцев в бассейн этой реки и переселенцы в первом поколении из Среднего Поволжья – 2295 чел. (Казанской, Симбирской, Самарской и Нижегородской губерний), значительно меньше были представлены выходцы из Северо-Западной и Центральной частей России – Владимирской (107 чел.), Уфимской (99 чел.), Пензенской (90 чел.), Московской (83 чел.), Тамбовской (38 чел.), Рязанской (38 чел.), Костромской (35 чел.) губерний, Донской области (50 чел.) и прочих земель⁶⁰.

Этнический состав яицкого казачества также был неоднородным, имея ввиду известную условность употребления современного понятия «этничность» по отношению к различным конфессионально-культурным и языковым общностям и локальным группам внутриконтинентальной Евразии периода XVI – середины XIX в. Так, согласно переписи 1723-1724 гг., абсолютное большинство казаков считались русскими по конфессиональной принадлежности и церковнославянским именам и фамилиям. Но при этом отцы и/или деды многих из них, судя по показаниям («сказкам») этих лиц, происходили из «ногайских татар», «трухменских татар», «крымских татар», «башкир», «горских черкас», «белгородских черкас», «черных калмык», «турок», «чухонцев (финнов)», «вотяков»; были «чувашской породы», «калмыцкой породы», «мордвы», «черкашеня» и т.д.⁶¹.

Так, например, к числу казаков «татарского» происхождения принадлежал один из самых авторитетных войсковых атаманов яицкого казачества последней четверти XVII – начала XVIII в. Осип Белоусов (1623-после 1723), отец и дед которого являлись ногайскими мирзами и вместе с ним в начале 1640-х гг. перешли в православную веру. В отличие от всех остальных влиятельных казаков указанного периода, занимавших атаманскую должность не более одного-трех раз за свою жизнь (атаманы тогда выбирались сроком на один год, а затем сменялись), только он и славянин Федор Семенников шестикратно избирались войсковыми атаманами на годичный срок (первый – в 1680, 1688, 1690, 1693, 1698, 1703 гг.; второй – в 1699, 1703-1706, 1710, 1712 гг.). Осип Белоусов прослужил каза-

ком в Яицком войске 97 лет и ушел из жизни в возрасте более 100 лет⁶².

Из «инородцев», сохранивших традиционную идентичность, т.е. мусульманское, буддийское, католическое, протестантское и проч. вероисповедание, среди яицких казаков числилось: 70 татар (ясачных служилых и других), 49 башкир (завоеванных и беглых), 39 калмыков, 29 поляков (завоеванных и беглых), 7 – «мордовской породы», 7 – «черкашен из городских черкас», 5 – «шведской и чухонской породы», 3 – «ногайской породы», 1 – «чувашской породы», 1 – «немецкого роду», 1 – «турчанин», 1 – «волошанин»⁶³.

Отсюда нетрудно заметить, что многие «инородцы» сохранили в Яицком городке свои культурно-языковые традиции и традиционную веру. Этому отчасти способствовал рано установившийся у местных казаков обычай крестить лишь завоеванных, плененных, иноверцев, тогда как люди, по своей воле пришедшие на Яик, по показаниям самих татар, башкир, шведов и калмыков И.Захарову, к обращению в православие не принуждались и могли сохранить ислам или какую-нибудь иную веру⁶⁴. Вместе с тем довольно часто лица тюркского либо монгольского происхождения бежали на Яик и становились казаками уже после того, как принудительно или добровольно принимали православие в местах прежнего проживания.

С самого начала существования Яицкого городка наиболее многочисленным этническим сегментом в составе яицкого казачества после русских являлась группа «татар», т.е. тюркоязычных выходцев из соседних кочевнических и оседлых культурных сообществ континента и их прямых потомков. Она сложилась из ногайцев, поволжских и крымских татар, мишарей, туркмен, каракалпаков и прочих тюркоязычных элементов, сохранивших на Яике мусульманскую веру и свой язык. Достаточно указать, что один из самых первых яицких казачьих атаманов, упомянутый в архивных документах 1586 г., Янбулат Ченбулатов относился именно к данной группе и был, по-видимому, мусульманином. О длительности проживания представителей тюркоязычных народов в Яицком городке и их относительной многочисленности в первые полтора столетия существования казачьего поселения свидетельствует и то, что «Старая Татарская слобода» появилась одновременно с ним в начале XVII в.⁶⁵ Казаки-тюрки оставались второй по численности территориальной группой среди всех других групп уральского казачества вплоть до 1920 г., времени его насильственной ликвидации «как класса» советским режимом.

Заметной по численности тюркоязычной группой в составе яицкого

войска к концу первой четверти XVIII в. являлись башкиры. Самые первые представители этой группы мигрировали в Яицкий городок еще в 1670-х гг., но основная часть учтенных И.Захаровым в 1723-1724 гг. «завоеванных и беглых башкир» влилась в состав его населения, по-видимому, не раньше конца первого десятилетия XVIII в., что было связано с участием 1225 яицких казаков во главе с походным атаманом Федором Семенниковым в 1708 г. в военном подавлении башкирского восстания на Южном Урале 1707-1711-х гг.⁶⁶ и захватом ими в плен некоторых башкир, а также вынужденным бегством отдельных групп повстанцев из своих кочевий на юг в район нижнего течения Яика в ходе последующих карательных походов царских регулярных войск.

Наряду с тюркоязычными элементами, в Яицком казачьем войске в конце первой четверти XVIII в. числились и монголоязычные выходцы-ламаисты из Волго-Яицкого междуречья. Появление первых волжских калмыков-торгоутов в Яицком городке относится еще к первым десятилетиям его существования, о чем свидетельствуют «сказки» некоторых яицких казаков 1723-1724-х гг. об их близких предках. Однако первая более или менее крупная группа калмыков была принята в состав войска только в 1723 г. согласно специальному указу Петра I. Царь повелел в 1722 г. «калмыченину Даше Булатову с своими улусными калмыками служить Е.и.в. службу с яицкими казаками вопче». Вместе с Даши Булатовым в службу вступили сначала только 39 подвластных ему калмыков, прежде кочевавших на нижней Волге в улусе тайджи Доржи Назарова, «да после пришли к нему в улус 13 человек, а всего вошло в состав войска в 1720 и 1723 году 52 калмыка. С ним пришли и дети их и полоненники, за малыми леты в службу не годны, всего 36 мальчиков». Все эти переселенцы зимой проживали в городке, а весной и летом кочевали в его окрестностях⁶⁷. Приток калмыков в Яицкое войско продолжался и в последующие годы, чему немало способствовали разорительные междоусобные распри среди калмыцких тайджей после смерти сильного и авторитетного правителя Калмыцкого ханства хана Аюки (1667-1724). В 1725 г. к войску было причислено еще 110 калмыков⁶⁸.

Среди православного русскоязычного населения Яицкого городка приблизительно с конца XVII в. самой многочисленной конфессиональной группой стали раскольники-старообрядцы, вынужденные скрываться от преследований государства на берегах знаменитой реки. Однако начало интенсивных миграций старообрядцев в район Южного Урала приходится на конец первой четверти XVIII в. – время после разгрома

царскими отрядами Керженских скитов в Нижегородской губернии (1722 г.). Бежавшие от преследований раскольники расселялись на территории Яицкого казачьего войска⁶⁹. Малонаселенные бассейны рек Большой и Малый Иргиз, Камелик, Чагры, Чижы, Узени и др. в районе междуречья Яика и Волги стали одним из «главных притоков» старообрядческого раскола в первой половине XVIII в. Беглые старообрядцы основали особую «раскольничью» слободу, так называемый Шацкий монастырь в самом Яицком городке, а также свои поселения по Яику-Уралу – в урочище Кош-Яик, около Индерских гор, на Мергеневоу Луке и в других местах⁷⁰. Большое количество старообрядцев сохранилось в войске и городе Уральске и в XIX в., о чем, в частности, свидетельствуют статистические материалы известного дореволюционного историка В.Н.Витевского, посвятившего специальную работу истории «раскола в Уральском войске»⁷¹.

Последующие десятилетия состав населения Яицкого городка пополнялся в результате новых миграций на Яик как вышперечисленных культурно-конфессиональных групп, так и за счет иранцев («кызылбашей»), бежавших из казахского плена, туркмен и отдельных захваченных в плен, а затем крещеных, казахов⁷². Но больше всего на Яик мигрировали с 1730-х гг. беглые крестьяне ортодоксально-православного вероисповедания и старообрядцы из великорусских губерний. Именно из их среды впоследствии произошли в Уральском казачьем войске известные династии Акутиных, Бородиных, Бизяновых, Донсковых, Мизиновых и др.

После вступления яицких казаков под протекторат русского царя их городок в течение нескольких десятилетий по-прежнему находился в компетенции Посольского приказа, откуда был передан в 1680 г. в ведение Казанского приказа, а в 1719 г. – Коллегии иностранных дел⁷³. Как и все остальные российские подданные, казаки должны были нести определенные повинности в пользу государства, которые сводились к их верной службе престолу против его внутренних и внешних врагов. Служба казачьего населения государю в XVII – первой половине XVIII вв. не носила систематического характера и состояла главным образом в охране государственных границ, поставке разведывательных данных, сопровождении дипломатических посольств, следовавших в Москву из азиатских стран через Каспийское море и прилегающие к нему степи; участии в боевых походах русских регулярных войск против внешних неприятелей России, усмирении внутренних мятежей, в «воинских про-

мыслах» против враждебных кочевников и т.п. За оказываемые услуги царское правительство снабжало казаков огнестрельным оружием и порохом, сукном, хлебом, вином и другими провиантами, платило денежное жалованье.

Политические сношения казачьей общины Яицкого городка с царским правительством почти ничем не отличились в тот период от характера взаимоотношений последнего с волжскими калмыками, башкирами и некоторыми другими народами, также находившимися в российском подданстве. Патронатно-клиентная форма зависимости яицких казаков от российского престола наиболее ярко выражалась в наличии у них автономной военной организации, праве предоставления жилища всем без исключения лицам, желавшим стать казаками; приоритетной роли собственных групповых интересов в сфере внешних контактов с сопредельными государствами и народами, которые далеко не всегда и во всем совпадали с планами московской дипломатии. Поставить под свой административно-политический контроль взаимоотношения яицких казаков с их южными и юго-восточными соседями Москва, а позднее Петербург не могли до середины 1740-х гг.; еще меньше возможностей было у них для воздействия на внутреннее социальное устройство яицкого казачества. Такие попытки до второй четверти XVIII в. даже не предпринимались.

Социальной и военной формой структурной организации яицких казаков являлось «войско». Высшую распорядительную власть в нем осуществлял «круг» – собрание казаков-воинов «всей реки». Женщины, а также лица, которые проживали на территории войска, но не являлись полноправными казаками, в «круге», как правило, не принимали участия. В компетенцию круга входили вопросы объявления войны и мира, снаряжение дипломатических посольств, организация военных походов, дележ захваченной добычи, пленных и царского жалованья, судопроизводство, сооружение новых городков и прочих укреплений. Его решения были обязательны для всех. Отказ выполнить решение круга обычно влек за собой изгнание из казачьей общины или казнь. Системой суровых наказаний в казачьем войске поддерживалась строгая дисциплина. Исключительная власть принадлежала войсковому атаману, который избирался кругом и мог быть лишен им власти в любое время, после чего в правовом отношении ничем не отличался от рядовых казаков. Войско делилось на станицы (отряды примерной численностью в 100 чел.) во главе со станичными атаманами, станицы делились на десятки. На

время боевых походов избирались походные атаманы, пользовавшиеся неограниченной властью над их участниками⁷⁴.

В 1720 г. царское самодержавие посчитало необходимым усилить свое присутствие в приицких степях и специальным указом вывело казаков из компетенции Коллегии иностранных дел и передало в ведение Военной коллегии, что налагало на казачье население Яицкого городка государственно-правовой контроль за всеми его внешними сношениями и действиями. Казаки отказались повиноваться и попытались отстоять прежние привилегии. Получив известие о казачьем мятеже, Петр I послал в 1722 г. в Яицкий городок полковника И.Захарова с регулярным отрядом, который в начале 1723 г. жестоко усмирил восставших. Организаторы казачьих волнений Ф.М.Рукавишников, Д.Чувашников и др. были преданы мучительной казни, одни из их сподвижников сосланы в Сибирь, другие подвергнуты суровым наказаниям плетьюми и оставлены в том же месте жительства.

По приказу Петра I в начале 1723 г. И.Захаров провел перепись населения Яицкого городка, ввел систему разделения казачьего войска на сотни и десятки и установил служебное жалованье казакам в размере 1500 руб. в год на всех и по осьмине хлеба на каждого. Войсковым атаманом от правительства был назначен пожизненно Григорий Меркурьев, прежде занимавший эту должность в 1715-1717 гг. и 1721 г. Его непосредственными советниками стали старшины, избиравшиеся из бывших войсковых и походных атаманов. Их число и состав определялись по личному усмотрению войскового атамана. Без его утверждения постановления казачьего круга считались недействительными. Кроме того, яицкое казачество лишалось таких важных для него привилегий, как самостоятельные сношения с соседними кочевыми народами, торговля с Хивой и Бухарой, распоряжение пленными⁷⁵.

Однако принятые Петербургом меры по установлению государственного контроля за внешней и внутренней жизнью вольного казачьего города не привели к желаемым результатам: в Яицком войске продолжались конфликты рядовых общинников с зажиточной верхушкой казачества и разного рода проявления недовольства по поводу усиления своей зависимости от навязанного сверху атамана, а в сфере внешних сношений с иноплеменными соседями казаки, как и прежде, предпочитали большей частью действовать самостоятельно, без согласования своих интересов и планов с мнением царского правительства.

Определенные изменения в жизни населения Яицкого городка на-

метились с 30-40-х гг. XVIII в. в связи с принятием в 1731-1732 гг. ханом Младшего жуза казахов Абулхайром (1710-1748) и частью правителей Среднего жуза российского подданства и созданием в 1734 г. в устье р. Ори на границе башкирских и казахских кочевий Оренбургской экспедиции. Последнее событие положило начало продвижению границ Российской империи на территории междуречья Волги и Яика вглубь евразийских степей.

В течение 1730-1740-х гг. на западе Казахстанского региона были построены Оренбургская, Уйская и Яицкая линии русских укреплений, протянувшиеся от Оренбурга (осн. в 1743 г.) до устья Яика. Они имели в совокупности длину около 2500 верст, на которых охрану российских границ несли Яицкое и сформированное в эти годы Оренбургское казачьи войска и регулярные воинские части⁷⁶.

Наряду с несением воинской службы главным занятием казаков оставались в XVIII в. рыбные промыслы на Яике и прибрежном участке Каспийского моря, служившие одним из основных источников их жизнеобеспечения⁷⁷.

В конце XVIII – начале XIX вв. в связи с уменьшением рыбы в низовьях Яика и невозможностью из-за сокращения рыбного промысла прокормить возросшее население казачьей общины, а также усилением миграций крестьян из северных земледельческих районов произошел отток части казаков с Нижне-Яицкой линии в прилегающие к ней степные районы. В это время возникла новая группа казачьих поселений по рекам Чаган, Таловая, Иртек, Ташла, Чижи, ставших впоследствии крупными поселениями⁷⁸.

В середине XVIII в. население Яицкого городка оставалось неоднородным по социальному и этническому составу. Согласно данным первого оренбургского губернатора И.И.Неплюева (1744-1758) за 1746-1748 гг., число служилых казаков к тому времени возросло по сравнению с 1723 г. почти на тысячу человек в основном за счет новых переселенцев на Яик и составило 4213 человек. Среди 519 новоселов было: 194 бывших посадских, дворцовых и ясочных крестьян, «бобылей, не помнящих родства», и «ямщиков»; 149 разночинцев, 42 «синодальных, архиерейских и монастырских людей» и 81 помещичьих крестьян⁷⁹.

В этническом отношении яицкое казачество тогда по-прежнему оставалось довольно пестрым по составу. Численно доминирующей группой в нем являлись лица славянского происхождения и обрусевшие «инородцы» из среды прямых потомков бывших тюркоязычных поселенцев-

степняков в первых двух-трех поколениях. Помимо русских, или точнее, этнических великоросов и русифицированных ногайцев, поволжских и крымских татар, славян (украинцев, поляков и проч.), казахов, калмыков и т.д., в войске числилось немало неассимилированных выходцев из поволжских татар и башкир, которые компактно размещались большей частью в «Старой Татарской слободе» Яицкого городка, а также в Кушумской и Илецкой станицах по Яику; 620 крещеных и некрещеных калмыков, проживавших в самом городке и его окрестностях; и были отдельные представители других народов: иранцев, туркмен, каракалпаков, вотяков, казахов и проч.⁸⁰.

Однако в период с 40-х гг. XVIII в. до середины следующего столетия определяющей тенденцией эволюции этнодемографической структуры местного казачьего населения становится стимулируемая и регулируемая сверху Российским государством конфессионально-культурная и языковая ассимиляция, т.е. русификация. Исходя из этого, к 60-м гг. XIX в. для этнической идентичности абсолютного большинства уральских казаков характерным явлением было соотнесение своей конфессиональной и культурной принадлежности с русским этносом, что в первую очередь выразилось в численном преобладании русских в составе населения Яицкого городка – будущего Уральска. Так, по данным А.Д.Рябина за 1862 г., в Уральском казачьем войске в середине XIX в. насчитывалось 70337 (86%) русских, 6095 (7%) башкир, 4168 (5%) татар, 1184 (1,4%) калмыков, 220 (0,6%) каракалпаков и др. Приблизительно такая же картина в тот период была характерна и для этнической структуры населения г. Яицка-Уральска, где проживало большинство уральских казаков⁸¹.

На рубеже 1730-1740-х гг. царское правительство предприняло очередную попытку ограничить самоуправление яицкого казачества и усилить его зависимость от государственной власти империи. Грамотой императрицы Анны Иоанновны от 10 августа и указом Военной коллегии от 25 августа 1740 г. право назначения войскового атамана передавалось императорскому престолу, а казачьему войску разрешалось избирать только трех кандидатов на эту должность; устанавливался порядок очередного призыва казаков на службу вместо прежней традиции «наряжать наймом», в войске вводилось письменное делопроизводство, в том числе ведение книг по учету получаемых из казны и расходующихся денежных средств и т.п.⁸².

Но по разным причинам постановления 1740 г. не были приведены в исполнение, и яицкие казаки сохранили многие свои права и привиле-

гии в области местного самоуправления до начала 70-х гг. XVIII в. Тем не менее, в организационном отношении в конце 1740-х – середине 1750-х гг. яицкое войско претерпело по воле власти определенные изменения. В частности, первый губернатор Оренбургского края И.И.Неплюев, завершив возведение Нижне-Яицкой пограничной линии, произвел новую перепись яицких казаков и разделил всех лиц, служивших в войске на 7 станиц или полков (по 500 рядовых и по 7 начальников в каждом), которые по необходимости и требованиям правительства несли внутреннюю постоянную службу по охране границ от кочевников и внешнюю службу, сводившуюся к организации карательных «экспедиций» в степь, военных походов в отдаленные страны, содержанию сторожевых караулов и разъездов по границе Сибири с Оренбургской губернией. Согласно разработанному и утвержденному им в 1754 г. положению, в Яицкое войско запрещалось принимать беглых крестьян, ряд категорий «инородцев» и проч.; казаками отныне могли стать только «сущие тутошних казаков дети, а не пришлые». Кроме того, И.И.Неплюев в середине 1750-х гг. составил и представил в Военную коллегию проект преобразования Яицкого казачьего войска, который в то время не был реализован в связи со смертью его создателя и неблагоприятными для России внутри- и внешнеполитическими обстоятельствами⁸³. Все эти факты убеждают в том, что начиная с 20-х гг. XVIII в. царское самодержавие впервые в истории своих взаимоотношений с яицким казачеством стало предпринимать целенаправленные практические шаги по инкорпорации этой народной вольницы в государственно-административную и сословно-бюрократическую систему Российской империи и, несмотря на известную непоследовательность своих действий и тактические промахи, смогло добиться определенных достижений в интеграции разноязычной, мультикультурной и поликонфессиональной общины местных казаков в отдельное воинское сословие со всеми присущими ему стереотипами корпоративно-группового сознания и поведения.

Специфический социальный состав и военизированный уклад жизни основной части жителей Яицкого городка изначально предопределили многие характерные черты архитектурного облика этого казачьего поселения в течение первых полутора-двух столетий его существования и развития.

С самого основания Яицкий городок был расположен в очень удобном географическом месте – на лесистом правом берегу крупной реки при впадении в нее нескольких полноводных притоков, в районе пере-

сечения древних караванных путей, издавна связывавших между собой Азию и Европу. Исходя из своего главного назначения быть труднодоступным убежищем беглым людям от бывших владельцев и прочих врагов его первоначальный внешний вид имел четко выраженный оборонительный характер. Городок выстраивался в форме треугольника, который омывался с трех сторон в юго-западной, южной и юго-восточной частях Яиком, Старицей и Чаганом, а с северной стороны, начинавшейся в районе центра современного Уральска, которая уходила в степь, был защищен тремя рядами рвов и валов. Первый из них был устроен непосредственно перед городом, второй – на расстоянии километра от него, третий – на расстоянии 7 км. Кроме основных городских рвов и валов существовал ряд вспомогательных сооружений такого же рода, расположенных в нескольких местах.

Крепость занимала наиболее возвышенную южную часть города, игравшую роль командной высоты по отношению к окружающей его местности. При этом разбивка оборонительных стен, возведенных в виде глинобитного вала, имевшего форму полумесяца и укрепленного плетнями, производилась казаками с таким расчетом, чтобы повороты фасов вала позволяли из крепости обстреливать все участки территории на подходах к укреплению.

До середины XVIII в. городской вал простирался от Яика до Чагана, где в настоящее время расположена Пугачевская площадь. Позднее, по мере разрастания города, он трижды переносился на новое место в направлении к северу: первый раз в 1751 г. – в район нынешнего Некрасовского садика и дальше от него через территорию современного малого базара, откуда поворачивал на юг к «куреням» и там заканчивался у Чагана; второй раз в 1784 г. – севернее предыдущего места на Крестовскую (современную им. Гумара Караша) улицу и третий раз в начале XIX в. – на Туркестанскую (ныне им. Жубана Молдагалиева) площадь и за той площадью шел от Урала к Чагану⁸⁴.

Рвы, валы и сторожевые башни последней укрепленной линии существовали до 80-х гг. XIX в., когда в месте их расположения на Туркестанской площади городские власти Уральска стали устраивать новый базар. Эта линия «состояла из вала с двумя воротами, над которыми имелись кирпичные башни с узкими витыми лестницами внутри. Кроме башен над валом возвышалась кирпичная цилиндрическая сторожевая будка. Одна из башен, называемая местным населением «Большой въезд», располагалась на Туркестанской площади, где позже были соо-

ружены Красные ворота. ... Другая башня или, «Малый въезд», находилась у бывшей Казанской церкви, близ ... сенного базара»⁸⁵. В крепости жили исключительно казаки, т.е. военно-служилые люди, которые в случае тревоги были обязаны срочно являться на укрепленную линию для отражения внезапной атаки неприятеля.

Наиболее древним местом их расселения в черте современного Уральска является район «курней», расположенный к югу от Старого Михайло-Архангельского собора в историческом центре города. В далеком и относительно недавнем прошлом этот район нередко назывался «Кремлем». Именно здесь в XVII – середине XVIII вв. казачье население постоянно созывало войсковой круг⁸⁶, где избирало своих атаманов и решало насущный вопрос о том, в какой день и куда в очередной раз надлежит отправиться в поход «за зипунами». Недалеко от собора находилось помещение главной канцелярии казачьего войска – Войсковая изба – и ряд подсобных помещений.

В отличие от служилых казаков люди «невойскового звания» - купцы, ремесленники, наемные работники и иногородние гости обычно проживали в Татарской слободке или на окраинах города. Согласно первому письменному описанию Яицкого городка 1748 г., составленному его непосредственным очевидцем оренбургским историком П.П.Рычковым, в то время в поселении местных казаков было «дворов около трех тысяч, построены больше по старому реки Яика течению, что у них называется «Старицей», со внутренней стороны, да по реке Чагану, ... а отчасти и по Яику, но все на внутренней стороне. Церквей тогда было четыре, а пятая соборная каменная во имя архистратига Михаила строилась, коя ныне уже и отстроена. Улицы в нем по большей части тесные и некоторые так узки, что двум телегам разъехаться почти невозможно»⁸⁷.

Яицкий городок состоял в XVII-XVIII вв. из небольших деревянных домов, которые тесно примыкали друг к другу и были разделены по обеим сторонам улиц крайне узкими для движения конных повозок проходами, вследствие чего он часто подвергался пожарам. Во время одного из них полностью сгорела первая православная казачья церковь – деревянный Михайло-Архангельский собор, построенный, судя по отдельным данным, еще в конце XVII в.⁸⁸ Крупные пожары в городе происходили также в 1739, 1751, 1807 и 1821 гг.

С середины XVIII до начала XX в. главной архитектурной достопримечательностью Яицкого городка-Уральска являлся каменный Михайло-Архангельский собор, который был возведен в 1740-х гг., по преданию,

самими яицкими казаками на общевойсковые средства. В 1751 г. он был освящен протопопом Максимом Павловым с благословения Луки, епископа Казанского и Свияжского⁸⁹. По своим архитектурным особенностям Михайло-Архангельский собор представляет собой каменное строение, выполненное в стиле древнерусского псковско-новгородского зодчества, и имеет сходство с Московским Успенским собором⁹⁰. Имя зодчего осталось неизвестным. В настоящее время этот православный храм сохраняет значение одного из лучших в художественно-эстетическом отношении историко-архитектурных памятников на территории Казахстана.

Во второй половине XVIII в. внешний облик Яицкого городка-Уральска существенно не изменился. Согласно описаниям известных российских путешественников-академиков П.С.Палласа и И.П.Фалька, побывавших в нем в 1768 и 1770 гг., уже тогда это был довольно «многолюдный» город, в котором проживало кроме яицких казаков «великое число иностранных там находящихся купцов» с их приказчиками и работниками⁹¹. Большинство городских улиц оставались по-прежнему узкими и тесными. Но центральная улица Яицка, простиравшаяся от «Оренбургской стороны» до р. Чаган (ныне – проспект Достык-Дружба), хотя и имела неправильную, искривленную, форму, была широкой и более благоустроенной по сравнению с остальными. На этой улице находились самые красивые и богато украшенные в городе жилые дома, Михайло-Архангельский собор и городской рынок, где продавались «всякие съестные припасы и мелочные вещи». Вблизи каменного собора размещалось «множество лавок под домами, в коих иностранные купцы продают много хороших товаров». К главной улице вплотную примыкала Татарская слобода, в которой жили тюркоязычные казаки-мусульмане, торговцы, ремесленники и иногородние гости. Здесь же располагалась «деревянная выбеленная мечеть». Во время пребывания П.С.Палласа в Яицком городке (1768 г.) там проживало 15 тыс. человек, среди которых было «много некрещеных татар, калмыков и так называемых казильбашев, которые произошли от трухменцев и персиян».

По наблюдениям И.П.Фалька, в городе имелось 3000 «небольших и худых домов, 1 каменная и 2 деревянные церкви. Подле города расположился калмыцкий стан, состоящий почти из 100 юрт». В черте самого Уральска проживало «4000 казаков, состоящих в службе; все же прочие казаки крепостей и редутов, начиная от устья до Илецкой [крепости], отделены от уральских казаков и не имеют привилегий главного корпуса»⁹².

Основным хозяйственным занятием яицких казаков оставалось рыболовство. Часть рыбы и полученных из нее продуктов потреблялась внутри города, но большинство улова отправлялось в Россию на рынки средневожских городов. Наряду с рыбной ловлей казаки занимались скотоводством, причем многие из них держали в своем хозяйстве до 10 породистых лошадей, столько же голов рогатого скота и более 20 овец. У зажиточной части местного казачества имелись табуны численностью от 100-200 до 500 лошадей, которые они выпасали на своих частных хуторах, расположенных в бассейнах мелких степных речек⁹³. Земледелие у местных жителей не получило большого распространения, как вследствие неблагоприятных природных условий окружающей местности, так и некоторых других факторов локального значения, поэтому хлеб и многие другие земледельческие продукты казаки, как правило, получали от российских купцов из Сызрани, Самары и Саратова.

Довольно интенсивно в это время развивалась внешняя торговля Яицка «с бухарцами, кашгарцами, с ташкенцами и хивинцами». Сюда нередко приезжали купцы из России, Ирана, Индии и других отдаленных стран. Они приобретали у яицких казаков рыбу и привозили в город золото и серебро в индийских, иранских и среднеазиатских монетах, хлопчатобумажные и полотняные ткани, бухарские каракулевые шкурки, камень ляпис-лазурит. Главными товарами жителей Яицкого городка на внутренних рынках России были рыба, клей и продукты рыболовства⁹⁴.

В целом же по уровню социально-экономического развития Яицк-Уральск до конца XVIII в. был небольшим провинциальным городком и имел преимущественно аграрный облик.

3.2. Кочевники и казаки

Со времени возникновения первого стационарного поселения казаков в низовьях Яика до официального вступления казахов Младшего и части Среднего жузов в российское подданство Яицкий городок в течение более 100 лет был единственным укреплением, расположенным непосредственно на границе с казахскими кочевьями. Выше городка по течению Яика на территории современной Оренбургской области и в Волго-Яицком междуречье от Каспийского побережья до р. Эмбы размещались аулы казахских родов байулы и жетыру Младшего жуза. В среднем течении Яика по правобережью казахи граничили с башкирскими родами Ногайской дороги (даруги), а в верховьях Эмбы – с каракалпаками,

кочевавшими в приэмбинских степях в летнее время. Продолжительное близкое соседство яицких казаков с кочевниками-казахами послужило естественной предпосылкой для становления и развития долговременных контактов между ними. В силу различных обстоятельств эти взаимоотношения с самого начала складывались далеко не безоблачно для обоих народов.

До установления протектората России над казахскими жузами основными факторами, разделявшими яицких казаков и казахов между собой и противопоставлявшими их друг другу, являлись столкновения интересов обеих сторон по поводу установления единоличного контроля над транзитными торговыми путями из Азии в Европу на территории Прикаспийской низменности и Волго-Уральского региона, пополнения своих материальных и людских ресурсов за счет военного грабежа и захвата пленных у ближайших соседей, обладания плодородными пастбищными угодьями по берегам Яика и Эмбы, на которые претендовали как яицкие казаки, так и кочевники-казахи.

В начальный период освоения низовьев Яика горсткой лихих «гулящих удалцов», когда захват военной добычи у ближайших соседей был главным, а то и единственным, источником жизнеобеспечения для воинственных малообустроенных новоселов, чаще всего именно яицкие казаки являлись инициаторами своеобразной пограничной «барымты» с казахами Младшего жуза, совершая грабительские набеги в степь и захватывая у казахов скот, людей и табуны лошадей, которых они угоняли в свои жилища на Яике. Казахи же совершали ответные нападения на «зимовья» казаков, а позднее – Яицкий городок и казачьи продовольственные обозы, следовавшие из Поволжья на Яик. В результате частых военных столкновений между казаками и яицкими казаками долгое время в общественных настроениях как тех, так и других, преобладали чувства соперничества и враждебности по отношению друг к другу. Этот период казахско-казачьих отношений получил образное отражение во многих исторических преданиях и легендах уральских казаков, записанных собирателями казачьего фольклора еще в первой половине XIX в. Так, герой одного из них некий полумифический казак Харко будто бы даже поселился подобно былинному Соловью-разбойнику на большом ветвистом дереве в рукотворном «гнезде», откуда зорко высматривал будущую добычу, а затем внезапно набрасывался на расположившиеся поблизости от него казахские аулы и захватывал у оторопевших кочевников конские табуны и людей. По преданию, якобы в память изобретательных

«подвигов» этого местного «соловья-разбойника» казаки назвали один из первых своих форпостов по Нижнеяицкой линии «Харкиным»⁹⁵.

Но в начале XVIII в. расстановка сил среди основных претендентов на приицкие степи – волжских калмыков, башкир, казахов и яицких казаков существенно изменилась: с этого времени до середины 1720-х гг. наступательная инициатива в вытеснении давних соперников с оспариваемых территорий перешла от последних к казахам Младшего жуза, которые стали выступать в данной конкурентной борьбе чаще всего в качестве нападающей силы. Основной причиной отмеченной перемены послужил захват Джунгарией чрезвычайно важных для казахов зимних кочевий, караванных путей и торгово-ремесленных центров в южной части Казахстана, что резко ухудшило материальное положение кочевников трех жузов и побудило их искать путь из сложившейся тяжелой социально-экономической обстановки на севере и северо-востоке региона. В этой связи 10 января 1720 г. посланники яицких казаков к русскому царю Ф.Михайлов, Т.Филиппов и М.Андреев, говоря в Коллегии иностранных дел о своих взаимоотношениях с казаками Младшего жуза, особо констатировали, что «с 701 г. приходят под их казачий городок ... каракалпаки и киргис-кайсаки большим собранием, и отгоняют у них табуны и их в полон берут и бьют насмерть, и за малолюдством их живут они всегда в великом опасении»⁹⁶.

С 1702 по 1715 гг. отряды казахских джигитов, подвластных хану Младшего жуза Абулхаиру (1710-1748), неоднократно нападали на крупные казачьи обозы с хлебом и рыбой, направлявшиеся из Поволжья в Яицкий городок. Во время этих нападений происходили кровавые стычки, захват людей и угон лошадей⁹⁷.

В 1718 г. соединения казахских батыров Младшего жуза подошли вплотную к Яицкому городку, отрезали его от Самары и более месяца держали в осаде⁹⁸. В июле 1719 г. двадцатитысячное войско казахов во главе с самим Абулхаиром еще раз осадило Яицкий городок, который хан пытался взять силой. Но это ему не удалось, в результате чего полтора месяца спустя Абулхаир прекратил осаду города и отправился в набег на волжских калмыков. На обратном пути из калмыцких кочевий хан с двухтысячным отрядом своих джигитов, «подъехав во Яицкий городок», отогнал у проживавших там казаков конские табуны, «да в полон взяли яицких казаков четырех человек»⁹⁹.

Осенью 1720 г. хан Абулхаир во главе отряда казахов в количестве 500 человек совершил вторжение в Николаевский уезд Казанской губернии

до русского села Черемшан, где захватил в плен «мужеска и женска полу многое число людей», а затем на обратном пути из Поволжья в степь решил вновь попытать счастья в атаке на Яицкий городок. Но на этот раз казаки были вовремя оповещены одним из своих людей, татаринном Котлубаем, о скором появлении Абулхаира вблизи городка и постарались предупредить его неминуемую осаду. Созвав войсковой круг, казаки постановили отправить навстречу казахам боевой отряд во главе с походным атаманом Никитой Бородиным, незадолго перед тем чудом спасшимся в Хиве после злополучного похода князя А.Берковича-Черкасского по Сырдарье и возвратившимся на Яик. 6 сентября 1720 г. казачий отряд Н.Т.Бородина в количестве 900 человек встретился с военной дружиной хана Абулхаира в степи между реками Кинелчиком и Самарой, где ранним утром следующего дня начался «огненный бой» между ними. По показаниям участников этого сражения станичного атамана Федора Михайлова и есаула Алексея Абакумова в Коллегии иностранных дел 6 декабря того же года, противники «бились с первого часу до полуночи конным боем; а с полудня, усмотря они, казаки, что их много ранят, спешась с лошадей, пошли на них пехотою и их, киргисцов, на месте побиили с триста человек, да и в полон взяли было живьем с пятьдесят человек, и тех всех покололи, и достальные киргисцы от них побежали, за которыми они гнались до вечера, и в погоне их побито немалое число»¹⁰⁰. В числе захваченных яицкими казаками пленных оказались двое казахов поколения алимулы Младшего жуза Акмурза Койлубаев и Наурызбай-Тебей, которые были доставлены в Москву и подтвердили в Коллегии иностранных дел сведения вышеупомянутых казаков о недавнем сражении жителей казачьего городка с батырами хана Абулхаира¹⁰¹.

Отношения между казаками и яицкими казаками еще более сильно ухудшились в период 1723-1726-х гг., когда в результате «Актабан шубурынды» («Великого бедствия») многочисленные толпы казахских беженцев, ожесточенно преследуемые войсками джунгаров, беспорядочно хлынули из района Семиречья и бассейна Сырдарьи на север и северо-запад региона и вступили в ожесточенные сражения с башкирами, волжскими калмыками, сибирскими и яицкими казаками за право кочевания в плодородных степях левобережной стороны Яика, а также по рр. Ори и Тоболу¹⁰². Характеризуя состояние взаимоотношений казахов и казачьего населения городка в середине 20-х гг. XVIII в. оберсекретарь Сената, будущий основатель и первый начальник Оренбургской экспедиции И.К.Кирилов писал в 1725 г.: «Яицкой их казачей город

стоит на реке Яике в степи, и непрестанные у них с каракалпацким и кирхис-казацким степным народом, кои кочевьями живут в Бухарской и Хивинской степях, бывают друг на друга нападении: иногда те казаки у них людей побивают и в полон берут, и лошадей и скот отгоняют, а иногда и сами в том страждут»¹⁰³. Эти слова в целом верно отражают общую ситуацию в казахско-казацких отношениях того периода. К концу 1720-х гг. многолетняя конфронтация обоих конкурентов из-за спорных пастбищных мест по Яику настолько обострилась, что приобрела значение для хана Абулхаира и правителей Среднего жуза одного из основных побудительных мотивов к вступлению казахского населения региона под протекторат соседней России.

После принятия в 1731-1732 гг. казахами Младшего и Среднего жузов российского подданства и основания в 1734 г. в устье Ори при впадении ее в Яик-Урал Оренбургской экспедиции царское правительство, заинтересованное в повышении собственного престижа у новых подданных, постаралось разрешить ряд наиболее острых проблем во взаимоотношениях яицких казаков и казахского населения региона. В специальной инструкции И.К.Кирилову, принятой Правительствующим Сенатом и Коллегией иностранных дел 18 мая 1734 г., разделительной пограничной чертой между кочевьями волжских калмыков, яицких казаков и башкир, с одной стороны, и кочевьями Младшего и Среднего жузов, – с другой, была определена река Яик почти на всем ее протяжении. В беспрепятственное пользование казахам-кочевникам передавалась вся степная левобережная сторона Яика и водный бассейн самой реки в ее среднем и верхнем течении¹⁰⁴. Кроме того, казахским родам Младшего и Среднего жузов предоставлялось право перегонять свой скот в зимнее время на правую сторону Яика ниже Яицкого городка в пески Нарынкуль, район между реками Большие и Малые Узени, долину течения Сакмары и местность Шушун-Кабыршакты¹⁰⁵. В инструкции указывалось: «Ежели Абулхаир-хан или другие киргиз-кайсацкие ханы пожелают кочевать близ того города [т.е. Оренбурга – И.Е.], то им назначить довольные места, дабы от тех орд своевольных на другую сторону Яика переходов не было¹⁰⁶. В дополнение к ней 13 августа 1734 г. Правительствующий Сенат принял указ о посылке в станицы яицких казаков грамоты о прекращении набегов последних на аулы казахов и каракалпаков, чтобы они «поездок и отгону скота и лошадей и прочаго грабежа и обид каракалпакам и киргиз-кайсакам отнюдь не чинили»¹⁰⁷.

В 1737 г. новый начальник Оренбургской экспедиции В.Н.Татищев

представил в столицу России свои соображения о необходимости разграничения охотничьих угодий между казаками и яицкими казаками, являвшимися постоянным яблоком раздора в их взаимоотношениях друг с другом. Согласно специальному указу Коллегии иностранных дел от 15 февраля 1738 г., представление В.Н.Татищева получило законодательную силу, и отныне, на основании этого документа, на правобережной стороне Яика были определены ряд урочищ, по которым либо только казахи, либо – яицкие казаки могли заниматься охотничьим промыслом, «дабы впредь между казаками и киргизами никаких задоров не было»¹⁰⁸.

В основу данных законодательных актов царского правительства легли персональные устные соглашения между ханом Абулхаиром и российским посланником А.И.Тевкелевым, достигнутые в ходе тесного взаимного общения этих лиц в казахской степи в 1732 г., и официального визита второго сына хана султана Ералы (1720-1794) к русской императрице в Петербург в 1733-1734 гг. В представлении широкого круга видных сподвижников правителя Младшего жуза и их многочисленных потомков, живших во второй половине XVIII – середине XIX вв., основные нормативно-правовые акты правительства Анны Иоанновны, юридические закрепившие незыблемые права казахов на занятые ими в 20-х гг. XVIII в. степные районы на левобережной стороне Яика, выступали как законодательная инициатива персонально хана Абулхаира и его ближайшего окружения. Именно к Абулхаиру и его двустороннему договору с А.И.Тевкелевым многократно апеллировали 90-100 лет спустя наиболее авторитетные старшины Младшего жуза в своей отчаянной полемике с оренбургской администрацией по земельному вопросу, пытаясь обосновать незаконность силовых посягательств атаманской верхушки уральского казачества на их пастбищные территории по обоим берегам Урала¹⁰⁹.

К началу 1740-х гг. казахи Младшего жуза прочно и окончательно утвердились на степном берегу великой реки напротив Яицкого городка, а также ниже и выше его по течению Яика. После 1734 г. набеги яицких казаков в казахскую степь хотя полностью и не прекратились, но интенсивность их резко сократилась, а сами конфликты казачьих удальцов с казаками приобрели в основном характер мелких стычек между ними и чаще всего сводились к угону у кочевников небольшой части отбившегося от стада скота. Это позволило многим родам Младшего жуза за короткое время существенно поправить свое скотоводческое хозяйство и

отчасти восполнить те ощутимые материально-имущественные потери, которые они понесли в ходе недавней ожесточенной войны с Джунгарией. В 1746 г. старший хан казахов Абулхаир (с 1719 по 1748 гг.) писал по этому поводу в Коллегию иностранных дел: «Прежде сего по Яику крепостей не было, и улусы не кочевали, також обхождения и торгу с киргиз-кайсацами не было, а ныне, слава богу, все крепости построили, и с киргизцами торг основан ... Великорослые травы и немутные воды по сю сторону реки Яик нам пожалованы, чем я не только однократно, но и тысящами крат доволен»¹¹⁰.

Впоследствии исторический факт успешного публично-правового разрешения проблемы северо-западных территорий в пользу казахского народа многие старшины, бии и батыры трех жузов и их прямые потомки в нескольких поколениях считали одной из главных заслуг политической деятельности Абулхаира. В частности, знаменитый бий Среднего жуза Казыбек Кельдибекулы, именем которого недавно названа одна из центральных улиц в южной столице Казахстана Алматы, в 1748 г. назвал Абулхаира самым «знатным» ханом казахов, аргументируя свое убеждение тем, что он «всей орде кочевать место распространял»¹¹¹. Другой влиятельный представитель казахской элиты «черной кости» первой половины XVIII в. бий поколения алимулы Тлеуберген в том же году так говорил старшему сыну и преемнику Абулхаира хану Нуралы (1748-1786) о вышеотмеченных заслугах его отца: «На сих-де наших кочевьях прежде нас кочевали ногайцы, которые были наши прадеды, токмо от своего непослушания и несогласия получили себе разорение и гибель, и кочевья их остались все пусты. ... И мы имели свое кочевье около Туркестана, откуда уже умерший наш Абулхаир-хан с нами сюда прикочевал, и для лутчаго нашего спасения он достаточным своим разумом удостоил нас быть в подданстве Е.и.в., где и в последнее нападение на нас от зюногорских калмык ... мы живот свой около Орь-реки и по Яику спасли»¹¹².

Однако в середине XVIII в. царское правительство, опасаясь, что зимнее кочевание казахов на правой, «внутренней», стороне Яика приведет к дальнейшему росту «продерзостей и непристойностей» в их отношениях с волжскими калмыками и яицкими казаками, издало ряд законодательных актов, имевших дискриминационное значение для казахского населения. Определяющим среди них стал «именной высочайший указ» оренбургскому губернатору И.И.Неплюеву от 4 сентября 1756 г. о запрещении казахам с этого года «переходить со скотом в зимнее время на здешнюю (правую) сторону Яика»¹¹³. Тем не менее, до 1758 г. казахи про-

должали перегонять свой скот зимой за Яик, несмотря на то, что верхушка яицкого казачества неоднократно пыталась использовать официально установленный запрет на такую перекочевку с целью захвата скота у нарушивших его казахских хозяев из поколений байулы и жетыру Младшего жуза. Лишь с назначением в 1759 г. в г. Оренбург губернатором края тайного советника А.Р. Давыдова переход казахов на правобережье Яика был полностью закрыт комендантами прилинейных крепостей и форпостов. Поскольку же земли на правом берегу Яика были чрезвычайно необходимы кочевникам для выпаса своих стад, то, понятно, запрещение переходить за реку в зимний период года явилось источником бесчисленного количества больших и малых конфликтов казахов с царскими колониальными чиновниками в 60-х – начале 70-х гг. XVIII в. Более того, оно послужило основной причиной роста широкого социального недовольства среди казахов земельной политикой царских властей и последующего участия их в движении Е.И. Пугачева. В ходе него многие казахские роды Младшего жуза во главе с ханом Нуралы зимой 1774-1775 гг. самовольно перешли с огромным количеством скота на правобережную сторону Яика. В сложившейся ситуации центральное правительство было вынуждено признать ошибочность своих прежних распоряжений по земельно-территориальному вопросу и императорским указом от 7 ноября 1775 г. законодательно отменило вышеуказанный запрет¹¹⁴.

Наряду с ущемлением экономических интересов и прав казахского населения Младшего жуза российские власти в течение 1760 – начала 1770-х гг. целенаправленно проводили политику по окончательной ликвидации основ общинного самоуправления яицкого казачества. Предпринятая ими тактика действий по отношению к казакам выразилась в эти годы в основном в таких мероприятиях, как: издание императорского указа от 15 мая 1766 г. о введении в Яицком войске вместо традиционного найма поочередного призыва казаков на службу и предписание о посылке 500 человек на службу в Кизляр, который влиятельные старшины использовали для назначения в это место самых социально активных и свободолюбивых людей; подавление в мае 1772 г. восстания рядовых казаков против зажиточной войсковой верхушки, допускавшей различные злоупотребления по отношению к ним; а затем ликвидация на основе правительственного рескрипта от 4 июня 1772 г. войскового собрания («круга») и канцелярии и учреждение должности военного коменданта, которому передавалась вся власть над Яицким войском, и комендантской канцелярии¹¹⁵. Тем самым, освободительное движение казачества

было подавлено, соборный колокол – символ казачьей вольницы – снят, все организационные структуры и внешние атрибуты ее независимости ликвидированы. Под грохотом артиллерийской канонады регулярных полков яицкие казаки на время притихли, но не покорились.

С лета 1773 г. по станицам и хуторам пошла гулять молва о появлении в приицких степях чудесно спасшегося от помещичьей расправы «народного заступника» царя Петра III – т.е. Е.И.Пугачева. Осенью того же года к нему стали быстро стекаться из разных мест яицкие казаки. Благодаря этому, 16 октября 1773 г. в 100 верстах от Яицкого городка на хуторе казака Михаила Прокофьевича Толкачева (1729-1779) самозванец сформировал небольшой отряд и через день привел его к присяге «государю Петру III». Ближайшими сподвижниками Е.И.Пугачева в этом деле выступили яицкие казаки Иван Никифорович Зарубин-Чика (1736-1775), Иван Яковлевич Почиталин (1754-не ранее 1797), Андрей Афанасьевич Овчинников (1739-1774) и некоторые другие.

19 сентября 1773 г. повстанческий отряд подступил к Яицкому городку. Историк А.И.Левшин так описывает его последующие действия в этом крае: «В две недели самозванец собрал несколько сот соумышленников и хотел взять Яицкий городок, но отраженный гарнизоном, направил путь вверх по Яику к Илецкой станице, овладел ею, присоединил к себе большую часть жителей с оной, и усилившись беспрестанно выходившими к нему из Уральска казаками, отправился к Оренбургу. В несколько дней разгромил он крепости Рассыпную, Озерную, Татищеву и Чернореченскую, перевешал почти всех офицеров и комендантов, усилился еще больше изменниками солдатами и в первых числах обложил Оренбург»¹¹⁶.

Во время осады Оренбурга Е.И.Пугачев направил своих посланцев в кочевья Младшего жуза с собственными воззваниями («манифестами») от имени Петра III, написанными на среднеазиатском (чагатайском) тюрки. В них он призывал казахов признать его своим государем, жаловал их «землею, водами и травами», обещал вольную жизнь¹¹⁷. Обращения самозваного царя довольно широко распространились по Казахской степи и произвели желаемое впечатление на кочевников Младшего и Среднего жузов.

После взятия пугачевцами яицких крепостей казахи стали активно нападать на пограничные крепости и отряды царских войск, а некоторые из них даже попытались установить непосредственные контакты с Пугачевым. Так, хан Младшего жуза Нуралы зимой 1773 г. направил от

себя письмо лично Е.И.Пугачеву, где на словах именовал последнего «его императорским величеством» государем Петром III¹¹⁸ и заверял в своих верноподданнических настроениях, но после строгих одергивающих предупреждений оренбургской администрации занял выжидательную позицию и регулярно посылал донесения местным царским властям и самой императрице Екатерине II о ходе движения отрядов повстанцев. В то же время его двоюродный брат султан Досали, кочевавший вместе с подвластными ему людьми в районе рек Хобды и Илека, послал к Е.И.Пугачеву отряд казахов численностью до 200 человек и своего сына султана Сайдалы в качестве аманата¹¹⁹.

В конце 1773 г. предводитель повстанцев отправил из-под Оренбурга отряд своих людей для взятия Яицкого городка под начальством казака М.П.Толкачева. 30 декабря 1773 г. он был радостно встречен жителями городка и сразу же начал осаду внутренней крепости, опоясывавшей Михайло-Архангельский собор, войсковую канцелярию и некоторые другие здания, где засел с правительственными войсками комендант Яицка полковник И.Д.Симонов. Вскоре в Яицкий городок вошел другой отряд под командованием местного казака А.А.Овчинникова, состоявший из 50 казаков с четырьмя пушками и одним единорогом¹²⁰.

В первой половине января 1774 г. в Яицкий городок прибыл сам Е.И.Пугачев, чтобы возглавить осаду хорошо укрепленной в начале того же года внутренней части города, называемой «Кремлем». Здесь он 1 февраля 1774 г. женился по настоянию ближайших сподвижников на местной казачке 17-летней Устинье Петровне Кузнецовой в целях расширения круга своих сторонников среди местного казачества. Однако брак высокопрестольного «государя» на «беспородной» казачке был воспринят неоднозначно в казачьей среде и породил серьезные сомнения у части яицких казаков в том, что их предводитель является подлинным императором Петром III¹²¹.

20 января 1774 г. казаки завершили работу над подкопом под крепостной вал «Кремля» и по приказу Е.И.Пугачева произвели взрыв крепости, но он оказался неудачным, т.к. причинил укреплениям только незначительный ущерб. Пугачев отдал распоряжение о новом подкопе. Однако и второй взрыв, произведенный месяц спустя, не привел к ожидаемому результату. Намеченный третий взрыв вовсе не состоялся, в связи с переходом царских войск в начале марта 1774 г. в решительное наступление на повстанцев.

Отряд под командованием генерал-майора П.Д.Мансурова вынудил

пугачевцев отступить от Яицкого городка. С приходом в волго-яицкие степи крупных воинских подразделений из столицы страны участь повстанцев была окончательно решена. 10 апреля 1774 г. войска князя П.М.Голицына нанесли в районе Сакмары сокрушительный удар по главным силам Е.И.Пугачева, а сам он бежал оттуда в нижнеяицкую степь. Некоторые зажиточные яицкие казаки – И.А.Творогов, Ф.Ф.Чумаков, И.П.Федулов и другие, опасаясь расправы со стороны царских войск, выдали самозванного монарха властям. В конце 1774 г. Е.И.Пугачев был доставлен в Москву и там 10 января 1775 г. предан смертной казни¹²².

После завершения судебных допросов наиболее активных участников движения Е.И.Пугачева, казней одних яицких казаков и отправки в долговременную ссылку в Сибирь – других, царское правительство приняло жесткие законодательные и административные меры по искоренению не только остатков последней казачьей вольницы внутри самодержавной Российской империи, но даже и самих воспоминаний о ней у местного населения Оренбургского края. Указом Екатерины II от 15 января 1775 г. Яицкий городок был переименован в Уральск, Яицкое войско в – «Уральское», а прославленная в казачьих песнях былая вольная река Яик-Горыныч – в реку «Урал». Отныне по этому указу назначение войскового атамана предоставлялось исключительно воле царя. Самоуправление казачества полностью отменялось, у казаков была отобрана артиллерия, в г. Уральске водворен на постоянной основе военный гарнизон¹²³.

Тем временем, большое количество родов Младшего жуза во главе с Нуралы-ханом зимой 1774/75 гг. перешли на правый берег Яика для кочевания и заняли те земельные угодья, на которые местные колониальные власти края наложили в 1758 г. официальный запрет. В результате этой перекочевки было положено начало постепенному разрешению проблемы западных приуральских территорий для казахского населения Младшего жуза.

В последней четверти XVIII – начале XIX вв. взаимоотношения казахов Младшего жуза с жителями Уральска стали более интенсивными и разнообразными, чем в предшествующие эпохи. Это проявилось в установлении относительно регулярных, хотя и во многом и неоднозначных, контактов правящей элиты кочевников со старшинской верхушкой и атаманами Уральского казачьего войска, постепенном вовлечении последней в социально-экономическую и внутривосточную жизнь кочевого населения приуральских степей, развитии меновой торговли казахов с населением города и межличностных контактов многих представителей

обоих народов.

С начала 1780-х гг. на территории Западного Казахстана заметно усилились кризисные явления в жизни местного казахского населения. Казахи Младшего жуза с каждым годом стали все более остро ощущать дефицит необходимых пастбищных угодий для своих стад, вследствие чего происходил быстрый рост количества неимущих хозяйств, и уже в конце XVIII – начале XIX вв. многие казахские семьи дошли до такого обнищания, что были вынуждены даже продавать своих детей в Хиву и на линиях российским чиновникам и уральским казакам¹²⁴. Наряду со значительным ухудшением материального благосостояния рядовых кочевников, Степь в этот период раздиралась бесконечными междоусобными распрями разных группировок казахской знати «белой кости» за ханский престол.

Слабохарактерный, малоодаренный талантами и неавторитетный в султанской среде правитель Младшего жуза хан Нуралы (1748-1787) не имел большого влияния на подвластных ему кочевников, но, обладая самыми крупными среди местной элиты стадами скота и обширным семейством, насчитывавшим к концу его жизни около 150 человек, постоянно стремился к усилению своей власти в степи и личному обогащению за счет различных поборов с рядовых общинников-скотоводов. После подавления царскими властями движения Е.И.Пугачева он начал осуществлять эти притязания уже не только и даже не столько традиционными методами и средствами, а большей частью при опоре на силовые ресурсы Уральского казачьего войска и оренбургской администрации. Войсковые начальники уральских казаков, естественно, стремились использовать заинтересованность казахского хана и его близких родственников во внешней поддержке в собственных экономических интересах и целях, которые сводились тогда главным образом к расширению земельных владений Уральского войска по обоим берегам Урала и расширению там частных казачьих хуторов. Наиболее крупными земельными захватами войска в бассейне Урала в первой четверти XIX в. явились установление на правом берегу реки 15-верстной прибрежной полосы у линии, закрытой для кочевания казахских родов, и создание Новоузенской и Камыш-Самарской укрепленных линий, отрезавших у Внутренней орды и казахов Младшего жуза часть земельных угодий. В ходе возведения в 1811 г. Новоилецкой дистанции последней, протянувшейся вдоль р. Илек от Илецкой защиты до р. Самары и состоявшей из 29 укреплений, у казахского населения региона было изъято около 700

тыс. десятин пастбищных земель, представлявших собой одно из лучших кочевых мест многих родов Младшего жуза. Кроме того, одним из основных результатов совпадения эгоцентристских экономических интересов части представителей казахской и казачьей элит стали грабежи верхушкой уральского казачества казахских аулов, усиление взаимных конфликтов и враждебных настроений у казахов и уральских казаков по отношению друг к другу.

Главными организаторами этих грабительских нападений в 1780-1790-х гг. были войсковые атаманы И.Акутин, Д.Д.Донсков и старшины Д.Мизинов, А.Бородин и некоторые другие, составившие в результате захватов пленников и скота у казахов целые состояния. Во многих случаях их непосредственными инициаторами или даже заказчиками выступали Нуралы-хан, его родные братья султаны Ералы (1720-1794) и Айчувак (1722-1810), а позднее и отдельные сыновья последнего, т.к. по предварительному согласованию с казачьими атаманами хан получал часть захваченной при набеге добычи, а также некоторое количество скота в виде взяток с казахов за свое посредничество в деле освобождения их родственников из плена. В таких ситуациях хан, в свою очередь, делился добычей с казачьими атаманами¹²⁵. По этому поводу оренбургский военный губернатор барон О.А.Игельстром 31 октября 1785 г. доносил Екатерине II со слов казахских старшин Младшего жуза, что Нуралы-хан «нимало не попечается о благе народном, но еще к удовольствию своего корыстолюбия разные оному притеснения чинит», требуя от старшин при перекочевке их родов со скотом в зимнее время на правую сторону Урала собирать «с каждого коша при всяком перегоне по 1 лошаде и по 1 барану. ... Ежели же некоторые сему сбору оказались ослушными и перегоняли скот, не дав объявленной дани, тогда хан, злобствуя на таковых, извещал здешних пограничных начальников и Уральское войско ложно, что киргизцы, перешедшие на внутреннюю сторону, суть воры и имеют намерение к набегам; по каковым его несправедливым доносам оным захват чинился, а потом он же, хан, брав с родственников тех, кои захвачены, по немалому числу лошадей, из под задержания их выпрашивал»¹²⁶. К аналогичным способам обогащения и усиления собственного влияния среди кочевников Младшего жуза позднее прибегали и преемники хана Нуралы – Айчувак-хан (1797-1805), Жанторе-хан (1806-1809), Ширгазы-хан (1812-1824) и др. Наряду со сложившейся практикой извлечения личной экономической выгоды от разорительных вторжений казачьих отрядов в прилинейные степи, ханы и многие султаны Младшего жуза, а позд-

нее и Внутренней орды, стали часто обращаться к войсковой верхушке г. Уральска с просьбами об ее непосредственном содействии в третейском разбирательстве их взаимных претензий и политических конфликтов друг с другом, либо же о задержании на линии во время зимних перекочек противодействовавших им султанов и старшин, чтобы таким способом существенно ослабить своих непримиримых соперников в борьбе за пастбища и ханскую власть.

Но одновременно с нарастанием этих негативных тенденций в двухсторонних отношениях между кочевниками-казахами и уральскими казаками интенсивно развивались торговые связи, как вдоль Нижнеуральской линии, так и в пригородах г. Уральска. Здесь казахи постоянно сбывали скот и продукты своего скотоводческого хозяйства и выменивали его на рыбу и ремесленные изделия уральцев, а также товары бытового назначения приезжих российских купцов. Помимо торговли с начала XIX в. между влиятельными лицами Казахской степи и некоторыми авторитетными атаманами Уральского казачьего войска стали устанавливаться доброжелательные личные и деловые отношения.

Важным фактором развития разнообразных контактов казахов-степняков с жителями Уральска послужило переселение в 1801 г. на правобережную сторону Урала с разрешения императора Александра I султана Букея (1748/49-1815) вместе с подвластными ему кочевыми аулами и родами Младшего жуза для постоянного кочевания, положившее начало долговременному существованию нового потестарно-политического образования казахов – Внутренней, или Букеевской, орды. С этого времени казахские кочевья примыкали к «столице» уральских казаков уже не только на востоке, но и на юге и западе приуральского региона, а сами казахи стали часто появляться в Уральске.

В течение первой половины XIX в. Уральск постоянно посещали многие представители правящей элиты Внутренней орды, которые вели там двухсторонние переговоры с войсковыми атаманами и старшинами по поводу пастбищ и земельных конфликтов подвластных им родов с уральскими казаками, улаживали свои междоусобные споры с политическими соперниками из сопредельных районов Степи, посещали городскую мечеть, сбывали скотоводческие продукты местным торговцам и иногородним купцам и т.д.

Большое значение этот город приобрел и во внутривосточной жизни Букеевского ханства: в прилегающей к нему живописной роще, позднее получившей название у местного населения «Ханской рощи»

(ныне роща им. А.М.Горького), происходили многолюдные курултаи казахской знати, где обсуждались наиболее важные и злободневные вопросы общественной жизни кочевого населения западного региона Степи и избирались ханы Внутренней орды.

Видную роль в сближении правящей казахской элиты Внутренней орды и Зауральской части Младшего жуза с казачьим населением Уральска в первой четверти XIX в. сыграл войсковой атаман Уральского казачьего войска генерал-майор Давыд Мартемьянович Бородин (1760-1830), представлявший собой во многом неординарную историческую личность. Он был последним наказным атаманом в войске из природных уральских казаков, дважды пребывал в этой должности – в 1798-1823 и 1827-1830-х гг. и умер в г. Уральске во время эпидемии холеры. В Уральском областном музее до сих пор хранится его портрет работы известного русского живописца В.А.Тропинина¹²⁷.

Среди султанов, биев, батыров и старшин кочевого населения Западного Казахстана Д.М.Бородин имел репутацию человека, «совершенно знающего по нахождению своему с киргизцами из давнего времени в соседстве ординский порядок»¹²⁸, и благодаря своей компетентности, более или менее объективному подходу к решению внутрестепных проблем и хорошему знанию казахского языка, неоднократно приглашался кочевниками к разбору разного рода взаимных претензий и тяжб казахских родов. В марте 1808 г. по просьбе многих султанов и старшин западных казахов поколения жетыру он возглавил специальную комиссию по расследованию и урегулированию многолетней междоусобной распри фамильного клана будущего хана Внутренней орды Букея (1812-1815) с родом его двоюродного брата хана Младшего жуза Жанторе (1806-1809), сына Айчувак-хана, и сумел добиться полного примирения сторон. По этому поводу оба казахских правителя в конце марта 1808 г. в своих письмах оренбургскому военному губернатору Г.С.Волконскому выражали большое личное удовлетворение «справедливым разбирательством» войскового атамана и констатировали, что «полезное его внушение и увещевание ... народ наш, приемля за благо, охотно согласился один с другим помириться и в взаимных претензиях своих добровольно решиться и обязаться, чтоб им впредь друг на друга не жаловаться и не претендовать, а вести спокойную жизнь»¹²⁹. Немного позже Д.М.Бородин обеспечил султану Букею вместе с 750 подвластными ему семействами казахов благополучный переход в Зауральскую степь для летнего кочевания и обратно, сделав для них «приличный киргизцам ... крепкий и исправ-

ный мост» через Урал. Кроме того во время самой перекочевки казахских аулов на другой берег реки, - писал в июне 1808 г. Букей-султан разным оренбургским чиновникам, - войсковой атаман проявил «прямое усердие, придав нам всю свою возможную помощь, приязнь и почесть ..., а потому как я сам, так и приверженные мне киргисцы от него, Бородина, и жительствующих на линии казаков, никаких обид не чувствовали, а видели от них во всех случаях приязнь и почесть»¹³⁰.

В последнее десятилетие своей жизни Д.М.Бородин постоянно поддерживал тесные взаимоотношения с молодым сыном Букея вторым и одновременно последним монархом Внутренней орды ханом Жангиром (1823-1845), по настоянию которого и оренбургского начальства он в 1829 г. в сложной и драматической обстановке силой задержал при попытке перехода через Урал лидера местной султанской «фронды» из числа так называемой «старой знати» орды султана Каипгали Ишимова (1789-ок. 1852), претендовавшего на ханскую власть в Западноказахстанской степи, и отправил его под конвоем в г. Оренбург¹³¹. Этот исторический эпизод имел широкий общественный резонанс как среди казахов-кочевников Западного Казахстана, так и жителей самого Уральска, и впоследствии был обыгран в сюжете одной очень популярной песни уральских казаков: «Кайбала-салтан, разбойник, уж такой-то беспокойник, в самую зимнюю пору объявил салтан войну; объявлял батыр войну Хан-Джангиру своему...»¹³².

С Уральском тесно связана история жизни и самого хана букеевских казахов Жангира – первого широкообразованного степного правителя евразийского типа, проводившего активную политику модернизации социально-экономической жизни кочевников и политического устройства Внутренней орды. 24 июня 1824 г. султан Жангир в присутствии высших чинов оренбургской администрации и почетной свиты в составе султанов, старшин, биев и «знатнейших» казахов «при многочисленном стечении кочующего в степях уральских и астраханских киргизского народа» был торжественно возведен на ханский престол в будущей Ханской роще под Уральском. После совершения традиционного обряда поднятия на белой кошме и церемонии принятия присяги на верность императору «были надеты на него, при громе музыки и пушек, знаки ханского достоинства, состоящие из соболевой шубы, сабли и шапки из черно-бурых лисиц»¹³³. В последующие годы Жангир-хан многократно приезжал в Уральск из своей постоянной резиденции – Ханской Ставки (Хан-Кала) и даже построил себе там деревянный дом¹³⁴, где часто оста-

навливался на несколько дней во время своего пребывания в городе. В Уральске он общался по разным делам с войсковыми атаманами и старшинами, встречался с отдельными казахами, приезжавшими из степи, бывал в городской мечети на богослужениях.

Вместе с Жангиром и без него в Уральск часто навещался его будущий тесть умный и влиятельный старшина 1-й части приморских казахов, а с 1834 г. – и части казахов рода адай есаул Караул-кожа Бабаджанов (1775-1850), игравший с начала 1830-х гг. роль своеобразного «серого кардинала» при хане Внутренней орды. Являясь очень энергичным, предприимчивым и деятельным человеком, он осуществлял в городе торговые сделки с местными и иногородними купцами, а также поддерживал тесные деловые и личные контакты с войсковой верхушкой Уральского войска, к поддержке которой периодически прибегал в нужные для него моменты времени. К.Бабаджанов даже построил в Уральске в конце 1820-х гг. на свои собственные средства, полученные от коммерческой деятельности, новую мусульманскую мечеть¹³⁵, но ее последующая судьба неизвестна.

Помимо вышеуказанных лиц с Уральском были связаны личные судьбы и многих других видных представителей Внутренней орды, живших в первой половине XIX в. Долговременное существование разносторонних взаимосвязей кочевников-казахов этого региона с казачьим населением города заметно отразилось на культурном облике как тех, так и других, что неоднократно отмечалось в путевых записках и воспоминаниях многих российских путешественников в эти края. Влияние казахского окружения Уральского на местных казаков отчетливо проявилось прежде всего в хорошем знании абсолютным большинством из них казахского языка, обрядов и традиций казахов, заимствовании у них навыков ведения скотоводческого хозяйства, многих предметов традиционной одежды и народных пищевых блюд, большом богатстве и разнообразии казахских мотивов в исторических преданиях и песнях уральских казаков и др. Все эти особенности двухсторонних контактов обоих соседей предопределили многие специфические черты социально-культурной жизни населения Уральского в дореволюционный период.

3.3. Жизнь провинциального города

В первой половине XIX в. Уральск стал быстро превращаться в один из наиболее крупных и многонаселенных городов на территории Казах-

стана. Этому способствовали наряду с выгодным географическим положением города и природными ресурсами окружающей местности его официальный статус как административного центра Уральского казачьего войска, и возросшее экономическое значение во внутренней и внешней торговле империи, которое притягивало сюда многих коммерсантов и прочих деловых людей.

Еще в годы правления Екатерины II царское правительство начало внедрять в Уральске имперские структуры гражданского управления в соответствии с принятым в 1785 г. в Петербурге специальным положением о губерниях. В 1798 г. имперским указом казачьи чины уравнивались с армейскими в «Табели о рангах», в результате чего на казачью верхушку Уральского войска теперь распространялось право дворянства. Вслед за изданием этого указа в городе появились дворяне и крепостные крестьяне. В числе первых дворян г. Уральска в конце XVIII – начале XIX вв. были родовитые представители местной казачьей «аристократии» – династии Бородиных, Акутиных, Донсковых и т.д. Сами они постоянно проживали в городе, но завели частные хуторы по притоку Урала Иртеку, где держали крепостных¹³⁶. В частности, войсковой атаман генерал-майор Д.М.Бородин имел на территории Уральского войска целую деревню крепостных людей (ныне это дер. Бородина, расположенная на территории современной Оренбургской области Российской Федерации), которых либо выигрывал в карты, либо скупал в соседних губерниях. По завещанию Д.М.Бородина, все его дворовые люди были зачислены в казачье сословие¹³⁷.

В 1800 г., когда российское правительство приняло решение преобразовать систему управления во всех казачьих войсках, в Уральск был направлен генерал-лейтенант Ф.И.Медер. 26 декабря 1803 г. Военным министерством было принято «Временное положение» о службе уральских казаков и порядке управления Уральским войском как по военной, так и гражданской части. Суть излагавшихся в нем нововведений заключалась в следующем: непосредственное подчинение войска оренбургскому губернатору, его разделение на 10 полков по 500 человек каждый. Полки должны были иметь нумерацию и выходить из войска по требованию правительства. Каждый казак был обязан нести службу по очереди, а не по найму. В войске вводилась однообразная форма одежды и вооружения, как то: мундир, шинель, сабля, винтовка, пика, пистолет. Управление войском сосредоточивалось в войсковой канцелярии, состоявшей из председателя-атамана, двух советников и двух ассессоров, выбираемых

один раз в три года большинством голосов всеми находящимися в войске служащими и чиновниками. Атаман утверждался императором, советники – Военной коллегией, ассессоры – оренбургским губернатором. В Уральске учреждалась также должность полицмейстера. За небольшими исключениями эта система управления просуществовала в Уральском войске до 1874 г., когда было введено новое положение о казачьей службе¹³⁸.

Оглашение в Уральске императорского указа вызвало очередной взрыв недовольства со стороны казаков, которые стали бурно протестовать против введения ненавистного «штата». Царское правительство вновь направило в город регулярные войска. Бунт был усмирён, затем началась жестокая расправа. Казаков Ефима Павлова, Сейита Байтанова и многих других «зачинщиков» «прогнали сквозь строй через три тысячи ударов, поставили клеймо, вырвали ноздри и сослали навечно в каторжные работы», других прогнали сквозь строй и затем сослали в Сибирь на поселение или отдали в солдаты¹³⁹. Карательные экспедиции отправлялись в Уральск также в 1807, 1825 и 1837 гг. Вслед за тем непокорные уральские казаки вновь подвергались жестоким наказаниям и ссылались в Сибирь.

Во второй четверти XIX в. в Уральске проживало довольно многочисленное население, которое состояло большей частью из казаков, а менее одной трети жителей являлись чиновниками, торговцами и иногородними временными поселенцами разных профессий. По неточным и противоречивым данным разных источников, в 1830-1850-х гг. численность населения в нем составляла от 11 до 12,4 тыс. человек¹⁴⁰. По этнической принадлежности жители Уральска, казаки, были представлены русскими, татарами, калмыками, в небольшом количестве крещеными туркменами, иранцами и казахами или их близкими потомками в смешанных браках. В конфессиональном отношении среди казаков преобладали лица православного вероисповедания, в основном старообрядцы. Тюркоязычные представители казачества преимущественно исповедовали ислам, а калмыки – ламаизм¹⁴¹. По свидетельству известного российского историка А.И. Левшина, побывавшего в Уральске в 1820 г., уральские казаки выглядели тогда в большинстве своем людьми «здоровыми, крепкими, рослыми и видными, а женщины их – прекрасными»¹⁴².

Главным хозяйственным занятием городского населения в этот период, как и прежде, являлось рыболовство, существовавшее у уральских казаков в нескольких видах. Оно служило для них одним из основных

источников материального благосостояния и первостепенной статьей дохода в бюджете города, исходя из того важного места, которое занимали продукты этого промысла во внешней торговле Уральска с другими торгово-экономическими центрами России и некоторых азиатских стран. Второй по степени важности сферой экономической жизни уральцев было скотоводство – разведение овец, коров, лошадей и отчасти верблюдов. На рубеже XVIII-XIX вв. многие уральские казаки начали заниматься также земледелием, огородничеством и садоводством, но в небольших размерах, т.к. хлеб и другие сельскохозяйственные продукты они предпочитали покупать у приезжих российских купцов. Казачьи пашни и сады, как правило, располагались вблизи Уральска, в черте же самого города ввиду плохого качества почвы, необходимых условий для его развития в то время не существовало. В первой четверти XIX в. отдельные уральские чиновники стали разводить пчел, но пчеловодство также не получило широкого распространения у горожан¹⁴³.

Одной из важных отраслей хозяйственной жизни уральцев с давних пор являлась внешняя торговля, которая находилась в руках иногородних купцов. В первой половине XIX в. в Уральске торговля развивалась в основном с российскими купцами из Москвы, Казани, Ярославля и других городов. Главными предметами сбыта уральских казаков были свежая и соленая рыба, икра, клей и прочие продукты местного рыболовства, которых вывозилось в Россию ежегодно на сумму около 2 млн. рублей. Большим спросом у приезжих купцов пользовались и продукты казачьего скотоводства, особенно овцы, отправлявшиеся из Уральска в г. Арзамас, Муром, Симбирскую и Саратовскую губернии. Российские купцы, в свою очередь, продавали уральским казакам хлеб, промышленные изделия, ткани, строевой лес, овощи и фрукты, пеньку и лен для рыболовных сетей и т.д. Казахи привозили в Уральск свой скот и здесь обменивали у казаков на разные привозные товары хозяйственно-бытового назначения. Торговля осуществлялась в первой четверти XIX в. уже не только в купеческих лавках и на базаре, но и на городских ярмарках, которые ежегодно проводились в июне, октябре и январе месяцах. Наиболее значительной по торговым оборотам в Уральске являлась ярмарка, созывавшаяся в июне около Петрова дня, когда казаки возвращались с весенней плавни и могли заключать с купцами новые условия торгового оборота. Именно тогда в Уральск съезжалось наибольшее количество уральских казаков и иногородних купцов¹⁴⁴.

В отличие от характера социально-экономического развития Ураль-

ска состояние образования его населения в первой половине XIX в. существенно не изменилось. К этому времени уральские казаки оставались в своей основной массе неграмотными либо малограмотными людьми, т.к. даже начальных учебных заведений в городе до начала XIX в. не существовало. В 1812 г. в Уральске с разрешения министра народного просвещения графа А.Ф.Разумовского было открыто первое трехклассное училище, где в 1820 г. обучалось всего 10 или 15 учеников. Но в 1821 г. училище сторело. Десять лет спустя в 1831 г. войсковой атаман полковник (с 1830 г.) В.О.Покатилов (1788-1838) открыл его вновь. Училище находилось в ведении Казанского учебного округа и до 1857 г. оставалось единственным учебным заведением в Уральском войске. Тем не менее, со второго десятилетия XIX в. образование все же, хотя и со скрипом, начало различными путями распространяться среди казачьего населения Уральска, т.к. в просвещенную эпоху либеральных реформ Александра I властями повсеместно в России утверждалось одно общее правило: неграмотных в офицеры не производить¹⁴⁵.

Распространение книги и чтения среди уральцев в первой половине XIX в. также делало в городе первые шаги. В 1830-х гг. один из приезжих купцов открыл здесь книжную лавку, но из-за отсутствия спроса на свой товар быстро разорился и уехал из города. К 1860-м гг. книги и журналы выписывали только четыре-пять городских семейств. В 1833 г. в Уральске при войсковом училище открылась первая библиотека, собранная на пожертвования разных частных лиц. В 1858 г. она была преобразована в войсковую. Через десять лет в ней насчитывалось до восьми тысяч книг¹⁴⁶.

Организация здравоохранения в городе была поставлена до середины XIX в. очень слабо. Большинство уральских казаков предпочитали лечиться традиционными народными средствами у местных знахарей. В первой трети столетия в Уральске существовала только одна войсковая больница на шесть коек, а аптек вообще не имелось. В 1833 г. в городе открылась первая аптека. В последующие годы развивалось, хотя и медленно, и медицинское обслуживание горожан за счет постепенного увеличения количества мест в войсковой больнице и штата занятых в ней врачей и фельдшеров¹⁴⁷.

Одной из важных причин замедленного развития общественных учреждений просвещения и здравоохранения в Уральске (наряду с провинциальным положением этого города в социально-культурном пространстве Российской империи, слабой освоенностью края, отсутстви-

ем здесь добротных транспортных коммуникаций и проч. явлениями) была принадлежность большинства уральских казаков к старообрядческой церкви с характерной для ее приверженцев преимущественной ориентацией на старину, неукоснительным следованием традициям, настороженно-подозрительным отношением к культурным инновациям и иноземным духовным веяниям и влияниям. Как в вопросах веры, так и в сфере организации своего общественно-культурного досуга, уральские казаки отличались известным консерватизмом, медленно и с оглядкой воспринимая даже те полезные нововведения, которые местные власти приносили в их повседневную жизнь. Вместе с тем, по характеристике компетентного наблюдателя быта и культуры жителей Уральска конца первой четверти XIX в., известного исследователя Оренбургского края А.И.Левшина, уральцы были «деятельными, прилежными, услужливыми и довольно честными, особенно простой народ. ... Они любят отчизну свою, они храбры и тверды. Воровство между ими почти неизвестно. ... Они живут чисто, едят хорошо..., одеты опрятно; все имеют в изобилии, не терпят нужд и веселятся»¹⁴⁸.

В связи с ростом численности населения Уральска и развитием его культурно-бытовой инфраструктуры во второй четверти XIX в. произошли заметные изменения и во внешнем облике города. Изменилась не только его планировка, но и характер общественных зданий и жилых домов, особенно в центральной части Уральска. В 1820 г. там имелось до 2500 строений разного рода, в том числе 200 каменных домов, три церкви и одна часовня. В нижней части Уральска размещалась довольно большая по количеству домов и проживавших в них людей Татарская слобода¹⁴⁹. Однако в 1821 г. в городе произошел новый большой пожар, многие здания погибли, и поэтому в течение последующих десятилетий он вновь основательно перестраивался.

В течение всей первой половины XIX в. Уральск постепенно разрастался к северу. Вместе с ростом города перемещался его административный и торговый центр. Большинство административных учреждений тогда находились на Михайловской улице (ныне проспект Достык-Дружбы), в торговые заведения постепенно перемещались в северную часть Уральска. Так, городской базар, располагавшийся в XVIII в. у старого Михайло-Архангельского собора, в начале XIX в. был перенесен к реке Урал на Некрасовскую площадь, а через тридцать-сорок лет еще раз переместился внутри данной площади ближе к Чагану. Зажиточная войсковая верхушка уральского казачества традиционно проживала в центре Уральска на

Михайловской и Атаманской улицах, где в это время строились дома казачьих офицеров и чиновников. Жилые кварталы рядовых казаков и прочих социальных групп уральцев до середины XIX в. располагались преимущественно в южной части города¹⁵⁰.

Известный русский поэт демократической ориентации М.Л.Михайлов (1829-1865), побывавший в Уральске в 1856-1857 гг., нашел его «просторным, светлым, даже в некотором роде цветущим городом по сравнению со многими другими провинциальными городами на востоке России. Внимание путешественника особенно привлекла Михайловская улица, которая представляла собой для местных жителей своеобразный «Невский проспект», способный, по его словам, «даже подавить своим величием жителя Красноярского или Яманхалинского форпоста». Она резко отличалась от других улиц города большой протяженностью в длину, своей прямоотой и шириной, а также множеством составляющих ее по обеим сторонам каменных одноэтажных, двух- и трехэтажных зданий¹⁵¹.

В середине каждого дня Михайловская улица обычно становилась самым оживленным местом Уральска, заполняясь множеством экипажей с людьми и верховых всадников на верблюдах и лошадях. Здесь можно было увидеть пестрый калейдоскоп самых разных лиц и одежд: уральских казаков, одетых в форменные мундиры и фуражки на головах, или же в среднеазиатские халаты и в лисьих малахаях, либо «хивинских колпаках»; красные и черные чапаны казахов, разъезжавших по городу верхом на степных скакунах, ярко-пестрые одежды азиатских купцов и т.д. Остальные улицы Уральска были намного хуже обустроены и меньше оживлены, чем центральный проспект, хотя и в них уже тогда имелось немало каменных больших домов¹⁵².

С 20-х гг. XIX в. самобытная история и культура населения Южного Приуралья все более часто стала привлекать к себе внимание видных деятелей российской культуры – исследователей, писателей и поэтов, публицистов, которые в познавательных целях стремились посетить далекий Уральск. В 1820 г. здесь побывал и собрал уникальные материалы о далеком прошлом уральских казаков будущий «Геродот казахского народа» историк А.И.Левшин (1797-1879), позднее в 1833 г. город посетили А.С.Пушкин (1799-1837) и литератор В.И.Даль (1801-1872). Собранные А.С.Пушкиным в Уральске и его окрестностях народные предания уральских казаков немного позже легли в основу его «Истории Пугачевского бунта» и повести «Капитанская дочка». В.И.Даль, в свою очередь,

на основании личных впечатлений об этой поездке написал известные повести на казахскую тему «Бикей и Мауляна» и «Майна». Одновременно с А.С.Пушкиным и В.И.Далем в Уральске находился и знаменитый русский поэт В.А.Жуковский (1783-1852), который также интересовался историей и бытом уральских казаков. В начале 1850-х гг. в Уральске отбывали ссылку известный поэт-петрошевец А.Н.Плещеев (1825-1893) и публицист А.В.Ханыков (1825-1853), родной брат видных исследователей-востоковедов Н.В. и Я.В.Ханыковых. Немного позже здесь же побывал видный представитель демократической общественной мысли поэт М.Л.Михайлов. Своим литературным творчеством эти крупные деятели российской культуры сделали известным Уральск среди широких кругов образованной общественности страны той эпохи и вместе с тем увековечили его историю и культуру в памяти многих поколений людей как внутри, так и за пределами дореволюционной России.

Литература и источники:

- ¹ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - М. 2001.- С.63-65.
- ² Там же.- С.65-67.
- ³ Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии*. - Уфа. 1999. - С.196; Коротин Е.И. *Устное поэтическое творчество уральских (яицких) казаков (антология)*. Ч.2. - Самара. 1999. - С.89-90.
- ⁴ Абилеев А.К., Абилеев Е.А. *Политическая история Ногайской орды в ХУ-ХУП вв. // Основные аспекты историко-географического развития Ногайской орды*. - М.; Терекли-Мектеб, 1991. - С.9; Егоров В.Л. *Начальный период истории Ногайской орды // Историко-географические аспекты развития Ногайской орды*. - Махачкала. 1993.- С.32; Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.73.
- ⁵ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.77.
- ⁶ Там же. - С.107.
- ⁷ Там же. - С.74-76.
- ⁸ Там же. - С.78, 88.
- ⁹ Там же. - С.86-87; Он же. *Ислам и духовенство в Ногайской орде ХУ-ХУП вв. // Этнографическое обозрение*. - 2002. № 4. - С.101, 106.
- ¹⁰ Там же. - С.86.
- ¹¹ Валиханов Ч.Ч. *Идиге (джир) // Валиханов Ч.Ч. Сочинения*. -Спб., 1904. - С.232; Он же. *Эдигей // Там же*. - С.272-273.
- ¹² Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.104.
- ¹³ Там же. - С.105-106, 155-156, 160; Исин А. *Казахское ханство и Ногайская орда во второй половине ХУ-ХУI в.*- Семипалатинск. 2002. -С.56-80.
- ¹⁴ Там же. - С.100-138.
- ¹⁵ Там же. - С.112.
- ¹⁶ Никитин Н.И. *О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков ХУI – середины ХУП века // История СССР*. - 1986. №4. - С.168.
- ¹⁷ Радлов В.В. *Опыт словаря тюркских наречий*. Т.2. - Ч.1. - Спб., 1899. - С.364.
- ¹⁸ Никитин Н.И. *О происхождении, структуре и социальной природе*. - С.168.
- ¹⁹ Там же. - С.169.

- ²⁰ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.268.
- ²¹ Левшин А.И. *Историческое и статистическое обозрение уральских казаков // Северный архив*. - 1823. №12.- С.9.
- ²² Там же; Дариенко В.Н. *Классовая борьба на Яике в ХУП – начале ХУШ в.* - М., 1966. - С.9-10.
- ²³ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.344.
- ²⁴ Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии*. - С.199-200; Левшин А.И. *Историческое и статистическое описание*. - С.10, 11; Алекторов А.Е. *История Оренбургской губернии*. - Оренбург. 1883. - С.9; Бородин Н.А. *Уральское казачье войско: Статистическое описание*. Т.1. - Уральск. 1891. - С.1, 2 ; Карпов А.Б. *Уральцы: Исторический очерк*. - Ч.1. *Яицкое войско от образования войска до переписи полковника Захарова (1550-1725 гг.)*. - Уральск. 1911. - С.42; Дариенко В.Н. *Классовая борьба на Яике*. - С.11.
- ²⁵ Левшин А.И. *Историческое и статистическое описание уральских казаков*. - С.11.
- ²⁶ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.344; РГВИА -Ф.13. - Оп.107.- Д.10.- Св.30.- Л.525-525 об.
- ²⁷ Левшин А.И. *Историческое и статистическое описание уральских казаков*. - С.11-12.
- ²⁸ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.344.
- ²⁹ Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии*. - С.198-199; Дариенко В.Н. *Община на Яике в ХУП – первой четверти ХУШ в. // Ежегодник по аграрной истории*. - Вып.6: *Проблемы истории русской общины*. - Вологда. 1976. - С.54; Пушкин А.С. *История Пугачева*. - М. 1983. - С.18.
- ³⁰ Георги И.Г. *Описание всех в Российском государстве обитающих народов*. Ч.4. - Спб. 1799. - С.223.
- ³¹ Заседателева Л.Б. *Терские казаки*. - М. 1974. - С.91-92.
- ³² Паллас П.С. *Путешествие по разным провинциям Российской империи*. Ч.1. - Спб. 1809. - С.412; Назаров А.И. *Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков*. - Алматы, 2003. - С.93.
- ³³ РГВИА - Ф.13 - Оп.107 - Д.3 - Св.23; Д.4 - Св.24; Д.5 - Св. 25; Д.6 - Св.26.
- ³⁴ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.346, 383-389.
- ³⁵ Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии*. - С.196-198.
- ³⁶ Там же. - С.199.
- ³⁷ Карпов А.Б. *Уральцы*. - С.651.
- ³⁸ Курилин И. *Материалы по истории Уральского казачьего войска, еще не напечатанные // Уральские войсковые ведомости*. - 1869. №23. - С.11.
- ³⁹ Левшин А.И. *Историческое и статистическое обозрение уральских казаков*. - С.10; Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.337-340.
- ⁴⁰ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.337.
- ⁴¹ Скрынников Р.Г. *Сибирская экспедиция Ермака*. - Новосибирск. 1982. - С.78-81.
- ⁴² Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.343.
- ⁴³ Там же. - С.346.
- ⁴⁴ Мякушин Н.Г. *Сборник уральских казачьих песен*. - СПб., 1890 - С.47-48.
- ⁴⁵ Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии*. - С.204
- ⁴⁶ Левшин А.И. *Историческое и статистическое обозрение уральских казаков*. - С.12-13.
- ⁴⁷ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.346-347.
- ⁴⁸ Дариенко В.Н. *Классовая борьба на Яике*. - С.11-12; Рябинин А. *Уральское казачье войско*. - СПб. 1866 - С.6.
- ⁴⁹ Левшин А.И. *Историческое и статистическое обозрение уральских казаков*. - С.11-12.
- ⁵⁰ Рычков П.И. *Топография Оренбургской губернии*. - С.199-200.
- ⁵¹ Левшин А.И. *Историческое и статистическое обозрение уральских казаков*. - С.14.
- ⁵² Там же. - С.38.
- ⁵³ Трепавлов В.В. *История Ногайской орды*. - С.423.
- ⁵⁴ Бекмаханова Н.Е. *К вопросу об этническом составе и политической истории Ногайской орды и Казахстана в ХУП-ХУШ вв. // Историко-географические аспекты развития Ногайской орды*. - С.86.
- ⁵⁵ РГВИА - Ф.13 - Оп.107 - Д.10 - Св.30 - Л.525-525 об., 369.
- ⁵⁶ Карпов А.Б. *Уральцы (Приложение)*. - С.55-56.

- ⁵⁷ Назаров А.И. Очерки по истории фамилий - С.26-27, 34.
- ⁵⁸ Материалы переписи см.: РГВИА - Ф.13 - Оп.107 - Д.1 - Св.21 - Л.1-140 об.; Д.22- Св.22. - Л.1-359.
- ⁵⁹ Там же. - Д.1 - Л.140 об., 657; Д.2 - Св.22 - Л.358 об.-359.
- ⁶⁰ Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества конца XIX – начала XX века (развитие этнических традиций). - М. 1993 - С.38.
- ⁶¹ См.: РГВИА - Оп.107 - Д.3 - Св.23; Д.4 - Св.24; Д.5 - Св.25; Д.6. - Св.26; а также: Курилин И. Материалы по истории Уральского казачьего войска, еще не напечатанные // Уральские войсковые ведомости. - 1869. №20. - С.4-7; №21. - С.2-6; №22. - С.3-5; №23. - С.10-11; №24.- С.2-7.
- ⁶² Курилин И. Материалы по истории. - №22.- С.5, - №23.- С.11.
- ⁶³ Карпов А.Б. Уральцы. - С.59.
- ⁶⁴ Курилин И. Материалы по истории. - №23. - С.11.
- ⁶⁵ Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана. - Алматы, 1995. - С.38; С.Сагнаева С.К. Материальная культура уральского казачества. - С.43; Назаров А.И. Очерки по истории фамилий. - С.93.
- ⁶⁶ РГВИА - Ф.13 - Оп.107 - Д.10 - Св.30 - Л.370.
- ⁶⁷ Там же. - Д.2 - Св.22 - Л.290-290 об.; Курилин И. Материалы по истории. - №24. - С.3.
- ⁶⁸ Витевский В.Н. Яицкое войско до появления Пугачева // Русский архив. - 1879. - Кн.4. - С.30.
- ⁶⁹ Данилко Е.С. Старобрядчество на Южном Урале: историко-этнографическое исследование. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. - Уфа. 2000.- С.9.
- ⁷⁰ Витевский В.Н. Н.И.Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. - Казань. 1889. - Вып.2. - С.338.
- ⁷¹ Витевский В.Н. Раскол в Уральском войске и отношение к нему духовной и военно-гражданской власти в конце ХУШ и XIX вв. - Казань. 1878.
- ⁷² Курилин И. Материалы по истории. - № 20. - С.7.
- ⁷³ Рябинин А.Д. Яицкое казачество. 1680-1774 // Русский вестник. - 1864. Т.52.- С.590, 592.
- ⁷⁴ Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - С.20-21; Никитин С.И. О происхождении, структуре и социальной природе сообществ русских казаков. - С.173-174.
- ⁷⁵ Там же. - С.21-22; Рябинин А.Д. Яицкое казачество. - С.592; Дириенко В.Н. Классовая борьба на Яике. - С.79-83.
- ⁷⁶ Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель и политик. - Алматы. 1999. - С.216-217.
- ⁷⁷ Сагнаева С.Х. Материальная культура уральского казачества. - С.48-50.
- ⁷⁸ Там же. - С.51.
- ⁷⁹ Там же. - С.39.
- ⁸⁰ Там же. - С.42-43.
- ⁸¹ Рябинин А.Д. Уральское казачье войско // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. - СПб. 1866.- Ч.1. - С. 105-111.
- ⁸² Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - С.22-23; Рябинин А.Д. Яицкое казачество. - С.592-594.
- ⁸³ Там же. - С.23-24; Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. - С.204; Рябинин А.Д. Яицкое казачество. - С.597; Рознер И. Социально-экономические отношения на Яике накануне крестьянской войны под руководством Пугачева // Научные записки Киевского финансово-экономического института. - Киев. 1959. №7. - С.270.
- ⁸⁴ Москалев Г.Е. Хозяйственный облик дореволюционного Яицка-Уральска. - Уральск. 1956. - С.9,8.
- ⁸⁵ Там же. - С.7-8.
- ⁸⁶ Там же. - С.7.
- ⁸⁷ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. - С.204.
- ⁸⁸ Карпов А.Б. Памятник казачьей старины. 2-е изд. - Уральск. 1992. - С.21-23.
- ⁸⁹ Там же. - С.23-25; Герасимова Э.И. Уральск. Исторический очерк (1613-1917 гг.). - Алма-Ата. 1969. - С.27-28.
- ⁹⁰ Герасимова Э.И. Уральск. = С.27.

- ⁹¹ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1-3. - СПб. 1809. - С.411.
- ⁹² Записки путешествия академика И.П.Фалька // Полное собрание ученых путешествий по России. Т.6. - СПб. 1824. - С.220.
- ⁹³ Там же. - С.221-226.
- ⁹⁴ Паллас П.С. Путешествие по разным провинциям. - С.420 и др.
- ⁹⁵ Железнов И.И. Уральцы. Т.3. - СПб. 1888. - С.32-47.
- ⁹⁶ РГВИА - Ф.13 - Оп.107 - Д.10 - Св.30 - Л.371.
- ⁹⁷ Витевский В.Н. И.И.Неплюев и Оренбургский край. Т.1. - С.248; Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. - Алматы. 1994. - С.47.
- ⁹⁸ Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. - С.47.
- ⁹⁹ РГВИА - Ф.13 - Оп.107 - Д.10 - Св.30 - Л.145, 147.
- ¹⁰⁰ Там же. - Л.143 об.-144 об.
- ¹⁰¹ Там же. - Л.147-148.
- ¹⁰² Ерофеева И.В. Хан Абулхаир. - С.127-134.
- ¹⁰³ Кирилов И.К. Цветущее состояние Всероссийского государства. - М. 1977. - С.227.
- ¹⁰⁴ ПСЗРИ-1. - Т.IX. №6576. п.9.
- ¹⁰⁵ РГИА - Ф.1291 - Оп.81 - Д.90 - Л.364-365 об.; МИКССР-4. док. № 137. - С.433.
- ¹⁰⁶ ПСЗРИ-1. - Т.IX. № 6576. п.9.
- ¹⁰⁷ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах степных областей. - Оренбург. 1898. - С.4.
- ¹⁰⁸ Там же. - С.5.
- ¹⁰⁹ ГАОО - Ф.366 - Оп.1 - Д.230 - Л.54 об.-55; МИКССР-4. док. № 114. - С.333; №137 - С.433-434; №142. - С.443-444.
- ¹¹⁰ МИКССР-2. док. №72. - С.197.
- ¹¹¹ Там же. - С.266.
- ¹¹² Там же. - С.345-346.
- ¹¹³ Крафт И.И. Сборник узаконений о киргизах. - С.51.
- ¹¹⁴ МИКССР-4. - С.493 (комментарии).
- ¹¹⁵ Рябинин А.Д. Яицкое казачество. - С.601-606; Герасимова Э.И. Уральск. - С.50-52.
- ¹¹⁶ Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - С.28-29.
- ¹¹⁷ Мавродин В.В. Под знаменем крестьянской войны. - М. 1974. - С.47.
- ¹¹⁸ КРО-2. док. №11. - С.19-22.
- ¹¹⁹ Там же. - Док. № 9. - С.17-18; № 10. - С.18-19.
- ¹²⁰ Чесноков Н. Уральску 350 лет. - Алма-Ата. 1963. - С.27; Герасимова Э.И. Уральск. - С.62-63.
- ¹²¹ Овчинников Р.В. Над «пугачевскими» страницами Пушкина. - М. 1981. - С.66-70.
- ¹²² Герасимова Э.И. Уральск. - С.63-64.
- ¹²³ Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - С.31-32; Рябинин А.Д. Яицкое казачество. - С.619.
- ¹²⁴ КРО-2. - Док. №89, 91, 96 и др.
- ¹²⁵ Вяткин М.П. Политический кризис и хозяйственный упадок в Малой орде в конце XVIII – начале XIX вв. // МИКССР-4. - С.14; Он же. Комментарии // Там же. - С.494-495.
- ¹²⁶ МИКССР-4. - Док. №9 - С.66.
- ¹²⁷ Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. - С.134-135.
- ¹²⁸ ЦГА РК. - Ф.4 - Оп.1 - Д.208 - Л.184-185.
- ¹²⁹ Там же. - Л.248-249, Л.394-394 об.
- ¹³⁰ Там же. - Л.512-513, 515-515 об., 404-404 об.; История Букеевского ханства. - 1801-1852 гг. Сб-к документов и материалов. - Алматы. 2002 - Док. №79 - С.136; № 85 - С.147; №91 - С.154.
- ¹³¹ История Букеевского ханства. - Док. №356 - С.472; №365 - С.482-484.
- ¹³² Железнов И.И. Уральцы. - С.4-17.
- ¹³³ История Букеевского ханства. - С.246.

¹³⁴ Там же. См. второй раздел сборника.

¹³⁵ Там же. - Док №203-204 - С.291-292 и др.

¹³⁶ Москалев Г.Е. Хозяйственный облик дореволюционного Яицка-Уральска. - С.14.

¹³⁷ Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. - С.134-135.

¹³⁸ Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - С.32-33; Карпов А.Б.

Памятник казачьей старины. - С.56-57.

¹³⁹ Карпов А.Б. Памятник казачьей старины. - С.56.

¹⁴⁰ Москалев Г.Е. Хозяйственный облик дореволюционного Яицка-Уральска. - С.28; Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX в. - М. 1980. - С.258. Табл.8.; Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана. - Алматы, 1995 - С. 37 – 39.

¹⁴¹ Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - С.48-49.

¹⁴² Там же. - С.49.

¹⁴³ Там же. - С.53-66.

¹⁴⁴ Там же. - С.67-72

¹⁴⁵ Там же. - С.72; Чесноков Н. Уральску 350 лет. - С.48; Герасимова Э.И. Уральск. - С.107.

¹⁴⁶ Чесноков Н. Уральску 350 лет. - С.49-50.

¹⁴⁷ Там же. - С.50.

¹⁴⁸ Левшин А.И. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - С.75-76.

¹⁴⁹ Там же. - С.51.

¹⁵⁰ Москалев Г.Е. Хозяйственный облик дореволюционного Яицка-Уральска. - С.19-20,29.

¹⁵¹ Михайлов М. Уральские очерки // Морской сборник. - 1859. №3. -Ч.III. - С.1-2.

¹⁵² Там же. - С.2-4,7.

Глава 4.

УРАЛЬСК – ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБЛИКА ГОРОДА

4.1. Развитие Уральска в конце XIX – начале XX веков.

С завершением колонизации Казахстана начался новый этап не только в отечественной истории, но и в истории региона и Уральска.

По "Положению об управлении в степных областях Оренбургского и Западно-Сибирского генерал-губернаторств",¹ утвержденному 21 октября 1868 года российским Императором Александром II и подписанному им Указу Правительствующему Сенату из областей оренбургских и сибирских казахов, а также земель уральского и сибирского казачьих войск, было образовано 4 области: Уральская, Тургайская, Акмолинская и Семипалатинская. Уральская и Тургайская области вошли в состав Оренбургского генерал-губернаторства, административным центром которого стал Оренбург.²

"Указ" и "Положение" были опубликованы в газете "Уральские войсковые ведомости" 1 декабря 1868 года и вступали в силу с 1 января 1869 года. Это "Положение" вошло в учебники истории под названием "Временного", потому что принималось в виде опыта сроком на 2 года, а проработало почти 20 лет. В декабре 1868 года на основании утвержденного императором "Положения" было разработано "Положение об

управлении в Уральской области", с подчинением и уральских казаков, и казахов Зауральной степи общему административному и судебному управлению³.

Новообразованная Уральская область располагалась в степной полосе Российской империи, к северу от Каспийского моря между 53 и 45,5 градусами северной широты и 66 и 76 градусами восточной долготы. Общая площадь области составляла 29,6 млн. десятин земли, из которых 6,4 млн. десятин составляли войсковую территорию и 23 млн. десятин принадлежали казахскому населению области.⁴

Уральская область граничила: на севере и западе с Оренбургской и Самарской губерниями, землями Внутренней или Букеевской Орды; на юге - с Каспийским морем и Закаспийской областью; на востоке граница с Тургайской областью проходила по реке Хобде и Мугоджарским горам, и от южной их оконечности до Аральского моря. Протяженность Уральской области с севера на юг составляла – 600 верст, а с запада на восток – 480. Самым крупным городом области был Уральск, который еще в 1846 году был причислен к разряду больших городов Российской Империи, с предоставлением ему соответствующих прав и преимуществ. Таким образом, впервые на западе Казахстана была образована Уральская область как административно-территориальная единица империи. Основной причиной образования области стало политическое и хозяйственно-экономическое единство всей ее территории.

Центром области был назначен город Уральск. Выбор этот был определен многими обстоятельствами: выгодным стратегическим расположением; экономическим, политическим и историческим значением для региона; важностью города как форпоста метрополии в Казахстане и использованием казачества как военно-полицейской силы в российской колониальной политике.

Изменились функции Уральска. Он превратился в административный центр области с системой соответствующих органов власти. Здесь же находилась резиденция губернатора и другие органы областного управления. Вся полнота военной и гражданской власти была сосредоточена в руках назначаемого военного губернатора. В соответствии с положением 1868 года в области и городе были проведены административные и судебные реформы, коренным образом изменившие весь привычный уклад жизни уральцев.

Была утверждена новая система управления, единая для всего населения области. Военный губернатор Уральской области сосредотачи-

вал в одних руках и военную, и гражданскую власть, был командующим войсками в области и являлся наказным атаманом уральского казачьего войска. Так как в Уральске органы городского управления не были предусмотрены, то все городское хозяйство, благоустройство и санитарная часть находились в ведении губернатора. Для управления военно-административной и хозяйственной частями уральского казачьего войска вместо войсковой канцелярии было учреждено войсковое хозяйственное правление (ВХП). При ВХП в качестве исполнительного органа находилась торговая депутация, состоящая из шести членов, выбираемых из лиц торгового сословия сроком на три года. Уральское казачье войско сохраняло свою самостоятельность в управлении, но в сильно ограниченном виде. С упразднением войскового круга и войсковой избы были введены поселковые и станичные сходки, а также съезд выборных от станичных сообществ, который существовал как совещательный орган при ВХП. В ведение губернатора передавалась также функция учета и статистики. С 1895 года в Уральске был организован и начал свою работу областной статистический комитет. Таким образом, новая система управления серьезным образом ограничила общинный характер самоуправления в уральском казачестве.

При губернаторе действовало особое военное управление - войсковой штаб, который занимался всеми военными вопросами. Для управления гражданскими делами было создано областное правление, председателем которого являлся вице-губернатор, который также как и губернатор назначался на должность и увольнялся по приказу министра внутренних дел по согласованию с оренбургским генерал-губернатором.

Областное правление состояло из трех палат: распорядительной, хозяйственной и судебной, которыми управляли советники. В областное правление входили, кроме вице-губернатора и трех советников, областной врач, архитектор и чиновник по лесной части. Областное правление исполняло обязанности губернского правления, казенной палаты, гражданского и уголовного судов, управляло государственным имуществом, вело переписку от лица военного губернатора. При областном правлении находился нотариальный архив, обязанности нотариуса исполнял один из членов правления по приказу военного губернатора.

Образование области и придание Уральску статуса областного центра изменило порядок формирования областного и городского бюджета. На протяжении всего времени характер и структура бюджетов постоянно изменялись. Однако основные источники пополнения бюджета со-

хранялись. Первоначально городские доходы поступали в общую казну, а оттуда производились расходы на нужды городов и селений. Впоследствии доходы и расходы регулировались только губернатором области. Городские доходы складывались из акцизных сборов за продажу вина и спирта, доходов от почтово-телеграфных услуг, от продажи гербовой бумаги и марок, акцизов и поступлений от актовых пошлин. Пошлины платили в основном лица иногороднего сословия за право торговли и занятия ремеслами или промыслами. Кроме того, лица невойскового сословия несли общие земские повинности: постоянную, подворную, по исправному содержанию дорог, мостов и переправ.

С казахского населения области взималась кибиточная подать от 3 рублей до 4 рублей 50 копеек с семьи и областной земский сбор от 50 копеек до 2 рублей с кибитки. Первая поступала в Государственное казначейство, а земский сбор расходовался на содержание волостных управлений, аульных старшин и т.п.

В административном отношении Уральская область делилась на 4 уезда, которые назывались по месту нахождения уездных управлений: Уральский, Гурьевский, Калмыковский и Эмбенский (затем Темирский). Уезды делились на казачьи станицы и казахские волости. Уральский, Калмыковский и Гурьевский уезды охватывали как войсковую территорию, так и казахскую степь. В состав Темирского уезда входила территория, где проживало только казахское население. Казахские волости делились на аулы. Во главе волостей назначались волостные управители, а во главе аулов – старшины. И те, и другие назначались на 3 года. На земле Уральского казачьего войска во главе станиц назначались станичные атаманы, а во главе поселков – поселковые атаманы. Таким образом, административные изменения привели к усилению власти метрополии, установлению новой системы управления и серьезному ограничению самостоятельности уральцев.

Положение 1868 года вводило новую систему судопроизводства, новые судебные органы и полицию.

С 1869 года был введен институт мировых судей. Вся область была разделена на 11 мировых участков.⁵ В 1870 году в уральском войске были введены станичные суды, т.к. мировые судьи находились иногда за 100, 150 и 300 верст от истцов, и это создавало определенные неудобства. Станичные же суды были публичные, гласные, с выборными из народа судьями, которые судили по местным обычаям. Судьи избирались ежегодно станичным сходом из числа казаков. В аулах для казахского

населения назначались суды биев и казиев, которые решали вопросы на основе законов местного права - адата. В 1878 году для 2-х смежных областей Уральской и Тургайской был учрежден окружной суд. Таким образом, судебное производство осуществлялось мировыми судьями, окружным судом и судебной палатой при областном правлении на основании действующего законодательства Российской империи. Мелкие правонарушения и проступки рассматривались на основе традиционного обычного права: на войсковой территории - станичными судами, на всей остальной территории области - судами казиев и биев.⁶

Впервые в городе была образована полиция. В ее функции входили: контроль за порядком и соблюдением законов, надзор за исполнением решений органов власти и суда, а также разбирательство жалоб и претензий населения, которых было бесчисленное множество. Таким образом, в Уральске в ходе нововведений была создана, скоренная по общероссийскому образцу, новая структура судебных и исполнительных органов.

Первым военным губернатором Уральской области был назначен генерал-майор Н.А. Веревкин. 6 марта 1869 года состоялось подписание акта об образовании и торжественное открытие Уральской области, на котором присутствовали - главный начальник Оренбургского края, генерал-адъютант Н.А. Крыжановский, военный губернатор Уральской области генерал-майор Н.А. Веревкин, вице-губернатор статский советник Я.Т. Рогали-Левицкий, войсковой прокурор Шкапский, а также начальники отдельных частей военного и гражданского управления г.Уральска, представители духовенства, купечества и казахов. Вечером в честь праздника состоялся банкет, который завершился фейерверком.⁷

Уральск долгое время являлся военным городком. Это исходило от основной обязанности казаков - нести военную службу. Для этого они не облагались никакими податями и повинностями. Но в реальной жизни все происходило совершенно иначе. Обязательной воинской повинности у уральских казаков до 1874 года не было, на службу набирали добровольно, по системе "наемки". Этот способ организации военной службы существовал только в Уральском войске, и рассматривался казаками как справедливый, позволяющий избежать злоупотреблений.

В 1874 году Александр II утвердил "Положение о воинской повинности Уральского казачьего войска" - отменил «наемку», ввел обязательность службы для каждого казака в течение 3-х лет.⁸ Казаки встретили отрицательно это нововведение. Войсковое начальство способствовало

развитию такого настроения, потребовав от казаков подписки в исполнении нового положения, что никогда не проводилось в других казачьих войсках. Казаков, отказавшихся от подписки, стали подвергать аресту, и высылке в Туркестан, на Сыр-Дарью и Аму-Дарью, некоторые уходили добровольно. Всего было наказано около 7000 человек.⁹ В 1881 году правительство разрешило им вернуться в родные места. Но значительная часть отнеслась с недоверием этому разрешению и осталась в Туркестане, в Казалинске, Перовске, в рыбацких поселках у Аральского моря.

К концу XIX века город приобрел новый, гражданский облик. В гарнизоне Уральска находилась только учебная сотня. На остальной территории области только в Уилском и Темирском укреплениях располагались солдатские гарнизоны, в составе которых было по одной отдельной казачьей сотне.

Уральские казаки теперь несли обязательную службу: лейб-гвардии казачий эскадрон находился в Санкт-Петербурге; по одному полку стояло в городах Киеве, Самарканде и в Польше. Во время войны уральское казачество должно было выставить лейб-гвардии казачий эскадрон, девять конных полков (шесть шестисотенных и три четырехсотенных), учебную сотню, две отдельные казачьи команды.¹⁰

В XIX веке Уральск оставался патриархальным провинциальным городом, в котором уклад жизни определялся главными занятиями людей - скотоводство, рыболовство и земледелие, составлявшими основные отрасли экономики области.

Иногородние были заняты в таких отраслях, как торговля и промышленность, главным образом, рабочими на предприятиях или батраками в сельском хозяйстве. Среди казахов только 10 % земледелием и 7 % рыболовством.¹¹ Казаки, по сведениям А.Рябинина, занимались рыболовством, скотоводством и земледелием.¹²

Рыболовство было самым первым и основным занятием казаков, поэтому оно строго регламентировалось. Сроки рыболовства определяла войсковая канцелярия, она же назначала так называемого «атамана рыболовства» из числа штаб-офицеров. О времени и месте мобилизации сообщалось заранее, через вестовых зимой или красными флажками, установленными на бакенах. На местах сбора собиралось целое войско, не менее семи тысяч человек, из расчета по одной подводке на три казака. Рыбу ловили не только на Урале и в Каспии, но также и на озерах: Камыш-Сакмарских, Рыбном Сакрыле и Шалкаре. Развитию рыболовства способствовало наличие местной соли хорошего качества из Индер-

ского озера.

Различались такие виды рыболовства, как багренное – с 15 по 18 декабря; режаковое, сижное и неводное – с 23 декабря по 17 января; весенняя плавня или серюжье рыболовство – с 1 апреля по 31 мая; осенняя плавня – с 22 сентября по 31 октября, а также весенний курхай – с 10 марта по 1 июня и осенний курхай – с 17 августа по 1 ноября. Кроме того проводились – аханное рыболовство с 8 декабря по 5 марта на Каспийском море, гурьевское неводное – с 16 по 30 декабря, и челкарское – в течении всего года.¹³ Наиболее значительными из всех видов рыболовства были багренье, севрюжья и осенняя плавня.

Багренье проводилось зимой, на льду верхней части реки, от Уральска до Антоновского форпоста, на расстоянии 220 верст. Сохранилось описание современников этого вида ловли рыбы. «Порядок багренья был таков. В назначенный день казаки, имеющие право багрить, в маленьких одиночных санках в одну лошадь с пешнею, лопатой и несколькими баграми собирались в назначенный денб на сборное место на Урале. Впереди становились атаман и несколько конных казаков для соблюдения порядка, а за ними рядами все остальные. Если кто осмеливался без команды тронуться с места, тому блюстители порядка рубили багры и сбрую. Эта мера заставляла всех соблюдать дисциплину и определенный ритуал. Атаман, на которого устремлялись все взоры, будто поддразнивал собравшихся, прохаживаясь около своих саней, то отдаляясь от них, то приближаясь к ним. Вдруг стремительно бросался в сани, подавая знак, и пускал свою лошадь во всю прыть. А за ним устремлялись все собравшиеся. И тут уж никакого порядка и никакой пощады никому не было, и горе тому, кто по несчастью вывалится из саней. Скорость, с какой казаки обгоняли друг друга, всеобщее движение, когда они прибывали на место ловли, та поспешность, с которой они пробивали прорубь и опускали багры, представляла для зрителей на берегу обворожительное зрелище! Рыба, встревоженная шумом скачущих лошадей, поднималась с места и натыкалась на багры. Нередко попадались белуги весом до 20 пудов, которых тащили коллективно.»¹⁴ Такая ловля называлась – «жар». На каждый день багренья назначался определенный рубеж, далее которого никто не должен был ехать. Первый день багренья назывался «презентным», когда пойманную рыбу отправляли в Петербург императору в сопровождении офицеров.¹⁵

Весенняя плавня, или севрюжье рыболовство, называлось так потому, что ловили в основном только севрюгу. После половодья через Урал

устанавливали загороду из толстых бревен, называемую учугом, чтобы не пропускать рыбу, идущую из моря в верховья на нерест. Весенняя плавня начиналась сразу же после вскрытия льда по всему пространству от Уральска до Каспийского моря. По словам очевидцев, рыбы иногда было так много, что учуг не выдерживал, ломался, и рыбу приходилось отгонять пушечными выстрелами.

Во время осенней плавни порядок лова рыбы был такой же, как и во время багренья. Она начиналась у Антоновского форпоста и охватывала пространство реки в 280 верст. По выстрелу из пушки, собравшиеся на берегу сталкивали лодки в воду и гребли с особым напряжением, чтобы прибыть к ятови первыми, пока рыба не была еще распугана. Такая гонка называлась – ударом. Так, например, в 1899 году рыболовством в Уральской области занималось 46735 человек, при 14022 работниках, на 740 судах, 11388 лодках и бударах. При рыбной ловле, как пишут современники, «сетей и неводов было употреблено 138118 штук, багров – 40000 штук.»¹⁶

Средняя цена за пуд «красной рыбы» была – 7-10 рублей, «черной» – 2-4 рубля, икры красной рыбы – 75-100 рублей, икры черной рыбы – 1-2 рубля, балыка – 30 рублей, клея рыбьего – 100 рублей, вязиги – 40 рублей.¹⁷

Несмотря на постепенный упадок этого вида хозяйства, рыболовство служило основным источником достатка, и благосостояния наибольшей части войскового населения, давая заработок и труд большому числу казаков. Три-четыре дня удачного лова могли обеспечить безбедное существование семье на целый год.

Вследствие упадка рыболовства, недостаточного развития земледелия, скотоводство составляло одну из основных отраслей сельского хозяйства области. Оно было главнейшим занятием, наиболее поддерживающим благосостояние войска. Исключительно этому виду хозяйства Уральск обязан образованию первых крупных денежных капиталов.

Обилие пастбищных мест, общественная собственность на землю давали возможность с успехом заниматься как разведением скота, так и скотопромышленностью. Скотопромышленность в Уральске развивалась в значительных размерах вследствие повышения цен на сало на Санкт-Петербургской бирже. Такие скотопромышленники, как Овчинниковы, Карповы, Бязниковцевы, Дудаковы владели десяткам тысяч голов скота. С увеличением поголовья правилами животноводства устанавливалась норма количества разного скота, который мог бесплатно пастись на во-

йской территории. Казаки с капиталом за особую плату пасли скот в любом количестве поголовья, уплачивая акциз в войсковое хозяйственное правление.

Самой важной отраслью скотопромышленности было овцеводство. Овец покупали у казахов Внутренней Орды и Зауральской степи на ярмарках, меновых дворах и на протяжении всей войсковой линии. Скот приобретался в основном молодой, и уже в войсковых пределах он выращивался и нагуливался. Например, партия баранов, купленная в Оренбурге, в конце июля или в августе пригонялась в Уральский уезд, где, по окончании сенокосения и снятия хлебов, выпасалась до поздней осени. Затем скотопромышленники гнали свои стада на юг, до Гурьева, иногда на расстояние более 700 верст. К весне скот пригонялся к Калмыковской крепости, там его продавали на ярмарке, или же прямо с тебеневочных мест перегоняли за реки Деркул и Чаган, где был обильный травостой. Благодаря общинному землепользованию эти миграции скота в течение года обходились скотопромышленнику практически бесплатно, за исключением запаса сена, которое он заготавливал на случай суровой зимы. Впоследствии скот перегонялся во внутренние губернии России, в Самару, а оттуда - вывозился в Санкт-Петербург для отправления за границу, либо же забивался на местных заводах.¹⁸

С уничтожением на Уральско-Оренбургской линии таможенных застав продавать скота в Россию стали больше. Крупный рогатый скот, овец, коз, лошадей, верблюдов отправляли за пределы области в Москву, Саратов, Оренбург, Казань, Ставрополь, Кубань, Донскую область, в Баку, Воронеж, Харьков, Симбирск, Тамбов. Пригоняли в Уральск для продажи - из Оренбурга, Самары, Тургайской области, Астраханской губернии и Закаспийской области.

На местных базарах лошадь можно было купить, в среднем, за 58 рублей, верблюд стоил 80 рублей, корова - 46 рублей, овцы - от 7 до 9 рублей, козы - по 5 рублей.¹⁹

У населения области в 1873 году насчитывалось 2,7 миллиона голов скота,²⁰ а в 1900 году общее количество скота увеличилось до 4 миллионов голов. На каждое хозяйство в среднем приходилось - 13,5 голов крупного скота (лошадей, верблюдов, КРС) и 22,4 - мелкого (овец, коз, свиней). Оседлое население в среднем имело 27,7 голов скота на одну семью, кочевое - 33,5.²¹

Но по хозяйствам скот распределялся очень неравномерно. Малоимущие имели по 1-2 лошади, и таких хозяев насчитывалось около 25

% от всего населения. Городские жители Уральска обладали довольно значительным количеством скота, в среднем на двор приходилось – 3 лошади, 5 коров и до десятка овец.²²

Количество скота зависело от обеспеченности кормами. Во время сенокоса зажиточные жители могли нанять большее число наемных рабочих и заготовить достаточное количество сена. Наемный труд очень широко использовался в сельском хозяйстве, плата за сенокос варьировалась от двух до 5 рублей в сутки.²³

В 1899 году было образовано Общество уральских частных коневодов. В 1900 году в области насчитывалось уже 276 частных коневодов и 11 государственных конных заводов. Среди них самыми известными в области были конные заводы Орлова, Ильенко, Арцова, Мамонтова и Платонова. В 1901 году в области насчитывалось 2985 породистых жеребцов, чистокровных английских – 8, кровных верхового типа – 39, улучшенных косячных пород (донских, калмыцких) – 184, местной породы – 2754. Племенной скот разводился также на ферме Уральского сельскохозяйственного училища имени императора Николая II.²⁴

Любители верховой езды в 1886 году организовали в Уральске «Общество любителей скачек». Президентом общества был избран наказной атаман Уральского казачьего войска, генерал-лейтенант К.Н. Ставровский. Почетными членами избирались лица, известные своей деятельностью по улучшению коннозаводческого дела на Урале. А в члены принимали всех желающих, независимо от сословной принадлежности. Ежегодно общество устраивало скачки на Уральском ипподроме с розыгрышем призов.²⁵

Скотоводство являлось главнейшим средством существования и казахского населения Уральской области. Количеством скота измерялась состоятельность кочевника. Казахи разводили животных местной породы, называемой киргизской – овцы, лошади, рогатый скот, козы и верблюды. Они были приспособлены к естественным условиям края и отличались поразительной выносливостью и неприхотливостью. Главное богатство и гордость кочевников – лошади. Низкорослые и некрасивые, они отличались высокой энергией и прочным складом. Число лошадей у богатых скотоводов доходило до 2-х тысяч голов и более.

Основным предметом торговли у кочевников были овцы. Курдючная овца давала от 1 до 3 пудов мяса, до 1 пуда сала, 4-5 фунтов грубой шерсти. Верблюды, в основном двугорбые использовались в качестве вьючных животных. Крупный рогатый скот, мелкой породы, от 6 до 12 пудов

убойного веса, быстро нагуливался, давал молоко с высоким процентом жирности. Скотоводство велось экстенсивным способом, за немногим исключением лиц, разводящих скаковых лошадей и иноходцев.

В значительно лучшем положении находилось животноводство у русских переселенцев. Они завозили скот более ценных пород из центральных районов России, сообразуясь с определенными хозяйственными целями – работоспособностью, продуктивностью.²⁶ Но животноводство у переселенцев носило подсобный характер, а основным занятием было все-таки земледелие.

Развитие земледелия в Уральской области затрудняли природно-климатические условия: континентальный климат, частые засухи и продолжительность зимы, состояние почвы.

Всю территорию области можно было разделить на 3 полосы: северную – земледельческую, среднюю – пастбищную и южную – бесплодную. Причем из 6,4 млн. десятин на войсковой территории только 2 млн. десятин было удобной земли, а 4,4 млн. десятин занимали солончаки и пески.²⁷

Земледелие на казачьей территории также было развито слабо, только 1/3 часть земли использовалась под посевы, а 2/3 приходилась на пастбищные и сенокосные угодья.²⁸ По сведениям А.Рябина земледелие в Уральской области стало распространяться только со второй половины XIX века, когда уральские казаки были освобождены от длительной военной службы в строю.²⁹

В 50-60-е годы в Уральской области хлебопашеством занимались только в Уральском уезде, свободные от рыболовства и скотоводства казаки. Распашка тянулась от Илецкой и Сакмарской станиц, что на 150 верст севернее от Уральска, до Кожехаровского, а затем и до Мергеневского форпостов на юге. При постепенном упадке рыболовства потребность в хлебопашестве становилась все более ощутимой.

Самые лучшие участки хлеботородной земли лежали по скатам Общего сырта, т.е. по границам войсковых земель с севера и северо-запада. Но чернозем и там был весьма скудным. После 2-3 распашек наилучшая земля требовала отдыха в течении 5-6 лет. Севооборот был таков: в первом году сеяли пшеницу, на втором году рожь наволоком, затем земля бросалась. Почва не удобрялась, так как навоз использовался исключительно для выделки кизяка для отопления основной массы населения, да и в условиях засушливого климата, он был более вреден, чем полезен для растений. Другие же удобрения не использовались.

Землю пахали плугом, запряженным 4-6 волами, или лошадьми, соху не применяли, т.к. она "корней не разрезала". Сеяли в основном рожь, пшеницу, овес, ячмень, просо, озимого хлеба не сеяли. В среднем снимали по 8-10 пудов зерна с десятины. Преобладающее место в посевах занимало просо.³⁰

Выращивали хлеб, как правило, низких сортов, которое местное население употребляло в пищу. Да и сбыт пшеницы был дорог и труден из-за неудобства сообщения сухим путем в Самару и Балаково, до которых 200-300 верст. И тем не менее в 1869 году вывезено на Самарскую и Балаковскую пристани пшеницы на сумму до 1 млн. рублей, а привезено из соседних уездов Оренбургской и Самарской губерний на сумму до 500 тыс. рублей.³¹ Пуд пшеницы стоил – 85 коп., овса – 65 коп., ржи – 49 коп., а ячменя – 45 коп.³² Вся земля уральского казачьего войска находилась в войсковой собственности. Число земледельцев год от года увеличивалось, и в виду недостатка хлебопахотных земель войсковое начальство вынуждено было организовать Комитет для ограничения производимых запашек. Так, рядовой казак имел право производить распашку бесплатно до 20 десятин земли, офицеры и городские чиновники от 50 до 75 десятин, а генералы – до 100 десятин.³³ Причем вблизи станиц разрешалось распахать не более 10 десятин земли на хозяйство. Зажиточным казакам сверх этой нормы предоставлялась возможность распахать землю без ограничений за арендную плату по 2-3 рубля с десятины. Подобные порядки ставили в экономическое неравенство казаков и способствовали появлению крупных землевладельцев в Уральской области.

Посевы зажиточных казаков Уральска (Донсковых, Акутиных, Бородиных) часто располагались на значительном расстоянии от городской черты, в северных, северо-восточных и северо-западных районах, отличавшихся плодородными почвами. Чиновные казаки, заняв, таким образом, войсковые земли, селили там даже крепостных крестьян и переселенцев.³⁴

В земледелии использовали и наемный труд во время сезонных работ. За распашку 1 десятины платили от 3 рублей до 8 рублей 50 копеек, за жатву – от 1 рубля 50 копеек до 10 рублей, за молотьбу с пуда от 2 до 12 копеек, за боронование от 75 копеек до 3 рублей 50 копеек.³⁵

Общая площадь посевов постепенно увеличивалась. В 1900 году было засеяно земли: казаками - 104149 десятин, казахами - 67397 десятин, русскими поселенцами - 773 десятины.³⁶ Но уже в 1913 году количество пахотной земли возросло и соответственно было распаханно казаками -

286387,6 десятин, казахами - 102270,9 десятин и русскими поселенцами 55291,3.³⁷

Увеличение площади посевов, как на войсковой территории, так и казахской степи, говорило о том, что население постепенно переходило к занятию земледелием. На случай неурожая и естественных бедствий в 1870 году при Уральском областном правлении были образованы ссудные кассы для оказания помощи казахскому населению с оборотным капиталом в 25000 руб.³⁸ В неурожайные годы, как это было в 1910, 1911 и 1912 годах, населению области оказывалась помощь из общественного продовольственного капитала. Кроме этого, оказывалась помощь врачебно-питательными отрядами Российского Общества Красного Креста. В казахской степи было организовано 18 столовых, в связи с чем случаев смерти от голода не было.³⁹ Казачье население получало помощь из войсковых магазинов и складов. Переселенческое население - от благотворительного общества, созданного в 1894 году для оказания помощи беднейшему населению области. Данное общество имело ночлежный дом, амбулаторную лечебницу, дешевую столовую и родильный приют.

В 1901 году в Уральске открылся войсковой сельскохозяйственный склад земледельческих орудий и уже в 1903 году оборотный капитал склада достиг 87 тыс. рублей.⁴⁰ Склад снабжал казахское население области усовершенствованными сельскохозяйственными машинами и орудиями труда, а также выдавал в ссуду плуги однолемешные, двулемешные, косилки, конные грабли, жатки, жнекосилки (лобогрейки), сеялки, веялки, сепараторы, маслобойки, конные молотилки.

Агрономическая помощь населению Уральской области стала оказываться с 1 ноября 1913 года. Для этого в области были учреждены 3 должности районных агрономов, которые вели лекции, беседы, давали консультации и советы всем заинтересованным в любой отрасли сельского хозяйства.⁴¹ В Уральском и Темирском уездах были организованы зерноочистительные обозы и машинопрокатные станции, на которых хозяева пользовались казенными орудиями и машинами за доступную для них плату, и бесплатно обучались работе на этих машинах.

В 1913 году после приезда в Уральск начальника отделения при Министерстве Земледелия В.В. Винера для ознакомления с сельским хозяйством в крае, было принято решение об открытии опытной сельскохозяйственной станции. С весны 1914 года были начаты "грандиозные" постройки жилых помещений и различных служб, специально для

опытной станции", на оборудование которой правительством ассигновалось 200 тыс. рублей.⁴²

Кроме земледелия русское население области занималось огородничеством, а в Сакмарской и Илецкой станицах – пчеловодством. Во второй половине 60-х годов уральцы начали возделывать картофель, употребление которого в пищу раньше считали за грех, вместе с курением табака. Огородничеством занимались казаки только в нескольких станицах вблизи г. Уральска, бахчевые же культуры разводили повсеместно. По подсчетам современников в Уральске огородничество ежегодно приносило доход 32 тысячи рублей серебром.

Бахчеводством занимались на первых порах персы, вышедшие из Хивинского плена, и поселившиеся в землях уральских казаков. После хивинской неволи казацкая община казалась им надежной пристанью, они причислялись в казаки, принимали новую веру. Их называли – кызылбаши (буквально – красноголовые). Нынешние потомки кызылбашей носят фамилии - Строгоновы, Кабанкины. П.С. Паллас в XVIII веке в своих "Путешествиях..." назвал их болдырями, выделяя «красивый тип персидских выходцев». Болдырями впоследствии станут называть всех обращенных в христианство туркмен, татар и калмыков.⁴³

С 1888 года, ежегодно, вблизи Уральска, по реке Чаган и его рукавам распахивалась земля, и раздавались в беспроцентную ссуду необходимые для посева семена огурцов, картофеля неимущим обывателям Уральска. Видимо так областное правление пыталось бороться с бедностью в среде горожан. Площадь огородов и бахчей на войсковой территории в 1911 году занимала более 6 тысяч десятин земли.⁴⁴ У казахов огородов и бахчей почти не было, в среде переселенцев огородничество приживалось плохо, а бахчами они занимались с удовольствием.

Как вид хозяйственной деятельности садоводство стало развиваться в Уральске со второй половины шестидесятых годов XIX века. О первых разведенных садах вблизи Уральска упоминается в отчете наказного атамана за 1852 год. В нем говорилось, что "в 4-х верстах к северу от Уральска, рядом с Чаганом и Деркулом находятся 25 яблоневых садов, принадлежащих частным лицам войскового сословия. Они занимают пространство в длину – 1547,6, а в ширину – 1159 погонных саженьей. Доходу с них получено в 1852 году 1600 руб. серебром".⁴⁵

Этот район официально назывался Садовский полуостров, а в обиходе просто "Сады". Это круглая зеленая котловина, лежащая между степных кражей и озера, огибающего его в виде подковы. Озеро под-

питывалось водой в весеннее половодье и этого запаса хватало на целый год. Живописное местоположение полуострова, привлекло внимание местных садоводов – аристократов Бородиных, Мизиновых, Назаровых, Донсковых.⁴⁶

В садах выращивали летние и зимние сорта яблок: анис, антоновка, титовка, апорт, грушевка и др. Из ягодных кустарников культивировались: малина, черная и красная смородина, крыжовник и клубника. Разводили также грушу, вишню и сливу. Работали в садах по найму лица иногороднего сословия. С северной стороны сады обсаживали тополями и ветлами, чтобы уберечь плодовые деревья от вымерзания в зимнюю стужу. В садах располагались и городские дачи.

Садоводство быстро развивалось в Уральске, обращая малоценные земельные угодья в цветущие оазисы. Окрестности Уральска буквально утопали в садах. Средний урожай яблок достигал 300 пудов с десятины. В урожайные годы собирали до 50000 пудов яблок в окрестностях г. Уральска. Яблоки сбывались на местных базарах, вывозились в соседние губернии – Самарскую, Оренбургскую, а также в Бузулук.⁴⁷

С середины XIX века все возрастающую роль в экономике области стала играть торговля. Центральное место в торговых отношениях как внутри Западного Казахстана, так и в связях с соседними регионами занимал Уральск. Здесь торговали скотом, салом, шерстью, пухом, кожами, овчиной, рыбой, икрой, клеем, вязигой, солью, хлебом, сеном, солодовым корнем, а также предметами местного и промышленного производства. Из Уральска по гужевым трактам грузы направлялись на Оренбург, Самару, Бузулук и волжскую пристань Балаково, куда вывозили пшеницу, просо, пшено, муку (высшие сорта крупчатки).

Торговых путей в области было несколько. Основными являлись Самарский тракт - от Уральска на Самару, Бузулук и Сызрань; Оренбургский тракт - от Уральска на Илек и Оренбург; Уральский тракт - через Калмыково на Гурьев-городок; Чижинский тракт - через Николаевский уезд на село Балаково Саратовской губернии. Торговая дорога шла от Мергенево в Урду, Ханскую Ставку Букеевской Орды. Был еще Малоузенский тракт, от Глининского форпоста в Новоузенский уезд Саратовской губернии и судоходное сообщение от Гурьева до Астрахани.⁴⁸

С проведением ветви Рязанско-Уральской железной дороги торговое значение Уральска резко возросло. Основным предметом вывоза из области по железной дороге служил скот, рыба и зерно. Был построен Уральский элеватор, вместимостью до 150 тыс. пудов зерна.⁴⁹ В 1899 году

со станции Уральск вывезено по железной дороге грузов 2,2 млн. пудов, получено 1,9 млн. пудов.⁵⁰

Купцы московские, ярославские, казанские и другие приезжали за товаром в Уральск. Они покупали рыбу и продукты рыболовства прямо на месте лова, где в период багренья цена за пуд осетрины иногда доходила до 20 рублей.⁵¹ Общая стоимость вывозимой из Уральска рыбы свежей и соленой, икры, клею и вязиги в изобильный год можно было оценить до 5 млн. рублей. Большой рыбный базар находился на Туркестанской площади. Рыба, вывозимая из Уральска оплачивалась пошлиной, для чего на дорогах устраивались рыбопромышленные заставы.⁵²

Торговали в Уральске также солью, которую добывали из Индерского озера, Карабатана и озер приэмбенской группы. В 1900 году из Индерского озера и Карабатана было добыто и продано более 1200 фур соли, по 50 копеек за фуру. Более 300 тыс. пудов соли было вывезено из приэмбенской группы озер.⁵³

Оживленно шла торговля скотом в Уральске. Ежегодно более 400 тыс. голов овец продавали в Самару, Арзамас, Муром, в Симбирскую и Саратовскую губернии. Крупный рогатый скот перегоном направляли преимущественно в Казань. Сало отправляли в Петербург и Ригу. Количество продаваемых невыделанных кож насчитывалось более 200 тыс. штук. За торговлю скотом и продукцией скотоводства взимались пошлины – по 10-20 копеек с головы крупного скота, по 3 копейки – с головы мелкого, по 5 копеек за пуд шерсти, 4 копейки платили с каждой шкуры животных.⁵⁴

Торговля велась как денежная, так и меновая. Меновую торговлю вели казаки и иногородние купцы с казахским населением области. На Уральский рынок казахи приходили большими караванами. Пригоняли для продажи преимущественно большие гурты баранов и быков для убоя, табуны лошадей и, кроме того, привозили в значительных количествах кожевенное сырье. Эту продукцию животноводства они обменивали у русских купцов на промышленные товары. Так как, казахское население приезжало на рынок всем аулом и пригоняло большое количество живого скота, было решено открыть в 9 км от Уральска в поселке Подстепное Меновой двор, где велась торговля с 1 сентября по 1 декабря. Там же продавали сахар, чай, муку, посуду, ткани.

В 1898 году был построен скотопрогонный двор на Туркестанской площади. Некоторые из кочевников продавали свой скот на Оренбургском меновом дворе, где цены бывали обычно выше, чем на территории

Уральского войска. Меновая торговля составляла 1/10 часть от всей торговли в войске. Несмотря на то, что, на рынки Уральска в колоссальном количестве поступало сырье, здесь не была организована его переработка в промышленных масштабах, из-за отсутствия навыков и технического оборудования.

Из привозимых в Уральск товаров самым распространенным товаром было зерно, которое получали из Бугульминского, Бугурусланского и Бузулукского уездов Оренбургской губернии, а также из Симбирской и Саратовской. Продавали хлеб обычно на вес по умеренным ценам. Хлебный уральский базар вмещал до 3 тыс. возов зерна. Ржаной муки привозили очень мало, потому что большим спросом пользовался пшеничный хлеб.⁵⁵

Пеньку и лен для сетей привозили из Нижегородской и Ярославской губерний. Цена тонкой пеньковой пряжи доходила до 40-50 рублей за пуд. Лес строевой, сосновых пород сплавливали по Уралу и Сакмаре из Башкирии, ценился он очень дорого. В Гурьев и Сарайчик строевой лес поступал морем из Астрахани. Большим спросом пользовались в Уральске будары (деревянные лодки), которые привозили по большей части из Вятской губернии по рекам Вятке, Каме и Волге до Самары, а оттуда сухим путем доставляли в Уральск. Из Средней Азии и Казахстана привозили в Уральск шелк, ковры, холодное оружие, кошму, пуховые платки, козий и верблюжий пух, шерсть и другие товары. Деревянные изделия, фабричные ткани, железо, медные и прочие предметы поступали с нижегородской ярмарки. Сукно, шелковые и бумажные ткани, предметы роскоши продавали в лавках ростовские купцы.⁵⁶

В Уральске находилось около 300 торговых лавок, которые располагались на Предтеченской и Туркестанской площадях и на Большой Михайловской улице. А на Казанской площади были устроены торговые ряды.⁵⁷ Кроме Уральска, крупными торговыми пунктами были такие города области как Гурьев, Илек и поселок Калмыково. В Гурьеве насчитывалось – 50, а в Илеке – 53 торговые лавки.⁵⁸

С 70-е годов XIX века усиленно стала развиваться ярмарочная торговля. С упразднением таможи и застав на территории Уральской области, торговля с линейных пунктов и меновых дворов, находившихся за Уралом, перешла на ярмарки, в города и селения. Здесь сосредотачивалась теперь вся областная торговля.

На пригородных ярмарках г. Уральска шла торговля преимущественно живым скотом. Широко известна была Петровская ярмарка, которая

проводилась с 1 июня по 1 июля вблизи бывшего Казенного Сада.⁵⁹ Осенью устраивались ярмарки по продаже лошадей, сопровождавшиеся конными скачками, различными состязаниями в стрельбе и джигитовке. Такая ярмарка проходила обычно в Уральске с 25 августа по 15 сентября. По продаже сельскохозяйственных товаров в области наиболее крупными считались Иртецкая – с 28 февраля по 5 марта, Сламихинская – с 14 по 21 сентября, Каменская – с 10 по 17 октября, Гурьевская – с 17 октября по 2 ноября. С 29 по 31 января проходила Ранневская, а с 1 по 30 сентября – Воздвиженская ярмарки, на которых торговали скотом. Большинство ярмарок обычно приурочивались к осенним церковным праздникам, когда был собран весь урожай, а скот наиболее упитан и годен для продажи. С 1 по 20 мая проходила Калмыковская ярмарка, которая с 1891 года заняла достойное место среди первоклассных ярмарок России.⁶⁰ В степи с 20 мая по 20 июня проводились Уильская и Темирская ярмарки. Ярмарочная торговля в Уральской области существовала до 1917 года. Торговые обороты постоянно росли. Так, по сравнению с 1869 годом, в 1900 году оборот увеличился вдвое и составил 23,9 млн. рублей.⁶¹

О развитии торговли в области свидетельствует рост выдаваемых торговых билетов и свидетельств - в 1869 году было выдано 505,⁶² в 1880 году – 1505⁶³ и уже в 1898 году – 7420.⁶⁴

С ростом торговли и углублением товарно-денежных отношений связано появление и развитие в городе и области кредита, призванного стимулировать деятельность купеческих и промышленных капиталов. Самое старейшее из кредитных учреждений г.Уральска - отделение Русского Торгово-Промышленного коммерческого банка. Возникали предприятия мелкого кредита. Так, на 1 апреля 1912 года в Уральской области функционировали 31 ссудо-сберегательная и 14 кредитных товариществ. Из них 31 предприятие находилось в Уральском, 9 – в Гурьевском, и 5 – в Лбищенском уездах. В среднем на 1 товарищество приходилось по 250 членов. Ежегодно выдавалось ссуд на сумму около полмиллиона рублей. 36 предприятий мелкого кредита находилось на войсковой территории, 9 – в переселенческом районе. Казахское население области кредитовалось в девяти переселенческих и двух казачьих товариществах, и составляло около половины всех членов каждого товарищества.⁶⁵

Торговля играла важную роль в развитии Уральска, в росте строительства и благоустройства города. Основной доход от торговли заключался в акцизных сборах, взыскиваемых с иногородних купцов на основании

общих законоположений о городских доходах. Доход за право торговли собирался торговой депутацией с 1859 года. Но уже в 1865 году, были установлены следующие сборы за торговлю: с купцов 1-го разряда по 37 рублей 50 копеек; с купцов 2-го разряда по 15 рублей; с торгующих по промысловым свидетельствам по 4 рубля; за продажу временно привозимых товаров по 1% с рубля от стоимости товара и за торговлю мелочью в месяц по 1 рублю 42 копеек. Кроме этого существовали пошлинные сборы за вывоз рыбы и продажу скота.⁶⁶

Одну из существенных статей доходов составлял акцизный сбор за право виноторговли, торговли пивом и табачными изделиями.

Продажу крепких напитков в Уральске в 1873 году вели 448 заведений – трактиры, питейные дома, рейнские погреба с распивочной продажей.⁶⁷ В Уральске работало 2 винных завода, 1 коньячный. В 1900 году из Уральска в другие губернии было продано более 4 тыс. ведер вина, а привезено в Уральск – около 130 тысяч. Оптовая торговля пивом производилась из подвала пивоваренного завода и трех складов. В городе Уральске насчитывалось около тысячи табачных лавок и магазинов для торговли табачными изделиями.⁶⁸

Любовь к "зеленому змию" поистине была народной, без деления на сословия и вероисповедания. Основным потребителем спиртных напитков являлось русское население области, а казахское, если и употребляло вино, то только в редких и исключительных случаях.⁶⁹

По расчету в среднем на одну семью в Уральской области приходилось выпитого за год вина более 3-х ведер. Причем максимальное употребление вина приходилось на осень – время свадеб, реализации урожая и отдыха от летних страдных работ. С целью противодействия чрезмерному употреблению спиртных напитков среди населения 20 июля 1897 года в Уральске было образовано Общество трезвости. Общество открыло народную чайную, бесплатную читальню на Пушкинском бульваре и театр народной трезвости, где пропагандировали здоровый образ жизни, устраивали спектакли, коллективные чтения литературы, танцевальные вечера, чаепития.

Для поддержания благосостояния населения и народной нравственности областное правление в 1899 году ограничило число питейных заведений в городе до 50, из них рейнских погребов, торгующих на вынос не более 20, торгующих распивочно не более 10, питейных домов не более 20. Было также запрещено открытие питейных заведений и трактиров во всех домах, выходящих фасадом на Большую Михайловскую и Большую

Садовую улицы, а также окаймляющих базарные площади – Туркестанскую, Предтеченскую и Казанскую и на выездах из Уральска.⁷⁰

Развитие торговли привело к изменению социальной и этнической структуры городского населения. Торговля в Уральской области находилась в основном в руках иногороднего сословия. С возрастанием притока новых поселенцев в Уральскую область связан процесс дифференциации основных занятий населения: казаки переходили на сельские промыслы, покидая город, новыми горожанами становились вновь прибывшие из различных губерний России и Казахстана. Они придали новый облик городу, став развивать торговлю и промышленность.

До революции промышленность в Уральске была развита слабо, и состояла главным образом из мелких предприятий по обработке сельскохозяйственного сырья. Современники так характеризуют индустриальное состояние города: «Заводская промышленность ограничивалась салотопенными и кирпичными заводами, кузницами, ручной обработкой животноводческого сырья на дому, помолом зерна на паровых, водяных, ветряных и конных мельницах. Здесь отсутствовали не только предприятия машиностроительной и металлообрабатывающей промышленности, но даже предприятия по выработке главнейших предметов потребления – обуви, одежды, мясных консервов и животного масла. В 1873 году в области насчитывалось 400 промышленных предприятий. Из них в городе Уральске 149. Наибольшее количество предприятий находилось в Уральском уезде – 231.»⁷¹

Наибольшую долю в промышленном производстве занимали салотопенные заводы и кирпичные. Связано это было с высоким спросом на сало, которое отправляли в Москву, Казань и Санкт-Петербург.

Кирпич же требовался на строительство домов и зданий. Ежегодно его вырабатывали около 5 млн. штук. По объему промышленного производства далее заводы располагались в такой последовательности: кожевенные, мыловаренные, свечные, пиво - и медоваренные, клееваренные. Сумма произведенной продукции в области превышала 670 тыс. рублей, причем в Уральске ежегодно производилось промышленной продукции на сумму более 500 тыс. рублей.⁷²

Предприятия были мелкими, мало чем отличающимися от кустарных мастерских, с небольшим числом рабочих. На промышленных предприятиях Уральской области в 1873 году работало 980 человек, из них в Уральске – 600 человек.⁷³ Все работы выполнялись вручную, механизации труда не было, исключение составляли паровые мельницы, с

керосиновыми и нефтяными двигателями.

Заводы располагались на окраине города. Так, например, салотопенные заводы сначала находились на Вальковом острове, но из-за затопления его в половодье и из-за того зловония, которое они распространяли на весь город, их перевели в Перевалочную рощу. Кирпичные заводы находились на северной окраине города. Там же, в районе Солдатской старицы, располагались клеевые и мыловаренные заводы.

Кроме указанных предприятий в экономике Уральска значительную роль играла переработка солодкового корня. На 2 лакричных заводах работало 20 рабочих, промышленной продукции производилось на сумму до 20 тыс. руб. Ежегодно 1,5 тысячи тонн солодкового корня отправлялось за границу в Германию (Гамбург).⁷⁴

С развитием земледелия в области связано открытие крупных мельниц и просорушек, на которых в конце XIX века перерабатывалось около 100 тыс. тонн зерна ежегодно. Эти новые мельницы были построены местными купцами – промышленниками. Наиболее крупными предприятиями – мукомольно-паровыми мельницами владели купцы: Макаров, Ванюшин, Карев, Старов, Овчинников, Валов и другие. В перевалочной роще находилась и ветряная мельница Донскова, а на Жемчужном яру (бывшем Анисьином) - мельницы купца Ванюшина. В районе бывшего завода Землячки - мельницы купца Макарова. На долю мукомольно - крупной промышленности приходилось 2/3 от всего объема промышленного производства.⁷⁵ Значительные сдвиги в этой отрасли промышленности связаны с постройкой железной дороги, когда основным предметом вывоза стала продукция земледелия. Свою роль сыграли также высокие цены за помол.

Имевшая большие возможности для развития мясная промышленность не была организована, т.к. местные скотопромышленники не желали вкладывать средства в организацию холодильного и консервного хозяйства, а считали более выгодным отправлять скот в живом виде на рынки центральной России. И только в 1916 году был построен холодильник с цехом по убою скота.

С наступлением первой мировой войны часть промышленных предприятий города даже закрылась. Всего в Уральске в 1915 году насчитывалось 24 промышленных предприятий, 49 кузниц, с общим числом рабочих 212 человек. Наиболее крупным предприятием считалась механическая мастерская Винклера, занимавшаяся ремонтом сельскохозяйственного оборудования.⁷⁶

Перед революцией в Уральске открываются заводы : сыроваренный, лесопильный и известковый, а также две фабрики - махорная и суконно-шерстяная.⁷⁷ Эти фабрики и заводы, созданные коммерсантами наспех, чтобы заработать на военных поставках, имели крайне примитивное оборудование, открывались в совершенно неподходящих помещениях, не отвечающих минимальным техническим и санитарно-гигиеническим требованиям.

Ремесленное производство носила кустарный характер, в нем была занята беднейшая часть населения. В 1852 году в Уральске насчитывалось: 16 – серебряников, 6 – маляров, 63 – портных, 59 – сапожников, 65 – кузнецов, 150 – плотников, 29 – пильщиков, 30 – штукатуров.⁷⁸ Ремесленные мастерские находились в жилых домах, чаще всего продукция сбывалась прямо из мастерской, так как не выдерживала конкуренции на местном рынке с привезенными товарами.

Ремесленное производство обслуживало в первую очередь нужды местного населения. Особенно много было плотников и деревообделочников, которые обслуживали рыбный промысел, делали лодки, бочки для посола рыбы. Широкое развитие получило кузнечное ремесло – изготавливали багры для багреного рыболовства, подковывали лошадей. Сапожники и портные шили военное обмундирование и одежду. Почти в каждой семье плели сети, вязали платки, шарфы, рукавицы. Серебряных дел мастера изготавливали предметы роскоши для богатых, украшали оружие, седла, сбрую.

Спрос на строительные ремесла был обусловлен широко развернувшимся строительством церквей во второй половине XIX века, а также восстановлением и постройкой жилых домов после частых пожаров, случавшихся в Уральске. Почти все ремесленники в Уральске были выходцами из иногороднего сословия, уроженцами Владимирской, Нижегородской, Пензенской, Симбирской и Саратовской губерний.⁷⁹

В Степи были развиты такие ремесла как кузнечно-слесарное, плотницкое, портняжное, сапожное. Спросом пользовались – печники, бондари, кровельщики, шорники, валенокаты, шерстобиты, мастера по металлу, стекольщики. Перепись 1897 года показала, что ремеслами было занято 4345 казахов и 1278 переселенцев, в том числе 182 женщины. Ремесло давало заработок от 100 до 1500 рублей в год.⁸⁰

Таким образом, промышленность в Уральске начала развиваться только с конца XIX века. Она была представлена небольшими предприятиями, в основном связанными с сельским хозяйством. Большая часть

предприятий была открыта новыми поселенцами, они же составляли основной костяк занятых на производстве.

С изменением хозяйственного и административного значения города, менялся его внешний вид и размеры. До начала 30-х годов XIX века внешний облик Уральска не был примечательным: кривые улицы, ни одна из которых не пересекалась под прямым углом, кварталы не имели формы правильного четырехугольника, а были похожи на неудавшиеся оладьи, невысокие строения, над которыми возвышались купола церквей. Церквей было 17 (4 православные, остальные единоверческие), 5 мечетей. Н. Савичев писал, что: «Жители Уральска - христиане и мусульмане. Первые разделялись на православных, единоверцев и старообрядцев. Эти последние в свою очередь делились на секты: австрийскую окружницкую, австрийскую противокружницкого толка и безпоповцев.»⁸¹

Город бы укреплен рвом и валом, который по мере разрастания города неоднократно переносился. В 1772 году он проходил по улице Пугачева, в 1784 году был перенесен на улицу Крестовую (ныне им. Гумара Караша), а в 1807 году его возвели у болот и лесов, где в настоящее время проходит улица им. Жубана Молдагалиева.⁸² То есть, Уральск постепенно разрастался к северу.

Так, городской базар до XIX века располагался на площади у Старого Собора, в начале XIX века переместился на Некрасовскую площадь, а в середине века - был перенесен на Туркестанскую площадь (ныне площадь Революции). Перемещение торговых центров обуславливалось, кроме роста города, и частыми пожарами, которые иногда уничтожали почти весь Уральск. Кроме известного Шилихинского пожара, такой же большой пожар произошел в июне 1807 года, когда сгорело более 2-х тысяч жилых домов, 2 каменные церкви, дом уральской городской полиции со всеми бумагами, винный подвал, магазины. Пожары наносил большой экономический ущерб. В 1821 году он составил почти 3 млн. рублей. А три пожара 1879 года принесли ущерб горожанам более, чем на 2 млн. рублей.⁸³ В 1804 году в Уральске была учреждена пожарная команда, в 1865 году была построена Михайловская пожарная часть на улице Крестовой, к которой в 1900 году пристроили колодец для паровой водокачки.⁸⁴

Для предупреждения пожаров устраивались ночные караулы. С наступлением жары, все жители города Уральска обязывались обмазывать глиной плетни, убирать и вывозить за город со дворов легковоспламеняющиеся предметы - деготь, сено и т.п. На улицах Уральска даже за-

прещалось курить с 1 мая по 1 сентября, за исключением бульваров и садов.⁸⁵

Несмотря на все эти предосторожности, пожары были частыми. Огонь распространялся очень быстро, и плотно теснившиеся друг к другу деревянные дома в знойную летнюю погоду вспыхивали как свечки. Пожары не щадили и каменные здания церквей – горели Старый Собор, мечеть в Татарской слободе, Петропавловская церковь на Пугачевской площади и Казанская церковь, располагавшаяся на месте современного главного учебного корпуса государственного университета. Пожары изменяли лицо города. После них вместо деревянных строений возникали каменные, изменялась планировка и архитектура города.

Войсковой атаман Д.М. Бородин, вместо сгоревшего своего деревянного дома, построил большой каменный, для чего пригласил в Уральск архитектора итальянца Дельмедино, который впоследствии и занимался плановой застройкой города. В 1830 году при атамане В.О. Покатилове были восстановлены после пожара дом старшины Мизинова, где находилось войсковое училище и благородное собрание, на месте дома Щапова построено здание Войсковой Канцелярии, впоследствии преобразованной в ВХП. Дома Щапова и Мизинова построены были по проектам Дельмедино. А в 30-е годы застройкой общественных зданий в городе руководил уже войсковой архитектор А.А. Гопиус. По его проекту в 1837 году был заложен Александро-Невский Собор.⁸⁶

В 1830 году впервые для освещения Большой Михайловской улицы были поставлены керосиновые фонари.⁸⁷ В 1857 году для освещения Уральска приобрели 100 новых фонарей в г. Самаре, а лампочки к ним привезли из Санкт-Петербурга. На эти цели по указанию губернатора Катенина было выделено 200 рублей серебром.⁸⁸

В 1903г. на Большой Михайловской улице установили 10 газовых фонарей улучшенной системы Вашингтона. 2 фонаря поставили на 2-х городских мостах – один на Уральском, другой – на Чаганском. Каждый фонарь, укрепленный на высоком столбе, давал свет равный освещению 900 свечами. Внизу у фонарного столба находился цилиндрический резервуар для керосина и накачивания воздуха. От этого резервуара шли медные полые провода к испарителю фонаря. В резервуар вмещался 1 пуд керосина, при ежедневном восьмичасовом горении керосина хватало на неделю. Стоил такой фонарь- 250 рублей.⁸⁹

Градостроительство в Уральске оживилось с приездом наказного атамана Аркадия Дмитриевича Столыпина (1857 – 1862 гг.), отца выдающе-

гося российского реформатора и государственного деятеля П.А. Столыпина. Его по праву можно назвать пионером просвещения и культуры в Уральской области. Более точно охарактеризовал его вклад в развитие края и города В.П.Бородин, назвав А.Д.Столыпина - "Петром Великим уральского войска".⁸¹ Велики его заслуги в превращении Уральска из захолустного городка в современный город. При нем были открыты типография, классическая гимназия, публичная библиотека, построены многие общественные здания и места отдыха горожан. Он очень многое сделал для строительства и благоустройства Уральска. По инициативе А.Д. Столыпина в 1859 году на краю города построили деревянный театр, на Некрасовской улице осушили болото и там разбили бульвар. Летний клуб и прогулка по бульвару были нового рода удовольствием для горожан. В 1860 года в середине этого бульвара была поставлена ротонда, украшенная кованными решетками, цветочными вазами и мраморными ступенями. В 1867 году в ротонде установили мраморный бюст безвременно скончавшегося наследника престола Николая.

Еще одним из любимых мест отдыха горожан был казенный сад, работы по разведению которого начались в 1839 года еще атаманом М.А. Кожевниковым. Однако окончательно завершены эти работы были при А.Д.Столыпине. При нем были построены ряд общественных зданий - богадельня для бедных и престарелых, дом для умалишенных, приют для сирот, названный в честь императрицы Марии Александровны Мариинским детским приютом. Войсковая больница была расширена до 60 коек и в 1857 году переведена в здание бывшей войсковой канцелярии, до этого больница была всего на 6 кроватей и помещалась в старом неудобном доме. При Столыпине было основано также училище для благородных девиц. Успенская часовня переделана на церковь, вновь построена единовременная церковь Николая Чудотворца, пристроены большие каменные колокольни у Петропавловской церкви и Михайло-Архангельского собора.⁹⁰

Переломной датой в истории Уральска стал 1861 год, когда лицам иногороднего сословия разрешено было строить здесь свои дома. С этого времени строительство и благоустройство города проходило ускоренными темпами, стали строиться кирпичные здания и обстраиваться бульвары. В 1872 году жилые постройки перешли через городской вал Уральска.

От Урала через весь город тянулись две главные улицы – Большая Михайловская (ныне проспект Достык) и Оренбургская (ныне проспект

Евразия). Большая Михайловская протянулась с юга на север, почти на 6 км. На ней различали две стороны: восточную, "ситцевую", которая предназначалась для простого народа, и западную, "бархатную", для чиновников, купцов, офицеров и других представителей местной знати. Второй основной улицей в то время являлась Оренбургская, она была главной транзитной магистралью, т.к. по ней шли караваны с Бухарской стороны на центральный рынок. Для низовых обозников, весной 1903 года напротив Красного Яра вместо паромов были установлены плашкотные мосты, что обеспечивало им безостановочную переправу через Урал.⁹¹

В Уральске, как областном центре, с середины XIX века начали впервые возводиться административные и торговые здания, ставшие главным украшением города. Учреждения управления размещались на Большой Михайловской улице, а торговые – перемещались преимущественно в северную часть города. Уральск постепенно принял прямоугольную систему планировки строительства, размеры кварталов и ширина улиц стали увеличиваться, были проведены работы по замощению Большой Михайловской улицы.

В то время здания города архитектурно оформлялись в соответствии с вкусами богатых людей. Каждый домохозяин возводил постройки исходя из собственных эстетических потребностей. Одним из самых красивых особняков в Уральске был дом купцов Ванюшиных на Казанской площади. Построен он был в 70-е годы XIX века. В доме Ванюшиных располагался богатый Коммерческий клуб, в котором для купечества и приказчиков первого и второго класса проводились музыкальные вечера, концерты, лекции. Позднее в здании разместилось Уральское губернское правление и Продовольственный комитет.

В 1872 году архитектором И.А.Тецем было построено здание Войскового собрания на Столыпинском бульваре, выходившее на Оренбургскую улицу. По вечерам здесь гуляли горожане, играли в бильярд, танцевали под звуки духового оркестра. Здесь же была библиотека и столовая.

На Большой Михайловской были выстроены великолепные здания: дом купца Карева, собор Александра-Невского, здание Торгово-Промышленного Банка, Триумфальная арка (Царские ворота), здание русско-казахской школы, Храм Христа Спасителя.

Одним из красивых старинных зданий города был и остается большой Дом Карева, построенный купцом А.Т. Каревым. Приезжавшие в город по делам казахи дали громадному по тем временам зданию свое

название «Нар уй» или «Дом-верблюд». Дом Карева представляет собой трехэтажное здание, фасад которого богато украшен полуколоннами, наличниками, архитектурными поясками, а венчает его роскошная шатровая кровля с резными деревянными окошками. Самыми красивыми архитектурными деталями дома являются балконы: большой центральный и два боковых, поменьше. Пышный клубящийся узор чугунного литья завораживает. Стиль фасада здания - неорусский. Над шатровой фигурной крышей, на фронтоне указана год постройки здания - «1900». На первом этаже располагались магазины купцов А.Т.Карева, А.А.Шмидта, Р.Ф.Функа и др. На втором этаже располагалось Офицерское собрание, а позднее Коммерческий клуб. На третьем этаже - «Номера», о чем свидетельствовала большая надпись с северной стороны здания. Весной 1907 года в Доме Карева впервые в городе вспыхнули электрические лампочки, озарив витрины магазинов. В 1908-1909 годах в зале второго этажа работали «Электробиоскоп Пате» и «Парижский кинематограф». Кинокартины демонстрировались под аккомпанемент рояля и скрипки.

Позднее, в советское время, во время обороны Уральска в 1919 году в этом здании формировались добровольческие рабочие дружины. Здесь же была зачитана известная телеграмма В. И. Ленина, адресованная защитникам Уральска, в которой он называл их героями, а оборону города от белогвардейцев - героической. 14 декабря 1919 года в доме Карева был торжественно открыт Дворец Труда имени К. Маркса. В ноябре 1923 года, будучи в Уральске, в нем проживал основоположник казахской советской литературы С. Сейфуллин. В годы Великой Отечественной войны в здании размещался госпиталь. Сейчас в Доме Карева расположены областная филармония и областная библиотека имени Ж. Молдагалиева.

Напротив Дома Карева располагался двухэтажный дом крупнейшего уральского скотопромышленника П.П. Овчинникова. В его архитектуре нет ничего примечательного. Но с этим домом связана история Уральской большевистской организации. Дочери и сноха Овчинникова были членами местной организации российской социал-демократической партии. По настоянию дочерей миллионер выписывал нелегальную социал-демократическую литературу, даже заграничные издания. Никто не мог заподозрить миллионера в симпатиях к революционерам и не решался на просмотр корреспонденции и посылок на его адрес. Отсюда вся литература распространялась по городу.

В 1891 году на Туркестанской площади на частные средства представи-

телей торгового сословия – Овчинникова, Макарова, Сомова, Стулова и других, была построена триумфальная каменная арка в честь посещения Уральска наследником Николаем Александровичем. Арка отличалась массивностью и изяществом. На одной стороне надпись гласила: "Государю Наследнику Цесаревичу", на другой - "от верноподданных жителей города Уральска". На верху был изображен герб Уральской области. По сторонам годы – 1591 и 1891г., означающие 300-летний период служения уральского казачества царю. Место под строительство арки было выбрано не случайно. Оно называлось "Кочкин пир", по фамилии командира батальона Кочкина, который по распоряжению оренбургского губернатора Волконского в 1803 году руководил расправой над непокорными казаками. Царские ворота много лет являлись украшением центра города, пока не были разрушены в 1929 году.

Одной из достопримечательностей Уральска является Георгиевская или Ханская роцца, в которой проводились все крупные политические события. Строительными работами здесь руководил архитектор Б.И.Родзевич. Георгиевская роцца была превращена в парк с правильными и широкими аллеями. В устье реки Чаган на поляне был выстроен роскошный павильон в виде полукруга, украшенный резьбой.

Около арки на Туркестанской площади в 1904 году было построено трехэтажное здание Русского Торгово-Промышленного Банка. Первый – подвальный, второй почти вровень с тротуаром для магазинов, а третий для банка и биржи. Налево от главного входа помещение для нотариальной конторы, направо - магазин. Впереди перед входом между колоннами на некотором возвышении установлены фигуры львов: на правой стороне, опирающегося на герб Уральского казачьего войска, а на левой - с гербом Уральской области.⁹³ Здание было построено в стиле «ренессанс», из камня и железа, облицовано белым кирпичом. Проект здания банка составил архитектор А.Бунькин в 1896 году, все кованное оформление выполнил мастер холоднойковки П.И.Лаптишкин, а строительством руководил, специально вызванный из Москвы, известный железнодорожный строитель Н.Д. Раевский.

Все здание по периметру опоясывала ажурная ограда декоративного рва. Богатая лепная и цветовая пластика фасада органично сочеталась с изящными, как бы нарисованными пером решетками балконов. Изюминкой здания явился выдвинутый вперед портал, украшенный колонами со скульптурами. В 1905 году здание украсили скульптуры казаков: воина и рыбака, символизирующие основные занятия местного населения. Эти

скульптуры создал художник Н.Г.Калентьев. (В 30-е годы XX столетия скульптуры казаков заменили фигуры хлебороба со снопом и женщины с корзиной плодов.) Коммерческий банк назывался горожанами Белым Банком. В здании банка находились аптекарский магазин Компанейца, магазин купца Р.Функа, парикмахерская Грязнова, коммерческая чайная, ресторан, биржевой зал, квартира управляющего банком. Общая стоимость здания с центральным отоплением, канализацией, вентиляцией, электрическим освещением обошлась в 220.000 руб.⁹⁴

С 1919 года в этом здании размещались советские и партийные учреждения. Сейчас расположен акимат Западно-Казахстанской области.

В конце XIX века было возведено здание русско-казахской школы в своеобразном мавританском стиле - стрельчатые оконные проемы, куполки у основания крыши, стилизованные под минареты. К сожалению, не сохранились каменная ограда в форме среднеазиатского дувала с бойницами и двумя воротами, а также сквер, расположенный с правой стороны от школы. В настоящее время в этом здании находится историко-краеведческий музей, а на месте уничтоженного сквера построен Дом Союзов.

На Иканском бульваре по Большой – Садовой улице в 1889 году была сделана закладка фундамента храма во имя Христа Спасителя "в ознаменовании предстоящего 300-летнего существования Уральского казачьего войска и по случаю пожалования ему Георгиевского знамени".⁹⁵ Архитектор И.А. Тец составил план фундамента и эскиз храма. Предполагалось построить трехпрестольный храм с боковыми пределами в честь праздников Покрова Пресвятой Богородицы и Великомученика Георгия Победоносца. Съездом станичных выборов был организован строительный комитет под председательством атамана Н.Н.Шипова. К юбилейному 1891 году из-за недостатка средств, а главным образом, времени, завершить строительство не удалось. Решено было на фундаменте храма построить площадку, которая должна была служить достойным местом для принятия парада наследником. Цесаревич принял участие в молебне и освещении строительства Храма. В правый восточный пилон была заложена серебряная доска с надписью об этом событии.

После смерти архитектора Теца, приглашенный архитектор – художник В.Н. Курицын составил новый проект, так как из-за неправильной разбивки фундамента его опорная сила была мала. Новый однопрестольный храм должен был быть построен в византийском стиле. Однако впоследствии, архитектор В.Н. Чагин предложил Комитету новый

проект однопрестольного храма в русском стиле, наиболее отвечающий вкусам местного населения, вместимость которого была рассчитана на 600-700 человек. Все подготовительные работы были закончены только к 1903 году Строительством храма руководили инженеры-техники И.Н.Небаронов и И.М.Железнов.⁹⁶

За собором Христа Спасителя в мае 1905 году было заложено здание для земской больницы на 100 коек для лиц иногороднего сословия.⁹⁷ Кроме этого в 1904 году на пожертвования купцов А.Я. Овчинникова, Ф.М. Макарова, П.А. Макарычева, И.А. Севрюгина, А.Е. Хохлачева и К.А. Ванюшина был куплен дом и устроен ночлежный приют. В этом доме отвели 2 комнаты для бесплатной амбулатории с выдачей бесплатных лекарств. Благотворительность и меценатство были тогда достаточно распространенным явлением, богатые жители Уральска охотно выделяли средства на любые общественные мероприятия, оказывая помощь бедным. Специально созданное Уральское благотворительное общество содержало дешевую столовую и родильный приют на 6 кроватей.

На средства Уральского казачьего войска содержалась Уральская войсковая больница, а также больницы в Гурьеве, Илеке и Калмыкове. За счет казны – больница при Уральской тюрьме, казахская общественная больница, приемные покои в Темире, больницы при Уральской войсковой женской гимназии и Рязанско-Уральской железной дороге. Врачебное дело постепенно развивалось. Если в 1893 году было 22 врача и 8 повивальных бабок,⁹⁸ то в 1912 году в области в 8 больницах и 15 приемных покоях работали 45 врачей, 71 фельдшер, 7 акушерок и 24 повивальные бабки.⁹⁹ Главный врач уральской войсковой больницы являлся главным областным врачом. Кроме этого были областной врачевный инспектор и уральский городской врач.¹⁰⁰ В Уральске находились 2 аптеки, одна из которых была открыта Францем Миллером в 1834 году и сохранилась до 1917 года.

Окончательно вывело Уральск из провинциального сна строительство железной дороги и установление связи с центральными городами и губерниями России. В 1894 году было открыто движение по узкоколейке от Покровской слободы (ныне город Энгельс Саратовской области) до Уральска. Эта ветка была продолжением железной дороги Москва – Рязань – Саратов и получила название – Рязанско-Уральской. Фактически это была первая железная дорога, построенная на территории Казахстана. В пределах Уральской области железная дорога простиралась почти на 200 километров, через следующие железнодорожные станции – Пере-

метная, Зеленый, Шипово, Семиглавый Мар. По путям в то время двигались маломощные паровозы иностранных фирм, они тянули за собой составы всего в 200 тонн, не более 5-6 вагонов.

В городе и перечисленных выше станциях, а также на переездах были построены типовые здания и производственные постройки. В Уральске вокзал был построен в 1899 году на северной окраине. До наших дней здание вокзала не сохранилось. В его оформлении использовались элементы европейской и азиатской архитектуры. Перед вокзалом стояла водонапорная башня, окруженная садиком, который назывался Кругленьким. Через реку Чаган был построен деревянный мост, и к нему с обеих сторон шла насыпь длиной более 2-х км. С конца XIX века около станции стал разрастаться железнодорожный поселок, появилось паровозное депо, где производился мелкий и текущий ремонт. В 1906 году здесь работало 97 рабочих, а весь инженерно-технический персонал состоял из одного монтера, двух мастеров и начальника депо.¹⁰¹ Железная дорога облегчила ввоз и вывоз товаров, способствовала развитию торговли и промышленному росту города. Было налажено и пассажирское сообщение.

В начале XX века в Уральске появляются первые автомобили. Военным губернатором области было отменено постановление 1901 года о запрещении езды на автомобиле по городу Уральску с одним условием – ездить без гудков, чтобы не распугать лошадей.¹⁰² Областное правление по инициативе вице-губернатора, озабоченное увеличением торговых оборотов Уильской ярмарки, решило устроить с 1 июня 1905 года пассажирское и товарное автомобильное сообщение между Уральском, Джамбейтой и Уилом, для чего приобрело автомобиль - грузовик на 300 пудов груза, который ездил со скоростью 10-20 верст в час. В начале мая «была устроена обкатка этого автомобиля. На это необычное зрелище собралось множество народу».¹⁰³

Однако до революции основным городским транспортом оставались извозчики. К занятию «извозным промыслом» допускались лица «добропорядочного поведения» всех сословий не моложе 16 летнего возраста. Для легковых извозчиков на езду с пассажирами устанавливалась определенная такса. С одного человека за проезд в один конец брали 10 копеек, после 12 часов ночи плата увеличивалась вдвое, а во время распутицы на 5 копеек. Чтобы доехать в пригородные рощи, надо было заплатить за одного человека 20 копеек, за двоих – 30, а за троих – 45 копеек. Проезд до сада стоил 15 копеек, а до железнодорожного вокзала – 30.

Первый телефон в Уральске появился в 1880 году, а в 1903 году было налажено телефонное сообщение между Уральском и Шиповом.¹⁰⁴

Постепенно жители Уральска стали проявлять склонность к комфорту. Появилось меблированное убранство домов, красивые экипажи, богатая сервировка стола, старинная серебряная посуда – кубки, стопки чеканные и литые. Конные коляски с желтыми рессорами были модными у состоятельных горожан. На этих колясках катались по большой улице, вечером заезжали к знакомым, или приглашали к себе.

Вся жизнь горожан была строго регламентирована – существовали запреты на курение, взимался налог за содержание собак по 1 рублю. За неуплату этого налога полагался штраф в 50 %, а собака подлежала усыплению.¹⁰⁵ Даже места для купания были строго определены. Так, для купания мужчин отводился правый берег Урала от моста вверх по течению, для купания женщин – по тому же берегу, но ниже моста в 60 саженьях вниз по течению. Для полоскания белья – место ниже купания женщин. Для купания лошадей – левый берег Урала. А для водовозов и обывателей города, берущих воду из Урала для своих потребностей, предоставлялось особое место на правом берегу.¹⁰⁶ Такая регламентация вовсе не тяготила городских граждан, а даже наоборот, соответствовала их внутренней установке и психологическому настрою на порядок везде и во всем.

Изменялись нравы жителей. Современники писали: «Женщины выпивали немного меньше мужчин, так что нередко свои сороки и волосники с головы привозили домой в руках. Аристократы играли в бостон или баяк, иногда игра продолжалась по 3-е суток к ряду. На Красном Яру каждую Пасху устраивали гулянья, игры с хороводами. Устанавливали качели на месте зимнего базара. Разгар веселья был при атамане Д.М. Бородине. Казаки говорили: "Атаман Бородин в войске один". Давал часто обеды, балы. Жил роскошно как владетельный герцог. Имел фавориток».¹⁰⁷

В 30-е годы местом отдыха горожан стала Ханская роща, где проходили гулянья для людей всякого сословия. «Медный и бальный оркестры гремели там, благородные люди танцевали, а простые любовались ими, или сидели где-нибудь особняком, в тени перед самоварами. И всем было тогда весело. Охотников попить чая в тени деревьев более всего было из иногороднего торгового сословия, а слободские татары избрали Ханскую рощу местом для своего летнего кэйфа. Атаман Покатилов желал сделать Ханскую рощу любимым местом гулянья Уральской публики. При

Покатилове впервые в Уральске было устроено благородное собрание, которое до этого существовало в виде ассамблеи в доме самого атамана Покатилова, где он устраивал танцевальные вечера и первым пригласил "уральский прекрасный пол на танцевальный паркет".¹⁰⁸

Заметный след в культуре Уральска сыграли многие известные писатели и поэты, а также ссыльные революционеры. В 50-60-х годах XIX столетия Уральск являлся местом ссылки многих народовольцев и демократов, чьи идеи получали в городе широкое распространение. В 1862 году город посетил Л.Н.Толстой, и его впечатления об Уральске легли в основу рассказа "За что?", написанного в 1906 году. В Уральск был сослан поэт-петрашевец А.Н.Плещеев, здесь он встретился с великим украинским поэтом и художником Т.Г.Шевченко. В 50-е годы в Уральске побывал революционный демократ М.Л.Михайлов, в 60-е – И.С.Аксаков, в уральских казармах умер от холеры в середине XIX века исследователь А.В. Ханыков.

Развитие образования, установление связи уральцев с другими регионами страны, приезд многих видных ученых и просветителей в Уральск привели к формированию в городе нового слоя – слоя просвещенной интеллигенции. В результате появляются первые научные исследования, подготовленные местными учеными, в которых изучаются многие стороны истории и культуры народов Западного Казахстана. Среди них - Н.Ф. Савичев, И.И.Железнов, М.С. Бабаджанов, А.Б.Карпов, И.Бородин, Г.Тукай, В.Голованов и многие другие.

Разносторонне одаренный Никита Федорович Савичев (1821-1885г.) был известен как талантливый журналист, поэт и художник. Закончив Уральское войсковое училище, он был зачислен на военную службу. Впоследствии, выйдя в отставку, занимал должность архивариуса Войскового хозяйственного правления. Н.Ф.Савичев был знаком с Т. Г. Шевченко, который очень тепло отзывался о нем. В Уральском краеведческом музее хранится портрет Н.Ф.Савичева, написанный Т.Г.Шевченко и подаренный ему в знак дружбы. Многие Н.Ф.Савичев сделал для знакомства русских читателей с историей и культурой казахского народа, приглашал выдающегося казахского композитора Курмангазы для выступления в Уральске, написал о нем восторженную статью, нарисовал портрет. Ему же принадлежит роль первого исследователя национально-освободительного восстания под руководством И.Тайманова и М.Утемисова. Его перу принадлежат статьи и заметки "О народном быте", "Одежде уральских казаков", повести "Исправленная ошибка", "Бездолье", рассказы "На се-

нокосе", "Добрый вечер" и др.

Для местной научной и художественной мысли первостепенное значение имела деятельность и творчество писателя, этнографа и историка Иосафа Игнатьевича Железнова (1824-1863). Первые литературные произведения И.И. Железнова редактировали в Уральске А.В. Ханыков и А.Н. Плещеев. Железнов был дружен с великим русским драматургом А.Н.Островским. Сильное влияние на мировоззрение Железнова во время его службы в Москве оказали славянофилы. В своих произведениях он идеализировал самобытную жизнь уральских казаков, уральской общины. В 1858 году вышел его первый сборник "Уральцы". Трехтомное собрание сочинений И.И.Железнова было опубликовано в 1888 году уже после смерти писателя.

Ахилл Бонифантьевич Карпов (1866-1911г.) завершает плеяду уральских краеведов дореволюционной поры. Его публикации и статьи на страницах уральских газет отмечались разнообразием фактического материала, отражали его любовь к родному краю, знанием всех специфических черт психологии уральского казачества. А.Карпов получил хорошее по тем временам образование. Он закончил Оренбургскую гимназию и юнкерское училище, что позволило ему создать серьезные научные работы и ряд поэтических произведений по истории уральского казачества. Его работы носят субъективный характер, написаны через призму казачьего мироощущения, но по обилию фактического материала не потеряли своего познавательного значения и для нашего времени. Наиболее известны его произведения: "Уральцы", "Казачьи стихотворения", "Памятник казачьей старины", "Краткие очерки из истории Уральского войска".

Мухаммед-Салык Бабаджанов (1832-1871) известный этнограф, родился в Урде. Его труды являются ценнейшим источником для изучения материальной и духовной жизни казахов Западного Казахстана начала второй половины XIX века. Его этнографические и краеведческие работы публиковались в газетах "Санкт-Петербургские ведомости", "Северная пчела", "Деятельность" и др.

Габдулла Тукай (1886-1913) – татарский поэт, публицист. Свои детские и юношеские годы провел в Уральск, учился в медресе при татарской мечети. Большое влияние на его интеллектуальное развитие и самосознание оказала семья Тухватуллиных. Он пользовался их библиотекой, работал вместе с сыном главы семьи Камилем над изданием периодической печати на татарском языке, работал в типографии газеты

“Уралец”. В газетах и журналах на татарском языке “Аль-Гасрель джадит” (Новый век), “Уклар” (Стрелы), “Фикер” (Мысль) печатались его поэтические произведения, а также очерки и фельетоны.

Для становления культуры и просвещения в Уральске важное значение имело открытие первой – войсковой типографии. Это событие положило начало созданию в Уральске собственной полиграфии. В городе стали печататься газеты, книги и другие издания. В годы экономического расцвета в Уральске работало несколько типографий, выпускалось одновременно до трех различных газет.

Официальным днем открытия первой типографии в г.Уральске считается 13 февраля 1862 года.¹⁰⁹ Организатором типографии был Н.Вишневский, приглашенный А.Д.Столыпиным из Петербурга. Первоначальный штат войсковой типографии состоял из 9 человек (наборщики, печатники и пр.). Некоторые из них, например, Миронов и Хрущев были отправлены в Петербург для изучения типографского дела. На первых порах своего существования типография печатала приказы наказных атаманов по войску, годовые отчеты и бланки для войсковых управлений и учреждений.

Первым серьезным изданием, выпущенным типографией был “Сборник для чтения в форпостных училищах казачьего войска”, состоявший из литературных произведений самого А.Д.Столыпина, а также М.К.Курилина, И.И.Железнова и поэтессы Тушкановой.

А с 1 января 1867 года начала издаваться первая в Уральске газета “Уральские войсковые ведомости”, редактором которой стал П.Назаров. За первый год издания вышло в свет несколько номеров газеты общим тиражом в 390 экземпляров. С 1869 года функции типографии расширились. Уральское областное правление учредило новую газету - “Уральские областные ведомости”, печатание которой было возложено на войсковую типографию. Была расширена техническая база типографии - было куплено 2 станка и скоропечатная машина марки «Аугсбург». А в 1912 году в типографии было уже 2 скоропечатные машины, 1 бостонка, 4 печатных (тискальных) станка и 1 литографический, имелось до 200 пудов шрифта.

Расширение деятельности типографии привело к увеличению числа рабочих и мастеров. Поэтому в 1878 году число работников при типографии было увеличено до 12 человек, в 1902 г. их было уже 19, а по утвержденному 23 мая 1904 г. новому штату – 25 человек. На содержание типографии в 1904 году было выделено более 5 тысяч рублей. Кроме

того, на содержании типографии расходовалась половина из денег, получаемых за платные услуги, а вторая половина шла в областной бюджет. Уральская типография была до революции одним из самых крупных предприятий в городе. В разное время ее руководителями были Н. Вишнеvский, затем М. Хохлачев, за ним с 1871 года - А.Юдин, а с 1879 г. бессменно в течении 31 года начальником типографии был М. Мазанов.¹¹⁰

Вскоре в Уральске были открыты частные типографии М.А.Жаворонковой и Л.Н.Щелоковой, сыгравшие большую роль в культурной жизни города. С 1892 года в городе стала выходить литературно-политическая и экономическая газета "Уральский листок" с бесплатным приложением для городских подписчиков ("Уральский листок объявлений"), редактором которой была М.А.Жаворонкова. Газета печатала материалы по экономике области, научные этнографические материалы, обозрения по историческому прошлому края, современные новости, а также точные биржевые известия о ценах на местные продукты (спрос, предложение и прочее). Выходило 100 номеров в год.¹¹¹

С 3 июля 1897 года вышел первый номер литературно-общественной газеты "Уралец". Стоимость ее в рознице была 5 копеек, а подписная цена с доставкой на полгода для горожан составляла 2 руб.50 коп., вне города - 3 руб., а на год соответственно 4 руб. и 5 руб. Газета выходила 2 раза в неделю по воскресеньям и четвергам. Газета печатала статьи местных краеведов - И.И.Железнова, М.К.Курилина, Н.Ф.Савичева, Г.С.Карелина и А. Северцева и статьи по важнейшим вопросам местной жизни. Издателем газеты "Уралец" был К.Ванюшин, редактором - М.Сладков. Газета печаталась в частной типографии П.Аничхиной и Б.Турыбина.¹¹² Наборщиком в типографии газеты "Уралец" работал Габдулла Тукай.

С октября 1911 г. по май 1912 г. в Уральске издавалась газета "Казахстан" на казахском и русском языках. Газета выходила 4 раза в месяц. Издателем ее был Елеусин Буйрин. Несмотря на короткий срок существования, газета сыграла свою роль в просвещении и развитии культурной жизни казахского народа.¹¹³

А с 1915 по 1916 годы в городе выходила одноименная газета "Уралец", печатавшаяся в типографии В.В.Старцева. Это была общественно-политическая и коммерческая газета, которая издавалась при участии К.А.Логашкина, Г.М.Осмичева, И.И.Ульянова, Доброглаголь (псев.) А.А.Пылаева, В.Старцева и других. В Уральске до революции печатались также газеты: "Уральские областные ведомости", "Уральский дневник". В

1913 году выходил студенческий литературный сборник "Горыныч".¹¹⁴

Таким образом, сравнительно за короткое время в Уральске появилась не только собственная полиграфическая база, но и печатные издания - до революции выходило 7 различных газет.

В рассматриваемый период Уральск сложился и как образовательный центр Казахстана.

Еще в 1807 году последовало предложение оренбургскому военному губернатору князю Волконскому об открытии в Уральске учебного заведения. На что Волконский ответил отказом, посчитав это предложение преждевременным. "Уральцы, - написал он в ответ - придерживаясь старой веры и раскола, сильно предубеждены против всякого просвещения, считая его преступлением против веры и их обычаев, называя просвещенных людей еретиками, антихристами и богоотступниками. Более того, - писал далее Волконский, - не только казаки, но и многие из чиновников столь далеки от образования, что даже имеющие капиталы до 20000 рублей, кушают без салфеток и руки обтирают о сапоги, говоря, что от этого двойная польза выходит: на салфетки не надобно тратить деньги и сапоги не потребуют мази. Вот каковы понятия уральцев!".¹¹⁵

В письмах этих о грубости нравов уральцев есть доля правды, но, вероятнее всего, оренбургский губернатор, напуганный катастрофой "Кочкина пира" и будучи непопулярным в среде уральских казаков, боялся проводить какие-либо нововведения в г.Уральске, чтобы избежать новых беспорядков.

Пытался открыть училище для детей дворян и офицеров с изучением истории, географии и русского языка атаман Д.М. Бородин. Но, не найдя поддержки среди горожан, "подобно растению, пересаженному в чужую почву", училище просуществовало два или три года, а потом закрылось по причине смерти единственного учителя. Пять или шесть учеников этого учебного заведения впоследствии были людьми более или менее развитыми среди казаков, без предрассудков.¹¹⁶

Только в 1812 году в Уральске, с разрешения министра народного просвещения графа Разумовского, было впервые учреждено войсковое училище на правах начальной школы. Для этого училища были «выписаны» из Санкт-Петербурга учитель Белоголовов и помощник учителя Пиняев. Училище просуществовало недолго и, сгорев во время пожара 1821 года, только через десять лет было вновь открыто.¹¹⁷

Видное место в развитии образования в Уральске занимает деятельность атамана В.О. Покатилова. Благодаря ему в 1831 году было вновь

открыто Уральское войсковое училище на правах уездного училища. Оно подчинялось по хозяйственной и учебной части дирекции оренбургских училищ, находилось в ведении Казанского учебного округа и действовало по уставу учебных заведений России 1928 года. Переписка об открытии училища продолжалась в течении всего 1830 года, и затянулась бы может еще надолго, но войсковая канцелярия решила не медлить с этим делом, и не дождавшись назначения учителей от начальства Казанского университета, пригласила отставного учителя Бузулукского уездного училища Крошихина на должность помощника учителя войскового училища. Ему было предписано открыть училище с 1 июля 1831 года.¹¹⁸

На учебу принимались дети офицеров и простых казаков. Для привлечения казаков к обучению детей, было разрешено мальчикам из беднейших семей выдавать обмундирование за казенный счет. Им шили форменные куртки, шинели, фуражки из хорошего сукна, давались и сапоги. В 1835 году состоялся первый выпуск слушателей. Ученики, успешно окончившие училище, были оставлены при нем в качестве преподавателей и помощников учителей. Так, Ф.Скворкин преподавал русскую грамматику, Я. Шелудяков – всеобщую историю и географию, С. Абрамичев – русскую географию, математику и русскую историю, А.Кочемасов был назначен учителем приготовительного класса, а И. Поликарпов поступил в атаманскую канцелярию. Все они были произведены в урядники (унтер-офицеры). В 1841 году училище было причислено к разряду военно-учебных заведений, и в качестве наказания для нерадивых учеников были введены розги.¹¹⁹

Наказной атаман А.Д.Столыпин провел ряд преобразований в училище. Он пригласил новых учителей из молодых офицеров, окончивших Неплюевский кадетский корпус в г. Оренбурге, Московское коммерческое училище, открыл специальный класс для юнкеров, ввел преподавание французского языка и лесоводства. Число учащихся возросло до 186 человек, из которых 25 детей бедных родителей обучались за счет казны. По ходатайству А.Д. Столыпина в 1859 года шесть воспитанников Уральского войскового училища были отправлены для продолжения учебы в гимназиях Казани и Санкт-Петербурга, с последующим поступлением в Казанский университет на медицинский факультет и Санкт-Петербургское строительное училище для получения специальности архитекторов.¹²⁰

26 сентября 1870 года войсковое училище было преобразовано в Уральскую мужскую классическую гимназию с изучением латинского языка.

При гимназии была открыта подготовительная школа с трех летним курсом обучения. Программы и учебники были утверждены Министерством просвещения. Если в подготовительном классе дети занимались только молитвами, чтением, письмом и овладевали двумя действиями арифметики, то уже в первом классе, изучали 9 предметов: физику, географию, естественную историю, краткий курс логики, рисование, черчение, математическую географию, русский и латинский плюс церковнославянский языки.

В гимназии была открыта библиотека-музей, физический кабинет с приборами, оборудован кабинет географии. В мужской классической гимназии учились дети различных сословий и вероисповеданий.

Однако изменения, произошедшие в составе населения Уральска, потребовали пересмотра статуса гимназии. В 1890 году она была переформирована в реальное училище, с годовым бюджетом более 30000 рублей. В 1895 году при училище было открыто общежитие для иногородних учеников. Было учреждено по 7 стипендий для успешно обучающихся воспитанников из бедных семей. Сумма стипендии составляла от 60 до 120 рублей в год. В 1900 году в реальном училище 19 преподавателей обучали 287 учащихся – детей дворян, чиновников, купцов, мещан, ремесленников, казаков и иногородних.

Предпринимались попытки и в развитии женского образования. Первое женское училище в Уральске было открыто 1 декабря 1836 году для обучения чтению и письму, божьему закону и рукоделию. Но через год оно прекратило свое существование из-за отсутствия суммы на содержание.¹²¹ И только 6 июля 1859 года новым атаманом А.Д. Столыпным было открыто Уральское девичье училище, которое в 1877 году было преобразовано в Уральскую войсковую женскую гимназию. Женская гимназия просуществовала до революции. Кроме обязательных предметов, преподавались музыка, рисование и иностранные языки. При училище было образовано 2 школы для девочек в Илецком и Гурьевском городках.¹²²

В 1891 году в Уральске открылась сельскохозяйственная школа с четырехгодичным курсом обучения. Занятия в ней начинались с 10 октября и продолжались до 1 апреля, а с 1 апреля занятия в школе чередовались с сельскохозяйственными работами. В школе обучалось 50 детей, из них: 40 получали казенную стипендию, а 10 платили за обучение по 100 рублей в год.

Для детей духовенства, в 1859 году в Уральске было открыто духовное

училище, которое находилось на углу Большой Михайловской и Петропавловской площадей.

Однако основной формой обучения до революции оставались церковно-приходские и школы грамоты. В Уральске они стали действовать с 1885 года. В 1898 году было уже 17 церковно-приходских школ и 40 школ грамоты, в которых 105 учителей обучали 1763 ученика, а также 3 воскресные школы – 192 ученика и 22 учителя. Наиболее крупными школами были: Предтеченская церковно-приходская школа с 3-х годичным курсом обучения, которая содержалась на добровольные пожертвования горожан; Петро-Павловская церковно-приходская школа вела обучение по книгам и пособиям, рекомендованным Синодом; Кирилло-Мефодиевская школа при Александро-Невском соборе, которая содержалась на средства собора; Казанско-Богородицкая церковно-приходская школа, основанная на средства почитателей, уральских меценатов – Ванюшина К.А., братьев Хохлачевых, М.С. Сладкова, П.А. Макарычева, Ф.И. Макарова. В этой школе библиотека насчитывала 1000 экземпляров учебников и книг для чтения. Во всех школах преподавались: закон божий, русская грамматика, славянский язык, "счисление", начальная география и русская история. Плата за обучение для детей состоятельных родителей не превышала 3 рублей в год, с бедных плата не взималась.¹²³

В городе в пореформенное время начинает развиваться школьное образование и среди нерусского населения – татар, казахов и других. В 1871 году в Уральске была открыта казахская школа, в которой насчитывалось 22 учащихся мальчика.¹²⁴ Число учащихся было бы гораздо больше, но в частных домах, где снималось помещение для казахской школы, большее количество учеников разместить было невозможно. Областное начальство ходатайствовало перед попечителем Оренбургского военного округа П.Лавровским, а тот в свою очередь перед Министром Народного Просвещения о постройке в г.Уральске здания для киргизской школы. К ходатайству была приложена смета на 7998 рублей 54 копеек и план училищного здания. Но технико-строительный комитет Министерства внутренних дел, по рассмотрению проекта здания, признал его неудовлетворительным и для школы совершенно неудобным, почему и рекомендовало проект переделать. Был составлен новый план казахской школы, рассчитанной на 50 человек и сметой на 49633 рублей 50 копеек. "Как не дорого представляется предполагаемая постройка, - ходатайствовал П. Лавровский, - но важное значение уральской казахской школы вполне

оправдывает этот расход". На постройку здания было отпущено 47805 рублей. В 1883 году в виду окончания постройки было принято в ведение учебного начальства здание для двухклассного русско-казахского начального училища.¹²⁵

На 1 января 1899 года в Уральске было открыто 16 казахских учебных заведений, в том числе 1 русско-казахская школа ремесленных учеников с начальным училищем, 2 двухклассных русско-казахских училища, 12 одноклассных и 1 русский класс при медресе.¹²⁶ В них обучались 1347 мальчиков и 12 девочек. В 1909 году для образовательных нужд собственно казахского населения области было уже открыто 59 учебных заведений – 12 двухклассных и 15 одноклассных волостных школ, 3 женских и 29 аульных школ, в которых обучалось 1632 мальчика и 41 девочка. Сказанное выше показывает, что на 1000 человек казахского населения в школах обучалось 3,5 человека, а на 1000 учащихся мальчиков приходилось 25 девочек.¹²⁷ Таким образом, данного количества казахских учебных заведений было недостаточно.

С 1872 года в Уральске стало действовать медресе муллы М. Тухватуллина, рассчитанное на 60 человек. Обучение велось под надзором самого М. Тухватуллина, при участии его помощника К. Юздашева. В нем обучались только дети татар. 53 мальчика обучались в 5 группах медресе в течении 5 лет. Изучали арабский язык и коран. По инициативе Тухватуллина позже было открыто женское отделение для малолетних девочек. В женском медресе обучение велось под непосредственным наблюдением жены муллы – Г.Г. Тухватуллиной.¹²⁸

При медресе открывались русские классы для изучения русского языка. Дети мусульман, после окончания мектебов и медресе охотно продолжали учебу в русских классах.

В Уральском казачьем войске в 1869 году существовали следующие учебные заведения: войсковое училище и три его отделения, народная школа при войсковом училище, духовное училище, девичье училище, народная школа при девичьем училище, школа певчих при православном Александро-Невском соборе и 36 народных школ в уездах. Во всех учебных заведениях обучались дети всех сословий, не исключая иногородних и инородцев, кроме музыкальной школы, где обучались лица только войскового сословия. В 1869 году во всех этих учебных заведениях насчитывалось 1447 учеников и 76 учителей.¹²⁹

Сеть учебных заведений постоянно развивалась. В 1909 году основная часть школ и училищ была сосредоточена в областном центре. В Ураль-

ске было 42 учебных заведения с числом учащихся обоего пола в 3998 человек. Таким образом, 1 учащийся приходился на 13 человек городского населения. Это очень высокий уровень образования. В целом по области на тот период было 284 учебных заведения, в которых обучалось 10800 мальчиков и 5037 девочек.¹³⁰

Высшее образование дети уральцев получали вне области - в высших учебных заведениях Санкт-Петербурга, Москвы, Казани, Киева, Харькова, Ровно, Варшавы, Ярославля, Саратова, Томска, Оренбурга, Самары. Обучались как за счет казны, так и на войсковые и частные стипендии и за свой счет.¹³¹

Среднее образование дети получали после окончания реального семиклассного училища, женской гимназии с педагогическим курсом, духовного училища, школы войскового хора трубачей и певчих мореходного класса и войсковой сельскохозяйственной школы.

Начальное образование было представлено народными школами в Уральской области. Сообразно с подчинением трем различным ведомствам народные школы подразделялись на три категории: на войсковые, школы духовного ведомства и школы ведомства Министерства Народного Просвещения. В 1909 году войсковых школ в области насчитывалось 128 (164 учителей и 7334 учащихся, в том числе 5503 мальчиков и 1834 девочек).¹³²

Школы духовного ведомства подразделялись на церковно-приходские и школы грамоты. Их было 67 (181 учитель и 3739 учащихся).¹³³

Школ ведомства Министерства Народного Просвещения в области насчитывалось 83, в них обучалось 2276 человек. Содержались они как за счет государственного бюджета, из сумм земского сбора от сельских казахских обществ, так и за счет добровольных пожертвований.

Кроме того, начальное образование можно было получить в частных школах мастеров и при мечетях. В 1909 году в 139 школах мастеров и мастерниц обучалось 3249 учащихся обоего пола, а в 40 школах при мечетях и медресе – 1071 учащийся.¹³⁴

Непосредственно перед первой мировой войной в 1913 году на образование в Уральской области было выделено из государственной казны 218864 рубля и 185790 рублей из войсковой казны. Всех учащихся на территории области было 18720 человек обоего пола всех сословий.¹³⁵ Образованию в области, как видим, уделялось значительное внимание. В результате был достигнут известный прогресс в развитии просвещения. Однако сохранялась диспропорция в образовательном уровне среди

различных сословий.

Уральск занимает особое место в развитии культуры в Казахстане. Во многом это определяется тем обстоятельством, что в XIX веке город был не только самым крупным, но и самым старейшим европейским городом в Западном Казахстане. Здесь впервые в Казахстане появились библиотеки, театр, музеи и многое другое.

Значительное место в культурной жизни города играли библиотеки. Среди них выделяется фундаментальная библиотека при войсковом училище, созданная в начале 30-х годов XIX века. Первоначально фонд библиотеки был невелик и состоял из учебной литературы и книг по русской истории, истории мировой и русской литературы, по физике и другим наукам, доступным для слушателей училища.¹³⁶ То есть, это была в основном, учебная ученическая библиотека.

Благодаря стараниям смотрителей Уральского войскового училища Гиляровского и учителя Орлова фонд библиотеки обогащался ежегодно. Так уже в 1857 году в ней уже числилось по каталогу 596 томов русских и 10 томов французских сочинений и 319 томов различных периодических изданий.¹³⁷

Библиотека училища по указанию А.Д. Столыпин была признана доступной для остальных горожан. Его ходатайство перед оренбургским генерал-губернатором было принято, и библиотека 4 ноября 1858 года была преобразована в войсковую публичную бесплатную библиотеку. Так была заложена основа для формирования самой крупной библиотеки в Казахстане в дореволюционный период.

Библиотека пополнилась книгами на средства из казны и пожертвования частных лиц. Так, В.М. Кондрахин подарил библиотеке 1679 томов иностранных сочинений. По каталогу 1868 года в библиотеке числилось 3619 томов русских и 1981 томов иностранных сочинений, периодических изданий – русских 1682 томов и 638 томов французских. Всего в общей сложности – 7920 томов. Из периодических изданий широким спросом пользовались у публики журналы "Русское слово", "Современник", "Дело" и "Отечественные записки".¹³⁸

С 1858 по 1870 годы библиотека оставалась при войсковом училище, помещалась в училищном здании, где был открыт читальный класс для всех желающих. С открытием в 1871 году в Уральске классической гимназии, существующая публичная библиотека была закрыта. Большая часть книг вошла в состав фундаментальной библиотеки гимназии, а оставшая часть была передана во вновь открытую в октябре 1872 года войско-

вую публичную библиотеку.¹³⁹ С 1894 года в Уральске была открыта бесплатная читальня, которая содержалась на пожертвования частных лиц. Она была действительно народной: ее посещали лица из бедных слоев населения – ремесленники, мастеровые, рабочие, приказчики.¹⁴⁰

В марте 1901 года в здании областного правления была основана товарищеская библиотека. Она занимала одну комнату в помещении статистического комитета и имела в фонде полторы тысячи томов книг. Ее контингент составляли представители местной интеллигенции. Книги в библиотеке были подобраны таким образом, что они давали полное представление о современной русской и иностранной литературе.¹⁴¹ Однако, "библиотека страдала отсутствием «серьезных книг» - писала газета «Уральские областные ведомости», - больше всего интеллигенция гонялась за модными авторами, классиков совсем не уважала."¹⁴²

В культурной жизни Уральска заметным явлением стало открытие драматического театра по инициативе А.Д. Столыпина. Первый спектакль был дан в 1858 году.¹⁴³ Жители города восхищались игрой таких актеров, как Виноградский, Соколов, Соболев, Титов, Дрейер и актрис Берг, Линовской, Карауловой. На сцене Уральского театра давались пьесы Островского, Чехова, водевили, бенефисы и проходили спектакли любителей.¹⁴⁴ В 1869 году на уральской сцене с 25 по 30 апреля прошли первые гастроли театральной труппы из Самары. При полном аншлаге были сыграны все спектакли. А в 1870 году впервые на сцене театра была поставлена историческая драма "Скопин Шуйский" - для Уральска событие небывалое, все билеты были проданы.

Город и театр имели очень хороший оркестр под управлением опытного дирижера Шрена, бывшего солиста оркестра Санкт-Петербургского Императорского театра. Оркестр своим основанием также был обязан А.Д. Столыпину. Цены за билеты на спектакли были доступные: за место в ложе платили 5 рублей, бенеуаре – 4 рубля, бель-этаже – 3 рубля, кресла 1 ряда стоили по 2 рубля, 2 и 3-го – по 1 рублю 50 копеек, 9-го – 60 копеек, а в галерее от 40 до 20 копеек.¹⁴⁵ Устраивались благотворительные спектакли в помощь воспитанницам реального училища и женской гимназии. На один из таких спектаклей было продано 322 билета. Признаком хорошего тона было, когда первые лица города переплачивали за билет в 2-3 раза более его стоимости. Сведения об этом затем публиковались в местной прессе.

В 1889 году уральский купец Ф.И. Макаров построил на Туркестанской площади здание для театральной труппы, которое впоследствии,

так и назвали "Театр Ф.И. Макарова". На его сцене в 1891 году пел Ф.И. Шаляпин. В 1904-1907 гг. с успехом играла труппа драматических артистов под управлением С.А. Катарского.¹⁴⁶ Во время зимнего сезона, по праздничным дням давались утренние спектакли по низким ценам. Это давало возможность беднейшему населению города посещать спектакли лучших драматических писателей. "Спектакли эти были обставлены теми же силами, как и обыкновенные, и на них обращалось также полное внимание администрации театра".¹⁴⁷ Учащейся молодежи на эти спектакли рассылались бесплатные билеты.

Были знакомы уральцы и с оперным искусством, и слушали классическую музыку, посещали концерты, сбор от которых шел в пользу благотворительных заведений. Газеты того времени нам сообщают: программа одного из таких концертов состояла «из квартета № 1 Моцарта, исполненного госпожой Фенге (рояль), господином Кондрахиным (скрипка), господином Осиповым (альт) и господином Журавлевым (виолончель). А затем *Andante Cantabile* из квартета Чайковского, исполненного на скрипке. Во втором отделении концерта исполнен квартет № 1 Мендельсона».¹⁴⁸ В начале XX века любителям искусства представилась возможность услышать пение оперной труппы под руководством Шумского. Было дано 10 спектаклей: "Пиковая дама", "Травиата", "Русалка", "Риголетто", "Жизнь за царя", "Фауст", "Евгений Онегин" и др. Газеты пишут – «Сбор был полный».¹⁴⁹ Культурная жизнь Уральска была достаточно насыщенной и многообразной. За короткий срок в городе появились театр, библиотеки, музеи, которые, на наш взгляд, в полной мере отражают характер кардинальных изменений в развитии города.

Таким образом, рассматриваемый период, середина XIX - начало XX веков, стал переломным в истории Уральска. Главным изменением стал переход от провинциального, захолустного состояния к формированию нового, современного городского облика. Уральск стал политическим, административным, экономическим, промышленным, культурным и образовательным центром огромной области, объединившим потенциал обширной территории, где проживало более 1,6 млн. человек.

За этот период установились прочные экономические связи Уральска с соседними губерниями, стали чаще проводиться ярмарки и торги, имевшие значение для урало-поволжского региона. Увеличилась торговля не только в областном центре, но и в целом по области. В торгово-рыночные отношения оказалась втянута достаточная часть населения, что привело к слову патриархального характера уклада жизни. В начале

XX века в городе стала развиваться промышленность, строиться железная и автомобильная дороги. Однако индустриальное развитие осталось на уровне средних и мелких предприятий, крупной промышленности в Уральске не было. Поэтому в начале XX века город стал уступать в социально-экономическом развитии ряду городов Казахстана.

Выгодное географическое положение обусловило близость к России, к ее культурным центрам, что привело к заметному прогрессу в развитии образования и культуры. Уральск в это время являлся центром культурной жизни Казахстана.

Самым заметным проявлением процесса модернизации уральского общества стало резкое изменение социальной структуры, приведшее к появлению новых сословий среди городского населения и формированию нового этнодемографического облика Уральска.

4.2. Этнодемографические процессы в Западном Казахстане и Уральске: их взаимосвязь и обусловленность.

Одним из важнейших вопросов истории Уральска является проблема формирования и развития его многонационального населения. Начало этого процесса мы относим к середине XIX столетия, когда Уральск начинает становиться собственно городом не только по численности жителей, но и по уровню развития черт присущих городу. Это - единое городское хозяйство, бюджет, благоустройство, развитие промышленности и торговли, широкое строительство современных для того времени зданий, уровень санитарии, культура и т.д. Решающую роль в этом процессе сыграли: утверждение Уральска областным центром, введение новой системы управления, рост экономики, что позволило направить значительные средства всей области на кардинальное развитие города. Это привело к слому сословной замкнутости города и со второй половины XIX века формированию нового облика Уральска. Город стал административным центром огромного региона, в состав которого входили современные Западно-Казахстанская и Атырауская области, а также часть территории Актюбинской и Актауской областей. В исследуемый период все преобразования носили ярко выраженный колониальный характер, так как проходили в рамках государственной политики Российской империи.

Помимо экономических и политических факторов определяющую роль в формировании городского населения в XIX веке сыграло насе-

ление Западного Казахстана, представленное казахами и казаками. Совместная экономика, культура и история двух народов определяли характер развития региона и Уральска. До середины XIX века кочевое и полукочевое скотоводство казахов занимало большую часть земель и составляло главную отрасль хозяйственной деятельности. Слаборазвитое хлебопашество у казачества, главным занятием которых было рыболовство, не влияло на монокультурное развитие экономики. Преобладание натурального хозяйства и военная служба казаков обусловили замкнутый характер развития Уральска, основная роль которого состояла в военно-полицейском присутствии в Западном Казахстане. Поэтому первоначально население в основном формировалось за счет казачества, росло очень медленно, а сам городок имел захолустный облик большой деревни.

Образование Уральской области и придание Уральску значения областного центра стало отправной точкой в новой истории города. Теперь наряду с коренными жителями, в процессе формирования населения стал важную роль играть приток поселенцев извне, из-за пределов области.

Аграрный характер экономики в дореволюционное время постепенно уступает место аграрно-индустриальному. Развитие промышленности и транспорта, крупной торговли начинается с конца XIX века, вызвав рост городского населения за счет новых социальных групп, присущих промышленному обществу. Процесс промышленного развития в соединении с аграрным переселением в эти годы послужили основой формирования многонационального населения Западного Казахстана и Уральска. Переломным этапом в этом процессе надо считать конец XIX - начало XX веков.

Формирование населения Уральска неразрывно с общим процессом развития населения Западного Казахстана. Поэтому правомерно исследовать изменения основных групп населения области: казахского населения, казачества и иногородних. Выделение данных групп обоснованно историческими реалиями. В «Историко-статистическом обзоре Уральской области» местный исследователь Н.Огановский определил их так: « население нашей области делится на 3 основные группы: киргизы /казахи - авт./ и казаки туземного происхождения, третья - так называемые иногородцы принадлежат к пришлому наносному элементу.»¹

Рассмотрим два показателя – численность и этническую структуру населения. Статистические данные периода XVIII- середина XIX веков

приблизительны, так как точного учета практически не было. Не было и выделения в отдельности жителей города. Поэтому анализ процесса формирования городского населения будет основан на изучении всех основных групп населения Западного Казахстана.

Круг известных документов по истории населения показал, что наиболее ранние достоверные сведения мы имеем по казачеству.

Начальный этап формирования войска характеризуется низким уровнем роста абсолютной численности и полиэтничностью состава казаков, что отличало уральское казачество от других войск. Это определило характер этнодемографического развития населения Уралья до середины XIX века.

Первая перепись была проведена в 1723 году полковником Захаровым, которая показала численность казаков в 5772 человека мужского пола.² Более поздние сведения указаны в отчетах оренбургского губернатора А.Давыдова. В документах «Ведомость имеющихся по Яику реке крепостях, редутах и форпостах за 1742 и 1753 гг.» и «Табель сколько по Оренбургской пограничной линии в настоящих крепостях и редутах действительно положенных и всегда гарнизонами пребывающих и на учрежденных в нынешнее лето форпостах и на заставах воинских регулярных и нерегулярных командах» указана численность по линиям: гарнизонные войска составили 4841 мужчину, временную службу несли 1052 солдата, 1174 русских казака, 207 калмыков, 3075 башкир, 26 ногайцев, а всего 10375 человек. По национальному составу русские составили - 68,2 %, другие - 31,8 %.³

В книге А.Рябина «Уральское казачье войско», приведены данные, собранные генерал-лейтенантом Медером в 1801 году: «Общая численность проживающих на войсковой территории составила 30227 человек, в том числе 14981 мужчина, из них к казачьему сословию принадлежит 29588 человек, в том числе 14618 мужчин»⁴

В эти же годы самостоятельные исследования проводили Н.В.Ханыков и И.Ф.Бларамберг.⁵ Население Уральского казачьего войска в 30-х годах XIX века на основании данных Н.В.Ханыкова составляло 77 727 человек, из которых 38 683 мужчин и 38 884 женщин. Основная часть казаков проживала на землях казачества - 39 408 человек. Другие расселялись по дистанциям: Верхняя Уральская - 3 611, Нижняя Уральская - 8 947, Средняя Уральская - 5 335, Илецкая - 5 072, Чижинская - 620, Узеньская - 747. Кроме того, в г.Уральске казаков было 12 396, в селениях Илецкого района - 1 591. В 1845 году в «Ведомости о числе народонаселения в землях ураль-

ского войска», составленной полковником Акутиным численность определена в 62 539 человек. Бларамберг И.Ф. в своем исследовании в 1848 году указывает - 63 276 казаков.

Уральской войсковой канцелярией в 1856 году была вновь проведена перепись сословия, которая являлась наиболее полной и учитывала различные качественные характеристики населения. По ее результатам всего в казачьем войске было 73 373 человека, из них 35 606 мужчин и 37 767 женщин.⁶

Рост численности происходил за счет двух факторов: естественного прироста и притока извне. В условиях жизнедеятельности казачества того периода из-за частых войн и походов, стычек с казаками и другими соседями, незащищенности от эпидемий и голода высоким был уровень смертности. Поэтому роль естественного движения была невелика и главным фактором формирования уральских казаков стал приток извне. Именно он позволял поддерживать рост численности в целом.

В данный период прием в казаки был сравнительно открытым, поэтому роль новых пополнений была достаточно высокой. Расширение рядов Уральского казачьего войска было составным элементом колониальной политики Российского государства. Хотя прием в казаки в основном осуществлялся казачьей старшиной и на войсковом круге, государство активно вмешивалось в этот вопрос. Поэтому в состав казачьих войск включались жители ближних к Западному Казахстану российских провинций. Это не только русские люди, но и представители народов Поволжья и Приуралья.

В XVIII веке в состав Уральского казачьего войска активно стали включаться калмыки. С 1725 года они вошли в войско и стали нести службу в составе яицкого корпуса. В 1739 году 69 калмыцких семей было поселено на реках Большой и Малый Узень. В 1744 году в Яицком городке было 350 калмыков. В 1748 году около 1 тысячи калмыцких кибиток были поселены у Гурьев - городка. Таким образом, убыль в войске было решено восполнять за счет людей из Калмыцкого ханства. В отношении к калмыкам Российское государство проводило политику насильственной христианизации и закрепления в междуречье Волги и Урала. Этой же цели служило включение их в ряды казачества. Поэтому калмыки стали зачисляться в ряды не только Уральского, но Астраханского и Оренбургского казачеств. В 1753 году все яицкие калмыки были вновь переселены на Волгу, и их количество на Урале значительно сократилось.⁷ Включение калмыков в состав казачества проходило в тот период помимо их

воли и вызвало ряд восстаний, самое крупное из которых произошло в 1770 году.

В 40-е гг. XVIII века начался прием в казаки башкир, которые стали составной частью всех формируемых в Поволжье и Приуралье казачеств. В Уральском казачестве было образовано ряд воинских соединений, состоявших в основном из башкир.

Вместе с тем основной поток новых казаков шел из России. Отсутствие конкретных цифр не позволяет проследить этот процесс в деталях. Но укрепление феодально-крепостнических порядков и абсолютизма в России оставляли актуальными главные причины бегства людей в поисках свободы и более достойной жизни. Исходя из пограничных интересов, государство не поощряло, но и не преследовало беглых. Таким образом, рост численности Уральского казачества шел в основном за счет притока извне.

Первая половина XIX века - это время активной колониальной политики в казахской степи, вызвавшее массовые народные движения. Роль казачества значительно возросла. Создание новой дистанционной системы для управления казахами, образование Букеевской орды, разделение Младшего Жуза на части требовали новых пополнений рядов войска. В 40-е годы девятнадцатого столетия 9-й башкирский кантон, составленный из переселившихся в Саратовскую губернию башкир, был перечислен в Уральское войско и сформировано отдельное башкирское отделение.

С 1848 года было разрешено принимать в сословие казахов, каракалпаков и представителей других азиатских народов. Уральское казачье войско в эти годы сохраняло многонациональный характер. По данным Рябина А.Д. русские составляли - 86 %, башкиры - 7 %, татары - 5 %, калмыки - 1,2 %, каракалпаки и казахи - 0,8 %.⁸ Данные этнические группы в составе казачества расселялись в основном в станицах по территории области.

С середины XIX века постоянной тенденцией в развитии населения Уралья стало снижение числа казаков среди горожан и рост числа иногородних. Это связано с переходом части казаков к жизни в сельской местности - в станицы и поселки. Основные причины данного процесса: изменение функций казачества, усиливающийся приток иногородних, развитие промышленности и торговли, превращение городов из станиц в административные центры региона, одинаково открытые для проживания различных групп населения. Так, в Уральске, несмотря на

абсолютный рост казачества с 9418 человек в 1836 году до 11077 человек в 1897 году, удельный вес казаков среди горожан составил в конце XIX века только 30,3 процента.⁹

Таким образом, изменение положения и статуса казачества привело к значительным внутренним изменениям. С одной стороны, происходило расселение казаков от пограничной линии, форпостов и крепостей, которые располагались на Урале и теперь потеряли свое былое значение, на запад - к границам войска, к Самарской и Саратовской губерниям, или с севера и юга - в среднюю часть казачьих земель. С другой - во второй половине XIX века окончательно формируется новый облик казаков, основными занятиями которых становится, наравне с военной службой, земледелие и скотоводство.

Уральское казачество за XVIII -XIX века значительно возросло. По данным Первой всеобщей переписи Российской империи численность казаков составила 114 166 человек, а по семейным спискам, представленным станичными атаманами -119 595 человек.¹⁰

Рост казачества стал возможным благодаря поддержке и помощи государства, постоянному притоку новых пополнений извне, высокому естественному приросту. С небольшой по численности общины в начале XVIII века, казачье войско выросло до второй по численности группы в Западном Казахстане. С начального этапа формирования и до середины XIX века оно характеризовалось многонациональным составом, пополняясь за счет не только русского, но и соседних этносов. Государство - метрополия рассматривало казачество в этот период как военно-политическую организацию, призванную укрепить влияние России на пограничных рубежах, поэтому расширение рядов за счет открытого и широкого приема всячески поддерживало. Со второй половины XIX века, с завершением колонизации Казахстана, Уральское казачье войско теряет свою первоначальную функцию. На первый план выходит задача обустройства новых колоний и военная служба дополняется полицейско-фискальными обязанностями. В этих условиях доступ в казаки прекращается, казачество становится все более мононациональным, превращаясь в национально-патриотическую силу в колониальном Казахстане. К этому же времени окончательно определяется аграрный характер расселения уральских казаков.

Основными жителями среди населения Уральска к концу XIX века стали иногородние. Резкий рост значения данной группы начинается с середины XIX века и отражает объективные процессы социально-

экономического развития Западного Казахстана.

Однако впервые категория иногородних людей была отражена уже в переписи Захарова в 1723 году, когда помимо казаков, он указал наличие 353 человек различного положения.¹¹ По данным Медера в 1801 году зафиксировано 699 иногородних.¹² Это не означает увеличения данной группы населения, так как в первом случае указаны только мужчины, а во втором люди обоего пола - 363 мужчины и 276 женщин. Как правило, это были представители самых разных национальностей и выполняли они в большинстве своем различную подсобную или побочную работу. Отсутствие в целом точных статистических данных по населению в XVIII веке, естественно не обошло и иногородних. Поэтому здесь возможны какие-то уточнения. Для нас важнее сам факт появления новой категории населения.

Следующие данные взяты из материалов 10 ревизии податного населения, проведенной в 1858 году. Тогда численность иногородних в Западном Казахстане составила 5643 человека. В дальнейшем для данной категории в статистических материалах характерен резкий рост. Так, в 1868 году - 8176 человек, в 1885 году по результатам подворной переписи - 32961, а в 1897 году по материалам Первой всеобщей переписи - 65038 человек.¹³ Таким образом, произошло резкое увеличение численности иногородних, которое объясняется возросшим притоком людей извне. При этом, необходимо учитывать неполноту статистических данных и высокую подвижность этой группы.

В XVIII веке иногородние являлись источником пополнения рядов казачества. По Захарову в 1723 году все они были людьми вольными. А одинаковое количество мужчин у Захарова и Медера в 1801 году говорит о том, что после определенного времени они зачислялись в казаки. Это подтверждается и изменившимся социальным положением иногородних в ходе последнего учета. Теперь они распадаются на 2 группы: торгово-ремесленную - 146 человек, и группу крепостных дворовых - 493 человека. Появление первой группы отражает возросшую потребность в обеспечении товарами горожан, а также росте торговле со степью и соседними областями. А вторая группа появляется в результате социального расслоения казахского и казачьего обществ и появления новых сословий - дворянства, духовенства и мещан. В 1837 году дворовых было уже - 1256, в 1842 году - 1928 человек.

Но уже в 50-е годы основной группой в среде иногородних стали торгово-ремесленные люди. По Рябинину их численность возросла в

1860 году до 4854 человек, а количество крепостных дворовых уменьшилось до 789.¹⁴ Рост именно этой группы отражает общий процесс экономического развития региона и Уралья, втягивания его в общероссийский рынок. Если общая численность иногородних возросла в 9 раз, то торгово-ремесленной группы - в 33 раза. Они составляли основной костяк новых жителей города и способствовали резкому росту городского населения. Таким образом, до середины XIX века социальное положение иногородних значительно изменилось, теперь это была в основном категория новых людей. Прием в казачество из их среды прекратился. Расширение этой группы происходило не стихийно, а регулировалось экономическими потребностями: иногородние стали социальной базой для формирования кадров для торговли, промышленности, ремесел, сельскохозяйственных работ и т.д.

Положение иногороднего населения значительно изменяется с отменой в России крепостного права и начавшимся процессом освобождения крестьян. Начался усиленный приток новых людей в Западный Казахстан. Если до 1860 года ежегодный рост иногородних составлял 88 человек, то теперь темпы прироста возросли в геометрической прогрессии. За период 1860 - 1868 годы ежегодный прирост составил - 319, за 1868 - 1885 годы - 1450, за 1885-1897 годы - 2915 человек. То есть, в конце века по сравнению с его началом прирост иногороднего населения возрос в 33 раза, опережая по темпам ежегодный рост казаков в 2, казахов - почти в 3 раза. В результате в 1897 году резко изменилось соотношение казачьего, иногороднего и казахского населения.

В результате, одним из главных итогов социально - экономического развития Западного Казахстана в рассматриваемый период стало появление и постепенное формирование новой категории населения, так называемого иногороднего. Это привело, с одной стороны, к росту городского населения, прежде всего в Уральске, а с другой к формированию многонациональной структуры населения. Подчеркивая положение иногороднего населения, Огановский Н. характеризует его как «пришлого, значительно более подвижное, не имеющее ... прав, иногородцы - торговцы, промышленники, а главным образом рабочие - промышленные и сельские».¹⁵

Основным населением Западного Казахстана в XVIII - XIX веках являлось коренное казахское население. Значение данной группы для истории города выходит за пределы чисто демографических характеристик. Система управления, образ жизни, основные занятия, характер

экономического и социального развития Уральска определялись его взаимодействием со Степью. Сама динамика изменений роли и функций Уральска – от небольшого поселения до крупного города, ставшего административным, культурным и экономическим центром области, стала возможной в результате расширения колонизации Казахстана Россией.

По истории казахского населения круг известных источников, особенно по истории XVIII века, еще невелик, так как планомерная работа по поиску и введению в научный оборот данных по казахам началась недавно. Проводимые в советский период изыскания носили односторонний и идеологизированный характер, а многие документы сознательно предавали забвению. Об этом свидетельствуют новые материалы по древней и средневековой истории Казахстана.

Одним из первых документов той эпохи, дающем информацию о казахх Младшего жуза, является «Выписка Коллегии иностранных дел о приезде в Санкт-Петербург послов от хана Малого жуза Абулхаира для переговоров о принятии российского подданства», подготовленная дипломатами для доклада императрице 30 октября 1730 года. В ней говорится: «присланные словесно доносили: оных кайсацких кочевых народов 40 000 кибиток...»¹⁶ Исходя из общепринятого историками среднего состава семьи в 5-6 человек, получаем общую численность в 200-240 тысяч. Других данных, подтверждающих полученный результат, мы не имеем. Вместе с тем, установленная цифра позволяет определить хотя бы начальный размер численности казахов Младшего жуза.

Для сравнения используем материалы о расселении казахских родов - «О киргиз-кайсаках, разделяемых обыкновенно на Большую, Среднюю и Меньшую орды». Этот документ был подготовлен в конце XVIII века оренбургским генерал-губернатором Г.Волконским на основании сведений, собранных им среди султанов и старшин. Здесь он указал, что в 217 родах и подотделениях родов Младшего жуза насчитывается до 165 700 семейств.¹⁷ Используя способ увеличения в 5-6 раз, получаем общую численность в 800 тыс. - 1 млн. человек. Аналогичная цифра указывается и в отчете Оренбургской пограничной комиссии в Азиатский департамент за 1838 год, где на основании сведений султанов-правителей определена численность кибиток в 200 тысяч, а жителей - около 1 миллиона.¹⁸

Учитывая данные 1730 года, а также конца XVIII века, представленных Г.Волконским, и 1838 года, указанных в отчете Л.Л.Мейера и А.И.Добросмыслова, устанавливаем следующую динамику изменения

численности казахского населения за XVIII век: от 200-240 тыс. до 1 млн. человек, или рост в 4 раза. Однако такой высокий прирост не характерен для того периода. Он мог быть достигнут только за более длительный отрезок времени, а не за 70 лет. И если более достоверна конечная цифра, подтверждаемая к тому же официальными органами и лицами, то ей соответствует иная начальная численность казахов - в 400-500 тыс. человек.

На естественное движение казахов в XVIII веке продолжали оказывать воздействие природно-климатические факторы и суровые условия жизнедеятельности. Это - периодически повторяющиеся джугты, приносящие в степь голод; стычки с соседями: калмыками, башкирами, казаками; вторжения джунгар; внутриусобные столкновения. Влияние перечисленных обстоятельств приводило к высокой смертности и сравнительно низкой продолжительности жизни казахов. К тому же подвижность кочевого населения, постоянные перемещения и откочевки из-за неблагоприятной внешне - и внутривосточной обстановки вносили свои коррективы в расселение родов, а значит влияли на рост населения. Поэтому увеличение даже вдвое общей численности требовало более продолжительного времени. Следовательно динамика численности казахского населения Младшего жуза, более соответствующая действительности, выглядит следующим образом: - в 30-40 гг. - 400-500 тыс., - в конце XVIII в. - 800-900 тыс., в 30-40 гг. XIX в. - 1 млн. человек.

Таким образом, к 1860 году в целом население западного региона Казахстана равнялось 1177,2 тысяч человек. Численность казахов составила 1017,7 тысяч человек, или 86 %. Инонациональное население составило 159,5 тысяч человек, или 14 %.

Если проанализировать изменения численности казахского населения за период с 30-х годов XVIII века до середины XIX века, то мы наблюдаем рост в 2,5 раза. Однако по сравнению с численностью начала XIX века, когда мы определили казахское население почти в 800-900 тыс. человек, заметного роста за первую половину XIX века не произошло. Причины, на наш взгляд, заключаются не столько в изменении темпов естественного движения среди казахов, сколько в изменении в целом положения коренного населения в Младшем жузе за этот период. Напомним, что это были годы окончательной колонизации края, которое сопровождалось насильственными методами колониальной власти по подавлению любого сопротивления со стороны казахского населения. Многочисленные восстания охватили почти всю территорию Западного

Казахстана. По мере продвижения российского влияния на восток, казахи прибегли к старому методу неповиновения и откочевывали за пределы досягаемости новой власти. Это был путь в южные земли - к Каспию и Аралу, что сказалось на общем снижении численности казахов. Второе направление - на исконные земли в междуречье Волги и Урала, что привело к образованию Внутренней, или Букеевской Орды. Кроме того, население степи избегало какого-либо учета со стороны колониальной администрации, поэтому процент неточности был очень высоким.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года предоставила подробные сведения о переменах в развитии Уралья и Западного Казахстана. В целом достоверность сведений переписи одним из крупных историков-демографов Кабузаном В.М. оценивается достаточно высоко - расхождения в учете населения составили по его мнению от 1,0 до 1,7 % в зависимости от региона.¹⁹ Данный вывод подтверждает в своих исследованиях по Казахстану Бекмаханова Н.Е.²⁰ Но сравнение данных по Западному Казахстану дает более высокий процент неточности по казахскому населению - до 10 % .

В соответствии с материалами переписи наличное население области составило 645 121 человек, из них городское - 55482. (Введение нового административного деления позволило выделить из состава всего западноказахстанского региона отдельно население Уральской области). Кроме них в итогах указаны 1716 человек, временно отсутствующих на момент переписи. Вместе с наличным населением они составили 646 899 постоянных жителей области.

Перепись позволила установить размещение населения. Общая численность проживающих в городах и на селе показывает преобладание сельского населения над городским. В аулах и поселках проживало 589 639 человек, или 91,4 %, а в 5 городах - 55 482, или 8,6 %. Почти 50% населения, или около 300 тыс. человек, проживало на севере области, где были более благоприятные природно-климатические и географические условия жизни, а именно в Уральском уезде. Данные переписи подтверждают аграрный характер социально-экономического развития региона и соответствующий тип расселения населения. Городские жители в основном проживали в областном центре - Уральске, который являлся в конце XIX века самым крупным городом Казахстана. Остальные города области - Илецк, Калмыков, Гурьев и Темир были причислены к этому разряду в первую очередь из-за того, что являлись административными центрами уездов. Но Илецк и Гурьев по своей численности можно

отнести к средним городам, исходя из общего уровня Казахстана.²¹

Материалы переписи позволяют выявить основные источники формирования населения в конце XIX века. Все жители области по месту рождения были разделены на 4 группы: местные, уроженцы других уездов Уральской области, уроженцы других губерний и областей, уроженцы других государств. В группу местных уроженцев вошли 556 636 человек, что составляет абсолютное большинство - 86,2 %. Это свидетельствует о том, что увеличение численности проходило в основном путем естественного прироста. С учетом уроженцев других уездов области численность местных жителей составила 583 840 человек, следовательно, естественный фактор прироста населения оставался основным для рассматриваемого периода. Кроме того, эти данные позволяют выявить сравнительную малоподвижность казахов, которые кочевали в границах своего уезда и не нарушали закона о выезде за его пределы. Что касается казаков, то к этому времени, по-видимому, завершился процесс отселения от пограничной линии, и они обосновались в хуторах и поселках.

Вместе с тем, перепись подтверждает возрастающее значение внешней миграции, приезда сюда людей из-за пределов Казахстана, удельный вес которых составил 9,6 % от всего населения области. Таким образом, перепись показывает устойчивую тенденцию повышения удельного веса пришедших людей и усиления их роли в формировании местного населения. Коренное население, связанное узами собственности, не покидало своих традиционных мест проживания, о чем говорит незначительная, около 4 %, внутриобластная миграция.

Основными уездами, куда переселялись люди из других регионов, являлись Уральский и Калмыковский. В Уральский уезд приехало 60 191 человек, или 73,7 % всех новоприбывших, в том числе 43 590 человек из-за пределов области. Они составили более 20% населения уезда. В Калмыковский уезд переехало 17 827 новых жителей. Однако миграция в эти места имеет отличие от миграции в северный уезд. Оно состоит в том, что большую часть мигрантов составили люди из других уездов области, в основном казаки, переживавшие процесс аграрно-хозяйственного освоения войсковой территории.

Переселение в целом по области носило аграрно-промышленный характер, а не только аграрный. Из общего числа мигрантов 61 871 поселились в сельской местности, а в городах - 23 699 человек, то есть практически каждый третий. Наибольший наплыв испытал город Уральск, где 17 888 человек не являлись местными уроженцами, составив почти

половину населения города. Таким образом, перепись зафиксировала тенденцию усиления роли внешней миграции в формировании городского населения.²²

В развитии региона начался необратимый процесс перехода экономики от замкнутого, натурального характера к современным формам. Общий процесс капитализации России начал постепенно втягивать Западный Казахстан в единый рынок. Развиваются новые формы собственности, ломаются традиционные структуры казахского и казачьего обществ, возрастает роль и значение новых людей, несущих с собой крупные перемены в жизни региона.

Этот процесс выявлен на основе анализа материалов переписи по двум параметрам: распределение населения по сословиям и по основным занятиям.

Сословия в Российской империи помогают еще раз четко выявить характер основных этнических групп.

Наиболее многочисленным сословием согласно переписи в Уральской области являлись инородцы, которые составили 71,3 % от общей численности населения. Инородцы, как уже отмечалось, наиболее многочисленное сословие и в основном состояли из коренного казахского населения. Переписью к этому сословию отнесено 460 085 человек, в том числе 459 508 - казахи, 385 - татары, 125 - русские, 11-калмыки. В основе выделения инородческого сословия лежало не этническое, имущественное и социальное положение, а правовое состояние данных народов. Властями не бралось во внимание существующее разделение казахского общества на султанско - байскую зажиточную верхушку и обнищавшие низы аула, все казахское население было отнесено к единой группе. Это говорит, с одной стороны, о характере отношения к народу официальных властей, поставивших казахов в неравноправные правовые отношения с другими слоями общества. С другой, отнесение целого народа к одному сословию подчеркивает несоответствие структуры казахского общества сословному строю Российской империи. Поэтому данное разделение не может дать социальную характеристику казахского населения в полном объеме. Помимо инородцев, казахи переписью указаны и в составе других сословий. Среди дворян - 31 человек, среди почетных граждан - 80, среди мещан - 51, среди крестьян - 329 и в среде казачества - 163 человека. Численность казахов в других сословиях крайне незначительна.²³

По уездам соотношение было таким; в Уральском - 51,4 %, в Гурьевском - 81,7 %, в Калмыковском - 85,0 %. в Темирском -90,5%. Таким обра-

зом, казахи составляли основное население в трех уездах, а в Уральском - являлись большинством. Перемены, связанные с переселением из-за пределов области, коснулись в основном Уральского уезда и выразились в снижении удельного веса коренного населения.

Вторым по численности сословием согласно переписи было казачество, которое составило 17,6 % от всего населения области. Казачье сословие по переписи 1897 года состояло из представителей 10 национальностей и народностей. Из 114 166 уральских казаков 106 688 были русскими, 6 304 - татарами, 963 - калмыками, 163 - казаками, 19 - украинцами, 7 - мордвинами, 2 - белорусами, 2 - черкесами, 1 - латыш, 5 - не указавшими родного языка. Как видно из материалов переписи, казачество стало фактически мононациональным, этнически русским. Роль и значение других народов, некогда активно участвовавших в формировании уральского казачества, значительно снизилась.²⁴ Размещение было следующим - в Уральском уезде казачество составило - 28,3%, в Гурьевском - 11,9 %, в Калмыковском - 12,1 %.

В целом оба сословия были основными и продолжали определять этносоциальный облик региона, в совокупности составив 88,9 % населения области.

Вместе с тем, сведения по этим группам населения Западного Казахстана еще раз выявляют тенденцию возрастания роли притока людей извне, которые расселялись в основном в северной части области на войсковой территории и землях казахских волостей. Увеличившийся приток аграрных переселенцев во второй половине XIX века привел к формированию крестьянского сословия, удельный вес которого составил 8,8 %. При этом необходимо отметить следующую характерную черту - очень высокий процент крестьян среди городских жителей. Так, в Уральске и Гурьеве - более половины населения городов, в Илецке - около 40 %. Это говорит, с одной стороны, о весьма еще низком уровне урбанизации, что было характерно для большинства городов империи того периода, а с другой, о значительном количестве безземельных крестьян, которые получив свободу, но не получив земли, вынуждены работать в качестве прислуги, батраков и поденщиков. Такие крестьяне стали впоследствии социальной базой формирующегося рабочего класса.

Крестьянство не стало еще значительной силой, однако оно получило развитие в области в результате своевольного переселения, показав потенциальные возможности в поиске и освоении новых земель. Основной поток самовольных переселенцев прибыл сюда из европейской России:

из Самарской губернии -15289, из Астраханской - 13946, Казанской - 5685, Нижегородской -4156, Симбирской - 4008, Саратовской - 3221 человек.²⁵

Перепись показала наличие нового для Западного Казахстана сословия - мещан, более 3 тыс. человек, основная часть которых проживала в Уральске. Характеризуя дворянство, необходимо отметить, что из общей численности данного сословия в 2021 человек к потомственным дворянам относилось 799, а к личным - 1222 человека. Из потомственных дворян 644 являлись русскими, 66 татарами, 42 поляками, 18 казахами.²⁶

Духовенство составляло в конце XIX века 0,01 % населения. По переписи в этот разряд зачислены не только служители религий, но и члены их семей. Самостоятельных священослужителей было гораздо меньше. Из них к православной и другим христианским церквям относилось 377 священников, к мусульманской - 102 муллы. Среди священников 62 человека были казахами, 375 - русскими, 32 - татарами.²⁷

Самым малочисленным сословием являлось купечество. В основном купцы и торговцы проживали в городах. Из 304 представителей этого сословия 251, или 82.5 % были горожанами. В областном центре находилась значительная часть из них - 55,9 %, что подтверждает возрастание значения Уральска как торгового центра региона. Вместе с тем, сосредоточение почти 70 % купцов в Уральском уезде и незначительное их количество в Калмыковском и Темирском уездах свидетельствует о слабом проникновении торговли в степные районы.

Таким образом, распределение по сословиям выявило сохраняющийся аграрный характер занятости населения. Иностранцы, казаки и крестьянство составили 97,7 %. Незначительная доля дворянства, духовенства и мещан в населении области сопоставима с удельным весом данных сословий в целом по Российской империи. Однако перепись показала появление новых черт в социально-экономическом развитии: растущую численность городского населения, возрастающий поток переселенцев, увеличение удельного веса новых людей.

Об этом же свидетельствует характер занятости населения. Основной формой оставалось патриархальное, основанное на давних традициях, семейное хозяйство. Консервации этих форм способствовали как специфика казахского хозяйства, основанного на семейно-родственных отношениях, так и наличие общинной собственности на войсковой территории.

Впервые перепись 1897 года выявила наличие хозяйств «лиц, не связанных родством». Так назывались тогда хозяйства, применявшие труд

наемных работников. Это были артели, мастерские, промыслы и предприятия. Расположены они были в основном в городах области, занимаясь переработкой сельскохозяйственного сырья и обслуживанием населения. Как правило это были небольшие хозяйства. В 67 хозяйствах было от 2 до 5 работников, в 106 - от 6 до 10, в 92 - от 11 до 20, в 47 - от 21 до 50 и в 6 - более 50. Всего таких хозяйств было 318, из которых 206 находились в Уральске. Применение наемного труда, как видим, было незначительно, только 13,6% хозяйств использовали труд постороннего лица.²⁸

Экономический облик Уральска, таким образом, определяли торговые связи с селом. В аграрном секторе самой распространенной отраслью было животноводство, которым занималось 77 641 хозяйство, объединявшее свыше 433 тысяч человек. Вторым по степени распространенности занятием стало земледелие. К этому типу относятся 29 404 хозяйства, что составило 25 % от общего числа. Здесь преобладающее значение имели казачьи и крестьянские хозяйства, которых насчитывалось 17 017, или 57,8 %. Следует отметить, что перепись показала значительно возросшее среди казахов занятие земледелием, которое стало основным для 9 987 казахских семейств. Эти данные подтверждают начавшийся процесс постепенного оседания казахов, отход части из них от традиционных форм хозяйствования и приобретение ими нового социально-экономического статуса. Как видим, разложение кочевого хозяйства в казахском обществе стало необратимым и приняло значительные размеры.

Более всего земледелие распространилось в Уральском уезде, ставшем в эти годы главным хлебопроизводящим районом Западного Казахстана. Здесь было сконцентрировано 23 955 земледельческих хозяйств, что составило 81,4 % от общей численности этой группы. В том числе русских - 14 126, казахских - 7 862, татарских - 1 404, украинских - 259, мордовских - 135. Приведенные данные о национальной принадлежности земледельцев показывают возросшее значение в земледелии казахских и переселенческих хозяйств.

Далее по степени распространенности идет занятие населения рыболовством и охотой. Являясь одним из основных источников существования казачества, рыболовство имело здесь прочные корни и традиции. Главным занятием оно стало для 7721 хозяйства, из которых 6694 были русскими, 786 - казахскими, 115 - татарскими и т.д. Казахи занимались рыболовством на Гурьевских рыбных промыслах в качестве наемных рабочих у местных рыботорговцев.²⁹

Таким образом, за последнюю треть XIX века экономика региона начинает приобретать многоотраслевой характер, в особенности в Уральском уезде. Скотоводство становится все более полукочевым и оседлым. Земледелие путем расширения казачьей пашни и образования переселенческих деревень позволяет расширить производство товарного хлеба. Десятая часть казахских хозяйств перешла на оседлость и занялась обработкой земли. Меняется облик Уральска - он становится подлинным центром области: политическим, экономическим, торговым и культурным. Вдвое возросла численность его жителей, в основном за счет приезжих людей.

В материалах переписи отражены представители 39 различных национальностей и народностей. Основным этносом Уральской области являлись казахи, которых было зафиксировано 460 173 человека, или 71,3 % от общей численности населения. Второе место в национальной структуре занимали русские - 160 894 человека, что составило 24,9 %. Далее идут татары - 17805, или 2,7%, украинцы - 2959, или 0,4 %, калмыки - 968, или 0,15 %, мордва - 797, или 0,12 %, башкиры - 703, или 0,10 %, остальные народности составили - 822 человека, или 0,13 %.

В целом население области возросло по сравнению с 70-ми годами XIX века. Если взять данные по численности казахов и казаков, то мы получим 574 339 человек, что составило 83,9 %. На долю иногородних и новых людей приходилось 11,1 %. За это время здесь сформировались татарская и украинская национальные группы. Почти вдвое возросла численность русского населения.

Самым крупным изменением в демографическом развитии населения стало формирование нового национального облика, выразившееся в появлении различных национальных групп и в разрушении этнической замкнутости региона. Об этом свидетельствуют темпы прироста: численность казахов возросла в 1,5 раза, русских - в 2,1 раза, прочих национальностей - в 10,1 раза. Основной поток был из соседних российских губерний Поволжья и Урала, часть людей приехала из Украины.

Отражением перемен стала новая более широкая палитра религиозных конфессий. Основным вероисповеданием по охвату населения естественно было «магометанство». 478 765 человек исповедовали ислам, что составляло 74,2 % населения всей области. «Православные и единоверцы» составили вторую по численности религиозную группу, их было 107 587 человек, или 16,7%. «Старообрядцы и уклоняющиеся от православия», отмеченные более всего в среде казачества, насчитывали 57 055

человек, или 8,8 %. Остальные вероисповедания были представлены незначительным числом верующих: «римско-католики» - 277, «лютеране» - 166, «буддисты и ламаисты» - 960, «иудеи» - 219, «караимы» - 13, «англикане» - 4, «армяне-грегориане» - 12, «армяне-католики» - 2, «реформаторы» - 5, «менониты» - 4, остальных христианских вероисповеданий - 51 человек.³⁰ Таким образом, религиозная структура соответствовала этнической, отражая особенности и специфику местного населения.

Таким образом, население росло в результате действия двух факторов: естественного прироста, который до середины XIX века был единственным источником пополнения населения, и миграционных перемещений, получивших развитие в последней трети века и оказавших заметное влияние на демографические процессы. Миграции означали приезд в эти места русско-украинского крестьянства, который стал основной частью новых поселенцев.

Переселенческое движение, начавшись в 70-е годы заметно усилилось в 80 и 90-е годы и эта тенденция шла по нарастающей. Но в конце XIX века процесс массового переселения только набирал свои обороты. В начале XX века переселенческое движение стала одним из важных направлений государственной политики России. Новый курс был оформлен законами от 12 марта 1903 года, 6 июня 1904 года, 3 ноября 1905 года, 4 января 1907 года, 9 ноября 1906 года, 14 июня 1910 года. Они отменили выкупные платежи, расширили право переселения, установили льготы и пособия для переселенцев: путевые пособия, врачебно-продовольственная помощь, выдача ссуды в 100 руб. на обзаведение хозяйством, снижение переселенческого тарифа на железнодорожный проезд. В соответствии с материалами вышеназванных специальных экспедиций в Казахстане были созданы специальные районы и Западный Казахстан вошел в состав Тургайско - Уральского переселенческого района.

Революция 1905-1907 годов ускорила ход аграрных преобразований. В течении 1897-1916 годов в Западный Казахстан прибыли 281 тыс. человек.³¹ Наиболее крупные изменения прошли в Уральском уезде, где переселение изменило национальную структуру населения самым коренным образом. Сведения Первой всеобщей переписи говорят о резком снижении удельного веса казахского населения. Если в 1897 году численность казахов равнялась 150 901 человеку, что составляло 51,3%, то в дальнейшем она резко уменьшается: в 1903 году - до 72636, или 32,1 %, в 1913 году - 77302, составив уже 23,9 %. Параллельно с уменьшением численности казахов произошло и снижение общей численности

населения уезда - за период с 1897 по 1913 годы оно сократилось с 293619 до 289199 человек.³²

В целом по области общая численность населения по трем основным этническим группам за этот период возросла и составила 1 637,5 тысяч человек. Основным этносом региона по-прежнему были казахи, однако их удельный вес существенно снизился до 68,8 % от общей численности населения. Полностью заселенными казахским населением оставались Букеевская орда, Мангышлакский и Иргизский уезды. В других частях региона численность новых поселенцев значительно возросло. В Гурьевском и Темирском уездах инонациональное население составляло 22,9 % и 16,9 % соответственно, в Лбищенском - 35 %, в Актюбинском - 45,4 % и только в Уральском оно составило большинство - 75,7 %.

Изменилась роль городов Западного Казахстана, в особенности Уральска, которые стали административными и торговыми центрами. Сформировалось новое городское население, где большинство составляли новые поселенцы. Городское население региона к концу XIX века составило более 60,0 тысяч человек. А Уральск был самым крупным по численности населения городом Казахстана – 36,6 тысяч человек. В целом для региона это было время крупных структурных перемен в экономике, которые положили начало формированию новых социальных и имущественных групп.

Наибольшее влияние миграции оказали на развитие городского населения Западного Казахстана. По данным переписи 1897 года Уральск являлся самым крупным городом Казахстана. Общая численность жителей составила 36466 человек.

Рост значения Уральска как областного центра проявился в формировании новых групп населения. Самым многочисленным сословием стало крестьянство – 18283 человека. Рост данного сословия приходится на последнюю треть XIX столетия, и именно он показывает насколько велико влияние миграций на этнодемографические процессы в Казахстане в этот период. Казаки к концу XIX века уже перестали быть большинством, и их численность составила - 11077. Далее по численности расположились мещане – 4560 человек, практически новое сословие для Уральска. Дворянство Уральска по переписи 1897 года составило 1279 человек, включая членов семей. При этом большая часть – 779 являлись личными дворянами. Рост данной категории отражает рост чиновничества среди горожан. Духовенство Уральска насчитывало 256 человек, в основном это были представители православной церкви. К купечеству

отнесли себя только 170 человек. Впервые в структуре населения Уральска отражены инородцы – их зафиксировано 502 человека. Таким образом, сословная структура городского населения отразила изменившийся социально-экономический облик Уральска. Из центра войска город превратился в центр области.

Основным источником формирования горожан стала миграция извне, из-за пределов области. Это отразилось на сословной структуре, как видно из материалов переписи. Большая часть сословий являлись новыми для Уральска, о чем свидетельствует анализ половой структуры горожан. Сопоставляя сведения о таких сословиях, как крестьяне и казаки, выявляем следующую закономерность. Среди крестьян численность мужчин превосходит численность женщин – соответственно 9836 и 8447, или больше на 1389 человек. Такое соотношение свидетельствует о более высокой подвижности данной группы и проявляется чаще всего в новой среде, в результате переезда или приезда новых поселенцев, где преобладают мужчины. Об этом же говорит высокий процент одиноких людей, бобылей, вдов и вдовцов, что также характерно для мигрантов. Среди казачества женщины преобладают – соответственно 5587 женщин и 5490 мужчин.³³ Это - показатель устойчивого и сложившегося уклада. Таким образом, рост населения Уральска во второй половине XIX века происходил в основном за счет приезжих. Об этом же свидетельствуют данные по месту рождения горожан. Из 36466 жителей Уральска в 1897 году 18578 указали себя как уроженцы города, 2793 – как уроженцы других уездов Уральской области и 15070 – как уроженцы других губерний.³⁴

Национальная принадлежность в конце XIX века определялась в материалах переписи по такому признаку как «родной язык». В Уральске национальный состав был следующим: великорусский язык указали родным 31679 человек, или 86,8%; татарский - 3461 человек, или 9,5%; казахский - 499 человек, или 1,3%; мордовский - 213 человек, или 0,5%; польский - 145 человек, или 0,3%; еврейский - 101 человек, или 0,2%; немецкий - 95 человек, или 0,2%. Остальные национальные группы среди горожан были незначительными и составляли по численности около 1000 человек.³⁵ Приведенные данные свидетельствуют об активном процессе развития города, преодолении былой замкнутости и начавшемся формировании Уральска собственно как города.

В начале XX века эти процессы значительно активизировались и к 1917 году Уральск превратился из захолустного, провинциального город-

ка в крупный административный, культурный, торговый и промышленный город Казахстана. Росту города способствовало развитие рыночных отношений, которое привело к слому старого патриархального уклада, появлению и развитию промышленности, торговли, преобразованиям в области культуры и образования.

Источники формирования и резкое увеличение общей численности городского населения позволяют сделать вывод о том, что складывание современного Уральска приходится на период с середины XIX века и до первой мировой войны. Численность горожан возросла почти в четыре раза – с 12,5 тыс. в 50-е годы XIX века до 47,5 тыс. в 1917 году.³⁶ Впервые отмечена такая социальная группа как рабочие. В материалах переписи «чернорабочие и поденщики» составили около 4 тысяч человек.³⁷ Более 65% населения составили новые поселенцы, приехавшие в город с различных провинций России и Казахстана.³⁸

Развитие Уральска являлось частью общего процесса становления нового социально-экономического облика Казахстана. А формирование и развитие городского населения отражало общие тенденции в демографических процессах в Западном Казахстане. В целом за XIX – начало XX веков общая численность возросла к 1917 году до 1647,6 тыс. человек, или увеличилась в 1,4 раза по сравнению с 1897 годом.

В результате мощных миграционных потоков в ходе переселения население Западного Казахстана стало многонациональным. В начале XX века основными этническими группами оставались казахи, численность которых в 1915 году возросла до 1128,0 тысяч человек, но снизился удельный вес до 68,8% от общей численности населения региона. Русское население только за период с 1897 до 1915 годов возросло с 175,3 тысяч до 426,0 тысяч человек, составив 26% населения региона. Численность украинцев в эти же годы возросла с 3,4 тысяч до 83,5 тысяч человек, или 5,1%.

Таким образом, переселение изменило национальную структуру Западного Казахстана в сторону увеличения русскоязычного населения. Численность русских возросла за эти годы в 2,5, а украинцев – в 24,6 раза. Высокие темпы прироста за короткий срок могут быть объяснены только влиянием дополнительного фактора, которым стал приток извне около 200 тысяч переселенцев.

Переселенческая политика колониальных властей, не учитывавшая жизненные интересы казахов и проведенная в рамках русификации новых земель, вызвала резкие изменения в демографическом развитии ка-

захского населения: нарушение баланса между рождаемостью и смертностью, отрицательное значение естественного роста. Пик переселения русско-украинского крестьянства приходится на 1907-1912 годы. Отражением этого процесса стало превышение смертности над рождаемостью казахов в Уральской области. В целом темпы прироста сократились и составили лишь 20 %, что гораздо ниже по сравнению с предшествующим этапом, когда казахское население возросло на 50 %. В итоге удельный вес казахов сократился с 82,1 % до 68,8 %.

Рост общей численности в Западном Казахстане происходил за счет миграций извне и естественного прироста русского населения. Казахи переживали один из самых критических периодов своего существования, когда естественное движение приобрело устойчивое отрицательное значение. Изменения произошли в расселении населения. Уральский и частично Лбищенский уезды вошли в зону переселенческих земель и были выведены из оборота кочевого хозяйства. В результате увеличилось население южных уездов за счет притока казахов с северной части региона. В экономической структуре Западного Казахстана образовались два района: преимущественно земледельческий и животноводческий.

Таким образом, в результате этнического, демографического и социального развития населения Западного Казахстана на протяжении рассматриваемого периода произошли кардинальные изменения в структуре, численности и размещении. Коренное население утратило свое абсолютное преобладание, постепенно увеличивался удельный вес и численность новых поселенцев: первоначально иногородних, затем переселенцев. Главным результатом стало формирование и закрепление многонационального состава населения, как региона, так и Уралья. Это обстоятельство оказало в дальнейшем решающее влияние на характер и масштабы этнодемографических процессов.

Дальнейшее развитие города проходило уже в условиях новой, Советской власти, после трагических событий революций 1917 года и гражданской войны.

Литература и источники :

4.1.

¹ЦГВИА.- Ф. 1291.- О. 82.- Д. 5 (ч.1,2,3) - С. 305.

² Там же. – Ф. 400. – О. 1. - Д. 153. - С. 51.

³Государственный архив Оренбургской области. (ГАОО). – Ф.6. – О.10. – Д. 8316.

- ⁴Уральские войсковые ведомости. (УВВ) - 1868 г. № 49. - С.1.
- ⁵УВВ. - 1876г. № 33. - С.3.
- ⁶ "Уралец". - 1897г. № 16. - С.3.
- ⁷ ГАОО. - Ф.6. - Оп.10. - д. 8210. - Л.125 - 125 об.; М.Хорошкин. Военно-статистический обзор казачьих войск. - СПб. 1881. - С. 314-315; И.И.Железнов. Очерки быта Уральских казаков. - СПб. 1910г. - С.23.
- ⁸ В.Н.Ветевский "Неплюев и Оренбургский край". - Казань.1897г. - С.306; ПС ЗТ. XLIX. - № 53236. -1874 г. - № 112.
- ⁹ К.В.Данилевский, Е.В.Рудницкий. Урало-Каспийский край. Краеведческий справочник. - Уральск. 1927г. - С.167.
- ¹⁰ УВВ. - 1891г. № 7. - С. 3,4; Российский государственный исторический архив (РГИА). - Ф.1284. - Оп. 69. - Д. 235. - Л.4-5. / Всеподданийший отчет Военного Губернатора Уральской области.
- ¹¹ Памятная книжка Уральской области за 1904 г. - Уральск. 1903. - С.162.
- ¹² А.Рябинин. Уральское казачье войско. - СПб.1866. - Ч. I. - С.268.
- ¹³ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА) - Ф.330. - Оп.61. - Д.786.
- ¹⁴ А.И.Левшин. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - СПб.1823г. - С.66
- ¹⁵ Там же. - С.57.
- ¹⁶ ЦГВИА - Ф. 330. - Оп. 61. - Д. 734. / Обзор Уральской области за 1899 г.
- ¹⁷ ЦГВИА. - Ф.330 - Оп.61 - Д. 734 / Обзор Уральской области за 1900 г.
- ¹⁸ УВВ - 1867г. № 8. - С.7 / Заметки об общинном владении в Уральском казачьем войске.
- ¹⁹ ЦГВИА. - Ф. 330. - Оп. 61. - Д. 739. / Обзор Уральской области за 1900г.
- ²⁰ РГИА. - Ф.1284.- Оп.69. - Д. 235.- Л.28. / Отчет губернатора области за 1874г.
- ²¹ ЦГВИА. - Ф. 330. - Оп.61. - Д.739. / Обзор Уральской области за 1900г.
- ²² Г.Е. Москалев. Хозяйственный облик дореволюционного Яицка -Уральска. -.Уральск. 1956 г.- С.16.
- ²³ РГИА. - Ф.1284.- Оп.69. - Д.235. - Л.15 об.
- ²⁴ Памятная книжка Уральской области за 1900г. - Уральск. 1901. - С.336.; ЦГВИА. - Ф. 330. - Оп.61. - Д. 739.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ Г.Е. Москалев. Хозяйственный облик... - С. 18
- ²⁷ Памятная книжка за 1900г. - Уральск. 1901г. - С.99.
- ²⁸ И.И.Железнов. Очерки быта уральских казаков.// под редакцией Н.А.Бородина. - СПб. 1910г. - С.30.
- ²⁹ А.Рябинин. Материал географии и статистики России. Уральское казачье войско. - СПб. - Ч. I. - С.244.
- ³⁰ А.Левшин. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - СПб.1823г. - С.54.
- ³¹ ГАОО. - Ф.6. - Оп.6. - Д. 142. / Отчет наказного атамана за 1869г.
- ³² ЦГВИА. - Ф.330. - Оп. 61. - Д.739.
- ³³ В.П. Витевский. И.И.Неплюев - основатель Оренбурга и Оренбургского края. - Оренбург. 1891г.- С.291.
- ³⁴ И.Бородин. Уральское казачье войско. Т.3. - Уральск, 1891 - С.263
- ³⁵ РГИА. - Ф.1284. - Оп. 69. - Д. 235. - Л.15.
- ³⁶ Памятная книжка за 1900г. - Уральск. 1901. - С.98.
- ³⁷ Обзор Уральской области за 1913 г. - Уральск. 1914 г. - С.8.
- ³⁸ Памятная книжка за 1900г. - ... С.30.
- ³⁹ Памятная книжка за 1913г. - С.16.
- ⁴⁰ Памятная книжка за 1904г.- ... С.15.
- ⁴¹ Памятная книжка за 1913г. - ... С.28.
- ⁴² УВВ. - 1913г. № 31. - С.5.
- ⁴³ Н.Савичев Путевые впечатления от поездок по земле уральского казачьего войска. //УВВ. - 1869г.

№ 48. - С.4.

- ⁴⁴ Памятная книжка за 1911г. - ... С. 44 - 77.
- ⁴⁵ ГАОО. - Ф.6. - Оп.12. - Д. 595 (а). / Отчет наказного атамана по Уральской области за 1852г.
- ⁴⁶ И.Савичев. Физиономия Уральска за 100 лет.// УВВ. - 1874г.№ 35. - С.3.
- ⁴⁷ ЦГВИА. - Ф.330. - Оп. 61. - Д. 787. /Обзор Уральской области за 1915.
- ⁴⁸ УВВ. - 1867г. № 33. - С.5. /Торговля в Уральском войске.
- ⁴⁹ Г.Е.Москалев. Хозяйственный облик дореволюционного Яицка - Уральска. - Уральск.1956г. - С.24.
- ⁵⁰ И.А.Ефрон, Ф.А.Брокгауз. Энциклопедический словарь. - СПб. 1890г. - Т.68. - С.887.
- ⁵¹ А.Левшин. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. - СПб.1823г. - С.69, 84.
- ⁵² Там же. - С.84
- ⁵³ ЦГВИА. - Ф. 330. - Оп. 61. - Д. 739./ Отчет военного губернатора Уральской области за 1900г.
- ⁵⁴ ЦГВИА. - Ф. 330. - Оп. 42. - Д.1429. /Отчет военного губернатора Уральской области за 1871г.
- ⁵⁵ Москалев... - С.24.
- ⁵⁶ А.Левшин. ... - С.72.
- ⁵⁷ УВВ. - 1867г. № 33. - С.6-7. / Торговля в Уральском казачьем войске.
- ⁵⁸ Там же.
- ⁵⁹ К.В.Данилевский, Е.В.Рудницкий. Урало-Каспийский край. Краеведческий справочник. - Уральск. 1927. - С.167.
- ⁶⁰ ЦГВИА. - Ф.330. - Оп.61. - Д.705.
- ⁶¹ ЦГВИА. - Ф.330.- Оп. 61. - Д. 739./ Отчет военного губернатора Уральской области за 1900г.
- ⁶² ГАОО. - Ф.6. - Оп. 6. - Д. 14243/5. / Отчет наказного атамана за 1869г.
- ⁶³ РГИА.- Ф.1284. - Оп.70. - Д. 395./ Отчет военного губернатора за 1880г.
- ⁶⁴ Памятная книжка Уральской области за 1898 г. - Уральск. 1899.- С.111.
- ⁶⁵ Памятная книжка Уральской области за 1911г. - Уральск. 1912.- С.38.
- ⁶⁶ УВВ. - 1867г.№48. - С.4. /О войсковых доходах, собираемых Уральскою торговою депутацией.
- ⁶⁷ РГИА. - Ф.1284. - Оп. 69 - 1874. - Д.235.- Л.19 об.
- ⁶⁸ ЦГВИА. - Ф.330. - Оп.61. - Д.739. / Обзор Уральской области за 1900г.; Памятная книжка Уральской области за 1911г.... - С.35
- ⁶⁹ Уральско-Тургайский переселенческий район. Краткий статистический обзор за 1907г. - Оренбург. 1908г. - С.23-24
- ⁷⁰ Памятная книжка Уральской области за 1900г. Уральск. 1901г.- С.64.
- ⁷¹ РГИА. - Ф.1284. - Оп. 69 - 1874. - Д. 235. - Л.31.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Г.Е.Москалев... - С.33.
- ⁷⁵ ЦГВИА. - Ф.330. - Оп. 61. - Д. 786.
- ⁷⁶ Памятная книжка Уральской области за 1915г. - Уральск. 1916г. - С.70.
- ⁷⁷ Г.Е.Москалев. ... - С.34-35.
- ⁷⁸ ГАОО. - Ф.60. - Оп.12. - Д.595(а.) - Л.6 об.
- ⁷⁹ А. Левшин. Историческое обозрение уральских казаков. - СПб. - 1823. - С.67
- ⁸⁰ Памятная книжка за 1915г. ... - С.67-68.
- ⁸¹ Н.Савичев. Физиономия... - С.4.
- ⁸² Там же. - С.5.
- ⁸³ УВВ. - 1874.№35. - С.3-4.
- ⁸⁴ УВВ. - 1900г№32 - С.4.
- ⁸⁵ УВВ. -1880г.№ 17 - С. 2.
- ⁸⁶ УВВ. - 1874г.№ 35. - С.4.
- ⁸⁷ Там же. - С.3.
- ⁸⁸ ГАОО. - Ф.6. - Оп.12. - Д. 1732. / Об употреблении годовых доходов г.Уральска.

- ⁸⁹ УВВ. - 1903г. № 40. - С.8. /Новое освещение в Уральске.
- ⁹⁰ ГАОО. - Ф.6. - Оп.12. - Д. 2465. - Л.10-11. / Отчет наказного атамана за 1957-59г.
- ⁹¹ УВВ. -1903г № 15. - С.3.
- ⁹² ЦГВИА. - Ф.330 - Оп. 42 - Д. 2421 - О принятии в число войсковых зданий каменной арки.
- ⁹³ УВВ.- 1904. № 34. - С.13 - 14.
- ⁹⁴ Там же.
- ⁹⁵ УВВ. -1903г № 45. - С.3-4.
- ⁹⁶ РГИА. - Ф. 1293 - Оп.131. - Д.59. - С.59./ О постройке Храма Христа Спасителя.
- ⁹⁷ УВВ. -1905г №19. - С.8.
- ⁹⁸ ЦГВИА. - Ф.330. - Оп. 61. - Д. 711. - Л.8. /Обзор Уральской области 1893г.
- ⁹⁹ Памятная книжка Уральской области за 1913 г. - Уральск. 1914г. - С.114.
- ¹⁰⁰ ЦГВИА - Ф. 330 - Оп. 61 - Д. 711 - Л.8.
- ¹⁰¹ Г.Е.Москалев. -...С.27.
- ¹⁰² УВВ. - №1905г. №19. - С.8.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ УВВ. - 1891г., №16 - С.2-3
- ¹⁰⁵ УВВ. -1904г., №5 - С. 4-5
- ¹⁰⁶ Памятная книжка Уральской области за 1900. - С. 80.
- ¹⁰⁷ УВВ. - 1868г., №33. - С.7-8.
- ¹⁰⁸ Н.Савичев. Физиономия ... - С.4.
- ¹⁰⁹ УВВ.- 1912 г. №14 - Празднование 50-летнего юбилея Уральской типографии.
- ¹¹⁰ Там же.
- ¹¹¹ УВВ. - 1912г. № 14. - С.8
- ¹¹² Уралец -1897г. - №1 - С.1
- ¹¹³ В.Герасимова ... - С.123
- ¹¹⁴ Там же
- ¹¹⁵ УВВ - 1871г. № 9 - С.2.
- ¹¹⁶ И.И.Железнов. Уральцы. - СПб 1910г. - С.18.
- ¹¹⁷ УВВ - 1871г. № 9 - С.2.
- ¹¹⁸ Там же. - С.3.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ ГАОО. - Ф.6. - Оп.12. - Д. 2465. - Л.13-14. / Памятная записка наказного атамана о двухлетнем управлении Уральским казачьим войском. 1857-59.
- ¹²¹ УВВ -- 1871г. №18 - С.2. / О народном образовании.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ РГИА - Ф.91 - Оп. 1 - Д. 878. / Отчетные сведения о церковно-приходских школах и училищах.
- ¹²⁴ ГАОО - Ф.6 - Оп. 17 - Д. 225 - Л.49
- ¹²⁵ РГИА - Ф.733 - Оп. 170 - Д. 669 - Л.44. /1872-1884г. Об ассигновании суммы на устройство в Уральске здания для помещения школы для казахских детей.
- ¹²⁶ ЦГВИА. - Ф.330 - Оп. 61 - Д. 729 / Обзор Уральской области за 1898г.
- ¹²⁷ Памятная книжка Уральской области за 1908г. - Уральскю 1909. - С.151.
- ¹²⁸ РГИА. - Ф.821 - Оп. 133 - Д. 466 - Л.237-378.
- ¹²⁹ ГАОО - Ф.6 - Оп. 6 - Д. 14243/5 - С.60. / Годовой отчет Военного губернатора Уральской области о состоянии области за 1869г.
- ¹³⁰ Памятная книжка Уральской области за 1909г. - Уральск. 1909г. - С.144.
- ¹³¹ ЦГВИА. - Ф.330 - Оп. 61 - Д. 753.
- ¹³² Там же.
- ¹³³ Там же. - С.145
- ¹³⁴ Там же.

- ¹³⁵ Памятная книжка Уральской области за 1913г. – Уральск. 1914г. – С.71.
¹³⁶ ГАОО – Ф.6 - Оп.12 - Д. 2465 - Л.13
¹³⁷ УВВ - 1872г. № 5 - С.3,4. / О войсковой библиотеке при Уральском войсковом училище.
¹³⁸ Там же
¹³⁹ УВВ - 1871 г. № 16 - С.3
¹⁴⁰ "Уралец", - 1897г. № 3.- С.3
¹⁴¹ Уральские областные ведомости (УОВ) - 1903г. № 15 - С.45. /Статистические сведения о библиотеках.
¹⁴² УОВ - 1904г. № 1 - С.3.
¹⁴³ УВВ - 1874г. № 35 - С.3; . Н.Савичев. Физиономия Уралска за 100 лет.... – С.3
¹⁴⁴ УВВ - 1869г. № 18. – С.8
¹⁴⁵ Там же.
¹⁴⁶ "Уралец" - 1904г. № 49 - С.9
¹⁴⁷ Там же.
¹⁴⁸ УВВ – 1904 г. № 42 - С.4.

4.2.

- ¹ Огановский Н. Указ.соч. - С.123.
² Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области на 1904 г. – Уральск. 1903 - С. 211 ; Данилевский К.В., Рудницкий Е.В.. Урало-Каспийский край. – Уральск.1927 - С.34.
³ Бекмаханова, Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. - М.,1980 - С.131.
⁴ Рябинин А.Д. Уральское казачье войско. - СПб..1866 - Т.1-2 - С.313-320.
⁵ Ханыков Н.В. Географическое обозрение Оренбургской губернии. Материалы для статистики Российской империи. - СПб. 1839; Бларамберг И.Ф. Военно-статистическое обозрение земель киргизкайсаков Внутренней (Букеевской) орды и Зауральской (Малой) орды Оренбургского ведомства. - СПб.1848 - Т.14.
⁶ Рябинин А.Д. Указ.соч. - С.359.
⁷ Рябинин А.Д. Указ.соч. - С.327-329.
⁸ Там же.
⁹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи,1897 г. Уральская область. – Т.1-XXXVI П. - СПб.1904 - С.2-3, 116-121.
¹⁰ Первая всеобщая перепись Российской империи... - С. 26-27 .
¹¹ Памятная книжка и адрес-календарь Уральской области за 1904г. - С.211 .
¹² Рябинин А.Д. Указ. соч. - С. 318-320 , 359; ЦГА РК. – Ф.4 - Оп.1 - Д.242 - Л.1-42 об.
¹³ Первая всеобщая перепись... - С.25-27, 46-47.
¹⁴ Памятная книжка... 1904 - С.117-120.
¹⁵ Огановский Н.Н.. Указ. соч. – С.123
¹⁶ Казахско-русские отношения в XVI-XVIII веках. - Алматы.1961 - С.35 ; ЦГА РК – Ф. 21 - Оп.1 - Д.23 - Л.13.
¹⁷ ЦГА РК. - Ф. 4. - Оп. 1. - Д.23. - Л. 13.
¹⁸ ЦГА РК - Ф. 4. - Оп.1. - Д.4596. - Л.1-5 об.
¹⁹ Кабузан В.М. О достоверности учета населения России (1857-1917гг.)//Источники о ведение отечественной истории.1981.- М. - С.43
²⁰ Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии (последняя четверть XVIII в.- 60-е годы XIX в.) - М.,1980; Многонациональное население Казахстана и Киргизии в эпоху капитализма.(60-е годы XIX в.-1917 г.). - М.,1986 г. и др.
²¹ Первая всеобщая...- С.2.
²² Там же. – С. 26 – 48, 50 – 57.

- ²³ Материалы по Киргизскому землепользованию ... Уральский уезд. - Оренбург. 1909. - С.40-41.
- ²⁴ Первая ... - С.116-117.
- ²⁵ Там же. - С.22-25.
- ²⁶ Там же. - С.84-109, 48-49.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Первая всеобщая перепись... - С.4-5.
- ²⁹ Первая ... - С.78.
- ³⁰ Там же. - С.50-53.
- ³¹ РГИА. - Ф.1290. - Оп.4. - Д.755. - Л.1-452; Статистический ежегодник России 1916 г. - Пг.1918. - Вып.1.- С.94 - 103.
- ³² Первая всеобщая перепись... Уральская область.- С.1: Памятная книжка на 1913 г. - С.2-3.
- ³³ Первая всеобщая перепись... Уральская область. - СПб. 1904. - С. 26-27.
- ³⁴ Первая всеобщая перепись... Уральская область. - СПб. 1904. - С. 2-3.
- ³⁵ Первая всеобщая перепись... Уральская область. - СПб. 1904. - С. 48-49.
- ³⁶ Москалев Г.Е. Хозяйственный облик дореволюционного Яицка-Уральска. - С.28; Бекмаханова Н.Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII - 60-е годы XIX в. - М. 1980.- С.258. - Табл.8.; Сдыков М.Н. Формирование населения Западного Казахстана. - Алматы, 1995.- С. 37 - 39.
- ³⁷ Первая всеобщая перепись... Уральская область. - СПб. 1904. - С. 110-115.
- ³⁸ Аламиев П.М. Ликвидация экономического неравенства народов Советского Востока.- М., 1958. - С.126-127.

Глава 5

УРАЛЬСК В ОБЪЯТИЯХ XX СТОЛЕТИЯ

5.1. Исторический перелом

Вспыхнувшая в России в ходе Первой мировой войны Февральская революция, призванная устранить препятствия в деле политического и социального развала страны, так и не сумела довести ее до законченного разрешения назревших задач, без чего не могло быть и речи о подлинном развитии общества и государства в целом. Исследования западных ученых (Л. Рабинович, Н. Верг, Э. Карр), а в последнее время и самих российских ученых, дают основания утверждать: разразившаяся революция стала полной неожиданностью для Ленина и К°. Если внимательно изучить работы лидера большевиков периода 1916-1917 г.г., то явно заметно стремительное изменение тактики В.И. Ленина по отношению к России, по крайней мере, анализ показывает, что Ленина февральская революция действительно застала врасплох. Подобную концепцию в свое время выдвинул Н. Бердяев в работе «Истоки и смысл русской революции», а новейшая работа Э. Сервиса (монография «Ленин») развивает далее данный тезис.¹

Внедрение ленинцев в политическую жизнь страны произошло только благодаря демократическим благам Февральской революции, которые большевики использовали в своих интересах, чтобы затем стать их могильщиками. Захватив власть, большевики стали родоначальниками современного тоталитаризма и последующее появление диктаторских

и тоталитарных режимов в других странах, безусловно базировалось на учете практики «рабоче-крестьянского правительства», которое являлось правительством именно ленинской клики. Это отмечают и современники событий. Как писал в конце 1917 года Г.В. Плеханов, пролетариат в России составлял незначительное меньшинство, но захват власти осуществил не рабочий класс, и диктатура большевиков являлась диктатурой именно ленинской группы. «Их диктатура - писал он, - представляет собой не диктатуру трудящегося населения, а диктатуру одной части его, диктатуру группы», и поэтому ленинцам приходилось все более применять террористические методы.² Другой видный современник, член Президиума Петроградского совета, Н. Суханов отмечал, что под лицемерным лозунгом «Власть Советов» большевики «стремились отдать своему партийному ЦК всю полноту власти в России».³

Успех большевистского переворота был обусловлен тем обстоятельством, что в октябре страна находилась в тисках усиливающегося жесточайшего хозяйственного и политического кризиса. Широкие массы сельского населения, солдат, рабочих и национальных окраин теперь разуверились в правительстве А. Керенского и, обманутые крикливыми лозунгами В. Ленина о немедленном мире, земле, свободе, жадно впитывали их, и еще не были в состоянии распознать обман и фальшь агитационно-пропагандистских положений. Обездоленные массы принимали эти демагогические посулы за чистую монету.

«Уральск, 22 октября 1917 года. Революция отдала дело защиты интересов обывателей в руки партийных организаций, спаянных общими идеями и общей дисциплиной. То старое время, когда всякие выступления подавлялись вооруженной силой, отошло в область забываемого... Как ни печально, но надо признать, что народная масса целиком почти восприимчива к анархическим выкрикам и лозунгам. Что руководит в это время толпой, конечно же, трудно сказать. Давнишнее тяготение к чужой собственности. Социал-революционеры со своей разумной, но устаревшей, программой не отвечают анархическим стремлениям народной массы. А большевики... Они уловили настроение толпы. Но это недолго будет. Вперед городская, затем крестьянские народные массы поймут всю губительность и несовершенство учения большевизма последней формации. Но теперь пока этого нет. Приезжие гастролеры, большевики, без ведома крупной местной демократической организации - партии социал-революционеров, взялись проводить свои дерзкие лозунги в гущу толпы у магазинов...».

Действительно, население Уральска по-разному встретило известие о победе большевиков: на рабочих предприятиях проводились экстренные собрания, на которых принимались приветственные резолюции. Либерально настроенная интеллигенция и служащие стояли на перепутье, решая вечный гамлетовский сакраментальный вопрос: «Быть или не быть?». Деревня переживала тяжелое время. Ввиду сокращения числа рабочих рук, отсутствия хороших посевных семян и невозможности обновлять живой и мертвый инвентарь уменьшается «посевная площадь и урожайность... Деревня бедствует» (Уральск, 28 октября 1917 года).⁴

Казахское население стремилось к национальному самоопределению. Ожидались подвижки в решении аграрного вопроса, в частности, «захваченные земли должны быть возвращены их прежним владельцам, как и незаконно сданные в т.ч. долгосрочную аренду». Кроме того, казахи решительно высказались за немедленное прекращение переселения на их земли и выселения коренного населения с исконно занимаемой территории.⁵

Октябрь 1917 года нарушил патриархальный уклад уральского казачества, взломал традиционные устои казачьей жизни. Власть Совнаркома на Уральское войско не распространялась, т.к. уральцы ждали Учредительного собрания.

29 октября 1917 года экстренный съезд выборных от станиц избирает войсковым атаманом генерал-майора В.П. Мартынова, который одновременно становится председателем Войскового правительства.⁶ В выпущенном объявлении войскового атамана говорилось: «Военные мятежи, возникшие во многих городах России по почину безумцев, стремящихся вырвать власть у Временного Правительства и взять ее самочинно в свои руки, грозят окончательно погубить наше несчастное отечество». Исходя из этого посыла, командующий войсками области генерал-майор Мартынов «для сохранения твердого порядка и спокойствия» объявляет Уральскую область с 4 ноября 1917 года на военном положении.⁷

Только выполнить приказ было некому. В городе отсутствовали крупные воинские формирования. Вся надежда возлагалась на возвращающиеся с фронта казачьи части. К 01.01.17 в Уральском казачьем войске на действительной службе состояло 386 офицеров и 12.750 казаков, из них на фронте - 344 офицера и 10.376 нижних чинов.⁸ Но фронтовики, уставшие за три года боев, распропагандированные в большинстве своем на фронтах большевиками, поверившие в ленинские декреты о земле и мире, отказались от выступления против советской России. Отметим врача И.С.

Ружейникова. Служа в 8-м Уральском казачьем полку 4-ой армии Юго-Западного фронта, он оказывал значительное влияние на политическое мировоззрение прапорщика Истомина, сотника Спирина, хорунжего Шапошникова, и ряда других, которых большевик знал еще по Уральску, как сочувствовавших революционному движению.⁹ Генерал-майор Мартынов все же попытался привлечь вернувшихся казаков на свою сторону или, в крайнем случае, передать ему оружие, привезенное с фронта. За спиной Мартынова все более ярко вырисовывается фигура другого генерала - В.И. Акутина, который вскоре и становится фактическим руководителем оппозиции. Их союзниками по борьбе с большевиками становятся генералы Н.А. Савельев, Сладков, Иванов, Титруев, полковник Н.А. Бородин и др. Н.А. Бородин являлся не только представителем известного в крае казачьего рода, но и известным ученым-ихтиологом, политическим деятелем и историком. Прибыв в Уральск, он неоднократно выступал перед казаками, доказывая, что большевики, захватив власть, совершили «сознательный обман» народа и «грубое насилие над революционной демократией». Бородин призвал земляков бороться против этого «величайшего зла»: «... единственный элемент в стране, сохранивший здоровую голову и трезвый ум, казачество, должно поднять свой властный голос и своей дисциплинированной силой стать опорой собирания мощи.»¹⁰ Он упрекнул войсковой съезд в том, что он слишком легкомысленно отнесся к известию о перевороте в Петрограде, не увидев той серьезной опасности, которая грозит его существованию: «Наша страна накануне гибели... казаки еще не прониклись мыслью, что они уже не в тылу, а на фронте... Необходимо ликвидировать с большевиками».¹¹

Враждебно настроенное офицерство Уральского казачьего войска опиралось на старшее по возрасту поколение, вело за собой определенную часть казачества. Здесь надо заметить: если в казачьих частях один офицер приходился на более чем 90 нижних чинов, то в Уральском войске плотность командного состава была выше почти в три раза, что усиливало влияние офицеров в частях.¹² Надо отметить, что еще в ноябре 1917 года в Уральске стали функционировать отряды из учеников старших классов реального училища, гимназии, сыновей торговцев и местной буржуазии. Предложение командующего войсками солдаты-фронтовики отвергли. Тогда 25 декабря 1917 года отряд белой гвардии внезапно нападает на фронтовиков: несколько солдат было ранено, а один убит. Это переполнило чашу их терпения. Старые порядки, старое начальство, засилье офицерско-чиновничьей бюрократии явно не вписывались в рамки «но-

вой» жизни. В течение нескольких дней в Уральске была разогнана белая гвардия, а Мартынову поставили ультиматум о сложении полномочий. Видя свое полное бессилие, тот подает в отставку. Вот что сообщила по этому поводу газета «Правда». «Уральск, 14 января. Казачий полк уральских казаков (7 Уральский казачий полк) возвратился с фронта в свою столицу - Уральск и нашел там засилье монархистов и разного рода соглашателей. Порядки, не признающие власть народных комиссаров, революционному полку не понравились и полк взбунтовался. Полк потребовал удаления с ответственных постов всех сторонников старого режима. На улицах произошли столкновения». ¹³

Установив, таким образом, в Уральске порядок, фронтовики образовали полковой комитет, которому поручили управление городом. А сами подались в станицы и хутора, к семьям. Кончался эпохальный 1917 год...

В начале 1918 года в Уральской области утверждается советская власть. В марте т.г. проходит первый областной съезд Советов, который избирает исполнительный комитет. Большевистская организация, только в ноябре 1917 года отмежевавшаяся от попутчиков и ставшая самостоятельной, в подготовке съезда и формировании Советов, допустила серьезную ошибку. Пойдя на поводу представителей партии эсеров, не делавших больших различий в казачьей среде, большевики не пригласили на съезд делегатов от трудового народа, рядовых казаков. Само наименование - Совет рабочих, солдатских, крестьянских и казахских депутатов говорит само за себя.

Да и с лидерами Западного отделения Алаш-Орды - Ж. и Х. Досмухамедовыми наладить контакты большевикам не удалось. Еще в январе 1918 года в п. Каратобе состоялся очередной казахский съезд, где было принято решение направить делегацию в столицу для переговоров с Председателем Совнаркома В.И. Лениным. Однако, большевистский и левоэсеровский Совет резко отрицательно относился к деятельности Досмухамедовых, считая их «контрреволюционерами».

В состав исполкома Совета вошли: председатель - Д.Б. Колостов, товарищ председателя - П.И. Дмитриев, заместитель председателя - А. Айтиев, областными комиссарами назначались - Д. Счетчиков и С. Пужалин (комиссары продовольствия), Б. Каратаев (комиссар юстиции), П. Червяков (комиссар народного образования), Н. Ипмагамбетов (комиссар здравоохранения), А. Алмазов (комиссар земледелия), П. Парамонов (комиссар труда) и т.д. Отметим, что долгое время считалось - председателем Совета являлся П.И. Дмитриев, т.к. Д.Б. Колостов состоял в партии

эсеров.¹⁴ Съезд ясно выразил волю большинства населения покончить с многовластием.

В русле сказанного требует корректировки идеологема о двоевластии 1917 года. В классическом виде двоевластие существовало в период от февраля до ноября 1917 г. лишь в Петрограде и, частично, в Москве. Что касается непосредственно Казахстана, то здесь мы имели, как отмечает член-корреспондент НАН РК, профессор, доктор исторических наук Кенес Нурпеис, многовластие - кроме органов Временного правительства, Советов различной ориентации (эсеры, большевики) функционировали органы управления Алаш-Орды, военно-полковые комитеты и т.д.¹⁵

В Москву отправляется телеграмма с поддержкой Совнаркома РСФСР. Большого сторонникам центра сделать не удалось. Принятие постановлений о роспуске Войскового правительства и Западного отделения Алаш-Орды, о создании рабочей милиции, организации Красной гвардии, экспроприации собственности крупной остается лишь на бумаге.¹⁶ Уральские большевики не располагали необходимыми вооруженными силами. Сфера их влияния в массах была мала. Они не имели еще опоры среди крестьянства (там были заметны эсеровские мотивы), среди городских рабочих. Казахское население, в большинстве своем, еще не включилось в революционную борьбу. Более того, оно с недоверием и сомнением восприняло лозунги большевиков.

Подобная ситуация наблюдалась и в других городах Казахстана. Профессор Принстонского университета в США С. Коэн в книге «Возвращаясь к советскому опыту политика. История. Наука. 1917» пишет: «В октябре 1917 года большевики (коммунисты), представлявшие немногочисленную группу, явившуюся зародышем тоталитарной партии, захватили власть... С этого момента, т.е. с 1917 года, советская история определялась динамикой развития политического тоталитаризма».¹⁷ Французский историк Жак Эллюль в книге «Переиграть революцию. Неосуществленный пролетариат» (Париж. 1982) утверждает, что «революция 1917 года была совершена не промышленным пролетариатом, а побежденной и деморализованной, беспорядочно отступившей русской армией, которую удалось Ленину использовать для /взятия/ власти в свои руки».¹⁸

Партийная советская литература до 90-х годов считала, что накануне Октября 1917 года в казахской степи партия большевиков была самой влиятельной силой. Например, об этом П. Пахмурный и В. Григорьев в работе «Октябрь в Казахстане» писали: «К осени 1917 года передовым людям казахского народа стало ясно, что ни русская, ни национальная

буржуазия, ни их политические партии - кадеты и их казахский филиал «Алаш», ни мелкобуржуазные партии и группы не хотят и не могут отстаивать интересы трудящихся. Они убедились, что единственным и последовательным борцом за дело народа были большевики и только с ними можно и нужно идти в бой». ¹⁹ Таких взглядов придерживались С. Бейсембаев, Т. Елеуов и другие. Это было искусственным приближением казахской действительности к российской.

Казахское общество не было готово к политическим переменам с классовых позиций, каковые предлагали большевики. А. Байтурсынов отношение казахского общества описывает так: «Насколько им была понятна Февральская революция, настолько им была непонятна Октябрьская (социальная) революция. Они с какой радостью встретили первую революцию, с таким же страхом вынуждены были встречать вторую. Для тех, кто знаком с казахским народом, отношение казахов к революции было естественным и понятным. Если казахи первую революцию правильно поняли и радостно встретили, то эта революция, во-первых, освободила от эксплуатации и насилия царского правительства, и, во-вторых, укрепила их старая надежда на самоопределение». ²⁰

В этот период соотношение политических сил в Казахстане характеризуется в основном поддержкой казахским обществом партии «Алаш». Данный посыл легко проследить по итогам выборов в Учредительное собрание, состоявшихся осенью 1917 года. Например, выборы в Семипалатинской области показали: за «Алаш» проголосовали 57,5 % избирателей, а в Уральской и Тургайской областях - 75 %. ²¹ То, что влияние партии «Алаш» по сравнению с другими политическими силами также было очень высоким, показывают следующие цифры. Так, в Иргизском районе Тургайской области кандидаты партии «Алаш» получили 52.351 голос, социал-революционеры - 181, социал-демократы - 193 голоса. ²² Подобная картина вырисовывалась и в Уральской области, особенно в уездах, где компактно проживало казахское население. Эти факты подтверждают, что в казахском обществе социал-демократические идеи не имели абсолютно никакого влияния ни накануне, ни в первые дни после октябрьских событий. ²³ В этот период изменяется ориентация партии «Алаш», которая вначале придерживалась либерального течения. Вскоре большинство лидеров движения, будучи депутатами Государственной Думы, обратили на себя внимание отстаиванием аграрной реформы и требованиями к правительству уделять больше внимания колониальным окраинам, постепенно отходя от теряющего авторитет конституционно-

демократического крыла под главенством П. Милюкова. Начались поиски иного самовыражения. Эсеры? Эсдеки? Скорее, первые: аграрная проблема в Казахстане, обострившаяся не без влияния переселенческого движения из глубинки России, оставалась все еще не решенной. Сближение руководителей будущего «Алаша» с социал-революционерами (эсерами) впервые открыто проявилось во время выступления Бакытжана Каратаева в Думе (1907 г.).²⁴ Повод для сближения имелся: как отмечал современник оформления движения, автор книги «Алаш-Орда. Краткий исторический очерк о национально-буржуазном движении в Казахстане периода 1917-1919 г.г.» А. Бочагов, в действительности «земельный вопрос в колониальном крестьянском Казахстане приобретал исключительное значение».²⁵

Сближение с эсерами еще не означало безоговорочное принятие программы революционного толка, чем можно объяснить напряженность во взаимоотношениях между «Алаш» и эсдеками, будущими потенциальными идеологическими врагами, перешедшую затем в открытое неприятие тактики и стратегии большевизма.

Естественно, в сложившейся ситуации автономисты выбрали меньшее из зол. Деятельность молодой автономии проходила в сложных условиях. Тем не менее органы власти Алаш-орды стали возникать во многих местах Степного края. Наиболее дееспособные из них стали: Семипалатинское, с центром в г. Жана-Семей, Западное, с центром в поселке Жамбейты и Тургайское отделение. Местные органы Алаш-Орды стали называть себя уаллаятами, при них создаются свои суды и органы милиции. Лидерами Уильского уаллаята, образованного 18.05.18, становятся Жанша и Халел Досмухамедовы.²⁶

И все же лидеры Алаш-Орды в марте 1918 г. вступают в прямые переговоры с центральными органами советской России, но эти контакты были прерваны молчанием в ответ на предложенный проект условий соглашений. 20 марта т.г. состоялись переговоры по прямому проводу между Лениным и Сталиным, с одной стороны, и руководителями Алаш-Орды - А. Букейхановым, Х. Габбасовым в Семипалатинске - с другой.²⁷ Таким образом, взаимоотношения партии Алаш с новыми властями по существу не перешли от контактов к компромиссам. Силы, объединенные Алаш-Ордой, и силы, шедшие за большевиками и Советами, оказались на разных сторонах баррикады.

Итак, установление Советской власти в той форме, которую предлагали большевики в Уральской области, было фактически неприемлемо.

В Уральске отсутствовал крупный фабрично-заводской пролетариат, «... у нас нет крестьянского сословия, в обычном понимании этого слова, с крестьянским самосознанием».²⁸ Большевики не имели в крае массовой партийной организации. К этому накладывалась специфичная особенность региона, где основную категорию населения составляли казахи и казаки. Единственная надежда оставалась на фронтовиков, имеющих воинские навыки и боевой опыт. Пока созданный Совет пытался укрепить, набрать силы для ликвидации оппонента, противник не терял времени даром. Войсковое правительство умело использовало ошибки большевиков и эсеров, также входивших в областной Совет, постоянно играя на исторических традициях и патриотических чувствах казачества.²⁹ Созвав войсковой съезд выборных, белое движение получило легитимную возможность противодействовать большевикам. Интересно само отношение казаков к данному органу управления: «...Суррогатом самоуправления здесь является собирающийся раз в году съезд выборных представителей населения. Он обсуждает хозяйственные вопросы казачества, но все его постановления не имеют решающего значения: они могут приниматься и отвергаться хозяйственным правлением».³⁰ Естественно, такое положение, когда два противоборствующих лагеря стараются склонить чашу весов в свою сторону, долго продолжаться не могло.

Развязка наступила в конце марта 1918 года. Поводом для этого послужили события в Илеке (до 1926 года город входил в состав Уральской области, а сейчас входит в состав Оренбургской области Российской Федерации). Сюда прибыл отряд оренбургских красноармейцев. Различные источники по-разному трактуют причину выступления, послуживших началом вооруженных действий в Уральской области. Результат - отряд красноармейцев почти в 400 человек был полностью уничтожен и пролилась первая кровь.³¹ О происшедшем по казачьей эстафете было передано в Уральск. Войсковое правительство постаралось представить событие в невыгодном для большевиков свете. Вышло воззвание к населению: «Станичники! Для нашего Яицкого войска наступил трудный час. Мы переживаем тот момент, когда решается вопрос - быть нашему Яицкому войску или не быть... Мы не потерпим насилия и обиды, станем грудью на защиту нашего войска... Да здравствует казачество и наше родное Яицкое войско. Призываем нас всех, станичники, встать на защиту наших хуторов, станиц и родного войска». В газете «Яицкая воля» стали печататься зарисовки об Илекском восстании, рассказы очевидцев о случившемся, тем самым нагнеталась атмосфера недоверия к большевикам,

отрицательно сказываясь на эмоциональном настроении и психофизическом состоянии населения.

Что мог в такой обстановке предпринять Совет? Констатируем, реально он был не в силах противодействовать попыткам Войскового правительства взять инициативу окончательно в свои руки. Тем более, что поддержки у населения края, в том числе и вооруженной, у местных комиссаров не имелось. Фронтовой комитет, некогда передавший власть Советам, давно уже самораспустился. Его члены жили в своих станицах и селах. К формированию отрядов из рабочего и сельского люда еще не приступали. И все же 26 марта 1918 года фронтовики, уже один раз оказавшие содействие большевистско-эсеровскому Совдепу, могли вновь изменить расклад сил в пользу последних. В этот день собралось экстренное собрание фронтовиков, которое проходило очень бурно. Председатель собрания В. Калинин призывал «дать отпор посягателям на казачью волюность и самостоятельность, раз они (большевики) нарушили заверения об автономии края». Однако среди этих голосов были те, которые советовали не поддаваться эмоциям, создать комиссию, чтобы детально выяснить причины инцидента в Илеке. Одним из таких представителей прогрессивно настроенного офицерства был казачий полковник Н.К. Щелоков (впоследствии уедет из Уральска, принимал участие в формировании кавалерийских полков для Красной Армии, которые впоследствии волеются в Первую и Вторую конные армии, где он будет исполнять функции начальника штаба). Волнующие слова произнес казак из Гурьева (ныне г. Атырау), сказавший: «если призывать, то призывать всех, способных носить оружие, иначе наши богатые казаки окажутся по больницам». Незатейливая, но правдивая и искренняя речь вызвала одобрение. Вопрос: «Надо ли?» витал в воздухе. Чувствуя, что фронтовики снова могут оказаться вне затеваемой борьбы с большевиками, председатель Войскового правительства Г.М. Фомичев предлагает принести войсковое знамя, чтобы под его сенью принести присягу на верность войску. Как свидетельствуют архивные источники, по неизвестным причинам знамя найти не удалось.

Верхушка казачества пытается сыграть на религиозных верованиях большинства простых казаков. 27 марта 1918 года у Старого собора, заложенного в честь покровителя войска святого архистратига Михаила, был отслужен торжественный молебен, закончившийся целованием креста, Евангелия и войскового знамени и присяганием войску на верность.³² На этот раз митингов не устраивали, т.к. существовало опасение, что разно-

гласия в среде казаков вновь прорвутся наружу. Определяя впоследствии причины длительной и ожесточенной борьбы против большевиков, Д.А. Фурманов отметил: «... автономизм и религиозность - вот два ушка, за которые буржуазия ловко поймала все казачество...».³³ [От себя отметим: примерно половину уральского казачества составляли раскольники. По проценту раскольников Уральское казачье войско занимало первое место, на втором было Терское войско (15 %), на третьем - Донское (10,1 %)].

Президиум Совета ясно понимал, что в создавшейся обстановке оставаться в городе становится опасно. А о какой-либо работе и говорить не приходилось. Вспышек экстремизма от, подогретой Войсковым правительством и духовенством, толпы можно было ожидать с минуты на минуту. Решили членам Совдепа разъехаться в надежные места, чтобы оттуда продолжить прерванную деятельность. Отъезд намечался на 28 марта 1918 года, на 5 часов вечера. Только в планы оказалась внесена значительная корректировка. В два часа дня летучие отряды казаков ворвались в здание, занимаемое Советом. Одновременно последовали налеты на квартиры его членов. Арестованных тут же препроводили в областную тюрьму. Спасти удалось немногим. На территории края установилось господство Войскового правительства. В Уральске были запрещены собрания и митинги, закрыты увеселительные заведения.

Добравшись до Оренбурга, председатель исполкома Д. Колостов 2 апреля 1918 года посылает Ленину телеграмму о положении в Уральске. В ней говорилось: «В Уральске сосредоточены большие силы и скрываются все, бежавшие из отряда Дутова, из Астрахани, самарские помещики... На Уральск нужно обратить самое серьезное внимание... Уральское и Оренбургское казачество представляет серьезную угрозу Советской власти и вообще, необходима серьезная подготовка сил в Саратове, Самаре, Оренбурге, Уфе, с возможной помощью из центра, чтобы обезвредить раз и навсегда очаг контрреволюционной заразы... Полагаю, что СНК необходимо дать общие распоряжения об организации штаба для взаимных действий Оренбурга, Самары, Саратова, иначе сепаратные действия отрядов Советов, нося случайный характер, будут только затягивать борьбу и потребуют массу совершенно ненужных жертв».

В Москве понимали серьезность создавшейся в Уральске обстановки и учитывали последствия, к коим может привести вооруженный конфликт. Потому-то была предпринята попытка уладить противостояние мирным путем, путем переговоров. Эта миссия была возложена на Сара-

товский исполком. По всей видимости, В. Ленин не стал сковывать инициативы, справедливо полагая, что местные товарищи сами урегулируют конфликт. Надо отметить, что Д. Колостов был прав, предостерегая, во-первых, от недооценки возросшей военной мощи уральского казачества и во-вторых, призывая Центр сразу же и безотлагательно взять разрешение вопроса под свой непосредственный контроль.

Саратовский Совдеп наказ Москвы понял буквально. Не церемонясь, не заботясь о какой-либо дипломатии, посылает Войсковому правительству ультиматум со следующими требованиями:

«1. Уральское Войсковое правительство должно в письменной форме подтвердить, что оно признает власть Совета Народных Комиссаров, верховной власти в Российской Федеративной Республике.

Немедленное восстановление разогнанного и частью арестованного Уральского Совета;

Изгнание всего пришлого элемента из Уральской области, как-то: контрреволюционного офицерства, буржуазии и помещиков».

Предъявление требований сопровождалось угрозами о вооруженном подавлении контрреволюционного мятежа в случае непринятия ультиматума. «Творчество» саратовских большевиков вызвало в Уральске некий шок. Войсковое правительство медлит, явно затягивая с четким определенным и конкретным ответом. Это объяснялось исключительно политической и стратегической обстановкой, ибо вооруженных сил для открытой конфронтации с большевиками к весне 1918 года в Уральске еще не было. Войсковое правительство стремилось как можно больше выиграть времени, путем или ведения бесконечных переговоров по прямому проводу, или посылки делегаций от войскового съезда. Вскоре в Саратов выезжает такая делегация в составе сотника Мусатова и казака Борзикова.

Наконец, и фронтовики, принимают долгожданную для Войскового правительства резолюцию: «отдать себя в полное распоряжение Войскового правительства и Войскового съезда». На радостях Г.М. Фомичев прослезился: «Войсковое правительство приняло все меры к тому, чтобы сберечь силы войска, оградить самостоятельность казаков от большевистских притязаний. Но то были слова, слова же слушаются тогда, когда за ними стоит сила. Теперь видно, что за нашими словами стоит сила и мы видим, что войско не погибнет».

За поддержку политики Войскового правительства проголосовали члены областной и земских управ, мотивируя свое решение тем, что это

необходимо «для ограждения всего населения от хозяйственной и политической разрухи». Правда, оговорились, что поддерживая Войсковое правительство, представители земцев «исполняют лишь волю киргизского населения», а за лояльность переселенческих волостей, мол, не «могут ручаться». Даже в такой, казалось бы, благополучной ситуации, Войсковое правительство не решается разрывать отношений (хотя бы номинальных) с Кремлем. Более того, на войсковом съезде избирается делегация, посетившая содержащихся в Уральской тюрьме арестованных членов областного Совета. Здесь состоялись переговоры, своеобразный «круглый стол», где стороны обменялись впечатлениями о положении дел в Уральской области. Представители войскового съезда сказали: «восстановление в данный момент областного Совета депутаты считают нецелесообразным и опасным и, что единственным правильным путем решения вопросов мирной жизни они считают путь совместных съездов иногородних с казаками и чтобы все организации иногородних настаивали перед Саратовым о восстановлении железнодорожного движения». П. Дмитриев, П. Червяков, З. Половинкин, Г. Шачнев, А. Колостов, Буторов, Зеленин, Востряков, Пуссель подписали резолюцию, где присоединились к пожеланиям, выдвинутым войсковым съездом. Также было сделано заявление о прекращении вооруженного выступления и восстановлении железной дороги до Уральска, т.к. «находим возможным мирное улаживание конфликта путем взаимных переговоров».

Предположив, что письменному заявлению арестантов могут не поверить в Саратове, сочтя за фальсификацию, на переговорный пункт под охраной был доставлен Г. Шачнев. Вместе с ним у телеграфного аппарата присутствовал один из лидеров Войскового правительства, ярый монархист А. Михеев. Мнение уральских совдеповцев было неожиданным для их товарищей в Саратове. Тем более, что ходили слухи о расправе с арестованными сразу же после переворота. Надо было бы, взвешенно, учитывая предложения уральцев, обсудить положение, проанализировать соотношение сил, пойти на компромисс. Вместо этого следуют взаимоисключающие соглашения акции. В Саратове по обвинению в шпионаже схвачены Мусатов и Борзиков, прибывшие для переговоров. В свою очередь, Войсковое правительство не пропустило идущий из Уральска в Саратов пассажирский поезд с хлебом. Саратовский Совет отдает РУЖД распоряжение о прекращении дальнейшей отправки поездов в сторону Уральска. «Всем железнодорожным комитетам, советам в пределах РУЖД. В связи с выступлением контрреволюционного Уральского казачества и

чинимого им насилия над советской и железнодорожной властью и вмешательством в железнодорожные дела, Исполнительный комитет приказывает Уральской ветке от Уральска до Ершова движение абсолютно остановить, прекратив всякие работы и предлагает всем службам, если потребуется, по усмотрению на местах, угнать паровозы и подвижной состав в Покровск и Красный Кут. Председатель железнодорожного комитета ст. Ершов - Акимов».

Саратовцы, предъявляя ультиматум, вообще, блефовали. 14 апреля 1918 года на ст. Ершов прошел первый сбор красноармейских частей. На нем присутствовали 630 штыков, 268 сабель, 6 орудий, 42 пулемета, 5 аэропланов, бронемашина и поезд снабжения. Увидев малочисленный отряд, саратовские большевики поняли, что с такими силами на успех рассчитывать бессмысленно. (Для сведения. Уральская казачья армия по данным краеведа Н.Г. Чеснокова в апреле 1918 года насчитывала около 15 тыс. человек, сведенных в 18 фронтовых и два гарнизонных полка, располагала 150 пулеметами и 50 орудиями, функционировала юнкерская школа). Разворачивается кипучая деятельность по формированию красных отрядов, привлечению красноармейцев из пограничных с Уральской областью уездов, в т.ч. из Пугачевского и Новоузенского уездов Самарской губернии. Вскоре их численность возросла до 2,5 тыс. человек. Наиболее крупными отрядами командовали Чапаев, Сапожков, Шевелев. Все они объединялись в Саратовскую особую армию, во главе которой стоял С.И. Загуменный. Штаб армии приступает к разработке плана похода на Уральск.

Несмотря на численный и технический перевес, Войсковому правительству не хватало решительности первым перейти границу Самарской и Саратовской губерний - объявить войну (хотя отдельные стычки уже имели место). Обстановка в тылу не была надежной. Установленный белоказаками режим не пришелся по душе простым казакам, не хотевшим участвовать в междоусобных баталиях. Целые станицы - Чаганская, Скворкинская, Трекинская, Бударинская, Рубежинская отказываются от войны с Советами и выступают против насильственной мобилизации. Кому не пришелся по нутру режим Войскового правительства бежали за пределы края. «Заслушав телеграмму Соболевского комитета обороны о бежавших к красноармейцам казаках Корчагине, Таликове и Карпове, Войсковой съезд постановил: казаков лишить казачьего звания, исключив их из списка войска». Крамолу пытались истреблять. К инакомыслящим применялись репрессии. На полных оборотах заработал военно-полевой

суд. В его жертвы попали казаки: рядовые - братья Н. и Ф. Могутновы, С. Дронов, прапорщики М. Хохлачев, Н. Кузнецов, а также Максякин, Скрыпкин, Иванов и т.д. Даже «за отказ поставить подводы» Красновский комитет обороны «предал военно-полевому суду казаков Щучкина, Любавина, Лягошина, Ирतिकеева». Объявление войны для местных казаков было бы нарушением лозунга, поддерживаемого ими - «сами ни к кому не пойдём и к себе никого не пустим!». Войсковое правительство, как зачинщик, поддержки у них бы не имело.

Советское правительство внимательно следило за ходом переговоров. Видя тщетность попыток и неумение договориться Саратовского Совета, а также пытаясь все же избежать кровопролития в Уральской области, В.И. Ленин решает лично вмешаться в урегулирование конфликта с целью уладить нерешенные проблемы. В Уральск направляются с небольшими промежутками две мирные делегации. В апреле 1918 года И.С. Ружейников и в июне этого же года - Ф. М. Неусыпов. Оба парламентаря входили в казачий отдел ВЦИК, а самое главное - являлись уроженцами Приуралья. В области они имели авторитет, их знали, к ним прислушивались. Однако, обе миссии закончились безрезультатно. Вернее, результат был - Войсковое правительство отвергло предложение Совнаркома о мирных переговорах.

Ситуацию в Уральской области можно было не доводить до вооруженного конфликта. На ее просторах проживало огромное казахское население, которое могло и должно было стать третьей, решающей силой. Для этого необходимо было найти общие точки соприкосновения с Алаш-Ордой. Ее сторонники старались в этом хаосе держаться сторонней позиции, ибо хорошо понимали, что в тот момент основной водораздел проходил между большевиками и их оппонентами, которым - «... и тем и другим - по большому счету было мало дела до чаяний и тревог каких-то туземцев-степняков».³⁴ Войсковое правительство вовсе не горело желанием поддерживать джамбейтинцев, их помощь, в основном, ограничивалась словесными декларациями. Автономисты за свой счет содержали учреждения, почту, телеграф, суды, очень плохо вооруженную милицию.

Ахмет Байтурсынов впоследствии в журнале «Жизнь национальностей» (1919 г.) так разъяснял искания соратников: «... появление Колчака с тенденцией монархической власти заставило нас подумать о той и другой власти, и мы, как убежденные в том, что заветная мечта казахского народа может получить свое осуществление, предпочли перейти на

сторону Советской власти, хотя последнюю по действиям местных большевиков представляли себе не в очень привлекательном виде. ... то, что делают на окраинах поддельные большевики, противно и духу, и целям, преследуемым большевиками в центре». ³⁵

2 апреля 1918 года А. Букейханов и Х. Габбасов вновь разговаривают с Москвой. Тема одна - вопрос об автономии Казахстана. Ленин и Сталин согласились с идеей самоопределения ранее угнетенных народов. В телеграмме, данной в день переговоров, почему-то в адрес Акмолинского совета, вожди (настоящий и будущий) подчеркнули: пусть казахский народ готовится к созданию автономии сообразно своей территории. Требование предоставления автономии было ключевой темой лидеров Алаш-Орды в переговорах с Советами.

Интересно, что зарубежные историки не были согласны с трактовкой официальной советской исторической науки, характеризующей Октябрь, как социалистический. Они выделяли в политике большевиков два направления: с одной стороны, осуществление переворота и завоевание власти, с другой - использования ее ради социалистических преобразований. ³⁶ Второе направление вызвало сопротивление основной массы населения России, что привело к гражданской войне. Тогда большевики использовали «революционизированную» часть армии для достижения своих задач.

Здесь уместно привести мнение английского исследователя Р. Петтибриджа о том, что «продолжительная гражданская война стала превращать переворот в национальную революцию. Поэтому большевики обоснованно считают себя защитниками интересов народов национальных окраин до прихода к власти». ³⁷

Провозглашенный большевиками принцип равноправия и самоопределения наций был пустым лозунгом. На практике всем окраинным народам навязывалась модель нового общества, причем в органы местного управления представители коренного населения не допускались. Заметим, что казахи-большевики (С. Мендешев, С. Арганчеев, Б. Жаникешев, С. Джакупов и др.) в этот период находились в п. Урда, входившим в состав Астраханской губернии и были больше заняты другими проблемами: завоеванием власти, установлением диктатуры пролетариата и т.п.

Для алашордынцев же вопросы предоставления автономии стали действительно вопросами «жизни и смерти». Их требования были настойчивыми и систематическими. Наркомнац И. Сталин в телеграмме от 07.04.18 на имя А. Джангильдина ответил: «Буржуазно-националистические

группы требуют автономии для того, чтобы превратить ее в орудие закабаления своих собственных масс». ³⁸

На самом же деле казахи больше страдали от местных руководителей. Видный большевик М.-К. Мурзагалиев вспоминал «Много ошибок допускают местные органы, не вовлекая киргизские массы в советское строительство и, тем самым, отталкивают от себя степную бедноту. В результате антагонизм между русскими и киргизами усилился, создавая благоприятную почву для всякого рода конфликтов. Удовлетворение нужд киргизской части хуже, чем прочего населения... Правящая партия, представленная главным образом нацией, не испытавшей гнета, неумело проводит идею пролетарской диктатуры в киргизской степи. ³⁹

Исчерпав последние аргументы и не найдя понимания в центре, Алаш-Орда заключает союз с атаманом Дутовым в Оренбурге, вступает в тесный контакт с Временным Сибирским правительством в Омске и Комуч в Самаре, укрепляет связь с Уральским, Симбирским и Семиреченским казачеством.

В июне 1918 года Алаш-Орда принимает ряд декретов, в соответствии с которыми все документы, законодательные акты, изданные Советской властью на территории Алаш, признавались недействительными и возводилось в степень законности преследование коммунистов. ⁴⁰

Лидеры Западного отделения Алаш-Орды Ж. и Х. Досмухамедовы получают из Самары через Комуч 600 винтовок и пулемет, обещав в ближайшее время организовать казахские отряды в количестве 2000 человек.

В Джамбейте, на базе курсов для унтер-офицерского состава, с помощью инструкторов из Уральска, Гурьева и других мест создается школа прапорщиков. Правда, вхождение в армейскую жизнь оказалось для молодых джигитов трудной задачей. Не хватало вооружения, боеприпасов. Хрупкий союз алашордынцев и казачества был установлен. Полученные от инструкторов-офицеров теоретические знания требовали закрепления в боях с противником.

На наш взгляд, такой финал был закономерен. Большевики сами приблизили развязывание гражданской войны.

Во-первых, было упущено время для мирного урегулирования конфликта. В апреле-мае 1918 года еще можно было найти компромиссное решение, удовлетворяющее обе стороны. Начинать гражданскую войну Войсковое правительство не стало бы, боясь ожидаемых последствий, ибо уральские казаки стали бы первой ласточкой в череде выступлений. В июне 1918 года они уже не чувствовали себя одинокими, т.к. ко-

стер междуусобиц уже охватил почти всю страну. Началась вооруженная интервенция: в марте 1918 года Англия высадила десант в Мурманске, 5 апреля 1918 года японцы захватили Владивосток. Немцы, несмотря на заключение Брестского мира, оккупировали Украину и вторглись в Крым. При их поддержке на Дону пробудился генерал Краснов. Гражданская война стала реальностью.

Во-вторых, Войсковое правительство пошло на установление контактов с Колчаком, Дутовым, чехословацким легионом, т.е. получило моральную и финансовую поддержку. Интерес к событиям в Уральской области проявляли Англия и Франция. Еще на специальной конференции Антанты в Париже состоявшейся 22 декабря 1917 года обсуждался план организации военной интервенции против большевистской России.

«Мы считаем необходимым, - говорилось в меморандуме совещания, - поддерживать связь с Украиной, казачьими областями, Финляндией, Сибирью, Кавказом и т.д. Нашей первой задачей должно быть предоставление субсидий для реорганизации Украины, на содержание казаков и кавказских войск». На конференции 23 декабря Англия и Франция заключили тайную конвенцию «о районах будущих операций британских и французских войск на территории России». Согласно ей в английскую зону действий входили казачьи районы и территория Кавказа. Уже в июне 1918 года в Уральск приезжают представители Франции и белочехов. «Братья уральские казаки! Представители французского правительства просили передать, что Франция готова оказать и окажет вам высокую помощь и поддержку». Вскоре французских «друзей» оттесняют англичане, которым давно приглянулись нефтеносные районы Доссора и Мангышлака.

В-третьих, обстановка в тылу вынуждала Войсковое правительство перейти в наступление. Только так оно могло удержаться у власти. Трехмесячное томительное противостояние, бездеятельность, размягчали, нервировали армию. Большие средства тратились на ее содержание, на содержание конного резерва. Компактность воинских формирований создавала благоприятные условия для разворачивания большевистской пропаганды. Для снятия напряженности «нужны решительные успешные военные действия, поднявшие бы дух казаков, а с другой стороны, развязывание войны как бы отрезало простым казакам путь назад, повязывало бы их кровью».

В-четвертых, неумелая, недалёковидная, примитивная политика Саратовского исполкома в переговорах с Войсковым правительством. В их

арсенале был задействован один единственный прием - своеобразная лобовая атака, кавалерийский наскок, который не всегда приносит пользу даже в чистом сражении. Сказалось и то обстоятельство, что в переговорах с самого начала не принимали участие представители Центра, передоверившие разрешение назревающего конфликта местным товарищам.

В-пятых, отсутствие у саратовцев до середины 1918 года сколько-нибудь значительных вооруженных сил, могущих сказаться на исходе событий. Отрицательно сказался и первый неудачный поход на Уральск. И. Кутяков, анализируя впоследствии причины, в частности указал на недооценку мощи казачества, в результате чего был неверно построен и стратегический план. Недисциплинированность и неорганизованность отрядов, политическая ненадежность тыла, где зачастую вспыхивали вооруженные выступления крестьян (например, в Николаевском уезде - в Большой Глушице, Хворостянке, Березове, Балакове и т.д. Причем в этом пострадал военком, брат будущего начдива-25 - Григорий Чапаев). На низком уровне было оперативно-тактическое использование имеющихся сил. Не применялись авиация, бронемашины, а бронепоезд занимался лишь охраной генштаба. Не велось агентурной и войсковой разведки, поэтому сведения о противнике имели часто случайный характер, полученные от беженцев и пленных, которые не всегда были ценны, а иногда и противоречивы. Сказывалась и слабость среднего командного звена.⁴¹

В-шестых, без внимания оставалось казахское население, которое ожидало разрешения противостояния, т.к. революционные идеи, исходившие из Москвы, дальше территорий, захваченных Красной армией, не распространялись. Революционный дух и революционный энтузиазм казахских масс не мог проявиться. «Здесь лежит начало великой ошибки нашей организации. Революционная пропаганда, развившаяся в России, здесь становилась меньше. Большинство же киргизской бедноты, своей кровью отметившей победу революции, теперь скитается в степи, оторванные от революционного движения», это снова вспоминает М.-К. Мурзагалиев, член облревкома, будущий секретарь Киргизбюро.

В марте 1918 года Жанша и Халел Досмухамедовы добрались до Москвы, где участвовали в работе Малого Совнаркома РСФСР. Их принимают В.И. Ленин и И.В. Сталин. В ходе переговоров удалось договориться о взаимном признании друг друга. Вот о чем говорилось в документе, который распространялся на территории Уральской области в апреле 1918 года: «Всемирным киргизским земским и общественным организациям, долж-

ностным лицам и всем гражданам Зауральной стороны Уральской области, Всекиргизский Народный Совет Алаш-Орды признал Советскую власть Российской Федеративной Республики и установил с Советом Народных Комиссаров отношения. При Совете Народных Комиссаров на днях будет образован комиссариат по киргизским делам и в самом непродолжительном времени будет опубликован декрет об автономии Киргизского края

...Призываем всех киргизов Зауральной части Уральской области ни в каких выступлениях против Советской власти участия не принимать...».

Воззвание было подписано Д. и Х. Досмухамедовыми. Кроме того, в ходе переговоров они добились выделения крупной денежной суммы на нужды Алаш-Орды от Советского правительства. Однако, информация из Уральского областного Совета во главе с Д. Колостовым «о контрреволюционной деятельности алаш-ордынцев» дошла до руководства Саратовского Совета и при пересадке в Саратове Досмухамедовы были временно задержаны, а деньги у них изъяты.

Возвратившись в Джамбейты, они, так и не дождавшись обещанного декрета об автономии, пошли на заключение военно-политического договора с Войсковым правительством.

Если И.С. Ружейникову повезло и он был под охраной выдворен из пределов Уральской области, то к следующему парламентарю судьба оказалась менее благосклонной. Ф.М. Неусыпов был расстрелян белоказаками, т.к. мир и широкая автономия Войсковое правительство уже не устраивали. Рубикон перейден. Тем более, в эти дни в Уральске находились французско-белочехская делегация и казачья верхушка старалась доказать, что они готовы перейти к самым решительным действиям.

Правда, ожидаемых успехов Уральская казачья армия не добилась. Попытки влить живую струю оптимизма, заставить поверить массы в грядущую близкую победу, на алтарь которой сейчас важно жертвовать всем: деньгами, драгоценностями, металлом, а главное - собственными жизнями, ощутимых плодов не приносили. Линия фронта неумолимо приближалась к Уральску. Войсковое правительство ценой ужесточения режима, закручивания гаек до предела, удерживается на плаву. Чувствуя шаткость положения, уходят вчерашние союзники. Западное отделение Алаш-Орды направляет войсковому съезду заявление, где говорилось «считает для себя непосильной и неочередной задачей дальнейшее участие в вооруженном конфликте».

Что же изменилось за столь короткий промежуток времени?

Лидеры Алаш-Орды не получили поддержки в вопросах национально-государственного строительства. Более того, после постановления Директории об упразднении правительства Алаш-Орды (сентябрь 1918 года) и создания специального органа управления казахскими делами во главе с А. Букейхановым, процесс национально-государственного строительства вовсе прекратился. Весь ход последующих событий показал, что движущей силой негативного отношения российских властей к деятельности Алаш-Орды были опасения правых элементов в связи с распадом единого государства. Именно эти правые элементы возобладали сначала в ближайшем окружении Директории, а затем и в составе правительства Колчака. Фактически это привело к тому, что в Казахстане оказалась выключена из активной борьбы с Советской властью основная масса коренного населения, лишившегося стимула - создания своего национального государства.

Отметим, что действия адмирала А. Колчака, не всегда понимало и казачество. При Директории, а затем при Сибирском правительстве находилась специальная уральская делегация, возглавляемая генералом Б. Хорошхиным. Вскоре его место занял Н.А. Бородин. Из Омска в Уральск были направлены «Положение о временном устройстве государственной власти в России», утвержденное Сибирским правительством, и обращение А. Колчака. Отношение же к казакам было настороженно-подозрительным: уральцев обвиняли в том, что они пытаются получить деньги и оружие, не оказывая реальной помощи Народной армии. Н. Бородин через «Правительственный вестник» пытался обратить внимание, что его родное войско «не может выйти из кризиса без поддержки центрального правительства или союзников», что оно готово продать значительное количество зерна, мяса, нефти и пр., но «центральное правительство не делает заказов или запродаж». ⁴²

Между тем на фронтах события развивались явно не в пользу белых. Наиболее мощная сила - армия Колчака, занявшаяся перегруппировкой, подтягиванием резервов, не смогла оказать своевременную помощь Уральскому и Оренбургскому казачеству, в результате чего красные войска заняли административные центры обоих казачьих войск, установили свой контроль над всей Оренбургско-Ташкентской магистралью, отсекли уральских казаков от Оренбурга и Сибири и получили возможность укрепить свои позиции в Туркестане и Семиречье. ⁴³

С самого начала позицию «нейтралитета» занимало крестьянство Зауральной стороны. Переселенцы не вмешивались в конфликт. Более того,

на Зауральной стороне создаются и активно действуют подпольные большевистские ячейки в Богдановке, Долинном, Приречном, Придорожном, Федоровке. Среди руководителей выделим П. Парамонова, М. Довженко, И. Белана, С. Давиденко, И. Кобец и т.д. В казахских поселениях левобережья работали А. Айтиев, М. Ипмагамбетов, Г. Алибеков, С. Арганчеев и другие.

1 декабря 1918 года «Яицкая воля» в статье «Большевики» горестно констатирует, что большевизм все больше и больше завоевывает казачьи массы, он проник во все казачьи дома, на улицы и площади, «смело и угрожающе поднимает голову в Уральске».

7 декабря т.г. «около 12 часов дня на почве нежелания подчиниться распоряжению... основанному на соглашении с войсковым правительством... и идти на фронт на борьбу с большевиками Джамбейтинского поселка возникло вооруженное сопротивление этому распоряжению, учиненное киргизской народной милицией». ⁴⁴ Около 300 вооруженных джигитов освободили 68 арестантов, реквизировали из интендантского войскового склада оружие и боеприпасы и сожгли почти все дела в уездной милиции. К наступлению ночи джигиты направились к Каратюбе и Уилу, чтобы «взбунтовать уильский гарнизон и затем или двинуться Темир и присоединиться там к большевикам или вернуться в Джамбейту для продолжения восстания...». ⁴⁵

Развязка близилась. 24 января 1919 года Уральск становится советским. Постановлением Реввоенсовета 4 армии создается Революционный комитет в составе: председатель - В. Ермощенко, члены: П. Хаустов и Семенников, секретарь - П. Петровский.

Перед вновь созданным Ревкомом встало немало проблем. Первоочередными были: восстановление и укрепление порядка на местах, проведение выборов в Советы, налаживание экономики края, организация помощи красноармейцам, посылка продовольствия голодающим рабочим Москвы и Питера, решение национального вопроса (установление контактов с казахским населением) и т.д.

Заседания облревкома проходили бурно, ибо существовали противоречия внутри большевистской организации. Нередко возникали перепалки, переходящие во взаимные оскорбления. На перспективы дальнейшего решения казачьего вопроса к марту 1919 года сложились три взгляда. Наиболее непримиримыми, взаимоисключающими были позиции, которые отстаивали П.Г. Петровский и И.С. Ружейников. Первый придерживался положений циркулярного письма Оргбюро ЦК РКП(б)

об отношении к казакам. В нем, в частности, указывалось в п. 1 «провести беспощадный массовый террор по отношению ко всем вообще казакам, принимавшим какое-либо, прямое или косвенное участие в борьбе с Советской властью»⁴⁶ и т.д., то есть объявляло казаков вне закона. Он и его сторонники (Рамм, Одинцов, Васильев) вообще считали уральское казачество целиком контрреволюционным. Эту мысль П. Петровский оформил в докладной записке «Уральское казачество и власть Советов», где говорится: «Уральское казацье войско в своей массе исключительно зажиточное, обладая целым рядом привилегий сравнительно с иногородними и киргизским населением, оно, конечно, в силу защиты классовых интересов, не может смириться с порядком, аннулирующим эти интересы...». В заключение П. Петровский делает вывод: «... и даже самый бедный казак не может мириться с советским строем, ибо этот строй связан с лишением его казачьих привилегий. Это наш враг, враг русского пролетариата и с ним прежде всего мы должны покончить».

И. Ружейников (А. Кулаков, А. Марков и др.), знавшие как никто быт, нравы и традиции казачества, естественно выступили против наметившейся линии на «рассказачивание». Недооценка их именно сейчас, когда часть уральских казаков стала понимать свое заблуждение, прекращает напрасное кровопролитие, поворачивает оружие и переходит на сторону своего государства с намерением в рядах Красной Армии идти уже против тех, кто продолжает упорствовать, «ошибочна и губительна». Председатель ревкома В. Ермощенко занимал «центристскую» позицию, пытаясь лавированием, сглаживанием острых углов, не дать произойти расколу среди ревкомовцев.

Петр Петровский отправляет телеграмму в Москву Я.М. Свердлову, где сообщает: «Разногласия между Ревкомом и Ружейниковым из-за ... декрета о казачестве. Последний настойчиво старается провести его в жизнь, что подрывает авторитет Ревкома. Определенный ответ сразу телеграфируйте».

Не найдя поддержки в Уральске, И. Ружейников выезжает в Москву, где пытается встретиться с В. Лениным.

Пока ревкомовцы спорили, выясняли отношения, казаки снова, как и в марте 1918 года, оказались на задворках «новой» жизни. Среди них не проводилось практически никакой работы, к участию в создании местных органов на местах их привлекать остерегались. В основном, среди советских и партийных работников до 90 % составляли пришлые, о чем пишет в романе «Чапаев» Д.А. Фурманов. Кроме того, при областном

ревком не отсутствовал отдел, представляющий интересы казачества.

В довершение ко всему, в Уральской области неправильно проводилось административное районирование и землеустройство. В Уральском, Гурьевском и Илекском уездах не было полностью закончено выделение компактных масс сельского населения. Старые вековые обиды вновь вспыхнули, причем с еще большей силой. К чему добавился огромный поток крестьян-переселенцев из Астраханской, Самарской, Саратовской областей, спасавшихся от невзгод гражданской войны. Крестьяне самовольно захватили пустующие земли, справедливо полагая, что нынешняя власть является их рабоче-крестьянской властью.

Изменяется отношение и к перебежчикам. Теперь до выяснения ответа из Москвы возвращающихся домой казаков арестовывали и отправляли в концентрационный лагерь принудительных работ. Вскоре в нем содержалось до 450 человек. Все перебежчики (кроме больных) посылались на разные работы, «как то на железной дороге, городские работы, домашние работы и т.д. Причем, ...3/4 части поступило на содержание лагеря и его служащих (18 человек), а 1/4 часть поступила в пользу самих ... казаков». Условия содержания «заключенных ... находятся в ужасно плохом положении. Помещаются в одном помещении в школе на Казанской площади. Помещения малы и не приспособлены... 400-х заключенных до того скучены, что каких-либо санитарных мероприятий, чистоту и порядка соблюдать не предоставлялось возможным. Среди заключенных много больных...».

Подобные приливы и отливы большевиков в отношении казачества постепенно привели бедняцко-средняцкую часть к мысли о том, что, несмотря на обещания и заверения, само слово «казак» становится нарицательным. Пролетарское государство никогда не простит того, что когда-то судьба развела их по разным сторонам баррикад. Остается или сидеть и не высовываться, или судьба толкала казаков вновь в белогвардейский лагерь. В конечном итоге, это отрицательно сказывалось на ходе советизации области. Отдел управления под руководством П. Петровского в марте 1919 года готовит проект административно-территориального раздела Уральской области, предусматривающий полное расформирование области по прилегающим областям - Астраханской, Самарской и Оренбургской.

Однако развернувшиеся события на Дону остановили продвижение проекта по инстанциям.

Вспыхнувший 11 марта 1919 года в верховьях р. Чир мятеж казаков,

охвативший район станиц Еланская, Вешенская, Усть-Медведская показали, что установка циркулярного письма об отношении к казачеству, принятого Оргбюро ЦК 24 января 1919 года оказалась неверной и не способствовала сплочению трудового населения. Уже 16 марта т.г. на заседании ЦК РКП(б) п.11 рассматривался вопрос о казачестве. Было решено приостановить применение против них мер, указанных в январском циркулярном письме, и проводить среди казаков политику расслоения. Смысл этого решения состоял в том, чтобы завоевать на сторону советского государства новые слои народа. На места полетели послания. 23 марта 1919 года в Уральск пришла телеграмма:

Из Москвы

*Срочно. Обл. комитету
Копия Ревкому*

Цека считает необходимым держать курс на разложение Уральского казачества путем изоляции офицерско-кулацких элементов и привлечения бедных и средних слоев. Объявление казаков вне закона сплачивает их в единый лагерь, подрывает политику разложения, тормозит дело освобождения области.

Цека предлагает Вам соответственно изменить политику по отношению к казакам.

*Наркомвнудел Петровский
Наркомнацотдел Сталин*

Ценой невероятных усилий И. Ружейникову удалось отстоять собственную точку зрения. Действие «циркулярного письма» прекратилось. Создается особая комиссия, выясняющая «политическую честность казаков». К перебежчикам, заключенным в концентрационный лагерь, применяется амнистия. Из пленных, число которых перевалило за 3 тысячи, отпускались на свободу бедняки. Об этом сообщали в Центр местные большевики

Только П. Петровский и его единомышленники не собирались сдаваться. Он делегируется на VIII съезд РКП(б) в Москву, где намеревается вновь поднять казачий вопрос. В конце марта 1919 года мобилизуется в армию и отправляется в Самару В. Ермощенко, по многим пунктам поддерживающий Ружейникова. Понимая, что обладающий связями, молодой и экспансивный Петр Петровский будет придерживаться старой

линии на «рассказывание», уже экс-председатель Вениамин Ермощенко обращается во ВЦИК, к Авелю Енукидзе.

«Прошу во имя спасения положения ... Уральской области обязать т. Ульянова предревкома. Другой замены нет область останется без головы. Думаю что ты лично зная меня поймешь- положение действительно серьезно.

Ермощенко».

Просьбу приняли во внимание. В Уральск приезжает член ВЦИК И.И. Ульянов (по происхождению уральский казак).

Стремление некоторой части большевиков довести «рассказывание» до логического конца, естественно, имело под собой реальную основу. Советское руководство в Москве проанализировало итоги 1918 года и пришло к выводу о необходимости срочного углубления реформ национально-государственного строительства, скорейшего формирования национальных автономий в Казахстане, Башкирии и Татарии. Этот курс был закреплён в решениях VIII съезда РКП(б) (март 1919 года). Фактически большевики сумели перехватить инициативу у руководства белого движения и, опираясь на специальный Казахский отдел в Наркомате по делам национальностей, начали устанавливать связи с теми кругами Алаш, которые, глубоко разочаровавшись в белом движении, стали искать контакты с советским руководством. На подобное пошла группа, возглавляемая видным деятелем Алаш-Орды Ахметом Байтурсыновым. Встретившись в марте 1919 года на станции Челкар с советским комиссаром А. Джангильдиным, А. Байтурсынов выехал в Москву и был там введен в состав Казахского отдела Народного комиссариата по делам национальностей.

Оказавшись меж двух огней (большевики и белое движение) лидеры национально-демократических движений Казахстана, Башкирии и Татарстана приходят к решению о вынужденном переходе на сторону Советской власти. Об этом свидетельствует виднейший государственный деятель периода гражданской войны, в последующем - виднейший ученый-востоковед, руководитель башкирского национально-демократического движения, Заки Валиди Тоган: «...Я написал письмо Ахмету Байтурсыну и Алихану Букейхану... Я там писал следующее: собираемся в ближайшие дни перейти на сторону Советов... Вы должны знать: переход на их сторону - мера вынужденная. К этому вынуждает нас крайняя враждебность Колчака... Мы остаемся верными нашим национальным принци-

пам, соглашениям с правительством Алаш-Орды. Сами понимаете, что при достижении мирного соглашения с Советами доверия к ним нет, верить им на слово нельзя».

Лидеры Западного отделения Алаш-Орды Ж. и Х. Досмухамедовы также были солидарны с Заки Валиди в оценке сложившейся ситуации и необходимости вынужденного перехода на сторону Советской власти.

Большевики правильно воспользоваться подходящим моментом не сумели. Недоверие, обида начались в массе Уральского казачества, чем не преминули воспользоваться белогвардейцы. Надо отметить, что освобождение Уралья - центра края в январе 1919 года еще не означало окончательного разгрома сторонников Войскового правительства. Белоказаки, потеряв свою цитадель, сосредоточились, в основном, в форпосте Круглоозерный, а часть, в том числе три учебных полка, не принимавших участие в боях за город - на Бухарской стороне, в ауле Барбастау. Развития инициативы, использования полученных преимуществ для наступления у частей Красной Армии не произошло. Воинские соединения остались в Уральске зимовать. Среди командиров, освобождавших город, произошли стычки, начался дележ лавров.

«Тов. Ермощенко!

Я слышал, что у Вас или в военном комиссариате имеется хорошая шашка - одна или две. Прошу подарить мне и тов. Горбачеву.

Комбриг I Плясунков».

Лишь с прибытием на Уральский театр боевых действий и вступлением в командование 4 армией М.В. Фрунзе стали создаваться предпосылки для продолжения операции против белоказачков. Наиболее реакционная казачья верхушка решила предотвратить внутреннее крушение, широко используя политику «расказачивания». В марте 1919 года военно-гражданская власть сосредотачивается в одних руках. Выбор на пост диктатора пал на генерала В.С. Толстова. Придя к власти, тот разогнал войсковой съезд, т.к. время либеральных слов, по его мнению, прошло, а «демократическая ширма» уже не требовалась. Были арестованы некоторые члены Войскового правительства, стремившиеся к капитуляции перед советским государством. Выдвигается лозунг «защиты станиц и имущества от краснопузых». На занимаемой территории Толстов провел насильственную мобилизацию, посадив на коней даже стариков и подростков. Выждав момент, когда пристальное внимание большевиков

было обращено на Восточный фронт, где с апреля 1919 года развернулось наступление армии Колчака, армия Толстова в составе шести белоказачьих дивизий начала вооруженную акцию. Войска были хорошо обучены, боеприпасов и вооружения хватало, об этом позаботились партнеры - англичане.

...Это случилось в ночь на 17 апреля 1919 года. Белоказаки внезапно атаковали превосходящими силами Лбищенск (ныне Чапаево), бывший до освобождения его советскими войсками главной интендантской и военной базой казачьего войска. Силы были явно не равны, т.к. на Уральском фронте оставались лишь части 22 стрелковой дивизии, а 25 стрелковая дивизия была в спешном порядке переброшена в начале апреля 1919 года на Колчака.

В различных концах области вспыхнули контрреволюционные мятежи, облегчавшие продвижение главных казачьих войск.

«Атаманам и командирам отрядов

ст. Кирсаново

Сообщаю, что завтра, 15 апреля кирсановский отряд выступает в направлении на Уральск, просим приготовить отряды для совместного наступления. Настоящее сообщение передавать немедленно по летучке с распиской каждого атамана и начальника отряда в получении.

Атаман Кирсановского отряда Замарёнов

Командир сотни Чигрин

Читал 15 апреля

Атаман ст. Рубежинская Самарцев

Начальник отряда Плакунов».

Большинство сельского населения терпеливо ожидало окончания противоборства, на первых порах не оказывая поддержки Советам, и не выступая в открытую конфронтацию на стороне белоказаков. Из уездов в Ревком поступали донесения об отказе крестьянства, и части казаков нести воинскую повинность.

«...доношу ... п. Николаевском Бурлинского уезда новобранцы призванные по мобилизации не хотят идти на службу в Красную Армию». Зачастую такие действия приводили к нападению на местные Советы отрядов милиции, и захвата оружия для «самообороны».

Карательные акции, проведенные генералом Толстовым, заставляли население подчиняться. Так, под его личным руководством в станице

Сахарной состоялась публичная порка казаков, покинувших позиции в районе ст. Круглоозерной. Зачинщики же были расстреляны. Под угрозой применения подобных мер впредь не только к служивым казакам, но и к их семьям, войсковой атаман заставил тех к сформированию постанично полков.⁴⁷ Подобный принцип позволил ввести круговую ответственность всего личного состава полка и жителей станицы за любые дисциплинарные нарушения каждого служивого казака. Генерал Толстов попытался распространить свое влияние и на казахское население. Вот его предписание председателю военного отдела Алаш-Орды Ерыклинцеву.

«Из гор. Джамбейты, № 1369, полковнику Заруцкому.

Для проведения в пределах Зауральной стороны, в особенности в целях упорядочения транспорта подставки хлеба, сена и скота и недопущения вывоза припасов скота и лошадей в сторону красных, назначаю Вас начальником военно-административного управления Зауральной части Уральской области за исключением Гурьевского уезда с правом генерал-губернатора в местностях, объявленных на военном положении... Предписываю Вам не стесняться никакими мерами до расстрелов виновных включительно для достижения указанных Вам целей.

*Подлинное подписал командующий армией генерал-майор Толстов».*⁴⁸

25 апреля 1919 года Уральск оказался в полном окружении. Началась оборона города, длившаяся семьдесят два дня.⁴⁹ Притязания белоказаков понятны. Захват Уральска необычайно поднял бы моральный дух белоказачьей армии и вызвал бы расширение контрреволюционного очага на всю Уральскую область и смежные с ней районы, что создавало угрозу Саратову и Самаре. На оборону Уральска встали все - и стар, и млад, женщины и дети. В едином ряду сражались и большевики и беспартийные, трудящиеся казахи и казачья беднота, из которой сформировался казачий эскадрон под командованием Ефима Почиталина.⁵⁰ Руководили обороной П. Петровский, И. Андреев, Ф. Тартаковская, И. Ружейников, А. Айтиев, А. Самсонов, С. Штыб, С. Арганчеев, А. Кулаков и другие. Общая беда примирила вчерашних «противников». Поставленная из-под палки под ружье белоказачья армия постепенно теряла мобильность. Участились случаи перехода на сторону Красной Армии. Перебежчики отправлялись в Самару, где В. Ермощенко с помощью председателя бюро Яицкого ревкома П. Хаустова приступил к формированию из них добровольческого полка «Красная звезда». Среди беженцев активизировалась

агитационно-пропагандистская деятельность. Политорганизатор А. Никитин на основе наблюдений и ежедневных контактов убеждался - работа с беженцами «дает нам кадр верных, стойких и беззаветных борцов за идею социализма и коммунизма». В командных кругах мнение относительно использования казачьих отрядов из перебежчиков складывалось диаметрально противоположное. Так, в разговоре члена Реввоенсовета 4 армии Ш. Элиава с членом Реввоенсовета Восточного фронта Лапшевичем от 29 июня 1919 года высказывалась идея «отобрать из этих бежавших действительно добровольцев и направить в Симбирск для формирования. Пустить же их в ход... нужно на каком-нибудь другом участке нашего (Восточного) фронта». Чтож, сомнения понятны. Кто знает, как поведут бывшие враги в бою, встретившись лицом к лицу со своими станичниками. Не дадут ли деру в обратном направлении? Тем более, что осада Уральска продолжалась.

10 июля 1919 года на заседании ЦК РКП(б) предлагалось «предложить В.И. Ленину послать Реввоенсовету Восточного фронта телеграмму с указанием на важность энергичных и быстрых мер для подавления выступления уральского и оренбургского казачества».

В этот же период состоялось подписание еще одного судьбоносного не только для нашей области, а и для всей республики, документа. Советская власть, наконец, приняла решение сформировать орган подготовки национальной государственности казахского народа. Как вспоминал А.Т. Джангильдин, Москва пошла на то, чтобы включить в этот орган на равных национальных деятелей из числа убежденных сторонников большевизма и представителей Алаш-Орды.

10.07.19 В.И. Ленин подписал «Временное положение о революционном комитете по управлению киргизским краем». В состав Кирг (Каз) ревкома вошли: С. Мендешев, А. Байтурсынов, С. Пестковский (председатель), несколько позднее А. Джангильдин, Б. Каратаев, М. Тунганчин, В. Лукашев, К. Сидоров и др. Уже в качестве зам. председателя Казревкома А. Байтурсынов выступил на страницах газеты «Жизнь национальностей» со статьей «Революция и киргизы», где попытался объяснить политические колебания руководства и актива Алаш особенностями социально-экономического строя казахов, низким уровнем политической культуры руководства на местах и слабым пониманием сущности большевизма казахской интеллигенцией: «Я, пишущий эти строки, являюсь представителем этой группы казахов-интеллигентов, которые, как сказано выше, руководили киргизской национальной политикой при царском прави-

тельстве и боролись с последним. Что пережили киргизы при царизме, известно нам более, чем кому бы то ни было. Благодаря существованию у киргизов своеобразного социализма и коммунизма, вызванных жизненными условиями, и благодаря отсутствию у них классовой дифференциации и строгой разграниченности в предметах собственности, киргизский народ еще сам не ощущал особой нужды в социалистическом строе... Прибыв в центральную Советскую Россию в качестве делегата от Тургайской группы алашордынцев, пославших меня для переговоров с центральной властью, и видя государственный порядок во всем и соответствующие провозглашенные в Декларации прав народов России началам внимательного отношения к киргизскому национальному вопросу, я могу от чистого сердца сказать и успокоить моих товарищей, что предпочитая Советскую власть колчаковской, мы не ошиблись». ⁵¹

По инициативе Ахмета Байтурсынова Казревком на протяжении лета-осени 1919 года неоднократно обсуждал вопрос о переходе других групп Алаш-Орды на сторону советской власти, условия этого перехода, а также проблему объявления амнистии участникам алашского движения в целом.

Видно, «хабар» об этих событиях был настолько мощным и быстрым, что уже через день, 11 июля 1919 года 25 стрелковая дивизия В.И. Чапаева сняла с Уральска белоказачью осаду. Противник отступил в степи. Красноармейцы продолжали наступление к югу от Уральска. Ими были освобождены форпост Бударинский, Лбищенск, станица Сахарная. Одновременно разворачивались наступательные операции в западных районах области, где была освобождена станица Сламихинская. Здесь, на территории казачьего войска, повстанческое движение терпело поражение вследствие взаимной ненависти казаков и местных иногородних крестьян, обделенных земельными наделами.

К этому добавлялось фактическое недопущение иногороднего крестьянства к местному самоуправлению на территории, контролируемой белоказаками. Это умаляло бы суверенные права Уральского войскового казачества и создало бы угрозу погружения казачества в крестьянское море.⁵² Стремление казачества к сохранению привилегий и сословности даже в ходе гражданской войны было дополнительным, существенным фактором, способствовавшим разгрому казачьих выступлений. Как признавал впоследствии Н.А. Бородин, в период гражданской войны, «Яик раскололся в это время на два лагеря - казаки и крестьяне», и крестьяне, за малым исключением, тяготели к большевикам. Заправили белоказа-

ков категорически настаивали на сохранении старых, архаичных порядков в крае и господстве казачества в качестве «хозяев этой земли». ⁵³ Что же, психология не изменяется по желанию, по указу. Традиционный подход «я владел землей и должен владеть» превращал земли в арену вооруженной борьбы казаков с крестьянами, причем старая вражда в условиях войны приняла самые жестокие формы. Так, белоказаки вырезали более 200 переселенцев - мужчин, женщин и стариков из села Александровского. Их выгнали в поле, заставили раздеться и зарубили пашками. ⁵⁴ Как указывал один из лидеров белого движения А.И. Деникин, это бесправное положение иногородних ослабляло противобольшевистские силы, т.к. исключало возможность присоединения к борьбе против большевиков крестьянского населения. Земельный вопрос в крае своим последствием создал острый антагонизм между казачеством и иногородним элементом, имея значительное пополнение рядов Красной Армии крестьянами. ⁵⁵ Зачастую от поджогов пылали как крестьянские хутора, так и казачьи станицы. ⁵⁶ Казачье-крестьянские вооруженные столкновения явились роковым фактором, поддерживавшим борьбу казачества против большевиков и способствовали его последующему поражению в кровавых баталиях с кремлевскими войсками.

Серьезнейшую роль сыграл и обостренный национальный вопрос. На протяжении трех с лишним веков казачество служило орудием военно-колониальной политики царизма в казахской степи, нещадного ограбления народа, подавления его стремления к свободе и независимости. Казачество воспитывалось в духе верности самодержавию и презрения к инородцам, прежде всего к казахам, коренным жителям края. ⁵⁷ Для широкой крестьянской массы и скотоводов степного края решающим и наиболее жгучим также являлся аграрный вопрос и тесно связанная с ним проблема водоснабжения. После завоевания царизмом этой территории во всю ширь вставал вопрос о надвигающейся опасности потери остатков самоуправления, потери исконных земельных владений, включая пастбища и, как неизбежное последствие, наступающее разрушение сложившегося хозяйственного строя и разорение. ⁵⁸ Обострившийся в ходе войны старый антагонизм между казахами и казаками послужил водоразделом в исключаяющих друг друга стремлениях обеих сторон.

Большевики решили использовать эту застарелую непримиримую вражду. Недовольные захватом своих земельных угодий казаками «букевские киргизы» либо отказывались поддерживать восставших казаков, либо же присоединялись к большевикам. Так, в г. Урда был сформирован

первый казахский советский образцовый кавалерийский эскадрон, комиссаром которого являлся Бисен Жаникешев. В нем также служили Х. Чурин, Ш. Жексенбаев, М. Утегенов, Б. Карменов, А. Менешев, Г. Сарбаев, Избасаров, М. Хамзин, Гайсин и другие.

Как отмечал впоследствии генерал Толстов, «киргизы стали требовать себе земельных наделов и Советы поддерживали эти их тенденции».⁵⁹ Беззащитное казахское население не могло ничего противопоставить вооруженным бандам белоказаков, которые попросту отбирали лошадей и скот, обрекая казахов на голодную смерть. О тяжелом положении степняков сообщала газета «Кзыл-ту» (орган губкома партии большевиков): «Из ... 1919 г. видно, что за время войны во многих местах республики нанесен большой урон количеству скота, а в некоторых местах скот уничтожен на нет. Особенно пострадало казахское население от отступающих частей казачьих войск и следовавших за ними частей Красной Армии, которые беспощадно отбирали у казахского населения скот и др.».⁶⁰

Однако, сопротивление белоказаков еще не было сломлено. Центр попытался переломить ситуацию, призывая облревком задействовать в большей мере принципы мирного урегулирования.

28 августа 1919 года в Уральск приходит телеграмма, где В. Ленин предостерегает уральских товарищей от повторения ошибок большевиков Донской области. «Упраздняют название станицы... В разных районах запрещается местной властью носить лампасы и упраздняется слово казак, ... реквизируется огульно у трудового казачества конская упряжь с телегами. Во многих местах запрещаются местные ярмарки с крестьянским обиходом. В станицы назначаются комиссарами австрийские военнопленные».⁶¹ Вновь и вновь обращается внимание на необходимость «...быть особенно осторожным в ломке бытовых мелочей... раздражающих население... Держите твердо курс в основных вопросах и идите навстречу, делайте поблажки в привычных населению архаичных пережитках».⁶²

Указания Москвы выполнялись не всегда. Происходило это из-за того, что воинские соединения не подчинялись гражданским властям, ориентируясь больше на свое непосредственное командование. Л. Троцкий отмечал, что «среди казачества борозда между красными и белыми не прошла достаточно глубоко». Для понимания хода гражданской войны необходимо уяснить себе психологию среднего станичника, который не был в состоянии разобраться в потоке нахлынувших на него событий периода 1917-1919 г.г. И.И. Ульянов отмечал, что вернувшиеся с фронта казаки были лишены общения с «политическими центрами», находились

под влиянием отцов и дедов и отличались определенной политической отсталостью. Благодаря углублению событий революции «бедный ум станичника был бессилён понять размах пролетарской революции. Ему непонятна, - продолжал И. Ульянов, - вызванная голодом страны, происходящая теперь на Урале реквизиция скота и хлебных припасов».⁶³

Огрубленные в походах сердца жили ожиданием скорой встречи с родными и близкими. Но возвращение было окрашено в грустные тона. Там, где они искали приюта и отдыха для своих семей, на месте старых, старых хуторов и станиц лежали лишь развалины. Пепел и голодная бескрайняя степь - это сказывались пожары, пущенные мстительной рукой казахов и иногородних крестьян. Не отставали от них и красноармейцы. Да, «и что могли ожидать казаки, когда, например, летом 1919 года, отступая из Лбищенска, совершили невиданный даже для эпохи гражданской войны акт жестокости, изрубив четыре тысячи пленных красноармейцев и сочувствовавших им казаков».⁶⁴ Подобная картина наблюдалась в п.п. Бударино, Кожехарово и т.д. Газета «Яицкая правда» сообщала «озлобленные бесчинством и зверствами казаков, красноармейцы предали огню и мечу все по дороге». Было больно, но казаки не роптали. В этом виделось им искупление смертных грехов перед Россией, которое избавляло от сомнений и облегчало душу. Понять же мародерство, издевательства над стариками, женщинами и детьми очень сложно. Особенно «отличались» обозные команды, отвечавшие, как ни странно, за сохранность и надёжность тыла. Облревком выдавал гарантийные письма семьям казаков.

«Настоящее удостоверение выдано гр. Раисе Петровне Четверкиной, что муж ее Леонид Иванович Четверкин служит в Красной Армии - 25 стрелковой дивизии, 1-й бригаде, вследствие чего его имущество не должно подлежать ни реквизиции, ни конфискации». Не спасало. Сохранилось заявление Натальи Чуриковой, в котором она пишет, что красноармейцы Павел Пильщикова, Алексей Факеев, Петр Шыпин забрали два платка, шерстяную кофту, пуховую шаль, два полотенца, отрезы и т.д. Когда женщина позвала на помощь, ей просто-напросто заткнули рот и пригрозили расстрелять. Другим везло меньше. Председатель Лбищенского уездного ревкома И. Крайнюков возмущался «...оскорблением, расправой с местным населением путем побоев, пинков». Встречались изнасилования молодых девушек, а иногда даже 60-летних старух на глазах детей.⁶⁵ Чинимое насилие подрывало авторитет Красной Армии, вносило излишнюю нервозность в состояние сельского населения.

На многострадальной уральской земле продолжала литься кровь. Ко-

мандование 4 армии констатировало большое упорство уральских казаков, их организованность и искусство воевать, подвижность в боях и маневренной войне. И все же окончательный исход не вызывал сомнения: разгром уральских казаков был предопределен. Их борьба подрывалась локальностью, раздробленностью, разобщенностью, неодновременностью, отсутствием связей с другими казачьими войсками, но источником трагедии явилось то обстоятельство, что над казаками довлел вековой сословный менталитет нерушимости привилегий и игнорирование назревших перемен. Как высказался один из тех, кто впоследствии окажется на чужбине: «пришлой «крестьянской Руси» на Урале стало больше чем казаков, и что это крестьянство «претендует на земельку и особенно на войсковую, юртовую землю» - есть от чего ... крякнуть и сжать кулак». ⁶⁶

Последний заключительный удар казачества состоялся в ночь с 4 на 5 сентября 1919 года, когда конный корпус генерала Сладкова ворвался в спящий Лбищенск. В неравном бою разгромлен штаб 25 стрелковой дивизии. Погибли ее командир В. Чапаев, комиссар П. Батулин, И. Крайнюков, Д. Суворов, П. Чеков и т.д. ⁶⁷

Затягивание ликвидации Уральского фронта вызвало недовольство Кремля. В. Ленин 2 ноября 1919 года по прямому проводу передает резкую телеграмму М. Фрунзе: «Борьба с уральскими казаками затягивается. Не вижу, чтобы принимали меры ликвидировать этот фронт поскорей, несмотря на то, что я от Вас требовал все свое внимание сосредоточить на этом. Сообщаю, что противник усиливается, используя передышку, которую вы ему дали, стремясь закончить дело только примирением. Сообщите немедленно, какие меры Вы приняли, чтобы разбить противника. Ленин». На сии резкие слова у последнего были веские основания, т.к. в крае значительно возросла социальная база поддержки Советской власти и фактически агонизирующей была белоказачья армия.

Осенью 1919 года настойчивость А. Байтурсынова и его единомышленников принесла ощутимые результаты. Начинается переход отдельных представителей, в т.ч. и лидеров Алаш-Орды на сторону Советской власти; к концу года он принимает массовый характер, чему способствовала широкая амнистия участникам алашского движения, объявленная Советской властью и сыгравшая большую роль в окончательном его организационном распаде. Так, в сентябре 1919 года состоялось заседание Казревкома, где обсуждался вопрос о переговорах с руководством Западного отделения Алаш-орды. «Постановили: Дается право членам ревкоматов. Байтурсынову и Тунганчину вести переговоры с Досмухамедовым от

своего имени». ⁶⁸ Вскоре к переговорам присоединился член РВС Мюрат-Лежава:

«Милостивый государь, гр-нин Джаниша Досмухамедов! Посланный вами курьер сообщил о вручении вам нашего предложения Уральской киргизской группе Алаш-Орды в Джамбейте, где мы предлагали вступить в переговоры с нами и выдвигаем свои условия... Вместе с этим письмом мы посылаем новое обращение группе Халиля Досмухамедова и просим оказать содействие нашему курьеру в передаче этих обращений, а также не откажитесь известить нас, как примет указанная группа наше предложение...»

Мы считаем желательным, чтобы остались на месте, продолжили свою деятельность и помогли нам всеми доступными вам средствами. Было бы крайне важно, если бы вам удалось сплотить вокруг себя всех сторонников советской власти и поддерживать с ними постоянные отношения. Уполномоченный Реввоенсовета

1.10.-19 г. Уральск Мюрат» ⁶⁹

В конце октября 1919 года состоялось заседание Казревкома с участием представителей Реввоенсовета Туркестанского фронта, особой Турккомиссии и Реввоенсовета 1 армии по вопросу объединения «киргизского народа и склонения его на сторону Соввласти». И вновь Ахмету Байтурсынову пришлось доказывать, убеждать, разъяснять:

«1. проявить самостоятельные действия Киргизского ревкома так, чтобы киргизы ясно видели, что советская власть дала киргизскому народу действительно автономное самоуправление, а не фиктивное.

2. объявить всем киргизам, в том числе тургайским и уральским группам алаш-ордынцев, борющихся против советской власти на стороне белых, амнистию на случай перехода их на сторону советской власти.

3. принять меры к тому, чтобы советская власть на местах проявляла самые благоприятные действия, обеспечивающие доверие народа и тем самым способствовала к переходу на сторону советской власти тех, которые находятся на стороне белых и относятся к советской власти с недоверием». ⁷⁰

Опасения А. Байтурсынова были не напрасны. Секретарь Казкрайкома ВКП(б) И. Курамысов впоследствии напишет: «Строго говоря, в этот период парторганизации, единой и монолитной в Казахстане не было... Между казахской и европейской частью организации был разлад, межнациональные трения, не было необходимой большевистской спайки». ⁷¹

Все это являлось результатом нерешенности национального вопроса в Казахстане. Поэтому возникали разногласия между казахскими и русскими большевиками. Тем более, ряд казахских коммунистов в штыки встретили переговоры с Алаш-Ордой. «По-моему, крупную роль в охлаждении революционного пыла киргизской бедноты сыграло стремление Центральной власти и Казревкома вернуть поскорее алаш-ордынцев в Оренбург, примириться с ними». (М.-К. Мурзагалиев.)⁷²

Запущенный процесс примирения остановить было невозможно. В ноябре 1919 года политотдел Туркестанского фронта специально для отрядов Западного отделения Алаш-Орды издал листовку-обращение «Долой недоверие к Советской власти!». В листовке подтверждалось, что Реввоенсовет фронта объявил амнистию всем, кто воевал против Советской власти. «Каждому из вас должно быть известно постановление о прощении. Киргизский народ должен дать свой ответ на него. Пусть каждый род обсудит предложение и даст ясный, решительный и честный голос за признание Советской власти».⁷³

Против слабеющего на глазах противника были брошены новые отряды красноармейцев и казахской бедноты, которым удалось сломить сопротивление белоказаков.

В конце 1919 года остатки казачества, состоящие из 15000 казаков и членов их семей, возглавляемые атаманом Толстовым, начали отступление на юг. Они двигались вдоль восточного побережья Каспийского моря, надеясь найти прибежище в Персии. Для того, чтобы добраться до русско-персидской границы, казакам пришлось преодолеть 1200 км. Они шли по неосвоенным территориям, в сильные морозы и снегопады. Когда, приложив к этому нечеловеческие усилия, в январе 1920 года казаки, наконец, добрались до форта Александровск на персидской границе, оказалось, что он уже в руках большевиков. К концу пути через Гурьев, Мангышлак и Туркмению от 15000 человек осталось всего лишь 3000 и только 162-м из них, в том числе и самому генералу Толстову, удалось 22 мая 1920 года перейти границу, прихватив с собой войсковую казну и архив.⁷⁴

Но впереди были годы новых страданий. В конце концов, последний войсковой атаман уральских казаков, у которого осталось всего 60 казаков, нашел с ними прибежище в Австралии, где и умер в 1956 году.⁷⁵

Еще страшнее, беспощаднее и чудовищнее трагедия, выпавшая на долю и постигшая победителей, оставшихся на берегах седого Урала. В 20-х - 30-х годах минувшего столетия над Уральском пронесся свирепый ураган репрессий.

5.2. Уральск в 30-е годы. Политические репрессии.

Как бы горячо и заинтересовано не обсуждались сегодня проблемы нашего прошлого, мы не в силах повлиять на него. История уже состоялась, состоялась раз и навсегда. И многие ее трудности тоже позади. Безвозвратно ушли, как это ни больно признать, надежды, стремления, обретения и разочарования, постижения и драмы навсегда ушедших поколений. Что же нас заставляет вновь и вновь обращаться к делам давно минувших дней, спорить о прошлом так горячо и бескомпромиссно, что день вчерашний подчас отодвигает на второй план дела и заботы сегодняшние. Много вполне логичных объяснений можно дать в ответ на этот вопрос, но все они в совокупности не способны исчерпать загадки извечной тяги человечества к познанию своего векового пути. Вспомним известные слова А.С. Пушкина:

Два чувства равно близки нам -
В них обретает сердце пищу -
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам.

Гений поэта интуитивно коснулся темы влияния прошлого на настоящее... Двадцатое столетие породило самое жестокое и парадоксальное политико-правовое устройство - тоталитарное государство. Хотя историки порой рассуждают о предтечах тоталитарного государства в Древнем Египте или других древних деспотах, все же «классика тоталитаризма» - это тоталитаризм XX века. Печальное первенство по долговременности существования, по изобретательности и, буквально, по эффективности держит тоталитаризм советского типа. Именно тот, который пришелся на жизнь многих наших современников и который в силу этого обретает зловещий характер. Политические репрессии не имеют срока давности. ГУЛАГ всегда будет вечной темой отечественной истории. Многое из пережитого нашим народом больно вспоминать. Но утратившие, подобно манкуртам, память, обречены заново пережить те же события.

Президент Республики Казахстан Нурсултан Абишевич Назарбаев в Послании народу Казахстана подчеркнул «... кто не помнит своего прошлого, к тому оно возвращается в качестве его будущего». Время не позволяет забыть преступлений: среди миллионов невинных, стертых в лагерную пыль, расстрелянных в холодных подземных казематах, наши с вами дедушки и бабушки, отцы и матери.

Мы уже представляем себе примерные размеры потерь, понесенных народом в период сталинских репрессий. По данным известного шведского политика Пера Альмарка в Советском Союзе с 1917 по 1953 годы были уничтожены 62 миллиона человек,⁷⁶ в том числе на долю режима Сталина и К^о автор относит 42,6 миллиона жизней.⁷⁷ В Казахстане за 1927-1953 годы, погибло от голода 30-х годов около 2 миллионов казахов, было репрессировано 103 тысячи человек, расстреляны 25 тысяч.⁷⁸ Многих граждан преследовали потому, что они принадлежали не к тому классу. Это были (или должны были быть) буржуазия, аристократия, крестьянство. Другие пострадали потому, что относились к «плохой» нации или расе - корейцы, немцы Поволжья, черноморские греки, третьи - за политические «фракции» - алашордынцы, троцкисты, меньшевики, эсеры, кадеты, четвертые - за религиозные убеждения и так далее. А еще были сыновья или дочери, жены и мужья, матери и отцы тех, кого большевики в чем-то обвиняли.

Первые жертвы политических репрессий появились в Уральске в 1918-1920 годах, когда по приговорам областной и губернской ЧК, временного революционного суда были расстреляны 97 человек. В конце 20-х годов И. Сталин выдвинул тезис об обострении классовой борьбы в стране и настойчиво повторял его из года в год. Под предлогом борьбы с классовыми врагами он направил усилия ОГПУ на искоренение «вредительства». Тысячи старых специалистов, работавших промышленности, на транспорте, в различных государственных предприятиях, общественных организациях были объявлены «вредителями» и подвергнуты репрессиям.

Сталин придумал даже специальный термин «спецеество», озвучив данное слово на совещании хозяйственников 23 июня 1931 года. («Шахтинское дело», «Промпартия», «Специалисты-аграрники» и т.д.).⁷⁹ Сотни специалистов старой школы оказались в ссылке в Западно-Казахстанской области и г. Уральске, которые стали для них местом обитания, а потом и вечного успокоения.

С 1928 года открывается новая трагическая страница в летописи страны. Новые экспроприаторы хорошо понимали, что для закрепления как политического, так и экономического господства, им необходимо поставить на колени самый многочисленный класс - крестьянство. Объявленный курс на коллективизацию должен был ликвидировать свободную трудовую деятельность сельского труженика, отобрать его нажитые кровью и потом материальные средства и прикрепить крестьянина не к своей, а к государственной земле в качестве закрепощенного батрака.⁸⁰ В

Казахстане сначала решили покончить с баями. Указ от 27.08.28 принятый «по предложению» ЦК ВКП(б), предписывал конфискацию земельной собственности у тех «богатых скотовладельцев из местного населения, которые своим влиянием препятствуют советизации аулов», а также выселение «байских и полуфеодалных» семейств (на этом этапе их число ограничивалось 696), с конфискацией принадлежавшего им полумиллионного поголовья крупного рогатого скота.⁸¹ На заседании Уральского окружного исполкома от 18.09.28. был утвержден список байско-феодалных элементов, требующих изоляции, в который включили 71 хозяйство: 56 по I категории и 15 по II категории.⁸² Большая их часть была выселена за пределы своего местожительства, а некоторые из них были приговорены к высшей мере наказания. Последовавшая затем насильственная коллективизация и оседание казахов привели к национальной катастрофе. Вопрос о численности казахов - жертв голода 1929-1933 г.г., связанных с ним эпидемиях и миграции остается пока еще открытым. Амплитуда мнений по поводу количества погибших в эти годы колеблется в пределах от 1 млн. 750 тыс. человек до 2 млн. 200 тыс. Это означает, что в ходе коллективизации погибло от 42 до 49 % казахского этноса.⁸³ Силовая политика государства натолкнулась на отчаянное сопротивление народа. На борьбу с режимом поднимались все более широкие слои населения. Движение сопротивления охватило весь Казахстан. В 1929-1931 г.г. имели место 380 крестьянских бунтов и восстаний, охвативших почти 80 тыс. человек. Подобные народные формирования оперировали на границах Каратюбинского и Чингирлауского районов, Казталовского района и Уильского района Актюбинского округа. Вооруженный отряд в составе 19 человек действовал в пределах Азгирского, Джангалинского и Урдинского районов.

1 декабря 1934 года в Смольном был убит Сергей Киров. Это трагическое событие было использовано для развертывания новой волны репрессий. Теперь они направлялись не столько против тех, кого И. Сталин объявил потенциальными противниками колхозного строя, но и против всех, кто думал и действовал иначе, чем Сталин, кто был в оппозиции к нему и его приспешникам. Чуть раньше, постановлением ЦИК и СНК СССР от 05.11.34 утверждалось особое совещание при народном комиссаре внутренних дел СССР. Проект этого постановления, как теперь стало известно, был подготовлен Кагановичем и подписан Сталиным.⁸⁴ Как ни странно, но Положение об особом совещании при НКВД СССР почти полностью копировало реакционные законы царя Александра III.⁸⁵ А

в декабре 1934 года Сталин лично потребовал от секретаря ЦИК СССР Енукидзе незамедлительно составить и опубликовать постановление "О внесении изменений в уголовно-процессуальное законодательство". Указание Сталина было выполнено. На горизонте маячил зловещий тридцать седьмой год. Именно этот год ассоциируется у нас со сталинскими репрессиями. Почему так? Ведь и в 1929-м и 1936-м врагов режима сажали и расстреливали... Но тридцать седьмой был особенно страшен тем, что кровь и страдания жертв были поставлены на официальный «поток». словно установка на сбор яровых или выплавку чугуна спускались «сверху» на места разрядки: сколько «врагов народа» следует держать в «ежовых рукавицах» в каждой конкретной области, в каждом конкретном городе или автономной республике, и отдельно - сколько из них следовало убить, а сколько просто посадить...

Всего по данным Департамента Комитета Национальной Безопасности Республики Казахстан по Западно-Казахстанской области в скорбном мартирологе насчитывается 1382 наших земляков.⁸⁶ Всего же за 20-50-е годы прошлого столетия были осуждены 4 тысячи человек.⁸⁷

Существует расхожее мнение, что жертвами террора становились преимущественно партработники, высокопоставленные военные, интеллигенция. Историк Ю. Романов, изучавший механизм репрессий в Казахстане, опровергает его. Из более, чем 100 тыс. приговоренных к высшей мере наказания или длительным срокам заключения «за политические преступления», около 30-32 процентов составляли служащие и специалисты различных учреждений, 40-43 процента - крестьяне, 20-25 процентов - рабочие. По спискам расстрелянных западноказахстанцев статистические данные еще не выверены. Но вот только далеко не полный перечень профессий тех, кого лишили жизни в Уральске в годы «большого террора»: крестьяне-единоличники, колхозники, бухгалтера, экономисты, счетоводы, врачи, учителя, священнослужители, военнослужащие, кладовщики, паровозные машинисты, чернорабочие, пожарные, заготовители сельскохозяйственной продукции, рабочие, финансовые и банковские работники, партийные и советские работники, ссыльные и депортированные, домохозяйки (в т.ч. весьма преклонных лет). Несправедливый суд вершился не только в областном центре - Уральске, - но и проводились выездные показательные процессы. Например, в п. Шальная Балка Казталовского района, в п. Дарьинске, Шапово, Янайкино Зеленовского района, в п. Бударино и Кожехарово Акжайкского района, Ащесайском совхозе Чингирлауского района, п. Бурлин Бурлинского

района, п. Федоровка Теректинского района и т.д. Там же приговор приводился в исполнение. Среди репрессированных 30 женщин. Машина репрессий не щадила никого. Люди разных национальностей: казахи и русские, татары и украинцы, белорусы и евреи, корейцы и поляки, немцы и латыши, литовец, чех, грек, турок, итальянец, молдаванин, серб, болгарин, якут, башкир. Имя самого молодого из расстрелянных Губайдулла Анесов. Студенту Уральского пединститута было всего восемнадцать лет, а самым старшим - Мазановой Марии Истехеевне и Бегатарову Бахтыгерееву уже исполнилось по восемьдесят лет. Больше всего пострадали в период репрессий уроженцы Акжайкского района - 14,8 % общего числа приговоренных к высшей мере наказания, Зеленовского района (9,5 %), Сырымского района (8,0 %), Джангалинского района (4,0 %). В г. Уральске к высшей мере наказания было приговорено 461 человек или 8,1 % общего числа приговоренных.⁸⁸

5.3. Уральск в годы Великой Отечественной войны

Жизнь Уральска была неразрывно связана с жизнью страны. Во время Великой Отечественной войны он стал надежным тылом.

В тяжелых условиях вынужденного отступления Красной Армии с начала войны началась эвакуация населения и промышленных предприятий на Восток. Уже 27.06.41 принимается постановление «О порядке вывода и размещения людских контингентов и ценного имущества» (дополнено директивой ГКО от 07.08.41). «Ничего не оставлять врагу!» Шли на восток эшелоны с людьми, со станками и оборудованием, другими материальными и культурными ценностями. 01.07.41 в Уральск приходит телеграмма:

«Обкомпарт Василевскому Облисполком Кустамбаеву.

Вашу область днях прибудет эвакуированное население прифронтовой полосы. Обязываем принять немедленные меры подготовке размещению прибывающего населения районных центрах МТС промышленных предприятиях... колхозах области.

*Секретарь ЦК КП(б)К Скворцов
Председатель Совнаркома Ундасынов».*

19.08.41 в Уральск поступает распоряжение № 5523 из Кремля, подписанное Председателем Совета по эвакуации Н. Шверником, где говорится о необходимости принятия и размещения 15 поездов из Москвы. По решению Исполкома Западно-Казахстанского облсовета д/т от 03.09.41 «О

приеме и размещении эвакуированных из прифронтовой полосы граждан» создается эвакуационный отдел при облисполкоме со штатом в четыре единицы.⁸⁹ Вдобавок к эвакуотделу (затем переселенческий отдел) создается специальная комиссия в составе Аубакировой (председатель) - зам. председателя облисполкома, Черниговской - зам. зав. ОблОНО, Богорадо - зам. зав. облздравотдела, Максимова - зам. пред. Уралгорсовета и Кириллова - начальника горжилуправления. В Уральске начинает действовать Уполномоченный Управления по эвакуации населения по Западно-Казахстанской области.⁹⁰

Первые партии беженцев стали прибывать в Уральск в июле месяце. Отметим, многие оказались в пределах края неорганизованным порядком: пассажирскими поездами, эшелонами по Рязано-Уральской железной дороге, водным путем из Владимирской пристани, на перекладных из Саратовской, Сталинградской, Астраханской, Оренбургской областей и г. Энгельса. Уже на 10.12.41 в область прибыло 33.306 человек, в т.ч. в г. Уральске разместилось 8296 эвакуированных.⁹¹ Остальные в районах. Большинство населения эвакуировалось из Украины, Белоруссии, а также из Молдавии, Прибалтики. В годы Великой Отечественной войны наша область стала вторым домом для жителей более 64 областей страны. Среди беженцев были люди 25 национальностей.⁹² В единой братской семье с встретившими их коренными жителями они пережили все тяготы войны, совместным созидательным трудом обеспечивали будущую победу.

Среди беженцев немалый контингент составляли дети. В 1941 году в четырех детских домах Уральска разместились 416 человек. Сюда были эвакуированы следующие детские дома: из Харькова и Змиевского детдома (335 человек), Тулы (35), Полтавы (79), Хотимского района Могилевской области (138 человек). Кроме того, 40 детей взято из детприемника НКВД, которые остались без родителей уже в пути. Всего было эвакуировано около 1300 детей. О чем сообщалось в докладной записке начальнику Управления лечпрофпомощи детям Наркомздрава КазССР.⁹³ В 1942 году к имеющимся в области детдомам добавились еще два, эвакуированные из Сталинградской области (Красноярский детдом и детдом № 4 из селения Колензяка).⁹⁴ Несмотря на трудности военного времени, дети обеспечивались, в первую очередь, продовольствием, для них открывались детские санатории, особенно нуждающимся детям выдавалась одежда, обувь и т.д. Многих детей трудящиеся взяли в свои семьи на воспитание до возвращения их родителей с фронта, а многих детей усыновляли.⁹⁵ Комиссии по приему и устройству эвакуированных дела-

ли все возможное, чтобы обеспечить прибывающих жилищем, работой, наделением их приусадебными участками. Колхозы создавали специальные продовольственные фонды, оказывали эвакуированным материальную помощь. Так, 26.01.42 принимается решение Облисполкома «О строительстве упрощенных жилищных, коммунальных и бытовых помещений для эвакуированного населения». Их обеспечивали продуктами питания, теплыми вещами, топливом, в срочном порядке благоустраивали быт эвакуированных и т.д. Причем, подобная помощь оказывалась на протяжении всей войны. В начале 1944 года промышленные предприятия Уральска специально отработали один день, чтобы поддержать семьи военнослужащих. Выработанная в этот день продукция на сумму 103,0 тыс. рублей (валенки, овчинные изделия, чулки, ботинки, рукавицы, кондитерские изделия, посуда, мебель и т.п.) передавались для распределения среди остро нуждающихся семей фронтовиков.

Вместе с беженцами в Уральск с лета 1941 года стали прибывать промышленные предприятия. Первой ласточкой стала Киевская валяльно-войлочная фабрика (директор Соболев), которая эвакуировалась по решению СНК УССР в июле 1941 года. Оборудование фабрики в количестве 73 единиц размещалось в производственных зданиях бывшей мельницы № 4 и частично на фабрике «Красный Октябрь».⁹⁶ 10.09.41 на ст. Уральск прибыл эшелон эвакуированного из Ленинграда завода № 231 им. К. Ворошилова (директор Розенштейн) - 35 вагонов с людьми и 194 единицы оборудования.⁹⁷ На второй день, 11.09.41 исполком Западно-Казахстанского областного Совета д/т и бюро обкома КП(б)К приняли постановление «О размещении завода № 231». Он располагался, в основном, в производственных зданиях затона им. Чапаева (в 8 км от Уральска), остальная часть размещена в бывших авторемонтных мастерских. И уже 24.09.41 в Москву, в Совнарком, Председателю Эвксвета Н. Швернику сообщалось: «постановление Совета по эвакуации от 27.07.41 за № 101 о размещении завода № 231 в Уральске выполняется. Монтаж оборудования близится к завершению».⁹⁸ В дальнейшем на завод № 231 по заданию Наркомата судостроительной промышленности поступило дополнительное оборудование с заводов № 181, 215, 182, 175 и г. Куйбышева. (Из справки по заводу № 231, подписанной Флаксбарт от 22.05.42). Впоследствии, завод им. Ворошилова дважды был удостоен преходящего Красного Знамени ГКО, его конструкторы Н.Н. Шамарин, В.Д. Горбунов, и Г.И. Жихарь за освоение производства первой в мире бесследной электроторпеды (ЭТ-80) - были удостоены Сталинской премии I степени.⁹⁹

Среди тех, кто в грозовой 1941 год вступил на уральскую землю, был и П.А. Атоян, более 40 лет возглавлявший флагман индустрии в Казахстане, почетный гражданин Уральска, кавалер ряда орденов и медалей. Своей энергией, знаниями, опытом, умением подойти к людям он создал свою «промакадемию», подготовил целый директорский корпус не только для родного завода № 231 и других предприятий в Уральске, но и далеко за пределами республики.¹⁰⁰

Прием и распределение других эвакуированных предприятий осуществлялись в условиях поздней осени и суровой зимы 1941-1942 годов. Нужны были поистине героические усилия, чтобы в короткий срок не только восстановить эвакуированные предприятия на новых местах, но и начать давать такую необходимую фронту продукцию. Эшелоны с оборудованием Московского кожзавода им. Землячки (директор Крыжановский) начали прибывать в Уральск 05.12.41 (на основании постановления СНК СССР от 29.10.41). В докладной записке от 07.02.42 о ходе работ по его восстановлению, записано: «восстановление завода (512 единиц оборудования) проходит в исключительно трудных условиях. Самые тяжелые работы - разгрузка, перевозка и расстановка оборудования, земляные работы проходили во дворе в условиях 45-48 градусов мороза... Несмотря на то, что до фронта тысячи километров, люди и здесь, в Западном Казахстане, чувствовали себя бойцами. Самоотверженно трудились бригады монтажников Березина и Кирюшкина, водопроводчиков - Карасева, прибывших из Москвы. Из местных необходимо отметить бригады плотников Лысова, Карабанова, каменщиков Говядина, Евдокимова, подносиц Лупенкову, Аниканову, Комогорову, Кисла и других.¹⁰¹ Так, стойко перенося тяготы и лишения, рабочие эвакуированных предприятий вместе с тружениками Приуралья за один-два месяца возводили заводы, где ковалось оружие возмездия и освобождения.

Кроме перечисленных предприятий, в г. Уральск были также эвакуированы: Усманский механический завод (из Воронежской области), Ряжский ликеро-водочный завод (из Рязанской области), Ореховский авторемонтный завод (из г. Орехово Запорожской области) и Суражская артель «Объединение» (из г. Сураж Орловской области). Однако, как самостоятельное предприятие из них существовал лишь получивший название Уральский завод литейного и лабораторного оборудования (ЛЛО бывш. Усманский, директор Миллер. Решение облисполкома от 11.02.42, 105 единиц оборудования). Другие размещались на предприятиях города и стали их структурными подразделениями.¹⁰²

Кроме того, в Уральск поступило оборудование, инвентарь, аппаратура и архивы Курского, Харьковского, Тульского, Сумского, Орловского, Одесского, Сталинградского обкомов партии и облисполкомов, Полтавской, Сумской, Запорожской, Днепропетровской контор Госбанка, Полтавской, Черниговской, Таганрогского отделений Ростовской конторы Коммунального банка, Курской, Полтавской, Сумской, Черниговского отделений Полтавской области контор Управлений Гострудсберкасс, Полтавской, Одесской, Запорожской контор связи, Курской конторы социального обеспечения, а также архивы Одесской, Сталинградской областей, Астраханского округа и Молдавской ССР. (Из телеграммы председателя облисполкома Мустафина в Казсовнарком от 05.10.42, сообщения № 301 по Главному Архивному Управлению НКВД СССР).

На предприятиях Уральска и области был налажен выпуск боеприпасов, оборонной продукции для Военно-Морского Флота, противотанковой горючей жидкости.¹⁰³ Валяльно-войлочная фабрика «Красный Октябрь», солодовый завод, мясокомбинат, консервный завод и другие предприятия почти целиком перешли на выпуск тканей для пошивки обмундирования, палаток, белья и других предметов воинского снабжения и снаряжения, выпускались консервы и концентраты для армии, курительная махорка и т.д.¹⁰⁴

На предприятиях города росло количество ударников производства и стахановцев. Так, на заводе ЛЮ на 01.01.43 161 человек выполняли производственные задания на 150-170 %, а 16 человек были двухсотниками.¹⁰⁵ Новаторы производства стремились путем внесения некоторых усовершенствований в технологический процесс резко увеличивать производительность труда. На ЛЮ в 1942 году было внедрено в производство 13 рационализаторских предложений на сумму 17.710 тыс. рублей 40 копеек. В частности, земледел Мешалов изменил стержневой состав для шарниров, что дало экономию в 5376 рублей, начальник механического цеха И. Гопс и старший мастер этого же цеха П. Федотов путем изменения технологии сальников задвижки Лудло добились экономии на сумму 6491 руб. 68 коп. и т.д.¹⁰⁶ Выделим ударников производства и на других предприятиях: на овчинно-шубном заводе - Скоробогатова, Кожевников, Саяпин, Куспаев, Рудакова, выполнявшие сменные задания на 250-300 %; на механическом заводе - 2-2,5 нормы за смену давали токари Плетнев, Кучеров и Песков, слесари Твеленев, Затворников, слесари Соловьев, Фомичев; в Уральском депо: фрезеровщик Кабаев одновременной работой обеспечивал стружку плоских деталей и фрезеровку конца и других де-

талей, выполнял задания на 250-300 %, не отставали от товарища токари Олейников и Гамаюнов, дававшие за смену по 3 нормы; в авторемонтных мастерских токарь Русинов, обслуживая 3 станка, обучал одновременно двух учеников, что не мешало ему выполнять производственное задание на 400-450 %. В октябре 1942 года газета «Приуральская правда» сообщила о зарождении в Уральской области движения тысячников. 07.10.42 фрезеровщик завода № 231 Цветков, благодаря изменению технологического процесса и использованию специально изготовленного приспособления, перевыполнил сменную норму выработки на 2125 %. Правда, рекорд держался недолго - уже 9 октября т.г. Петр Комиссаров опередил его, выполнив задание на 2175 %, затратив на изготовление детали всего 2 часа, вместо 43 часов.¹⁰⁷

Успешно осуществлялась перестройка и милитаризация железнодорожного транспорта. Железнодорожники Уральского участка Урало-Рязанской железной дороги быстро перестроили свою работу на военный лад, прилагая все усилия для скорейшего продвижения эшелонов и тем самым помогая доблестной Красной Армии. Уже в июле 1941 года Уральское депо по выполнению производственного плана вышло на первое место по РУЖД.¹⁰⁸ Самоотверженные действия железнодорожников обеспечили эвакуацию промышленных предприятий и населения из прифронтовых районов на Восток. В годы войны рабочие и служащие железной дороги добивались перевыполнения графика ремонта паровозов, следили за тем, чтобы не было случаев недодач паровозов под эшелоны, значительно сократили простои паровозов на промывке, стремились увеличить техническую скорость передвижения поездов. Машинисты, применяя лунинские методы работы, водили поезда без аварий, простоев, точно по расписанию. Успешно работали машинисты Завертайло, Сергеев, Пугачев, Иванов, Усманский, старший кочегар Подсожонов, вагонный мастер Панферов и т.д. В 1943 году 7 дистанция заняла второе место по РУЖД и получила Красное переходящее Знамя дороги.¹⁰⁹

В обращении Президиума Верховного Совета, Совнаркома и ЦК КП(б) Казахстана к фронтовикам-казахстанцам, участникам великой битвы на Волге говорилось, что «...отступать дальше некуда, непосредственно за линией фронта лежат районы, потеря которых поставит в особенно тяжелое положение Советское государство. Сталинград - это ключ к Востоку».¹¹⁰ Впервые после кровопролитной гражданской войны горячее дыхание военных баталий опалило широкие степи Западно-Казахстанской области.

В театр военных действий Сталинградского фронта была включена широкая полоса вдоль линии Джаныбек-Сайхин-Шунгай РУЖД.¹¹¹ С приближением линии фронта и реформированием Сталинградского военного округа Джаныбекский, Казталовский, Урдинский и Фурмановский районы, входившие в его состав, были включены в Южно-Уральский военный округ.¹¹²

Штаб военного округа разработал варианты предполагаемых действий противника и наметил создание шести оборонительных рубежей, а также подготовил расчет сил и средств для возможных боевых действий на территории Западного Казахстана.¹¹³ Был образован Комитет обороны Уральска во главе с первым секретарем обкома Василевским А.С.¹¹⁴ 16.10.42 по указанию Военного Совета Сталинградского фронта Уральск был включен во фронтовую зону,¹¹⁵ а через десять дней специальным распоряжением СНК СССР - в число пунктов ПВО. В связи с чем Совнарком КазССР выделил городу 28.336.936 руб., был создан городской штаб и два участка МПВО.¹¹⁶

В Западно-Казахстанскую область была направлена для размещения 8-я воздушная армия, автобронетанковые ремонтные базы, отдельные ремонтно-восстановительные, автотранспортные и железнодорожные батальоны, курсы младших лейтенантов, командиров рот, радиоспециалистов, управления и отделы тыла, авиатехнические, инженерные, химические, санитарные, ветеринарные, продовольственные, интендантские и другие склады Сталинградского фронта.¹¹⁷

Были приняты меры по обеспечению частей строительными материалами. Этим занималась специальная комиссия, возглавляемая секретарем обкома партии А. Василевским, а также военный отдел совместно с представителями Военного Совета фронта.¹¹⁸ В частности, в Уральске в оперативном порядке разбирались летние театры и площадки в парках, садах и скверах. За счет городских организаций и хозяйств области дополнительно выделялись электроэнергия и гужевой транспорт для вывоза топлива. На лесоразработки направлялись сотни рабочих, служащих и студентов. В связи с частыми снежными заносами для очистки аэродрома «Уральск-Центральный» и «Чаган» также постоянно привлекалось население и транспорт Уральска - по 850 человек и 350 подвод на каждый аэродром.¹¹⁸

На совместном заседании бюро обкома партии и облисполкома, а также Военно-строительного управления фронта был рассмотрен вопрос о строительстве двух линий связи общей протяженностью более 1000 км,

чтобы обеспечить бесперебойную и устойчивую связь Сталинградского фронта со Ставкой Верховного Главнокомандования, т.к. обходная линия через Ташкент чрезвычайно осложняла принятие оперативных решений. Вскоре в Уральске был развернут крупный оперативный узел связи.¹¹⁹

В связи с переходом Красной Армии в контрнаступление под Сталинградом в конце ноября 1942 года резко увеличилось поступление раненых. Надо отметить, что к этому моменту в Уральске было размещено 11 эвакуогоспиталей, в т.ч. фронтовые, № 2343, 1806, 2997, 3011, 3975, 1295, передвижной - 3261 и т.д.¹²⁰ В течение одной ночи в город прибыло три эшелона с ранеными. Под госпиталя и службы Сталинградского фронта выделялись здания школ, клубов, сельхозтехникума, музея, бывшей мечети, складских помещений.¹²¹ К госпиталям в целях полнейшего удовлетворения потребностей раненых в цельном молоке были прикреплены колхозы Приурального, Чингирлауского, Зеленовского, Теректинского районов, а также им. Коминтерна, им. ОГПУ и «Сад-огород» г. Уральска.¹²²

Для обеспечения фронта кровью в конце ноября 1942 года в Уральске была развернута работа Сталинградской станции переливания крови, которая была соединена с Уральской станцией. В совместном постановлении обкома партии и облисполкома от 27.11.42 «О развертывании работы Сталинградской станции переливания крови» указывалось, что она должна заготавливать ежедневно 50-75 литров консервированной крови.¹²³ «Для выполнения плана заготовки крови считать необходимым завербовать 6000 доноров...».¹²⁴

И поставленная задача была выполнена. На станции переливания кровь сдавали безвозмездно не только труженики нашего края, но и соседи - из Тепловского района Чкаловской (ныне Оренбургской) области. Это Мария Белянкина, Татьяна Никулина, Анна Григоренко и др. «К сожалению, я не знаю Вашего имени и отчества. Но не в этом дело. Очень и очень благодарю за Вашу кровь, которую мне влили 10 февраля, она дала мне свежие силы - писал лейтенант Лозовой. - Чувствую себя хорошо. Обещаю по выздоровлению еще нещадней бить фашистских извергов до окончательной победы над врагом». Как потом оказалось, письмо было адресовано Федосье Шурихиной.¹²⁵

Большую работу в госпиталях проводили педагогический коллектив и студенты Уральского педагогического института. В палатах было установлено регулярное дежурство, среди раненых бойцов проводились концерты, участвовали в стирке белья раненых, делались подарки и т.д.¹²⁶ Так,

в 1944 году коллективом УПИ было собрано около 6 тыс. руб. и дополнительно 269 яиц, 210 кг сала, 70 кг свинины, 149 различных предметов и вещей.¹²⁷ Всего же силами горожан проведено 32.760 дежурств, выстирано 26 т белья, починено 8250 комплектов обмундирования, изготовлено 5056 костылей... Лекторы прочитали для раненых 2379 лекций и докладов. Силами артистов театра, филармонии в палатах дано 139 концертов и проведено 236 вечеров художественной самодеятельности. Школьники и студенты укомплектовали и передали для раненых 8 библиотек, насчитывающих около 3,5 тыс. книг.¹²⁸

Квалифицированная работа врачей, самоотверженный труд медицинских сестер и санитарок дали возможность от 40 до 42 % раненых бойцов и командиров, поступивших в госпитали Уральска, вернуть в строй, внося весомый вклад в разгром врага.

Во время войны в Уральске не только поправляли здоровье, но и готовились новые кадры военных специалистов. Здесь были размещены эвакуированные Ворошиловградская военная школа пилотов, Одесское Краснознаменное пехотное училище им. Ворошилова, Ленинградское военное училище связи им. Ленсовета, 22-я и 40-я военно-авиационные школы воздушных стрелков-радистов и младших авиаспециалистов, Московская школа радиоспециалистов.¹²⁹

В первые же месяцы войны Казахстан становится кузницей по формированию воинских соединений и частей. В Уральске были сформированы и отправлены на фронт 152-я отдельная стрелковая бригада, 4-й батальон автоматчиков, строительный и автобатальон, а также отдельные спецподразделения.

Нападая на Советский Союз, гитлеровская Германия рассчитывала на возникновение трений, на столкновения между отдельными народами многонациональной страны. Только расчеты противника потерпели полный крах. На XVIII съезде ВКП(б) И. Сталин утверждал, что советское общество «представляет картину дружественного сотрудничества рабочих, крестьян, интеллигенции. На основании этой общности и развернулись такие движущие силы, как морально-политическое единство советского общества, дружба народов СССР, советский патриотизм». На долгие годы эти сталинские положения легли в основу концепции о действующих факторах победы. Как же было на самом деле?

Накануне и в годы войны не было и не могло быть морально-политического единства в сталинском понимании. Более того, некоторые полагают, что фашизм и тоталитаризм - две стороны одной медали. Тя-

желый след в жизни миллионов советских людей оставили тотальные репрессии 30-х годов. В условиях военного времени карательная политика существовавшей системы набирала новые обороты. Курс на уничтожение малых этнических групп и народностей продолжался. В Казахстане в 1937-1944 г.г. нашли вторую родину более 1 млн. 210 тыс. депортированных, а вместе с эвакуированными - 1 млн. 740 тыс. человек. По существу, в Казахстане каждый пятый человек был спецпереселенцем. Республика напоминала гигантский ГУЛАГ СССР. По данным на 01.12.46 в Казахстане находились 890.698 сосланных.¹³⁰ Была своя точка на этой карте и в Западно-Казахстанской области. Имя ей - ИТЛ № 12.¹³¹

Здесь же размещались и депортированные народы. Первыми в годы войны в 1941 году были переселены немцы, затем в край, в 1943 году будут выселены калмыки, а с 1944 года народы Советского Кавказа - чечены, ингуши, жители Крыма - татары, армяне, греки.¹³² Они будут размещены на правах спецпоселенцев, а трудоспособное население будет направлено в трудармию. (По данным на январь 1949 года министра внутренних дел СССР Круглова в «лагерной» экономике было задействовано 1.483.049 выселенцев и спецпоселенцев).¹³³ Около 700 тыс. трудящихся республики было мобилизовано в трудовые поселения. Следовательно, 26 % населения Казахстана влилось в ряды действующей и трудовой армий; у немцев при тотальной мобилизации было призвано всего 12 % населения.¹³⁴

В соответствии с распоряжением ГКО от 13.11.41, постановлением ЦК КП(б)К и СНК Казахской ССР от 14.11.41, «О формировании национальных войсковых соединений», принимается решение бюро обкома партии и облисполкома от 29.11.41 о создании комиссии по организации формирования национальных частей¹³⁵. Председателем комиссии стал председатель облисполкома Кустамбаев, в состав вошли: Есин (зав. отделом обкома партии), Испаев (секретарь по кадрам обкома партии), Бочкарев (облвоенком), Галиев (зав. отделом пропаганды и агитации обкома партии), секретарем назначался Мейбаум.¹³⁶ Труженики области сдавали на формирование национальных частей все имеющиеся материальные и финансовые средства. На 01.07.42 в нацформированиях было «... призвано 837 человек казахов, в т.ч. рядового и младшего начсостава - 815 человек, командного политического состава - 22. Все товарищи обеспечены бельем, обмундированием, обувью и другим необходимым снаряжением». (Из отчета облкомиссии по нацформированию в СНК КССР.¹³⁷ Люди, снаряжение и обмундирование отправлялись по двум адресам: в

г. Актюбинск, где формировалась 101 национальная бригада и в г. Акмолинск, в распоряжение облвоенкомата.¹³⁸

В грозном и суровом 41-м, в основном, в бой вступали старослужащие, призванные в ряды РККА еще до начала второй мировой войны. Затем пришел черед молодых казахстанских батыров. Они находились в самом пекле фронтовых баталий, активно участвуя в самых крупных сражениях, начиная с битвы под Москвой, вплоть до взятия цитадели гитлеровской Германии - г. Берлина. Стоит напомнить, что на старом городском кладбище Уральска находится неприметная могила. Все как обычно: даты рождения и смерти. Тут похоронен бывший сержант Игнатьев, чье орудие сделало первые залпы по символу гитлеровской Германии - фашистскому рейхстагу.

И все же особенно много полегло наших парней под Сталинградом и на Орловско-Курской дуге. Впрочем, география, где отметились посланцы широких ковыльных просторов, разнообразна. Посланцы Западно-Казахстанской области принесли на своих сапогах мир и свободу народам Украины, Белоруссии, Молдавии, Прибалтики, Польши, Чехии, Словакии, Германии, отдав за их независимость самое дорогое - собственные жизни. Всего за 1941-1945 г.г. было мобилизовано на фронт 76.635 человек.¹³⁹ Не вернулось с полей сражений 36.548 человек, или 46,7 % от общего количества мобилизованных на фронт. Непосредственно в боях погибло - 15695 человек, или 20,4 %, умерло в госпиталях от ран - 2803, или 3,6 %, умерло в плену - 157, или 0,2 % и пропало без вести 17.893 человека, или 23,3 %.¹⁴⁰ Среди жителей области наибольшие потери понесли казахи и русские, составляющие основные этнические группы региона. На фронт было призвано 37.678 казахов, из них погибло в боях и умерло от ран, пропало без вести и в плену - 22.105 человек. По данным на 01.01.41 в области проживало 206.546 казахов, таким образом, из них было призвано - 18,5 %, а боевые потери составили 10,7 %.¹⁴¹ Большие потери у казахов были вызваны рядом объективных обстоятельств. Ветеран войны из Восточного Казахстана З. Темиргалиулы в статье «Ақикатқа жетейік» считает, что значительная часть казахов из аулов имела слабую подготовку, не всегда имели возможность адекватно понять команды. Молодежь, в т.ч. и казахская, полагает он, была воспитана в духе фанатизма и пренебрежения опасностями. Этими факторами ветеран объясняет непропорциональные потери воинов разных наций - 6 % у русских, 8 % - у украинцев, 10 % - у белоруссов и 12 % - у казахов.¹⁴² С ним соглашается известный казахский ученый-историк Макаш Козыбаев. Указывая

при этом еще на ряд причин, вызвавших высокие потери у казахского населения в годы войны. «Высокий уровень мобилизации объясняется на наш взгляд, также его аграрным характером, отсутствием образования и квалифицированной рабочей силы, (оно было введено оборонных отраслях Казахстана лишь к концу войны). На мой взгляд, пагубное решение на массовую мобилизацию имели и депортация народов, эвакуация населения из прифронтовой полосы, ибо режим в их лице имел дармовой источник рабочей силы». ¹⁴³

Из 138.709 русских, проживавших в области на начало 1941 года, было призвано в армию 29.629 человек, или 21,3 %. Потери среди них на фронте составили 10.945 человек, что составило 7,8 % от общей численности русского населения области. ¹⁴⁴ Потери понесли все национальные группы. Погибли на фронте и в плену 2425 украинцев, или 8,7 % от общей численности в области, 602 татарина, или 6,7 %, 242 еврея, или 7 %, 110 белорусов, или 23,8 % и представители других национальностей. ¹⁴⁵

49 наших земляков были удостоены высокого звания Героя Советского Союза. Из них 14 человек являлись или уроженцами Уральска, или связали свою судьбу с жизнью нашего города. Прославленный же ас, воспитанник Уральского аэроклуба Л.И. Беда стал дважды Героем Советского Союза.

В Уральске прошли школьные годы Маншук Маметовой - первой женщины Востока, удостоенной звания Героя Советского Союза, которая пала смертью храбрых в боях за освобождение древнерусского города Невеля. ¹⁴⁶

На территории области с начала войны функционировала следующая сеть учреждений искусств: областной музыкально-драматический казахский театр, 2-й Белорусский Государственный драматический театр (прибыл в Уральск из Витебска 25.08.41), областная детская музыкальная школа и два межрайонных колхозно-совхозных театра с базами в поселках Джамбейта и Джангала. ¹⁴⁷ Вскоре к ним присоединились детский театр кукол и Карело-Финский театр оперетты. Кроме этого, в соответствии с приказом № 409 Комитета по делам искусств при СНК СССР и секции управления по делам искусств при Совнарком КазССР были организованы два хозрасчетных творческих коллективов из числа актеров, эвакуированных в г. Уральск из прифронтовой полосы. ¹⁴⁸ Интересен был репертуар творчества коллективов. В репертуаре облказдрамтеатра числилось 13 названий, а именно: «Исатай и Махамбет», «Амангельды», «Кыз-Жибек», «Айман-Шолпан», «Ертаргын», «Отан-Ушин», «Егор Булы-

чев» и т.д. На сцене белорусского театра шли представления: «Нестерка», «Примаки», «Парень из нашего города», «Русские люди». Ярким и незабываемым явлением остались в памяти уральцев выступления Карело-Финского театра оперетты, возглавляемого А.Н. Феонной. Особенно полюбились зрителям оперетты «Раскинулось море широко», «Свадьба в Малиновке», «Сильва», «Марица», «Холопка» и др.

Наряду с показом пьес и концертных номеров, коллективы театров принимали активное участие в уборке урожая, субботниках. Свой двухдневный заработок актеры решили ежемесячно перечислять в фонд обороны страны, а также поддержали обращение работников театра им. Вахтангова о перечислении средств на построение противотанковой эскадрильи «Советский артист». ¹⁴⁹ Уполномоченный Западно-Казахстанского отделения Казгосфилармонии им. Джамбула М. Горленко в докладной записке председателю облисполкома сообщил: «В 1941 дано 43 военно-шефских концертов, которыми обслужено 12.900 военнослужащих, в 1942 году 208 концертов..., которыми обслужено 31.768 военнослужащих». Концерты давались в госпиталях и для воинов частей Сталинградского фронта, проходящих через г. Уральск. Кроме того, артистами филармонии собрано и внесено на теплые вещи для Красной Армии 1860 рублей, на новогодние подарки 3700 руб..., на строительство танковой колонны 15.000 руб. Осуществлялось персональное шефство над палатой № 3 эвакогоспиталя № 2. В 1943 году 13 художественных бригад дали 379 концертных спектакля в Уральске и районах области, на которых присутствовало 73 тыс. человек.

150

Несмотря на трудности военного времени культурная жизнь в Уральске бурлила. Одни коллективы сменяли другие. А какие созвездия имен значились на афишах. 17-18 июня 1942 года в Уральске побывали народные артисты СССР О. Андровская и народный артист РСФСР В. Ершов. Ими исполнялись сцены из третьего акта пьесы «Дядя Ваня» А. Чехова, третьего акта «Рекламы» Уоткинса, читались отрывки из пьес М. Горького, В. Шекспира. В холодных, нетопленых залах взлетали ввысь и звучали бессмертные мелодии Моцарта, Баха, Шопена, Вивальди. Их исполняли музыканты из Москвы, Ленинграда, Алма-Аты, Минска и др. городов. Среди них А. Бессмертный, М. Затуловский (скрипка), Е. Зингер (пианино), И. Янус (флейта), А. Галактионова (пение) и т.д.

5.4 Уральск в 40-90-е годы

Располагая многоотраслевой промышленностью, Казахстан после войны приступил к реализации мер по переводу народного хозяйства на мирные рельсы и значительному увеличению производства гражданской продукции. Объем капитальных вложений в народное хозяйство только за один год четвертой пятилетки почти в два раза превышал затраты 1941-1945 г.г., в т.ч. по промышленности - в 1,2 раза. Резко увеличились капитальные вложения в отрасли производства предметов потребления (в 1,47 раза).¹⁵¹ Казахстан становится одной из опорных баз в восстановлении пострадавших от войны районов, куда из республики шли металл, сырьевые ресурсы, топливо, строительные материалы, промышленные товары и продовольствие, племенной скот и семена. Шла перестройка технологических процессов, наладка оборудования, капитальный ремонт машин и целых производственных узлов. Устанавливались новые формы производственных отношений между предприятиями. Многие из них переходили на новую специализацию или возвращались к прежней. Были созданы предпосылки для роста экономического потенциала Казахстана в 50-е годы, когда осуществлялись меры по укреплению материально-технической базы народного хозяйства, вовлечению в хозяйственный оборот новых ресурсов, повышению технического уровня производства.

Быстрыми темпами развивались города Караганда, Усть-Каменогорск, Актюбинск, Павлодар, на карте республики появлялись новые города. Уральск, наоборот, постепенно терял свое значение флагмана казахстанской промышленности. Сказывалась парадоксальная ситуация: экономика города, конечно, не стояла на месте, успешно восстанавливалась и даже наращивала экономический потенциал, но догнать стремительно растущие города-мегаполисы с каждым годом становилось все труднее.

На 01.01.54 в Уральске проживало 79.086 человек, в т.ч. по национальному составу: русских - 75,4 %, казахов - 12,2 %, татар - 5,3 %, украинцев - 5,1 %, прочих национальностей - 2,0 %.¹⁵²

В городе размещались 23 промышленных предприятия с общим объемом валовой продукции 258.517 руб., на которых работало 4081 человек. Крупнейшими из них считались: завод им. Землячки (615 человек), мясокомбинат (581 человек), овчинно-шубный завод (462 человека), механический завод (410 человек), арматурный завод (251 человек), фабрика «Красный Октябрь» (230 человек) и т.д.¹⁵³

Развивалась энергетика на местном топливе. Выработка электроэнер-

гии в 50-е годы достигла 2,6 млрд. кв/ч, против 0,6 в 1940 году. В Уральске функционировали 4 электростанции, мощность которых составляла 3390 квт. Наиболее мощной являлась городская электростанция Уралкоммунхоза (1456 квт.).¹⁵⁴

Социально-культурные учреждения были представлены: 9 клубами, 104 библиотеками, 1 домом культуры, 12 стационарными кино, 1 театром; 36 школами, из которых 11 являлись начальными, 6 семилетками, 13 средними и 6 вечерними, где обучалось 15.013 учащихся. Причем, с казахской формой обучения действовала лишь одна средняя школа. В 21 детском саде находилось 989 детей.

Развивалось среднее специальное и высшее образование. В педагогическом институте им. А.С. Пушкина обучался 1121 студент, а в учительском институте - 210 человек. Функционировали гидротехникум, сельскохозяйственный техникум, музыкальное училище, техникум механизации сельского хозяйства, педагогическое училище и фельдшерская школа. Всеми формами среднего специального образования было охвачено 1725 человек.

К услугам горожан было 9 больниц и диспансеров всех профилей (в т.ч. тубдиспансер и вендиспансер) на 1010 коек, один родильный дом на 150 коек, 9 детских яслей с содержанием 395 малышей, 17 фельдшерских, акушерских пунктов.¹⁵⁵

Из транспортных средств в Уральске присутствовали железнодорожный, речной, воздушный транспорт и автобусное сообщение. С 14 мая 1947 года Уральский аэропорт открыл авиарейсы по маршруту Уральск-Алма-Ата периодичностью полетов три раза в месяц. Через два года начались ежедневные рейсы самолетов в Москву.

В действующем автотранспортном парке насчитывалось 17 автобусов. 1 июля 1952 года открывается автобусное сообщение по маршрутам: Уральск-Гурьев, Уральск - Соболево, Уральск - Каратопа, Уральск - Чапаево. С 1 августа 1954 года к имеющимся маршрутам добавляются еще три: Уральск - Дарьинск, Уральск - Фурманово, Уральск - Федоровка.¹⁵⁶

Связь обеспечивали городская телефонно-телеграфная и железнодорожная конторы, которые обслуживали 1663 абонента.¹⁵⁷

В 60-е годы в Уральске продолжалось промышленное строительство, при этом, вследствие ярко выраженного сырьевого характера большинства предприятий преимущественное развитие получили отрасли обрабатывающей, легкой и пищевой промышленности, строительных материалов.

В начале 60-х годов в городе проживает уже 104.000 человек.¹⁵⁸ Крупнейшими предприятиями являлись: завод им. Ворошилова (1645 человек), мясокомбинат (811 человек), кожзавод им. Землячки (789 человек), меховой комбинат (764 человека), механический завод (459 человек), завод «Сантехдеталь» (342 человека), ремонтный завод (330 человек) и т.д. На предприятиях облместпрома трудились 1023 человека, а в системе облпромсовета - 1880 человек. Всего же в промышленности Уральска было занято 9999 человек, вырабатывался объем валовой продукции - 726.793 рубля.¹⁵⁹

Успешно развивалась электроэнергетика. Во второй половине 60-х годов производство электроэнергии увеличилось в 1,9 раза, отпуск тепла вырос в 2 раза. В Уральске стали функционировать 28 электростанций общей мощностью 11.830 квт. В строй вводится ТЭЦ, которая с апреля 1965 года начала подачу тепловой энергии в промышленные предприятия и жилые дома Уральска.

С марта 1966 года Уральская область подключается к Единой Европейской энергосистеме.

Значительно возросшие объемы капитального строительства с начала 60-х годов потребовали создания базы строительной индустрии. Основой для перехода к строительству скоростными индустриальными методами стало функционирование и развитие производства сборных железобетонных конструкций и деталей. Так, на заводе сборного железобетона работало 65 человек, выпускавших продукцию на 1.218 тыс. руб.¹⁶⁰

Среди строительных организаций выделялись: трест «Уральскпромстрой» (1112 человек), мостопоезд № 412 (408 человек), 6-й дорстройучасток (221 человек), СМУ «Уральсксантехстрой» (149 человек) и т.д.¹⁶¹

Были построены такие крупные предприятия, как домостроительный комбинат, завод железобетонных изделий. Заводы кирпичные и железобетонных изделий имелись и в Бурлинском, Зеленовском, Теректинском, Жаныбекском районах и т.д.

В начале 60-х ежегодно вводилось в эксплуатацию свыше 16 тыс. кв. м жилья, что позволило составить на 01.01.64 совокупную жилую площадь г. Уральска в 597.836 кв. м, в т.ч. коммунальный фонд - 72.425 кв. м, ведомственный фонд - 157.118 кв. м, и частный сектор - 368.293 кв. м. Таким образом, жилая площадь на одного горожанина в среднем по всем ведомствам и частному сектору составляла 5,6 кв. м.

С 1960 года начинается газификация квартир жителей города, достигшая к середине 70-х годов 93.879 единиц.¹⁶²

Улучшается транспортное обеспечение уральцев. К 1968 году аэропорт Уральска связан с более чем 30 городами республики и страны, а также с 19 населенными пунктами области. На городских линиях уже действуют 94 автобуса, а протяженность линий достигла 50 км.¹⁶³ Улучшено дорожное полотно по линии город - мясокомбинат, нефтебаза, аэропорт. Ремонтируются, мостятся и асфальтируются улицы: Дмитриевская, Плясунковская, Красноармейская, Кировская, Трудовая, Рабочая, Наримановская, Фурмановская, им. Ленина, Маметова, Некрасовская и т.д.¹⁶⁴ По водному пути от Рубежки до Гурьева перевозился хлеб, нефть, лес и другие грузы. Урал-грузеник ежегодно перевозит миллионы тонн народно-хозяйственных грузов.

Большое внимание уделяется озеленительным мероприятиям. К середине 60-х годов на улицах, в парках и скверах было высажено более 270 тыс. декоративных, фруктовых деревьев и кустарников, тем самым замкнулось зеленое кольцо вокруг Уральска. Отремонтировано арычной сети 50,6 км, отработано по благоустройству города 11.851 человекоднев и 2957 машиноднев.¹⁶⁵

В 70-80-е годы определенное нарастание индустриального потенциала Уральска продолжалось. Если в 60-70-х годах явно прослеживалась тенденция к утрате Уральском ведущих позиций в Западном Казахстане, ибо динамично развивался в этот период г. Актюбинск, формируется Мангышлакский территориально-производственный комплекс, то к середине 70-х город обретает второе дыхание. Этому способствовало несколько моментов: во-первых, открытие в 1979 году уникального Карачаганакского нефтегазоконденсатного месторождения, во-вторых, ввод в эксплуатацию новых предприятий, в большинстве своем, оборонного комплекса (приборостроительный завод «Омега», завод «Металлист», «Гидроприбор»), в-третьих, активный выход продукции предприятий Уральска на мировой рынок.

Наибольший удельный вес продукции, идущей на экспорт, приходился на первенца промышленной индустрии - арматурный завод. Коллектив завода первым в области начал работать в условиях госприемки и перешел на полный хозрасчет. Уральская запорная арматура использовалась при строительстве Московского метрополитена, Кремлевского Дворца съездов. Применялась она и при сооружении Асуанской плотины в Египте.¹⁶⁶

Уникальную и дефицитную продукцию производил Уральский солодовый завод, переселившийся в 80-е годы в новые производственные

корпуса. Лакричный экстракт из Уральска широко экспортировался в США, ФРГ, Японию, скандинавские страны, Югославию и т.д. Широкую популярность за рубежом обрели изделия, производимые на меховом комбинате, созданном на базе овчинно-шубного завода. Почти половина овчинно-шубных изделий республики вырабатывалось на этом предприятии. Элегантные меховые дамские манто, мужские пиджаки, детские шубки неизменно получали высшие оценки, в т.ч. и на международных ярмарках в Лейпциге (Германия).¹⁶⁷

Современная промышленность Уральска стала одной из основных отраслей народного хозяйства области. О темпах ее роста можно судить хотя бы по тому, что каждые 20 дней производилось продукции больше, чем в целом за 1932 год - год образования Западно-Казахстанской области.

К середине 80-х годов промышленность Уральска выпускала строительные материалы, сельскохозяйственные машины и запасные части к ним, арматуру, меховые изделия, хром, валяную обувь, мясопродукты, швейные изделия и другие товары. 56 изделиям производства промышленности присваивался Знак качества, некоторые из них поставлялись в 39 стран.

В Уральске функционировала самая большая в Казахстане валяльно-войлочная фабрика, четвертый по мощности мясокомбинат, рыбный, молочный, пищевой комбинаты, вино-водочный и пивоваренный заводы, производственное объединение хлебо-кондитерских изделий.

Ведущее место в промышленности города занимает металлообработка и сельскохозяйственное машиностроение. Наиболее крупные из заводов: механический (производит запасные части к тракторам и автомобилям и некоторые сельскохозяйственные машины), ремонтный завод (выпускает запчасти к сельхозмашинам и ремонтирует двигатели автомобилей), завод строительно-монтажного оборудования.¹⁶⁸

Говоря о развитии г. Уральска особо необходимо отметить М.Б. Иксанова, стоявшего у руля области почти 11 лет (1975-1986 г.г.). Город при нем преобразился. Реконструирован главный проспект, заново застроена улица Дзержинского (ныне - проспект Евразия), сооружены железнодорожный, автобусный и аэровокзалы. Самолетом из Уральска можно было попасть в любой город СССР. В виде защитной дамбы от затопления города при наводнениях проложена магистральная обходная дорога, возникли крупные коммунальные объекты. Но самое главное, многие уральцы просто обязаны М. Иксанову за улучшение своих жилищных

условий. За это время было построено жилых домов общей площадью 3094 тыс. кв. м или примерно 281 тыс. кв. м жилья в год.¹⁶⁹

А ведь количество населения Уральска из года в год увеличивалось. Если в 1959 году в городе проживало 98,9 тыс. человек, в 1967 году - 122,9 тыс. человек, в начале 70-х годов - 134.162 жителя, то к началу 80-х годов горожанами имели право называться более 150 тыс. человек.¹⁷⁰ Только за четыре года десятой пятилетки жилой фонд Уральска возрос на 400 тыс. кв. м, больше половины которых было газифицировано и благоустроено.

16 июля 1981 года Уральску был вручен Почетный Диплом о занесении города в Золотую Книгу Почета Казахской ССР за выдающиеся успехи в выполнении планов хозяйственного и культурного строительства в республиканском социалистическом соревновании.

Примечательно, что современное градостроительство в Уральске осуществлялось с учетом сохранения памятников архитектуры и старины. Умелое сочетание старого и нового создавали оригинальные композиции. Еще в октябре 1962 года институтом «Ленгипрогор» был составлен генеральный план развития Уральска, предусматривающий застройку города в западном направлении за рекой Чаган. Здесь к маю 1972 года обрывается поселок Зачаганск, вскоре влившийся в городскую территорию. Новый архитектурный облик городу придали разнообразие архитектурных форм и решений, использование в стройке облицовочного кирпича, ракушечника, мрамора, гранита и других ценных строительных материалов. Приземистый двухэтажный Уральск заметно подрос. В городе, словно грибы после дождя, выросли первые высотки. Застраивался северо-восток Уральска, где расположились микрорайоны «Айгуль» и «Строитель».¹⁷¹

Правда, десятки интересных памятников являются бесценным достоянием грядущих поколений: легендарный дом купца Карева (давно ставший визитной карточкой Уральска), памятник архитектуры XVIII века - Михайлово-Архангельский собор (освящен в 1751 году) - свидетель крестьянской войны под руководством Е. Пугачева, здание войскового реального училища, которое окончили руководители Западного отделения Алаш-Орды Жанша и Халел Досмухамедовы, здание Русского Торгово-Промышленного Коммерческого банка (здесь разместились резиденция Акима области), храм Христа Спасителя, здание бывшей русско-казахской школы (здесь сейчас расположен историко-краеведческий музей), здание бывшего Войскового хозяйственного правления (здесь бывал легендар-

ный поэт и народный батыр Махамбет Утемисов, работал над архивами писатель В.Г. Короленко), дом наказного атамана, особняки Ванюшиных, Овчинниковых, Стулова, Обратнева и т.д. Более того, эти памятники архитектуры, своеобразные жемчужинки Уральска, постоянно реставрируются, находятся под охраной государства, неизменно притягивают взоры горожан и наших гостей, ярко и утонченно свидетельствуя о неповторимости уральского евразийского архитектурного стиля. Многие уральцы считают, что граница между Европой и Азией проходит примерно по середине нынешнего Уральска. Именно здесь лежит незримая граница между Европой и Азией, здесь сошлись воедино две культуры, два этноса.

Уральск - город студентов. К старейшему вузу Казахстана - Уральскому педагогическому институту - добавились: с 19 июля 1963 года Западно-Казахстанский сельскохозяйственный институт (постановление ЦК КПК и СМ КазССР № 571) с факультетами механизации сельского хозяйства, ветеринарии, экономики и организации сельского хозяйства¹⁷² и с июня 1991 года Институт искусства (первоначально фигурировал как филиал Шымкентского педагогического института культуры им. Аль-Фараби).

22 июня 1992 года вышло Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан № 624 об открытии в Уральске самостоятельного Западно-Казахстанского института культуры. Первый набор студентов был осуществлен по двум специальностям: «культурно-просветительская работа со специализациями «Народные инструменты», «Организация и методика культурно-просветительской работы», а также библиотковедение и библиография.¹⁷³ Работает филиал Саратовского политехнического института. Высоким уровнем зарекомендовали себя кооперативный техникум (создан в сентябре 1957 года), строительный техникум, культпросветучилище (создано в сентябре 1980 года). С осени 1991 года в Уральске открываются первые школы-лицеи.

На основе бурного роста экономики успешно развивалось и культурное строительство. Трудно удержаться и не привести выдержку из книги о Казахстане, вышедшей в начале прошлого века: «Статистические данные за 1900 год рисуют нам положение начального образования в крае... Первое место занимает Уральская область, последнее - Семипалатинская. Одна школа в крае на 3065 человек. Наличного числа школ, как видим, весьма еще недостаточно, и мысль о всеобщем обучении в крае - пока недостижимая мечта».

К началу 90-х годов в области не было ни одного самого малого посел-

ка, в котором не действовала бы школа. Только в Уральске функционировало 35 школ, в которых обучалось 33.683 ученика.¹⁷⁴

В распоряжении тружеников города дома культуры, клубы, библиотеки, киноустановки, областной драматический театр им. А.Н. Островского. С 1964 года ведет историю местная студия телевидения.

Многих служителей муз привлекала в Уральск азиатская экзотика, соседствовавшая с цивилизованным укладом жизни. Поэт В.А. Жуковский летом 1837 года, сопровождая будущего царя Александра II в путешествии по России, писал в дневнике о своих впечатлениях от праздника, устроенного губернатором Перовским: «После обеда азиатский праздник. Киргизское кочевье... Скачка вокруг холма... Скачка на верблюдах... Музыка киргизская... Баксы или колдун киргизский; змеи, прыганье на саблю, исступление. Чай в кибитке...». ¹⁷⁵

В разные годы в Уральске побывали с гастрольями народные артисты СССР И.В. Ильинский, П. Алейников, О. Табаков, Махмуд Эсамбаев, Рина Зеленая, Тамара Чебан, Ольга Лепешинская, Н.А. Крючков, Святослав Рихтер, а известных казахских мастеров сцены Хадишу Бокееву и Ермека Серкебаева, Розу Джаманову и Алибека Днишева, Бибигуль Тулегенову и Ескендира Хасангалиева, Розу Багланову и Розу Рымбаеву встречали просто на «ура». Под сенью старинного и вечно молодого города рождались незабываемые мелодии признанных композиторов Газизы Жубановой, Е. Рахмадиева, Мансура Сагатова и т.д.

Не раз с концертами перед уральцами выступали Казахский Государственный Академический театр оперы и балета им. Абая, Казахский Государственный оркестр народных инструментов им. Курмангазы, Казахский Государственный Академический театр им. М. Ауэзова, Государственный ансамбль КазССР классического танца под руководством Булата Аюханова, молодежный ансамбль «Гульдер», казахский первенец ВИА «Досмукасан» и другие творческие коллективы. С искусством братских народов знакомили горожан Государственный Украинский музыкально-драматический театр им. Г. Петровского, художественный ансамбль Союза трудящейся молодежи Румынии, Государственная академическая капелла Белоруссии (художественный руководитель - народный артист СССР Г. Ширма), Государственный Оренбургский народный хор, ансамбль народного танца Узбекской ССР (художественный руководитель - народная артистка СССР М. Тургунбаева), Молдавский концертный ансамбль, Государственный ансамбль песни и танца Татарской АССР, Государственная академическая капелла Украинской ССР «Думка», Сара-

товский Государственный академический театр оперы и балета им. Н.Г. Чернышевского, Закарпатский музыкально-драматический театр и т.д. Многие музыканты и певцы с удовольствием отзывались о концертном зале Уральской областной филармонии, который широко распахнул двери в апреле 1972 года под сводами знаменитого дома Карева.

Уральск - город талантливых людей. Богата литературная жизнь, действуют отделения Союзов писателей и журналистов Казахстана. В Уральске побывала большая группа мастеров художественного слова: Габиден Мустафин, Хамза Есенжанов, Сагингали Сеитов, Жубан Молдагалиев, Кадыр Мырзалиев, Абдильда Тажибаев и другие. Они были гостями рабочих заводов, фабрики им. К. Цеткин, студентов пединститута. И всюду был самый заинтересованный разговор: о трудовых и культурных достижениях уральцев, о творческих планах писателей, о развитии казахской литературы. В библиотеках города прошли читательские конференции по произведениям Г. Мустафина, Х. Есенжанова и Ж. Молдагалиева.

В течение 30 лет почти ежегодно приезжал в наш край М.А. Шолохов. Здесь им написаны отдельные главы романа «Они сражались за родину», многие страницы второй книги «Поднятой целины», некоторые статьи и очерки. Особое место среди материалов, связанных с пребыванием писателя в Уральске, принадлежит очерку «По Западному Казахстану». Но, к сожалению, он остался незавершенным. Слова известного мастера пера о любви к нашей Атамекен оказались пророческими: «Очень интересуюсь культурой казахов, языком и обычаями. Казахстан стал второй моей родиной». Именно в Уральске в октябре 1965 года застали М.А. Шолохова первые телеграммы с поздравлениями по поводу присуждения писателю Нобелевской премии.

Заметным событием в культурной жизни Уральска и области стало проведение здесь в июне 1965 года недели казахской литературы. Через шесть лет уральцы чествовали поэта-мыслителя, основоположника казахской литературы Абая Кунанбаева. Это была одна из первых, но далеко не последняя встреча Абая с Уральском.

Одному гению вторит великий сын земли русской - А.С. Пушкин, который изрек: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой Бог ее дал».

В Уральск А.С. Пушкин «вернулся» сначала в июне 1974 года, когда в городе прошли дни Всесоюзного Пушкинского праздника поэзии. В празднике приняли участие литераторы О. Шестинский, А. Смольни-

ков, М. Львов, В. Кузнецов, К. Жумагалиев, А. Жамишев, А. Шамкенов из писательских организаций Москвы, Ленинграда и Алма-Аты. Продолжение последовало в сентябре 1983 года. Наш город стал местом заключительного заседания XXVII Всесоюзной Пушкинской конференции, посвященной 150-летию поездки поэта в Оренбургский край. В конференции участвовали ученые Москвы, Ленинграда, Оренбурга, Харькова, Уфы, Самарканда и т.д.¹⁷⁶

Не оставались без внимания общественности Уральска памятные даты любовно прозванного казахами акына Тарази (Тараса Шевченко), одного из основоположников белорусской литературы, писателя Змитрока Бядули (похоронен в Уральске 05.11.41), татарских поэтов - неистового Габдуллы Тукая и Героя Советского Союза, автора «Моабитской тетради» Мусы Джалиля. В ноябре 1989 года в Уральске состоялся первый вечер украинской национальной культуры. С этого же года на улицы города возвращается весенний праздник «Наурыз», быстро завоевавший сердца уральцев. Вначале городские власти присматривались и приглядывались, почему-то решив праздновать наступление весны то в мае, то в феврале, но с народными традициями и обычаями, а тем более, с матушкой-природой не поспоришь. Лишь с весны 1992 года Наурыз Мейрамы приходит к нам в положенные календарные сроки. То, что праздник весны и обновления стал поистине народным, ничего странного нет. Уральск - город многонациональный, в нем проживали к началу 90-х годов представители более 80 национальностей. Общность исторической судьбы народов Казахстана сложилась в течении веков. В разное время, разными путями переселялись в Уральск и область национальные группы. Все они были участниками и свидетелями исторических, экономических, социальных, культурных событий, которые происходили на территории Приуралья. Все они строили дороги, заводы и фабрики, города и села, школы и театры. А главное - жили дружно, уважая традиции и обычаи друг друга, вместе деля и горе и радости.¹⁷⁷

27 февраля 1990 года учреждается областное общество «Казак тили». Почин коренного населения поддержали уральские казаки, создавшие буквально через месяц казачье историко-культурное общество.

В том же 1990 году объединились в свое культурно-просветительное общество татары. 23 февраля 1991 года организуется немецкое культурно-просветительное общество «Хаймат». Не остались в стороне представители еврейской, чечено-ингушской корейской и русской диаспор.¹⁷⁸

Доброе дело рано или поздно дает хорошие всходы. Вскоре Указом

Президента Республики Казахстан Н.А. Назарбаева создается уникальное общественное объединение, аналогов которому нет нигде на постсоветском пространстве - Ассамблея народа Казахстана.

Конец 80-х - начало 90-х годов характеризуется возросшим уровнем урбанизированности основных этносов. Если уровень урбанизации казахов и русских в 1970 году различался более, чем вдвое, то в 1926 году эта разница была в 10 раз больше. Резкому сокращению разницы способствовали индустриализация республики, коллективизация сельских хозяйств, культурная революция в СССР. Русские, татары, корейцы, евреи оставались по преимуществу городскими этносами, казахи, немцы, украинцы, узбеки, азербайджанцы - сельскими.¹⁷⁹ Единственной областью в западном регионе Казахстана, где сохранился перевес сельского населения над городским, оказалась Западно-Казахстанская область. Здесь по данным переписи 1989 года городское население составляло 42,6 %.¹⁸⁰

К этому периоду урбанизованность казахов достигла 38,4 %, немцев - 49,1 %. Намечается тенденция к быстрому выравниванию в социально-экономическом развитии из-за усиления миграционных процессов в Казахстан из других республик СССР. После снятия в 1988 году ограничений на эмиграцию из СССР г. Уральск и область стали покидать немцы, евреи, поляки, греки. Рост межобластных потерь усиливается в период с 1979-1989 г.г. оттоком русского, украинского, белорусского населения.¹⁸¹ Отрицательный процесс наблюдается также у узбеков, мордвы.

Происходит перелом в демографическом развитии казахского народа. Этому способствовал ряд факторов: сравнительно высокий естественный прирост (начиная с середины 20-х годов славянское население республики распространило практику снижения рождаемости не только в городе, но и на селе), снижение эффективности миграционной экспансии, отрицательное миграционное сальдо. В результате наметилась тенденция неуклонного роста не только общей численности казахов, но и их удельного веса в составе населения области и Уральска.¹⁸² Если в 1959 году казахское и русское население в области были относительно равны по численности и удельному весу, составляя соответственно 45,9 % и 41,5 %, то в Уральске казахское население составляло лишь 8,7 %. Но уже в 1989 году данное соотношение выглядит как 55,8 % и 34,4 %, с увеличением казахского городского населения до 28,2 %. Анализ материалов всех Всесоюзных переписей позволяет выявить время наивысшего притока казахов в городе - это вторая половина 70-х и 80-е годы.¹⁸³ В основе этого процесса лежат объективные причины, а именно, усиленный рост промышленности, из-

менивший всю городскую структуру, что потребовало привлечения дополнительных рук как в производственные, так и в непроизводственные отрасли. Другая сторона этого процесса - накопившееся к этому времени избыточное аграрное население, в большинстве своем казахское, вынужденное покидать аул в поисках работы в более престижных городах.

Резко возрастает численность людей кавказских национальностей - чечен, армян, азербайджанцев, ингушей. Они большей частью заняты в промышленности и на строительстве, а также в торговле и сфере обслуживания.¹⁸⁴

Таким образом, население Уральска в 1989 году составляло 236,6 тыс. человек. Расширяется социальная база промышленности, транспорта, строительства и связи. Резко увеличивается доля непроизводственных отраслей, в особенности здравоохранения, образования, культуры, а также торговли и общественного питания. Среднемесячная зарплата рабочих и служащих в народном хозяйстве Уральска в 1988 году составила 214,8 рублей, тогда как средняя зарплата по области равнялась - 195,4 руб., а в целом по Казахстану - 214,4 руб.

Древний город на Урале в середине 80-х переживал второе рождение. Ему тесно становилось в рамках существующего генплана. Были возведены многие новые объекты. На глазах менялся силуэт Уральска, который обогатился за счет домов повышенной этажности: в девять, двенадцать и четырнадцать этажей¹⁸⁵.

Только в 1988 году за счет всех источников финансирования было возведено 132.222 кв. м жилой площади. Особенно интенсивно велась застройка по улицам Дзержинского и Гагарина, соединяющим центр Уральска с его восточной частью. К началу 1990 года средняя обеспеченность жильем в городе равнялась 15,2 кв. м. Хорошо выглядели уральцы и в разрезе оборудования государственного, общественного жилищного фонда и фонда жилищно-строительных кооперативов коммунальными услугами (на 01.01.89):

- водопроводом были обеспечены 88,9 % горожан (в среднем по республике - 91,2 %); канализация - 88,0 % (по республике - 88,0 %);
- центральное отопление - 90,8 % (по республике - 89,9 %);
- ванными (душем) - 83,6 % (-);
- газом - 88,8 % (-);
- горячим водоснабжением - 81,0 % (по республике - 70,5 %);
- напольными электрическими плитами - 6,4 % (-).

В пересчете на 1000 жителей Уральска приходилось 83 единицы автотранспорта (на 01.08.88), сравнение с областными и республиканскими параметрами - 63 и 43 соответственно - были явно в пользу уральских автомобилистов. Даже СССР оказался далеко позади - 50 единиц. Значит, пример адвоката Логашкина, кто первый промчался по Большой Михайловской (ныне проспект Достык-Дружба) в начале XX столетия на автомобиле, оказался заразительным...

Не надо думать, что Уральск в конце 80-х, начале 90-х годов был неким благодатным оазисом. Отнюдь нет. Подчинение экономики республики центральным ведомствам, недооценка проблем социально-культурной сферы, действие остаточного принципа выделения ресурсов на ее развитие вели к тому, что по ряду показателей, определяющих уровень жизни народа, Западно-Казахстанская область, как и весь Казахстан, отставала от общесоюзных показателей. Декларируемое положение о выравнивании уровня развития союзных республик в 70-е - 80-е годы не произошло.

Строительство жилья, культурно-бытовых объектов, развитие сферы обслуживания все больше отставало от нужд населения, вызывая его обоснованное недовольство. Широко разрекламированная программа «Жилье 91», считавшая своей задачей обеспечить к 1991 году квартирой или отдельным домом всех, стоящих в очереди по состоянию на 01.01.87, оказалась очередным коммунистическим блефом. Так, в Уральске 3983 семьи продолжали проживать в коммунальных квартирах. На 01.01.89 было выявлено наличие ветхого и аварийного жилья в 392.600 кв. м.

Усиливался дефицит продовольствия и качественных промышленных товаров, сократилась средняя продолжительность жизни. В справке о производстве товаров народного потребления в XII пятилетке, представленной обкомом партии, указывалось на то, что в товарообмене в 1988 году находилось 671,6 млн. рублей. (Для сравнения: в 1986 году - 596, 2 млн. руб., в 1987 г. - 621,3 млн. руб.). Причем, за счет местного производства производилось товара на сумму 123,3 млн. руб. (18,3 %), за счет завоза - на 548,3 млн. руб. или 81,7 %.

Особенно удручающая картина складывается в производстве непродовольственных товаров. Общий подъем прослеживается с 311,8 млн. руб. в 1986 году до 350,9 млн. руб. в 1988 году, но лишь за счет привозного товара, удельный вес которого составлял 324,9 млн. руб. (92,5 %), тогда как местные товаропроизводители довольствовались производством продукции на 26,1 млн. руб. (7,5 %).

С продовольственными товарами ситуация была на порядок лучше.

Из 320,7 млн. руб. на импорт приходилось 223,4 млн. руб. (69,7 %). 30,3 % товаров производилось собственными силами. Однако и здесь позиции ежегодно сдавались. В 1987 году было произведено продовольственных товаров на 296,4 млн. руб., где 31,8 % пришелся на местных товаропроизводителей. Таким образом, дефицит торгового межобластного баланса составлял 385,8 млн. руб. или 57,4 %.

Разрушение командно-административной системы, становление рыночных отношений не стали панацеей от бед, не привели к социальной справедливости, скорее наоборот. Она не только возросла, но почти до основания разрушена. Произошло обострение социальных противоречий. Экономика была разрушена. Производство не росло, а снижалось, а соответственно падала производительность труда и уровень потребления. В общем объеме промышленной продукции Уралья товары народного потребления занимали 44,7 %. С 20.02.87 ввиду аварийного состояния цехов была приостановлена работа кондитерской фабрики, с 1987 года начинается падение производства на арматурном заводе, отстает выпуск товарной продукции на опытно-экспериментальном заводе металлоизделий и т.д. На других предприятиях было не лучше.¹⁸⁶ Массовым явлением стало безразличие к труду, хищения на производстве, падение трудовой дисциплины, пьянство, преступность, развивалась «теневая экономика». В справке по результатам проверки по арматурному заводу отмечается: «анализируя работу цехов, выявлены следующие факторы, мешающие выполнению плана.

1. Одной из причин является большая текучесть кадров, неукомплектованность цехов основными рабочими. Это происходит от:
 - низкой культуры производства, от плохих условий труда.
2. Также низка трудовая дисциплина.
3. Следующим фактором, влияющим на выполнение плана, является большой процент брака. Это связано с низкой квалификацией рабочих и несоблюдением технологического процесса.
4. Имеют место нарушения финансовой дисциплины».¹⁸⁷

Исчезает уравниловка в оплате труда, но сама оплата далека от справедливой. Новые формы хозяйствования - подряд, аренда, кооперация, СП, частные предприятия, акционерные общества и прочие - создают для людей, занятых в этих формах, неоправданно высокие заработки. Большие нетрудовые состояния наживаются членами торгово-закупочных кооперативов.

С весны 1990 года на заводах оборонного комплекса Уралья «Метал-

лист», «Омега», завод им. Ворошилова начинается конверсия производства, в результате которой высвобождается огромная армия «лишних» людей. На пенсию идти рановато, на других предприятиях в их услугах необходимости не имеется (своих занять нечем), следовательно, усиливается социальная дифференциация. Доходы большинства людей становятся ниже потребительского минимума. Развитие инфляции, начавшаяся безработица лишает людей каких-либо надежд на будущее, негативно сказывается на материальном положении населения. Социальная справедливость переросла в проблему социальной защиты таких групп, как дети, пенсионеры, инвалиды, многодетные семьи.

И все же ведущие предприятия Уралья ищут выход из создавшейся экономической ситуации. Например, завод им. Ворошилова предлагал развернуть производство электромиксеров с 50.000 штук в 1990 году с последующим увеличением в два раза к 1995 году. Реализация товара должна принести заводчанам 6 млн. руб.

Мотор-компрессор ХШВ-8м (разработка Тульского оружейного завода) готовы выпускать на заводе «Металлист», начиная с 300 тыс. штук в 1992 году, прогнозируя достичь миллионного рубежа к 1995 году. Правда, для старта необходимо перепрофилирование основных производственных площадей, строительство нового корпуса.

Завод «Омега» мечтал продвинуть на рынок миксер (кофемолка) и пылесосы. Начало должно быть достаточно скромным - 5 тыс. кофемолок в 1990 году на сумму 0,125 млн. руб. и соответственно 10 тыс. пылесосов на сумму 0,5 млн. руб. - с последующим увеличением выпуска продукции: кофемолок - в 20 раз, а пылесосов - в 10 раз. Естественно, с адекватными финансовыми показателями.

На арматурном заводе спасение видели в производстве электросоковыжималок и электродвигателей, на механическом заводе - в освоении новой модели электроутюга, к которому решили добавить выпуск электровафельницы, малогабаритного электрокипятильника и т.д.

Швейная фабрика им. К. Цеткин и кожевенное объединение им. Землячки пытались налаживать контакты с зарубежными фирмами. Швейники представили проект реконструкции фабрики, где предполагали установку импортного оборудования по взаимнообмену с Японией на продукцию, позволяющую увеличить мощности с 42 млн. руб. в 1990 году до 75 млн. руб. в год. Взоры кожевников обратились в Финляндию на фирму «Джони», имевшую филиалы по пошиву обуви в Италии. Расчет строился на предоставлении им технологического оборудования, химикатов, а

также строительства из сборных металлоконструкций помещения в 3 тыс. кв. м. Взамен скандинавы получали бы прекрасную утепленную женскую и мужскую обувь, спасавшую их в суровые и морозные зимние дни...

Время показало, сбылись надежды заводчан или неумолимый закон рыночных отношений привел их к банкротству и последующей ликвидации предприятия.

* * *

Груз неразрешимых проблем и социально-экономических противоречий привел к неизбежному финалу - краху и распаду СССР. Новому независимому государству - Республика Казахстан предстояло решать эти сложные задачи. Годы созидания открывали в душе города талант творца, годы войны и невзгод испытывали эту душу огнем и мечом. Всепоглощающий Молох времени сжигал дома и улицы, отнимал у Уральска лучших людей, но появлялись новые улицы, в городском созвездии славных имен зажигались новые имена. Непокколебимой в своей жажде жить, творить, созидать остается душа города - душа народа, сумевшего вдохнуть жизнь в дикие бескрайние степи.

Литература и источники:

1. Б. Аяган. *Методологические проблемы общественно-политической жизни советского и постсоветского Казахстана.* // «Отан тарихы». - 2003. № 1. - С. 31
2. М.С. Френкин. *Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. Подготовка и проведение Октябрьского мятежа. (1917-1918 г.г.).* - Иерусалим, 1982 - С. 280.
3. Н. Суханов. *Записки о революции. Книга седьмая.* - Берлин - Петроград, 1923 - С. 59.
4. ЦГВИА - Ф.369. - Оп.21. - Д. 130 - Л. 66.
5. *Великая Октябрьская Социалистическая революция в Казахстане. Летопись событий. (27 февраля 1917 г. - 30 июня 1918 г.)* - Алма-Ата, 1967 - С. 56, 59, 60.
6. А.Г. Трегубов. *От Гугни до Толстова.* - Уральск, 2003 - С. 83
7. С. Ауский. *Казаки. Особое сословие.* - М. - СПб, 2001 - С. 315-316.
8. М.Д. Машин. *Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны.* - Саратов, 1984 - С. 4.
9. В.А. Чеботарев. *Иван Ружейников.* - Алма-Ата, 1971 - С. 27.
10. Н.И. Фокин. *Уральцы ... мои земляки.* - Кемерово. 1998 - С. 201-202.
11. Там же - С. 202.
12. В. Войнов. *К вопросу о политических позициях офицерства в 1917 году (март-октябрь).* / На примере Уральского казачьего войска. *Рукопись.*
13. *Правда* - 30 января 1918 года
14. Г. Васильев. *Председатель Уральского Совета.* // Приуралье - 4 мая 1989 - № 86.
15. Б. Аяган. *Методологические проблемы...* - С. 32.
16. *Уралец* - 21-23 марта. 1918

17. Н.А. Васецкий. Октябрь в борьбе идей. – М. 1987 - С. 32.
18. Там же - С. 33.
19. П. Пахмурный, В. Григорьев. Октябрь в Казахстане. – Алма-Ата, 1978 - С. 133.
20. М.К. Койгелдиев. Алаш козгалысы. – Алматы, 1995 - С. 214 (А. Байтурсынов. Революция и киргизы.).
21. Там же. - С. 317.
22. Там же. - С. 318.
23. Ж. Абсеметова. Имел ли большевизм социальную базу в Казахстане. // Мысль - 2002, № 3 - С. 81-86.
24. Г. Муканова. Помнить о прошлом. // Мысль - 2001, № 12 - С. 84.
25. А. Бочагов. Алаш-Орда. Краткий исторический очерк. - Алматы, 1996 - С. 201-244.
26. К. Нурпеис, Б. Аяган. Алаш-Орда и алашордынцы: долгая дорога к свободе. // Караван – 9 января 1998
27. Там же - Караван - 16 января 1998.
28. Ж. Абсеметова. Имел ли - С. 84-85.
29. А.П. Ермолин. Революция и казачество. - М., 1982 - С. 125.
30. Вестник казачьих войск - 1903, № 33 - Л. 512.
31. С. Ауский. ... - С. 316.
32. М.Ж. Абдиров. Завоевание Казахстана царской Россией. - Астана, 2000 - С. 129.
33. В. Войнов. ...
34. К. Нурпеис, Б. Аяган. ... - Караван - 16 января 1998.
35. Там же.
36. Ж. Абсеметова. - С. 84.
37. К. Есмагамбетов. Казахи в зарубежной литературе. - Алматы, 1994 - С. 153.
38. К. Нурпеис, Б. Аяган. - Караван - 16 января 1998.
39. Архив Президента РК - Ф.139. - Оп.1. - Д.2 - Л.91.
40. К. Нурпеис. Алаш: роль и место партии в общественной жизни Казахстана. // Столичное обозрение – 20 ноября 1998 - Л. 18.
41. Н.М. Хлебников, П.Е. Евлампиев, Я.А. Володихин. Легендарная Чапаевская. – М., 1970 - С. 22-29.
42. Н.И. Фокин. Уральцы ... - С. 205-207.
43. К. Нурпеис. - Там же.
44. Алаш-Орда. Сборник документов. Сост. Н. Мартыненко. - Алма-Ата, 1992 - С. 101-101об.
45. Там же - С. 101.
46. А. Козлов. Рассказывание. //Родина - 1990, № 7.
47. ЦГАРА - Ф.1299 - Оп.1 - Д.88 - Л.133об.
48. Алаш-Орда.... - С. 104.
49. П. Букаткин. Воин и труженик. //сб. статей «На Яике - городок, на Урале - город» - Уральск, 1988 - С. 27.
50. Э.И. Герсимова. Уральск. - Алма-Ата, 1969 - С. 196.
51. К. Нурпеис. Алаш: роль и место партии... - С. 19.
52. Вестник Союза Казачьих войск. - 12 июля 1917 - № 16.
53. И.И. Ульянов. Казаки и Советская республика. – М., 1920 - С. 125-126.
54. Яицкая правда - 15 марта 1919 - № 32.
55. А. Деникин. Очерки русской смуты. Т. III - Берлин, 1924 - С. 153, 180.
56. Там же - С. 182, 218.
57. М.Ж. Абдиров. Завоевание ... - С. 129-130.
58. Великая Октябрьская Социалистическая революция в Казахстане... - С. 54, 67, 78.
59. А. Масянов. Гибель Уральского казачьего войска. Очерк. - Нью-Йорк, 1963 - С. 122, 132, 133.
60. Кзыл-ту - 07 июля 1921.

61. А. Козлов. *Расказачивание*. //Родина - 1990, № 6.
62. ЦГАОР - Ф.1235 - Оп.81 - Д.2 - Л.41.
63. И.И. Ульянов. *Казачи и ...* - С. 80, 81, 90.
64. М.Д. Машин. *Оренбургское и уральское казачество в годы гражданской войны*. - Саратов, 1984. - С. 132.
65. А. Масынов. *Гибель ...* - С. 149.
66. *Казачество России. Историко-правовой аспект: документы, факты, комментарии*. - М., 1999 - С. 129.
67. Т.З. Рысбеков, З.К. Мухлисова. *История Западно-Казахстанской области*. -Уральск, 2003 - С. 143-144.
68. *Алаш-Орда. Сборник документов*. - С. 168-170.
69. *Там же* - С. 166-168.
70. *Там же* - С. 170-171.
71. *Из истории партийного строительства в Казахстане. Сборник статей и материалов*. - Алма-Ата, 1936 - С. 81.
72. *Архив Президента РК - Ф.139 - Оп.1 - Д.2 - Л.91.*
73. К. Нурпеис. *Алаш: роль и место партии...* - С. 19.
74. С. Ауский. ... - С. 316.
75. А. Масынов. ... - С. 4-64.
76. П. Альмарк. *Открытая рана*. - Стокгольм, 1977 - С. 8.
77. *Там же* - С. 11.
78. *Казахстанская правда* - 31 мая 1997.
79. *Красная книга ВЧК. Т. I*. - М., 1990 - С. 16.
80. Н. Михайлов, Н. Тепцов. *Чрезвычайщина*. //Родина - 1989, № 8 - С. 28-35, 136-137.
81. *Большевик Казахстана* - 1938, № 12.
82. ГА ЗКО - Ф.662 - Оп.1 - Д.11 - Л.3-5.
83. Ж. Абылхожин, М. Козыбаев, М. Татимов. *Новое о коллективизации в Казахстане*. // *История Казахстана: белые пятна*. - Алма-Ата, 1991 - С. 183-217.
84. Б. Викторов. *Без грифа «секретно». Записки военного прокурора*. - М., 1990 - С. 191.
85. *Там же ...* - С. 192.
86. *Азалы Кітап. Книга Скорби*. - Уральск, 2001 - С. 6, 134.
87. *Приуралье* - 28 августа 1998
88. *Азалы Кітап. Книга Скорби*. - Уральск, 2001 - С. 7, 134.
89. ГА ЗКО - Ф.850 - Оп.1 - Д.103 - Л.17.
90. ГА ЗКО - Ф.693 - Оп.1 - Д.2197 - Л.9.
91. ГА ЗКО - Ф.693 - Оп.1 - Д.2197 - Л. 8, 13.
92. *Там же* - Л.27-50.
93. ГА ЗКО - Ф.850 - Оп.9 - Д.367 - Л.2.
94. ГА ЗКО - Ф.850 - Оп.9 - Д.124 - Л.33, 112.
95. ЦГА РК - Ф.1137.- Оп.6 - Д.1294 - Л.123.
96. *Архив Президента РК*. - Ф.708. - Оп.5 - Д.995 - Л.44.
97. ГА ЗКО - Ф.850 - Оп.8 - Д.163 - Л.84, 168; Ф.37(п.а.) - Оп.11. - Д.11 - Л.35; Д.20 - Л.15; Д.698 - Л.186.
98. И. Гох. *Завод «Зенит» вчера и сегодня*. - Уральск, 1991 - С. 3.
99. *Архив Президента РК* - Ф.708 - Оп.5 - Д.1363 - Л.16.
100. ГА ЗКО - *Личный фонд П.А. Атояна*.
101. П.Р. Букаткин. *Западноказахстанцы в годы суровых испытаний (1941-1945)*- Самара, 1995 - С. 119.
102. ЦГА РК - Ф.698 - Оп.1 - Д.1079 - Л.21; Ф.1137 - Оп.6 - Д.1058 - Л.9; Ф.1479 - Оп.3 - Д.22 - Л.51-56, 80-81, 94, 96.

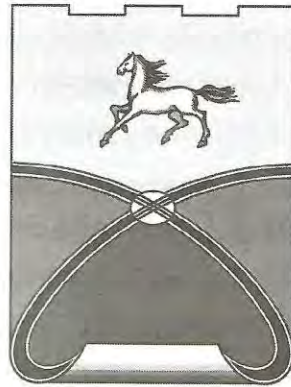

103. ГА ЗКО – Ф.781 – Оп.1 – Д.6 – Л.71; Ф.850 – Оп.1 – Д.96 – Л.95об; Д.103 – Л.17; Д.141 – Л. 1,76.
104. ГА ЗКО – Ф.660 – Оп.1 – Д.75 – Л.6-7; Ф.661 – Оп.1, Д.45, Л.53-58.
105. ГА.ЗКО - Ф.659 - Оп.1 – Д.4 - Л.187.
106. Там же – Д.5 - Л.2-6.
107. Приуральная правда - 07 октября 1942.
108. Там же - 12 июля 1941.
109. ГА ЗКО - Ф.661.- Оп.1 – Д.45 - Л.15.
110. Казахстан в период Великой Отечественной войны Советского Союза 1941-1945 гг. Т. 1 - С. 511-512.
111. Там же.
112. П.Р. Букаткин. - С. 76.
113. ЦАМО РФ. – Ф.159 - Оп.130852. - Д.7. – Л.24.
114. П.Р. Букаткин. – С. 77.
115. М.К. Козыбаев. Казахстан - арсенал фронта. - Алма-Ата, 1970 - С. 291.
116. ГА ЗКО - Ф.850 – Оп.9 – Д.200 – Л.177; Ф.4 (п.а.) - Оп.11 - Д.9 - Л.6.
117. Там же.
118. П.Р. Букаткин. Воин и труженик. – С.43.
119. И.Т. Пересыпкин. Советские связисты в Великой Отечественной войне. М., 1965 - С. 6,39.
120. П.Р. Букаткин. Западноказахстанцы в ... - С. 15,77.
121. ГА ЗКО - Ф.37 (п.а.) - Оп.10 - Д.25 - Л.240, 314; Оп.11 - Д.4 - Л.30; Д.11 - Л.100.
122. ГА ЗКО – Ф.850 – Оп.1 – Д.1173 – Л.4; Ф.907 – Оп.1 – Д.48 – Л.5.
123. ГАЗКО - Ф.850 - Оп.1 – Д.96 - Л.204-205.
124. Там же.
125. Приуральная правда - 07 марта 1942.
126. ГА ЗКО - Ф.580 - Оп.1 – Д.191 - Л.15об; Д.192 - Л.4.
127. Там же - Л.28об.
128. Там же ... - Л.67.
129. ГАЗКО – Ф.850 - Оп.1 – Д.4 - Л.61; Д.77 - Л.7, 10об, 106-108, 120-121.
130. М.К. Козыбаев. Отечественная история XX века. // Казахстанская правда – 24 мая.2000
131. Приуралье - 30 августа 1998.
132. М.Н. Сдыков. Население Западного Казахстана (1897–1989 гг.) – Алматы, 1996. - С. 173.
133. М.К. Козыбаев. Там же.
134. Там же.
135. Там же.
136. ГА ЗКО – Ф. 850 – Оп.1 – Д.74 - Л. 14, 17; Ф.34 (п.а.) - Оп.1 - Д.1397 - Л. 61.
137. Там же - Л. 70.
138. Там же - Л. 350-351, 354.
139. Книга памяти Западно-Казахстанской области. - Уральск, 1995 - С. 22-23.
140. Там же.
141. Там же - С. 25.
142. З. Темиргаулы. Ақиқатқа жетейік. // Қазақ батырлары - 2000, № 3.
143. М.К. Козыбаев. Казахстанская правда – 25 мая.2000
144. Книга памяти... - С. 25.
145. Там же.
146. Г.К. Мукатаев. Уральск и Псков - шаг в новый век. - Уральск, 2002 - С. 1-38.
147. ГАЗКО, Ф- 850, Оп-1, д-109, Лл. 38
148. Там же, Лл. 39-40.
149. Газ. «Приуральная правда», 17.09.42.
150. ГАЗКО, Ф- 976, Оп-1, д-52, Лл. 86.
151. История Казахстана с древнейших времен до наших дней (Очерк), Алматы, 1993, стр. 342.

152. ГА ЗКО – Ф. 4 (п.а.) - Оп.2 - Д.511 - Л. 1.
153. ГА ЗКО - Л. 1 об.
154. Там же.
155. ГА ЗКО - Л. 3об, 4-4об.
156. ГА ЗКО - Л. 2, 4об.
157. ГА ЗКО - Л. 7.
158. ГА ЗКО. - Ф. 4 (п.а.) - Оп.2 - Д.2001 - Л. 1.
159. ГАЗКО - Л. 1 об.
160. ГАЗКО - Л. 2.
161. Там же.
162. Там же - Л. 4об.
163. Там же - Л. 5.
164. ГА ЗКО - Ф.26 – Оп.1 - Д.440 - Л. 14.
165. ГА ЗКО – Ф.26 – Оп.1 – Д.424 - Л. 74об-75.
166. ГА ЗКО - Ф.659 - Историческая справка. - Л. 1-6
167. ГА ЗКО - Ф.661 - Историческая справка - Л. 1-6
168. Дали необъятные, былинные // Вечерний Алматы - 15 мая .2002
169. ГА ЗКО – Ф.4 (п.а.) – Оп.22 – Д.101 - Л.7-8; Ж. Акбай, С. Мендыбаев. Созидатель. //Пульс – 22 марта 1995; Ю. Баев, Г. Дырдина. Мустахим дорогу строил. // Надежда - 18 ноября 1994.
170. Народное хозяйство Уральской области. Статистический сборник. - Уральск, 1977 - С. 9.
171. Уральск - западные ворота Казахстана. - Самара, 2001 - С. 5.
172. Календарь знаменательных дат Западно-Казахстанской области. - Уральск, 2002 - С. 92.
173. ЗКГУ: история становления и развития. - Уральск, 2002 С. 154-155.
174. ГА ЗКО - Ф.420 – Оп.1 - Д.1061 - Л. 2.
175. ГА Оренбургской области – Ф.6 - Оп.10 - Д.12146 - Л. 15.
176. Н. Щербанов. Уральск литературный. // На Яике - городок... - С. 86-87.
177. А. Ягнинский. Сколько нас? Какие мы? //Пульс города - 15 мая .2003.
178. С. Александрова. В национально-культурных центрах.//Пульс – 21 ноября .2002; 05 декабря .2002; 26 декабря 2002; 30 января .2003.
179. История Казахстана....., - С. 404.
180. М.Н. Сдыков. Население.....,- С. 181.
181. История Казахстана....., - С. 405.
182. Там же - С. 404-405.
183. М.Н. Сдыков. Население....., С. 183, 187-188.
184. Там же - С. 189-190.
185. С. Варфоломеев. Ворота Казахстана. // На Яике – городок, на Урале - город. - Уральск, 1988 - С. 120-121.
186. ГА ЗКО - Ф.4 (п.а.) – Оп.30 - Д.95 - Л. 20-21, 32-33, 45-46.
187. Там же.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Изучение проблемы формирования и развития городов в Казахстане занимает все более важное место в тематике научных исследований. Связано это в первую очередь с процессом перехода исторической науки с идеологических позиций на научные основы. С наибольшей яркостью необъективность существовавших в советский период взглядов выступает в вопросе формирования городской культуры в Казахстане. Несмотря на результаты исследований историков, археологов и других ученых, однозначно утверждалось о возникновении городов в Казахстане только в XVII - XVIII веках, при этом старейшим городом считался Уральск. Эта оценка была «закреплена» в учебниках, а самое главное, в сознании людей, воспитывая однобокое и предвзятое отношение не только к истории одного, отдельно взятого города, но и в целом к городской культуре Казахстана.

В основе такого подхода лежит ряд серьезных причин. Во-первых, субъективное стремление отдельных историков внести свой «вклад» в изучение данного вопроса, при этом ограничиваясь использованием узкого круга источников, в основном из российских архивов. Применение арабских и китайских работ, являющихся основными историческими исследованиями по истории древнего и средневекового Казахстана, было недоступно для них из-за языкового барьера или из-за невозможности доступа к данной литературе. При этом слабо использовались сочинения европейских исследователей и путешественников. Поэтому исследователи истории Уральска ограничивали временные рамки образования городов, не имея возможности обращения к другим источникам.

Во-вторых, серьезное воздействие на утверждение в исторической науке такого заключения оказало господствовавшее и в дореволюционной России, и в СССР идеологическое клише о миссионерской, цивилизаторской роли русского влияния на развитие культуры в степи, и в частности - городской. При этом совершенно игнорировались очевидные и широко известные факты существования городов в периоды Великого шелкового пути и Золотой Орды. Колонизаторский дух, господствовавший долгое время и в политике и в экономике, утвердился и в исторической науке, умышленно предав забвению тысячелетнюю историю городов Южного Казахстана; расцвет городской культуры на караванных путях, пронизавших всю степь Казахстана и соединивших Европу и Азию; мощь и силу столиц золотоордынского ханства, одного из самых могущественных государств своего времени. В основе такого подхода лежит предвзятое определение кочевничества как культуры, не способной к созданию оседлой городской жизни.

Кочевая форма хозяйствования предполагает господство одного вида деятельности - кочевого скотоводства, поэтому города не играют у кочевников главной определяющей роли. Однако в эпоху расцвета кочевых империй, а такой империей являлась Золотая Орда, формирование городов было неизбежно, так как постепенно изменялся сам социально-экономический облик кочевого общества. Необходимость управления огромной территорией, развитость торговых связей, обусловленная экономической силой государства, влияние покоренных народов, имевших богатые традиции городской культуры заметно изменяли отношения, господствовавшие в кочевом обществе. Поэтому в XIII - XV веках в местах, имеющих выгодное геополитическое расположение, и на пересечении торговых и караванных путей создаются и крепнут военно-административные и торгово-ремесленные городские поселения.

При исследовании проблемы взаимодействия Степи и Города, необходимо учитывать, что уровень освещения проблем тесно связан с господствовавшими в разное время взглядами на характер эволюции человеческой цивилизации. В зависимости от понимания места и роли человека в преобразовании природы и общества менялась оценка таких вопросов, как происхождение этносов, причины расселения разных групп людей, развитие форм хозяйствования и образа жизни и т.п. Особенно ярко это проявилось в подходе к изучению кочевой цивилизации. Практически не проводилось изучение региональной истории. Слабо были развиты такие научные дисциплины как археология и этнография. Все это обу-

словило господство одностороннего и неполного понимания процесса формирования и развития городской культуры в Казахстане.

В отечественной истории Уральск занимает особое место. Это - старейший европейский город на территории Казахстана. Сейчас - это областной центр Западно-Казахстанской области, одной из самых развитых областей Казахстана.

История города вызывала и вызывает много споров и дискуссий. Это касается таких проблем как время образования города, этапы его развития, роль Уральска в общественно-политической жизни Казахстана и т.д. Можно сделать вывод, что многое в историческом прошлом города нам еще неизвестно. Связано это с тем, что серьезных научных исследований по истории города Уральска еще не было. С одной стороны, это объясняется узостью источниковой базы, представленной только русскоязычными архивными материалами. К тому же, преобладали письменные материалы, объективность которых не всегда подвергалась анализу. С другой стороны, практически не использовались методы исследования и достижения других смежных наук - археологии, этнологии, топонимики и т.д. В особенности это относится к археологии. Последние археологические открытия, совершенные в зоне города Уральска, когда было обнаружено городище датируемое XIII-XV веками, позволили ученым наконец-то подтвердить догадки о первоначальном происхождении города в средние века.

Отсутствие комплексного подхода к изучению истории города породило ряд ошибочных представлений о процессе образования Уральска. Первое. Это - ограничение срока возникновения города XVII веком. Такой вывод научно не обоснован и не опирается на достаточную доказательную базу. Объясняется это объективными причинами - отсутствием до недавнего времени у ученых, занимавшихся историей города, доказательств более раннего происхождения городской культуры. Свою роль сыграл и субъективный подход со стороны отдельных исследователей, которые проигнорировали ряд очевидных фактов и научных сообщений, касающихся истории Уральска. При этом данные авторы ограничиваются ссылкой на письменные свидетельства, репрезентативность которых вызывает серьезные сомнения.

Второе. Это - отождествление возникновения городской культуры в Западном Казахстане с образованием уральского (яицкого) казачества. На наш взгляд, это два разных процесса, возникших в хронологически разные периоды, которые стали иметь объединяющее начало только в

XVI веке. На первоначальном этапе своего формирования казаки не могли являться носителями городской (торгово-ремесленной) культуры - большая часть из них была разноплеменным, разноязычным разбойным людом. Письменные источники свидетельствуют об отсутствии вообще постоянных поселений у казаков, о неоднократной смене ими места обитания по Уралу. Оседание на одном определенном месте произошло в конце XVI - начале XVII веков и этот процесс проходил также очень сложно. Не случайно в дореволюционной историографии существовала путаница о конкретном времени возникновения Уральска.

Авторский коллектив данной работы ставил перед собой задачу освещения наиболее переломных и важных этапов в жизни Уральска. Написание полного обобщающего исследования, на наш взгляд, требует значительных дополнительных исследований, как по древней, так и по современной истории города. Необходимо привлечение специалистов ряда наук для наиболее объективного изучения истории города. В первую очередь, это касается лингвистической науки, с помощью которой необходимо исследовать особенности языка и происхождение многих названий географических и исторических мест. Более веское слово за археологической наукой, в том числе городской археологией.

Авторы считают, что отсчет начала городской культуры на Урале необходимо вести с XIII века. Именно с этого времени зафиксировано наличие городских поселений на сравнительно небольшом пространстве, на котором сейчас расположен современный Уральск. Сложные исторические события неизбежно влияли на его развитие, и город неоднократно переживал периоды расцвета и забвения. Менялся его облик, месторасположение, функциональная значимость, его разрушали и создавали в различные исторические эпохи, но он вновь и вновь возникал в ответ на потребность окружающего его мира и общества. И в этом Уральск повторял исторический путь развития многих известных городов мира.

Такое положение мы выдвигаем на основании множества исторических фактов, ставших известными только в недавнее время. Но главное мы исходим из теории и практики развития городов, имеющих свои незыблемые законы. В частности, мы исходим из того, что возникновение и существование городов не может происходить в замкнутой системе, без непосредственных и опосредованных связей с окружающим миром. Более того, окружающий мир формирует характер и специфику города, определяет его функциональную значимость, существенно влияет на численность и занятость населения, его культуру и быт. А главное - именно

окружающий мир и общество определяют, быть ли городу и каким ему быть. Поэтому мы рассматриваем вопросы истории города в тесной связи с изменениями в обществе в целом.

Такой подход позволяет нам объяснить изменения функциональных характеристик городского поселения на Урале, произошедшие за весь период существования здесь городской культуры - с XIII века до современности. В эпоху Золотой Орды это был в основном военно-административный и торгово-ремесленный город, о чем свидетельствуют раскопки городища «Жайык» на Свистун-горе. С распадом кочевых государств и острой междоусобной войной он приходит в упадок. С проникновением в степь влияния России на развалинах города возрождается поселение казаков, впоследствии вставших на царскую службу. Яицкий городок становится военным городком, его основная функция - военно-пограничная, так называемый форпост колониальной политики. А население его неизбежно должно было и стало нести военную и погранично - карательную службу. Поэтому казаки постепенно превращались в замкнутое сословие.

С середины XIX века произошли коренные перемены в экономическом, политическом и социальном развитии общества: завершилась колонизация Казахстана и новая колония стала усиленно втягиваться в общероссийскую систему координат. Произошла отмена крепостного права и сотни тысяч крестьян оказались без земли, в России стал интенсивно развиваться капиталистический рынок. Резко изменилась судьба города - Уральск стал центром впервые созданной Уральской области. С изменением статуса города возросло его значение, ускорилось его социально-экономическое и культурное развитие, и уже к концу XIX века он был занесен в список крупных городов Российской империи. Всероссийская перепись 1897 года показала, что население Уральска стало многонациональным, а основными горожанами, наряду с казаками, стали иногородние - представители крестьянского и мещанского сословий.

В советское время произошло становление Уральска как крупного промышленного города с развитой инфраструктурой. Коллективизация и индустриализация 30-х годов, воздействие Великой Отечественной войны, целина и рост агропромышленного сектора, создание оборонных предприятий и освоение Карачаганакского комплекса изменили характер города. Из провинциального захолустного города он стал современным: сформировались кадры научной и технической интеллигенции, рабочего класса, открылись школы и вузы, были построены театры и жилые дома.

В наши дни, в период развития суверенного Казахстана Уральск тоже переживает переломное время. Вместе со страной созидает новое будущее, обретает новый облик, становится притягательным для международного сотрудничества.

Таким образом, первое городское поселение на месте современного Уральска берет свое начало с XIII века.

Поэтому, исходя из результатов наших исследований по изучению исторических процессов на территории Западного Казахстана, можно установить следующую периодизацию формирования и развития городской культуры.

Первый этап – XIII – XV века, когда на Урале возникают города эпохи Золотой Орды, появление и развитие которых диктовалось потребностями образовавшейся мощной империи, бывшей в то время одним из крупных и сильных государств мира.

Существование города на месте современного Уральска подтверждается письменными и картографическими документами, но главные результаты археологических раскопок на городище Жайык. Установлено, что это был крупный административный и торгово – ремесленный город, не уступавший своими масштабами и значением известному городу того же времени – Сарайшыку, расположенному южнее по течению реки Урал. Предполагается, что он также дважды менял свое место, расположившись первоначально в районе современного Уральска. Найденные монеты на территории городища, отнесенные специалистами к монетам эпохи Узбек – хана, то есть к середине XIV века, позволяют точно датировать время существования города.

Мнение ряда ученых о возможном тождестве обнаруженного археологами города с известным по картам и свидетельствам средневекового периода городом Шакашик, имеет право на жизнь и является одной из гипотез названия найденного города, которая активно разрабатывается сейчас учеными Казахстана и России.

Город просуществовал столько, сколько существовала сильная военно – политическая власть. С распадом Золотой Орды, а затем и Ногайского ханства, нарушились торговые и административные связи, стало невозможным существование города как крупного поселения. Постоянные участившиеся нападения и грабежи, привели к тому, что беззащитные жители, большей частью простой люд – ремесленники, слуги, мастера и другие представители низших социальных групп городского населения того времени, были вынуждены покинуть этот город после бегства его

владельцев. Часть попыталась добраться до «лучших» мест, но основная масса переселилась неподалеку, основав уже небольшое поселение, или слилась с местным кочевым населением.

Обжитость и соответствие местности требованиям обеспечения защиты обусловили выбор этого места ватагами казаков, искавшими приют и место постоянного обитания на берегах Урала. С этого времени берет свое начало второй этап в истории Уральска - с XVI века, когда возникает небольшое военное поселение, ставшее к середине XIX века одним из крупных городов на Урале.

Развитие и становление города на этом этапе связано с Яицким, Уральским казачеством, которое само формировалось и развивалось вместе с Яицким городком. Историографический анализ показал насколько «пострадала» история Уральска от одностороннего, порой необъективного освещения. И связано это в большой степени с идеологизированным подходом к истории Уральского казачьего войска, особенно в советский период. Тема казачества требует специального отдельного серьезного научного исследования. Слабое знание отдельных страниц Уральского казачества порождает неверное толкование многих исторических событий, ведет к мифологизации в освещении отдельных моментов в ее истории. Поэтому в нашем издании уделено значительное место и внимание истории Уральска этих лет.

Второй этап в истории города занимает период до середины XIX века. В соответствии с реформами 1868-1869 годов образуется Уральская область, а сам город впервые становится центром самостоятельной области, как общей административно-территориальной единицы, объединившей земли, населенные казаками, и войсковую территорию казаков в состав одной области. Это - третий этап в истории Уральска, временные рамки которого начинаются с 1868 года, года образования Уральской губернии, и до 1917 года, когда в результате Февральской, а затем и Октябрьской революций, происходит падение Российской империи.

Город становится центром огромной по территории губернии, в которую входили современные Западно-Казахстанская, Атырауская, и частично Мангышлакская и Актюбинская области. Именно в этот период Уральск становится городом – с мощными улицами, добротными, красивыми каменными домами, с развитой торговой сетью, с промышленно – транспортной инфраструктурой, со множеством заведений культуры, образования, медицины и т.д. Основной причиной роста города стало автиное развитие экономических связей Уральска - включение его, с

одной стороны, в общероссийский рынок, а с , другой, складывание единой областной экономики между Степью и Городом. Именно торговля стала основой процветания и благоустройства Уральска, самостоятельный бюджет которого теперь стал пополняться через эти источники доходов. Если в середине XIX века все налоги, поступавшие в казну области со степных уездов составляли около трети от общей суммы, то к 1914 году они равнялись 60 %.

Изменилось и население Уральска. За этот период оно выросло в 4 раза и город стал самым крупным по численности населения городом Казахстана. Изменилась и этносоциальная структура населения - большинство теперь составили иногородние: крестьяне, мещане, инородцы, а казаками была теперь только треть городского населения.

После падения самодержавия, а затем и Временного правительства, с установлением Советской власти **начинается четвертый, советский, этап в жизни Уральска.**

Трагедия гражданской войны, голод 1921-1922 годов, коллективизация 30-х годов привели к многочисленным жертвам и потерям. Город стал другим. Новый облик – облик трудового рабочего города закрепился в годы Великой Отечественной войны и в последующие тяжелые годы восстановления послевоенной экономики. В 50-60 годы целинная эпопея привела к росту агропромышленного сектора, к началу формирования многоэтажного Уральска. Строительство оборонных заводов, освоение природных богатств, приток новых жителей и бурный демографический рост 70 – 80 годов резко изменили областной центр. Уральск стал бурно развиваться, стал современным по благоустройству, уровню и комфорту жизни. Возникли новые микрорайоны, удобные автомагистрали и т.д.

Однако накопившиеся проблемы в общественно-политическом и социально-экономическом развитии СССР отразились и на развитии экономики и социальной сферы города. С развалом Советского Союза начался **новый, современный, пятый этап в истории Уральска**, который берет свое начало с 1991 года, с момента образования независимого суверенного государства - Республики Казахстан.

Предложенная периодизация охватывает крупные этапы в истории города, в рамках которой возможно выделение определенных периодов.

И даже эта периодизация в скором времени может претерпеть изменения. Так, некоторые ученые, опираясь на арабские и китайские источники, в частности на ибн Фадлана, высказывают предположение, что

первый город здесь возник еще раньше – в IX – X веках. И это вполне вероятно и возможно, так как известен степной маршрут Великого шелкового пути, который пересекал реку Урал и никак не мог обойтись без пунктов ремесла и торговли, без баз отдыха и обмена, без центров управления. Но это дело будущих исследований, которые продолжаются и вскоре дадут новые результаты и открытия.

Поэтому данное издание – это коллективная работа, основанная на известных на данный момент достижениях истории, археологии и ряда других научных дисциплин. Авторы высказывают свое мнение по ряду актуальных вопросов истории города, опираясь на широкий круг источников и на результаты собственных исследований. На наш взгляд, это – продолжение тех научных изысканий, которые были проведены предшественниками, и вместе с тем, начало нового этапа в изучении истории Уральска.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	9
1. ГЛАВА ПЕРВАЯ	
ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ УРАЛЬСКА И ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА.....	21
2. ГЛАВА ВТОРАЯ.	
СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ГОРОД НА УРАЛЕ	71
2.1. Историческая география Западного Казахстана.....	71
2.2. Степное Приуралье в древности	74
2.3. Западный Казахстан в средние века (VI-XV вв.). Взаимодействие кочевой и оседлой культуры	85
2.4. Городище «Жайык» – средневековый Уральск.....	97
2.5. Городище «Жайык» в свете археологических и исторических источников	109
3. ГЛАВА ТРЕТЬЯ	
ГОРОДОК НА ЯИКЕ.....	123
3.1. На границе леса и степи.....	123
3.2. Кочевники и казаки	151
3.3. Жизнь провинциального города.....	167
4. ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	
УРАЛЬСК – ОБЛАСТНОЙ ЦЕНТР: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО ОБЛИКА ГОРОДА.....	179
4.1. Развитие Уральска в конце XIX – начале XX веков.	179
4.2. Этнодемографические процессы в Западном Казахстане и Уральске: их взаимосвязь и обусловленность.....	224
5. ГЛАВА ПЯТАЯ	
УРАЛЬСК В ОБЪЯТИЯХ XX СТОЛЕТИЯ.....	251
5.1. Исторический перелом	251
5.2. Уральск в 30-е годы. Политические репрессии.	288

5.3. Уралск в годы Великой Отечественной войны.....	292
5.4. Уралск в 40 – 80-е годы.....	305
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	325

УРАЛЬСК:
ДРЕВНИЙ И СОВРЕМЕННЫЙ

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ

Использованы фотографии

*Сдыкова М.Н.,
Марыксина Д.В.,
Халелова Р.Е.*

ТИПОГРАФИЯ
ПОЛИ
ГРАФ
СЕРВИС

Отпечатано в типографии ТОО "Полиграфсервис"
г. Уральск, ул. Л. Толстого, 27/6
Телефон 8 (711 2) 51 41 99, 50 51 46

COL Albat mons in quo Regum Tactaria sepulchra sunt.

Sub Circo Arctico

Cayona

Annibi

Annibi lacus

TANG ex hoc regno barbarum proos defecit

Camul

In deserto Lop et B somines miers et arabico scilicet Fuson. cedundus

Cave desertum per quod in Charbarum eunt ad cedunt Tactari.

Desertum L.

KARAKIT edest nigra baya

Peim

Ceriam

Carcham

INTUL

SARAN

Calba. Colan.

Pair.

Samaccha. Quenim. Hodeu. Cica.

Peim. Hoem. Tercom.

Tailor

La

CARTE DE TARTARIE

Dressée sur les Relations
de divers auteurs de différentes Nations
et sur quelques Observations
faites par le
Sieur Guillaume del Isle
à l'Académie Royale des Sciences

A AMSTERDAM

chez PIERRE L. MORTIER

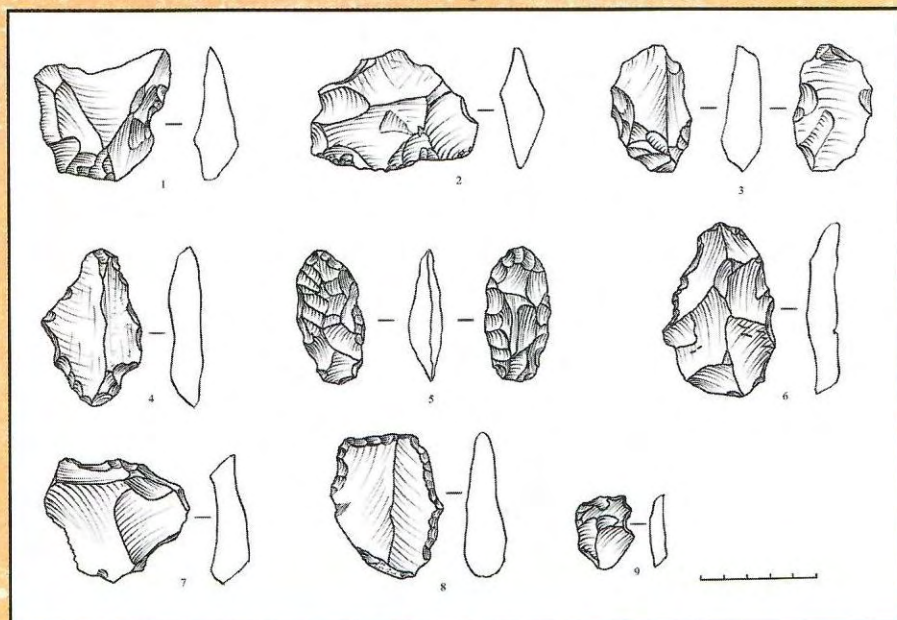

Памятник М. Шолохову (слева вверху)
Памятник Ж. Молдагалиеву (справа вверху)
Памятник Г. Тукаю (слева)
Памятник В. И. Чапаеву (справа)

Поздний палеолит

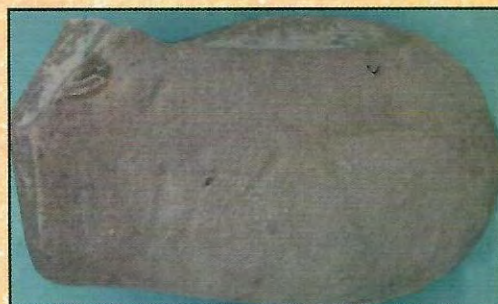
Стоянка – мастерская Ешкитау.

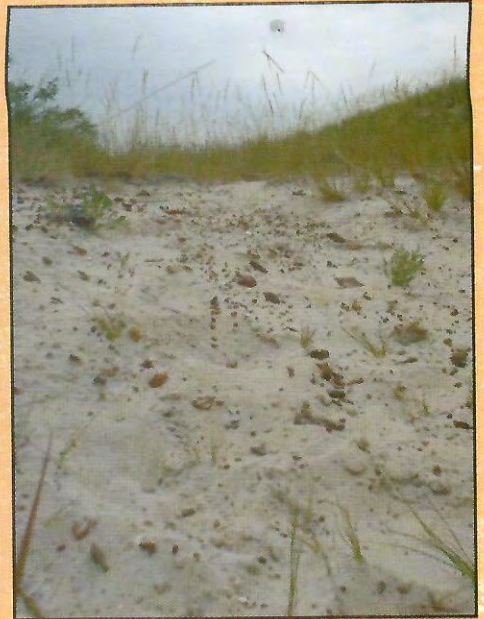
- 1 – выемчатое орудие
- 2, 7 – скребла
- 3, 4, 6, 8, 9 – зубчатые орудия
- 5 – наконечник дротика.

Отбойники.

Начальная стадия изготовления нуклеуса.

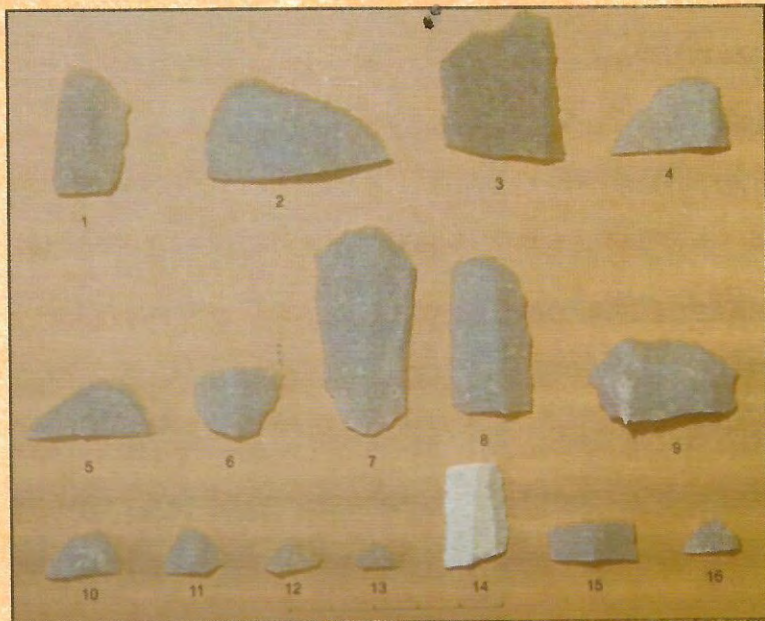
Мезолит

Развеянные стоянки.
Новая Казанка (слева сверху).
Скопление каменных
артефактов и остатков морской
фауны. Местонахождение Танас
(справа сверху).

Орудия на отщепках.

Микролитические орудия.

Бронзовый век.
Курганный комплекс
Илекшар.
XVI-XV вв. до н.э.

Бронзовые булавки.

Бронзовая очковидная
подвеска.

Медная бляха.

**Ранний железный век.
Курганный комплекс
Кырык-Оба.
VI-V вв. до н.э.**

Главный курган.

Пронизки с псалиями (слева).
Псалии (справа).

Пронизки (слева).
Псалия (справа).

Бронзовая уздечная бляха
(слева).
Бронзовый котел (справа).

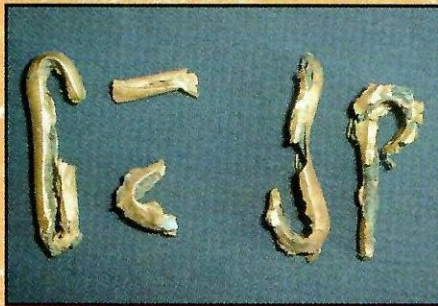
Фрагмент псалий (слева).
Псалии (справа).

**Ранний железный век.
Курганный комплекс
Кырык-Оба.
VI-V вв. до н.э.**

Золотые бусы.

**Бронзовое изделие, обернутое
золотой фольгой.**

Золотые нашивки.

**Золотые височные подвески
(слева).
Золотые украшения: нашивные
бляшки, гривны (справа).**

**Курганный комплекс
Сегизсай (Лебедевка).
IV-V вв. до н.э.
«Золотая женщина».**

Золотые бусы (вверху).
Антропологическая
скульптурная реконструкция
женщины (слева).
Золотые нашивки одежды
(справа).

Золотые украшения: нашивки,
серьги, кольца.

Золотые височные украшения
(слева).

**Курганный комплекс
Сегизсай (Лебедевка).
IV-V вв. до н.э.
«Золотая женщина».**

Золотые височные подвески.

Золотые серьги.

Золотые нашивки одежды.

**Курганный комплекс
Сегизсай (Лебедевка).
IV-V вв. до н.э.
«Золотая женщина».**

Раскоп кургана.

Два сосуда из финикийского
стекла.

Хрустальные бусы (слева)
Бронзовое зеркало (справа).

Курганный комплекс
Сегизсай (Лебедевка).
IV-V вв. до н.э.

Навершие в форме фигурки
кабана, сделанное из кости.

Бронзовый кувшин.

Серебряные бляхи.

Серебряный ритон. Курганный комплекс Таксай. V в. до н.э.

Серебряные фалары. Курганный комплекс Володарка. IV в. до н.э.

Бронзовый котел. Курганный комплекс Сегизсай (Лебедевка). III-II в. до н.э.

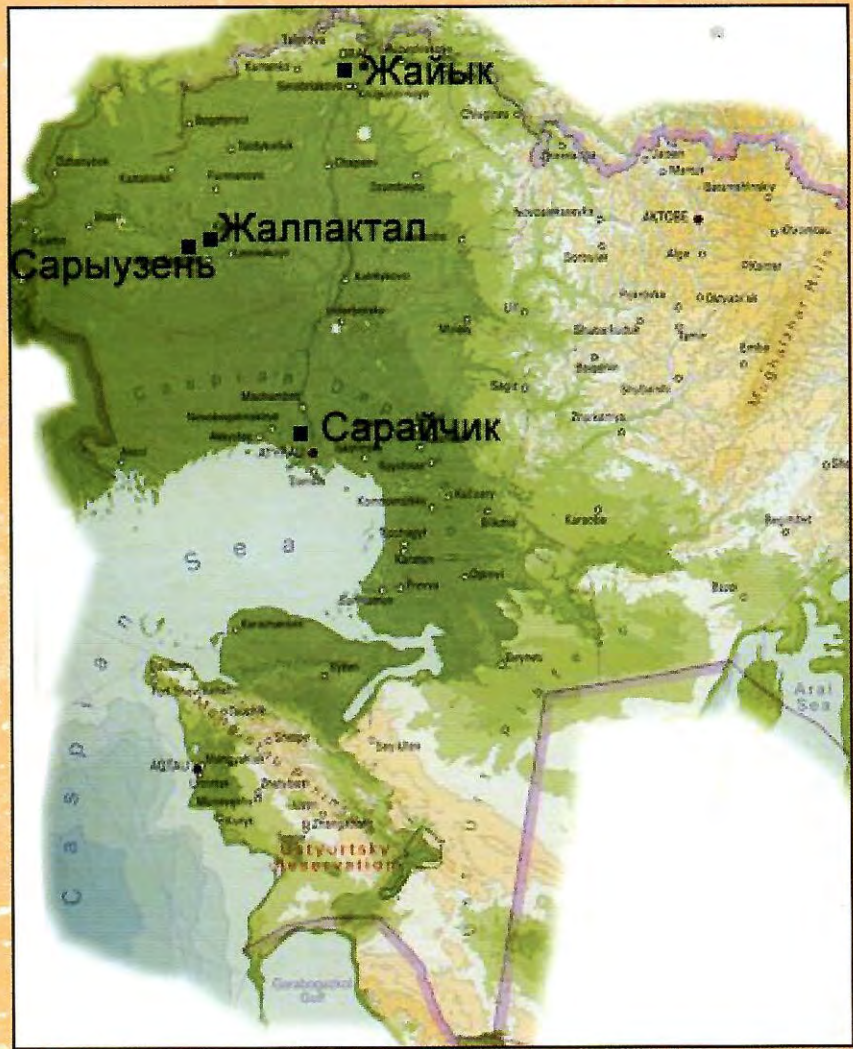
Серебряная антропоморфная бляха. Курганный комплекс Шалкар. VI-VIII в. до н.э. (слева).
Золотой перстень (справа). V в. до н.э.

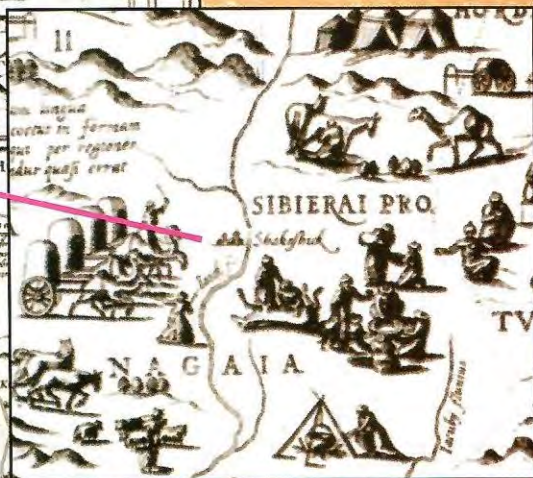
Западно-Казахстанская
археологическая
экспедиция
2001-2012 гг. (слева).
Археологический отряд
центра истории и
археологии на Сегизсае
в 2003 году (вверху).

Средневековые города на Урале. Открыты в 2001-2006 годах (слева).
 Западный Казахстан в период Золотой Орды (внизу).

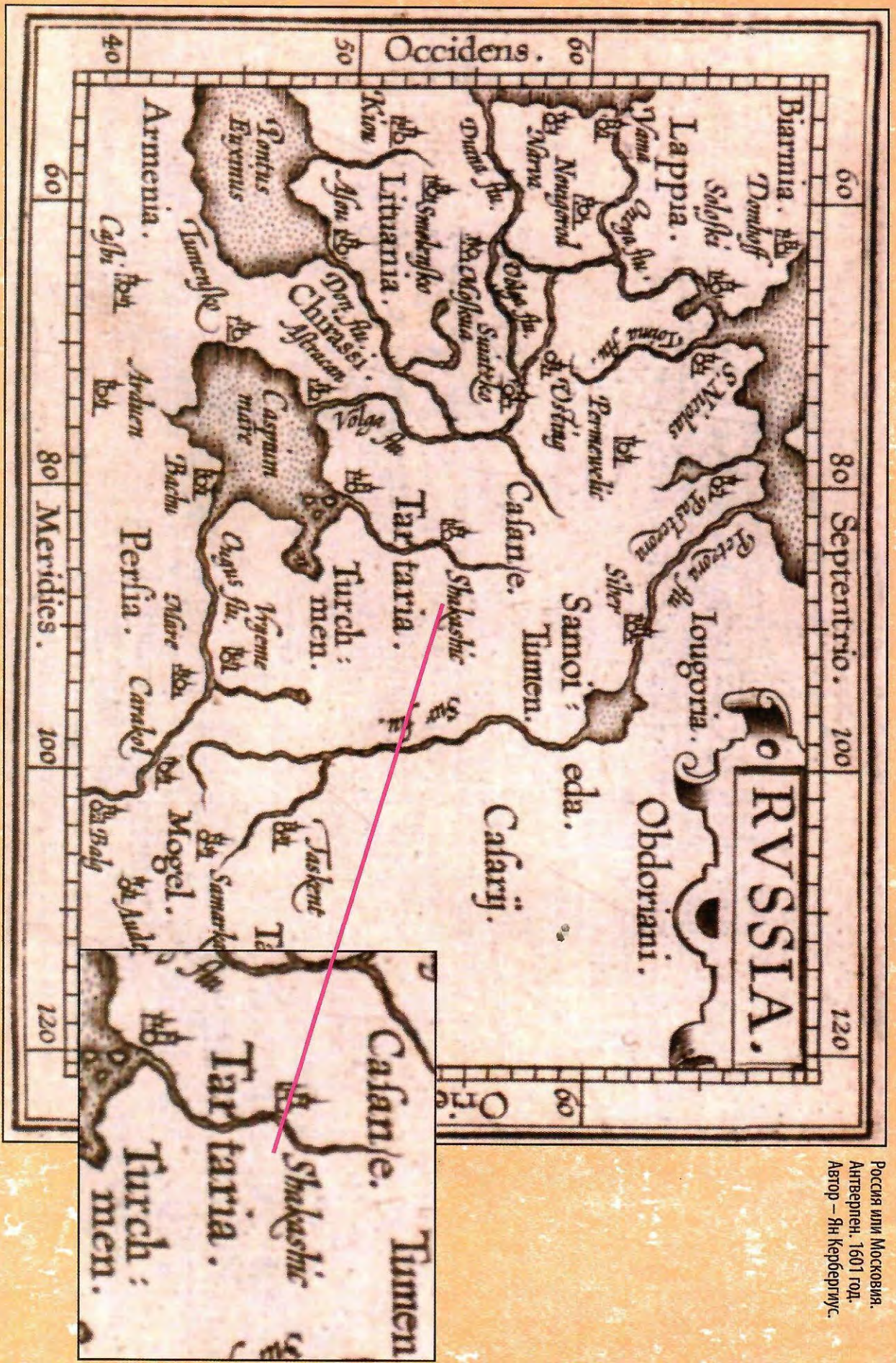

Отчетная карта России. Новое описание северных регионов, а именно Московии, и Русских, Тартаров, а равно и Орд, соседствующих с ними, из путевых заметок Антония Дженкинсона и Сигизмунда, благородного барона Герберштейна. 1560-е годы.

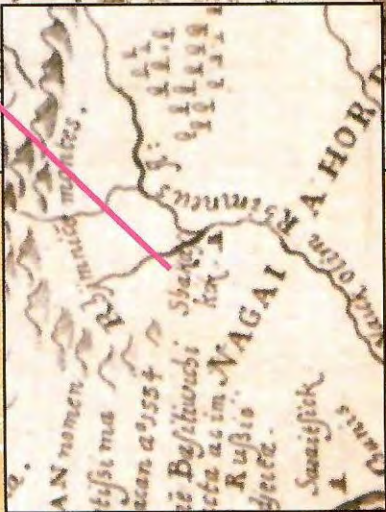
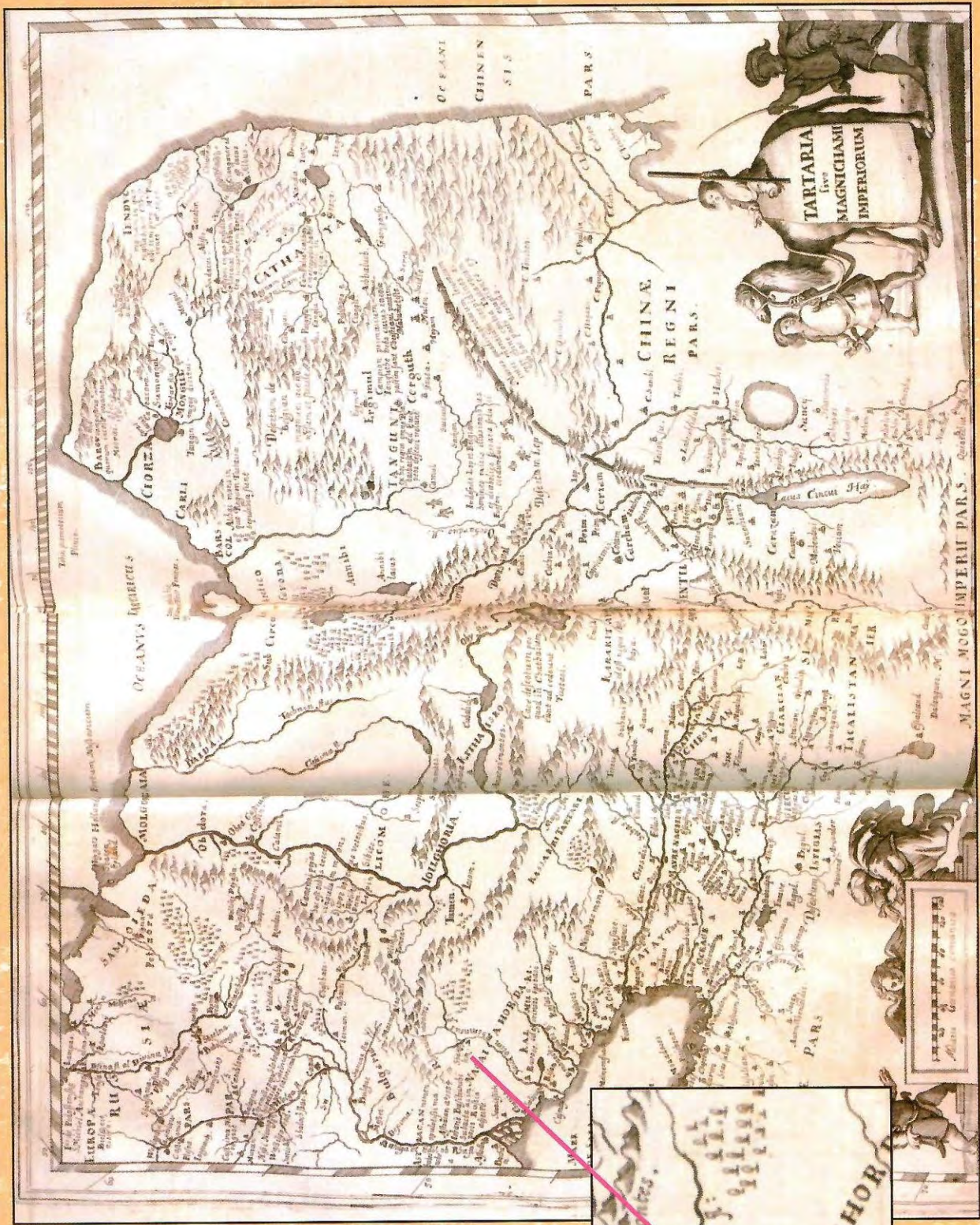
Карта России, Московии и Тартарии Антония Дженкинсона. Лондон. 1562 год. (Из испанского издания атласа Абрахама Ортелия «Theatrum Orbis Terrarum». Антверпен. 1588-1612 гг.)

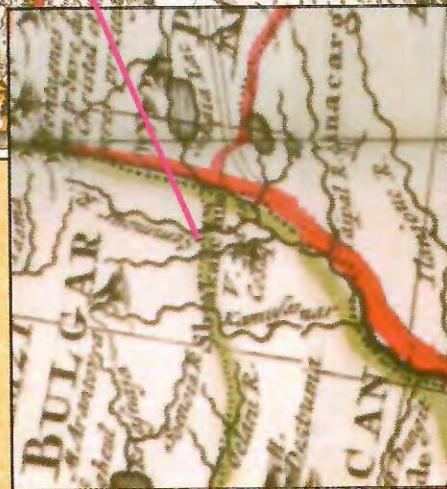

Россия или Московия.
 Автор — Ян Кепберт.
 Антверпен, 1601 год.

Тартария или империя
 Великого Хама (Хана).
 Из Атласа мира. Амстердам.
 1635 год.

Тартария или империя
Великого Хама (Хана).
Г. Делиль.
Издательство Питера Мортге.
Амстердам. 1700-1703 г.

Городище «Жайык».
XIII-XV вв.

Космоснимок городища
«Жайык».

51°06'12.84" С 51°19'12.81" В высота рельефа 24 м 24 Апр 2004 Высота камеры

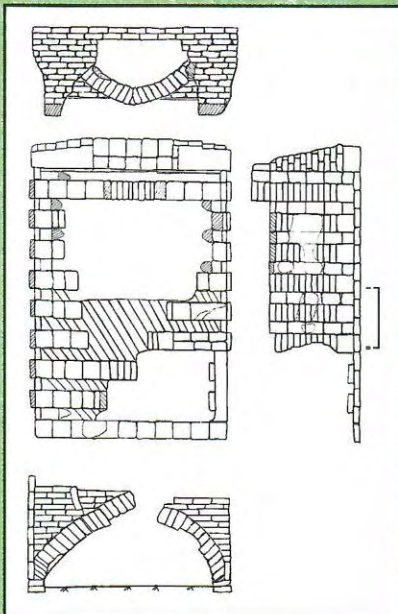
Первая кирпичеобжигательная печь.

Кирпичеобжигательная печь
городища «Жалпактал».

Схема кирпичеобжигательной
печи.

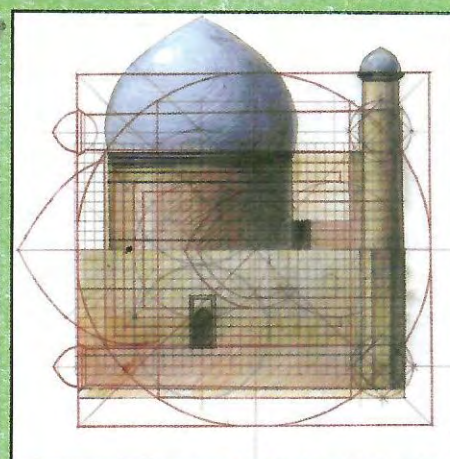
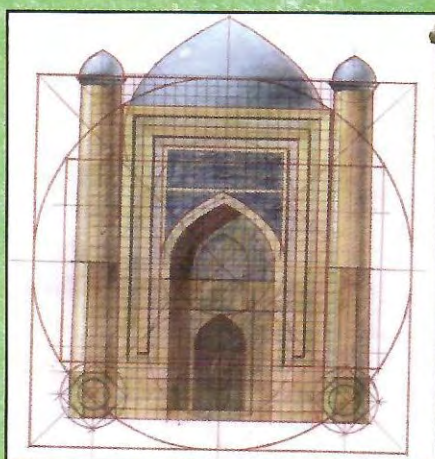
Вторая кирпичеобжигательная
печь.

Большой мавзолей.

Реконструкция первоначального вида большого мавзолея.

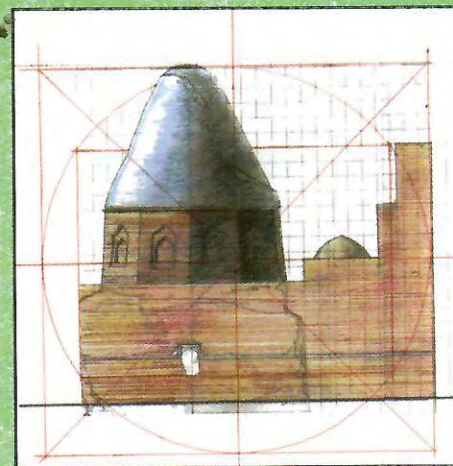
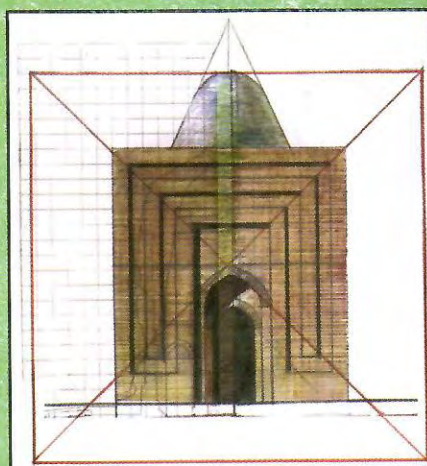
Керамика и изразцы большого мавзолея.

Малый мавзолей.

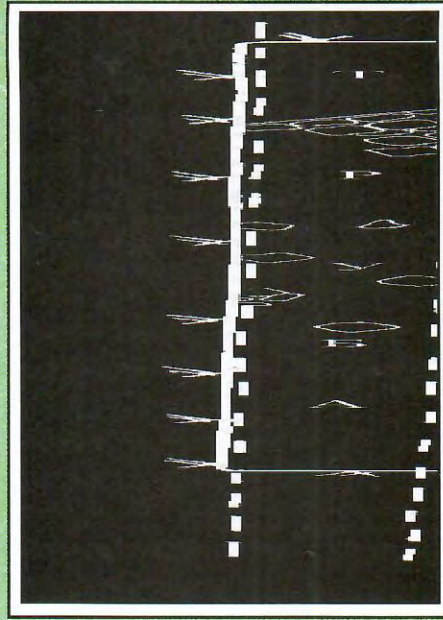

Реконструкция первоначального вида малого мавзолея.

Баня-хаммам.

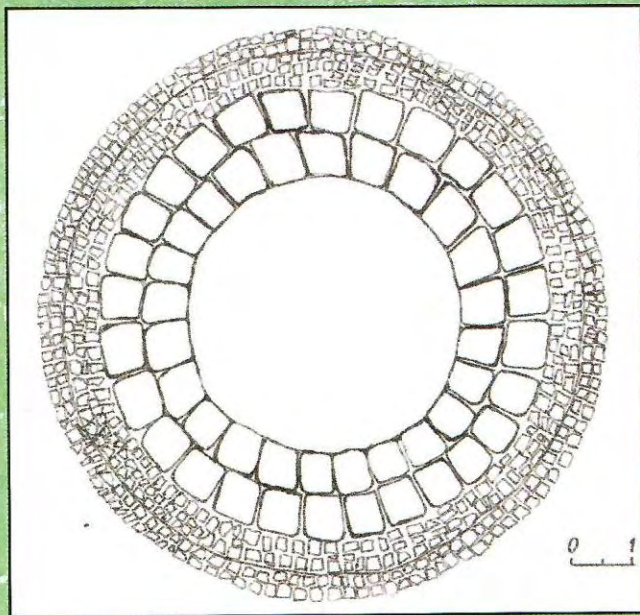
Канализационные трубы бани
(слева).
Чигири (справа).

Кувшин.

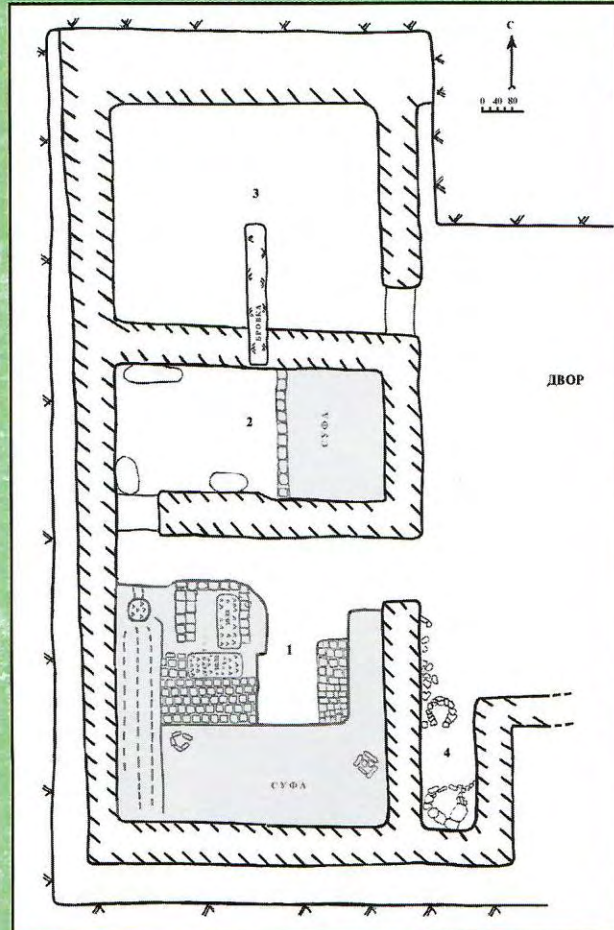
Башня.

Малая жилая усадьба.

Большая жилая усадьба.

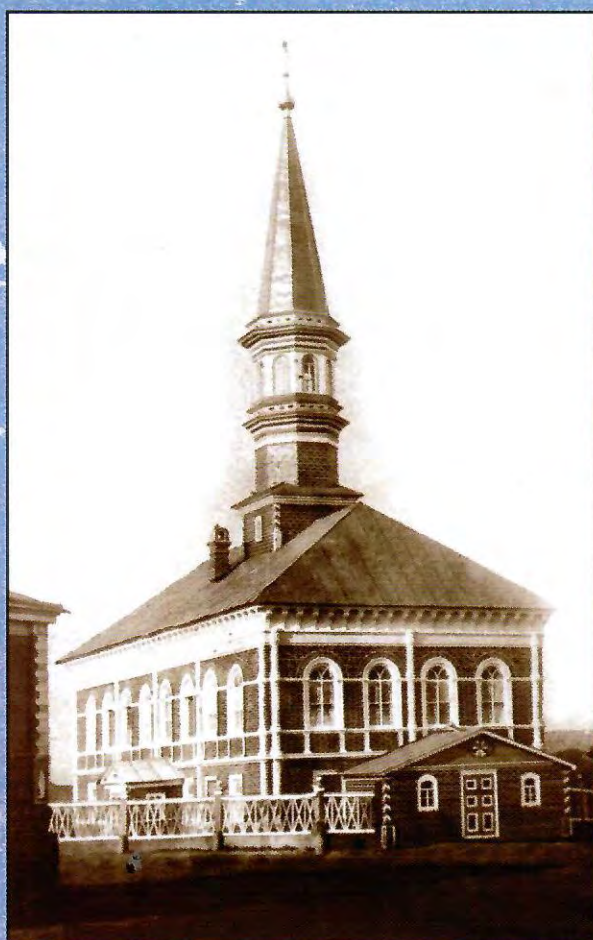
Монеты Золотой Орды.

Уральск XVIII-XIX веков.

Уральск: старый и новый

Уральск второй половины XIX века.

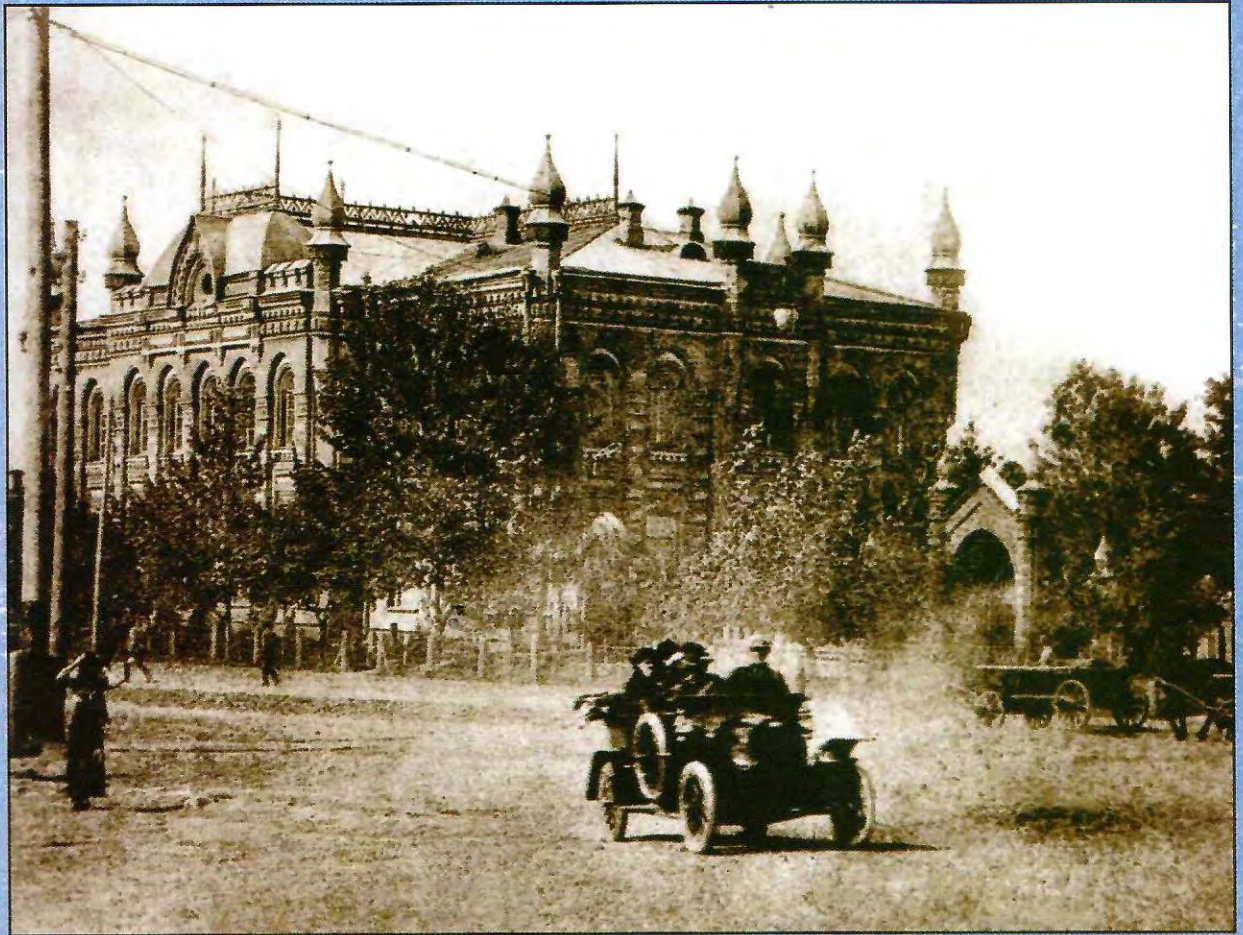
Уральск: старый и новый

Уральск: старый и новый

Уральск: старый и новый

Уральск: старый и новый

